

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

18+

ПРОКСИД ЗОРН

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1

2017

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

**ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ**

**ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

**ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2017 — 1(46)**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Апология христианской этики как отсрочение явления молоха глобализма (Quo vadis, domini?).....	3
К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	
Алексей Яшин. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.....	19
У НАС В ГОСТЯХ БЕЛОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОЮЗ «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ»	
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА БЕЛОРУССИИ	
Василий Миронов. Дед.....	61
Виктория Александрова. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно...».....	67
Леонид Пулькин. Простая история.....	70
Леонид Волков. Бесславно погребенные (выручайте, милые!).....	76
Нина Высокова-Мордвинцева. Любовь моряка Ода.....	79
Николай Василевский. Сказки для взрослых.....	81
Татьяна Бурдыко. Речица — город, в котором я живу.....	83
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ БЕЛОРУССИИ	
Владимир Шаронов. Сонеты.....	85
Татьяна Фурсова. Причащаюсь любовью.....	88
Леонид Волков. Ветераны.....	91
Олег Зайцев. «Я полночи люблюсь полотном...».....	95
Наталья Литвинова. «А мне плевать на роскошь городскую...».....	102
Петр Магер. Корабли.....	105
Марго Волкова. Настоящие письма.....	109
Иван Дацкевич. Возвращаются аисты.....	112
Михаил Баранчик. Неманский цикл.....	114
Сергей Мороз. Новые стихотворения.....	118
Татьяна Дорожко. «Это даже страшно — быть пророком...».....	120
Вадим Борисов. Лету вослед.....	123
Юрий Мацук. Твое молчание.....	126
Татьяна Доронина. Потомку.....	129
Дмитрий Юртаев. «Я не желаю ничего взамен...».....	130
МНОГОЦВЕТЬЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ	
Богдан Лема. Добродушные бобры.....	132
Нина Енбулаева. Сирота.....	135
Ирина Денисова. Письма — это книга для одного человека.....	137
Василий Мельников. Переводы.....	142
Александр Морозов. Переводы с украинского.....	146
Олег Зайцев. О лебеде, раке и щуке белорусской литературы.....	150
Юрий Клеванец. О литературном творчестве кибернетика Геннадия Римского. Хождение по кругу.....	154

Наталья Советная. «Я не прошу у божества чудес...»	162
МАЛ ЗОЛОТНИК ДА ДОРОГ (ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН)	
Валерий Кулешов. <i>Personalia</i>	169
Вячеслав Лютый. В складках земли	177
Лидия Савельева. Сказки родом из детства	185
Леонид Иванов. Лесные гости	187
Кира Крестьянкина. Мама на Новый год	191
Рудольф Артамонов. Моя жизнь и время. Эго — история	197
Вячеслав Михайлов. Алкаш	203
Людмила Сенина. «Мне дано такое счастье»	206
Галина Ульшина. Авиационное	210
Геннадью Миру (Мирошниченко): Стихи Олега Пантюхина и Татьяны Леоновой	211
Евгений Трещев. Утихла первая метель	214
Актуальное интервью с В. В. Жириновским	217
Яков Шафран. К 80-летию Валерия Ходулина	221
Ей дано такое счастье (творческий вечер Людмилы Сениной)	227
Марк Бенарон. Что такое «гаммеризм»?	229
Валентин Огнев. Князь и крестьянка	233
Валерий Маслов. Иван Буниң и Тульский Край	241
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	244

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru, (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
 Правления Союза писателей России
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) —
 председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Подольск) — зав. отделом
 международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) —
 зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Владимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом
 критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — президент
 Академии российской литературы

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— Литературное агентство «Московский Парнас»
 — журнал «Голос эпохи» (Москва)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная»
 (Минск, Белоруссия)
 — газета «Российский писатель»
 — «Общеписательская литературная газета»
 (Москва)
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тульская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:
<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).
 См. также на сайте «Русское поле»:
<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте
 «Мегалит: евразийский журнальный портал»:
<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах:
<http://www.pz.tula.ru/pz/Bgr.html>,
<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и
<http://priokskie.ruspole.info>

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ КАК ОТСРОЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ МОЛОХА ГЛОБАЛИЗМА (QUO VADIS, DOMINI?)

*Делая зло другим, мы наносим
вред себе в бесконечности
своего существования.*

К.Э. Циолковский

*...Кто же скажет брату своему
«рака» <пустой человек>, подлежит
синедрону; а кто скажет «безумный»,
подлежит геенне огненной.*

Матф., 5:22

◆ Начался год столетия Великой Октябрьской социалистической революции — знаменательная и сакральная дата. Как Великая Французская революция 1789 года де-юре знаменовала рождение и закрепление новой общественно-экономической формации капитализма, так через 128 лет Великий Октябрь открыл следующую формацию — социализм. Первым делом возникает неаргументированный вопрос: почему капитализм англо-голландского образца еще XVII века намертво вцепился в Европу, а затем и в весь земной мир, и не отпускает своих когтей до сих пор, а вот социализм, опять же де-юре, просуществовала всего семьдесят лет?

Ответить можно однозначно только сейчас, когда после «предварительной арт-подготовки» последней четверти века, начиная с девяностых годов, мировой глобализм (термин устоялся, хотя и попахивает тавтологией...) объявил себя реальностью, в которой капитализм-империализм перешел в высшую и завершающую стадию глобализации под управлением Тайного (пока!) мирового правительства. От этой реальности никуда не денешься, ибо действует непреложный исторический, он же социально-экономический и геополитический, закон преемственности в движении эволюции социумной организации человечества. По разным оценкам длительность периода глобализации, условно отсчитываемого от недавно состоявшегося «миллениума», как падкие, аки осы на чужой мед, отечественные СМИ обезьяннически назвали по-американски наступление 2000-го года от Р. Х., составит от восьмидесяти до двухсот лет. Окончание же глобализации явит нам, вернее — нашим далеким потомкам, новое биогеохимическое состояние планеты — полный переход ее биосферы в ноосферу — по В. И. Вернадскому и его ученикам: П. Тейяру де Шардену и Э. Леруа.

Лицо этого нового коллективного мира нам не то что не понравилось, но внушило бы ужас: люди все сплошь безликие винтики, подобия привычного нам человека, перемолотого молохом глобализации. С другой стороны, в этом мире будет господствовать полное социальное равенство, а инстинкт частнособственничества, уже сейчас являющийся биологическим атавизмом, артефактом уходящей эпохи (происхождение определено Ф. Энгельсом в знаменитой его работе...), будет напрочь отринут. Как в бытность СССР и соцлагеря.

...История — смеяться и плакать: о таком ли варианте социализма-коммунизма восторженно говорили утописты, европейские умы великого восемнадцатого века философии, Маркс и Энгельс и их последователи почти вплоть до «миллениума»... извините за прилипший к языку американизм. О таком ли ноосферном коммунизме писал Вернадский, полагая, что ноосфера есть биосфера Земли, измененная научной мыслью и организованным трудом и преобразованная для удовлетворения всех потребностей численно растущего человечества? И он же в своей «Биосфере и ноосфере»: *«Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой»* (выд. В. И. Вернадским.— Авт.). *Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету»*.

Эк хватанул наш уважаемый Владимир Иванович! Поколение его внучки полегло на полях сражений Великой Отечественной; какая уж тут ноосфера?..

Реальный же человек вовсе не «светлог» — это в нашем, сегодняшнем восприятии — будущего доминанты ноосферы (см. выше о винтиках) уже просматривается в современных молодых генерациях, тех же тинейджерах, обвешанных оглуляющими «гэджиками», офисных «манерах» и «креветках» — придатках телекоммуникационных сетей, уже мыслящих не творчески аналогово, но сугубо утилитарно, компьютерной «цыфирью». Но это, повторимся, все на наш взгляд людей, мыслящих в реалиях биосферного этапа эволюции, истории и культуры, как принято его определять. Человек, как субъект интеллектуальной ветви эволюции жизни, в отличии от представляющей ветви инстинктивной, обладает уникальным аппаратом адаптации к резко изменяющимся условиям существования: от изменения климатических норм — см. нынешнюю шумиху и переход от Киотского протокола к Парижскому соглашению прошлого года — до социальных и геополитических бифуркаций. По этой самой причине нам особо не следует жалеть эти «винтики» глобалистского помола. Они прекрасно будут чувствовать себя в этом помоле, как вообще-то довольны своим *status quo* и нынешние «комп-тинейджеры»... Тем более, что в постглобалистской ноосфере ожидается социальное всемирное государство и, главное, полное изъятие инстинкта частнособственничества. Нет худа без добра!

Еще в постглобалистской ноосфере не будет алкоголя и табакокурения, которые, в разумной дозе естественно, стимулируют мыслительные и мотивационные процессы у человека. Но для «винтиков» это роскошь, вовсе не нужная ноосферной мегамашине, ибо побуждает человека хоть на время скидывать с себя оболочку запрограммированного живого робота. Вот доступная и дозированная наркота — самое милое дело роботизации через одурманивание. Что сейчас в вольнолюбивой Европе предварительно опробуется: в той же Голландии уже почти не пьют и не курят (табак), а целенаправленно переводятся на эту самую дозированную дурь... Просьба (пока) не путать эту ипостась глобализации с нашим отечественным лавинообразным ростом акцизов на табак и «злодейку с зеленой наклейкой»: это от безысходности страны в ее экономическом кризисе, где соответствующие министерства, следуя примеру Петра Первого, все более превращаются в «приказы изыскания новых штрафов и налогов». Конечно, кивают — в части табака и алкоголя — на пример Запада, якобы не понимая (все они понимают прекрасно!) истинную мотивацию западников в этом тонком вопросе...

И еще один предварительный момент. Нынешнюю и последующую действительность Тайного мирового правительства не следует понимать в обыденном примитиве: дескать, есть всемирный американский президент, а все остальные главы госу-

дарств суть «секретари Вашингтонского обкома»! Относительно собственно американского руководителя см. только что состоявшиеся президентские выборы в США, где вся полемика между Клинтон и Трампом свелась к взаимным обвинениям в лапаниии девиц за зады и госперепиской с домашнего компа... И таким доверять всемирное управление? Нет, конечно, уже сейчас миром управляют не США, не Израиль, не американский президент, тем более не ООН. Управляют тайно для непосвященных и исподволь незримые, опять же пока конспирологические, интеллектуальные центры с мощной инфраструктурой технической обработки информации. Словом, близ есмь при дверех... А для непосвященных масс сойдет байка о всемирном заговоре и прочая чушь голубая.

◆ Теперь же завершим эту пространную преамбулу, объединив означенные выше тезисы, а именно: как связаны между собой 100-летие Великого Октября, поражение СССР и всей мировой системы социализма семьдесят лет спустя и наступившая эпоха глобализация, с завершением которой через 80—200 лет человечество вступит в ноосферную оболочку Земли с вроде как планетарным обликом «коммунистического далека»: социально-экономическое равенство всех людей с (директивно?) изжитым атавизмом частнособственничества? Правда, люди там будут иные, на которых мы сейчас посмотрели бы с жалостью, состраданием... может и вовсе с отвращением: не человечество, а *человеиник* (по А. А. Зиновьеву), не творческие люди, но безликие винтики единой мировой биотехнической машины.

Связь же простая, как все в мире фундаментальные истины до невероятия просты: прав оказался не Ленин, вроде как обосновавший переход в социализм одной страны, но старина Маркс провидчески сказал в «Коммунистическом манифесте» (его заключительный абзац): *«Пусть господствующие классы содрогнутся перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* (Выд. К. Марксом и Ф. Энгельсом. — Авт.). Отсюда и столь смущавшее Ленина и его сподвижников категорическое утверждение Маркса: социалистическая революция может успешно совершиться только одновременно во всех (промышленно развитых то есть) странах. Но Владимира Ильича, кстати говоря, это стало смущать только после окончания Гражданской войны, когда стали очевидностью неудавшиеся социалистические революции в Германии, Венгрии, Финляндии, попытка на знаменах Первой конной армии привнести социализм в Польшу... А так девизом было: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» — и ведущая роль Троцкого. Как бы мы не относились к нему, помятуя ленинского «иудушку», но Лев Давидович, пожалуй, единственный понимал провидческое утверждение Маркса. За что и поплатился.

Действительно, гениальные теоретик Ленин и практик, впрочем и великий теоретик, Сталин, создав сверхдержаву СССР, а затем и соцлагерь, объединивший треть планеты, заставили почти всех усомниться в правоте Маркса, но... тем сокрушительнее было поражение (не распад — это паскудное словечко) мира социализма в Третьей («холодной», информационной и прочие определения) мировой войне.— И полное торжество капитализма с одновременным переходом его империалистической фазы в глобалистскую.

Итог: наша страна опередила всемирную социальную эволюцию; поторопилась, словом. Но и это вписывается в обычную «практику» эволюции, которая кроме магистрального пути имеет и проверочные ходы опережения и тупиковых ответвлений. Тейяр де Шарден определяет их как пробные, ложные и тупиковые ходы. Точно также в социально-экономической ипостаси История — так привычно назовем в данном аспекте эволюцию — движется таким сложным путем; как собака-ищейка в своей работе бесконечно тычется носом вправо-влево, делая круги с возвратом назад, но в

итоге правильно приводит охотника — за боровой дичью, за преступником, за героиневой «закладкой» и пр.— к цели.

Так сразу за переходом в последней трети XIX века европейского и американского капитализма в стадию империализма История начала пробное нащупывание пути (путей) перехода к следующей общественно-экономической формации, к социализму-коммунизму, а более конкретно: социально ориентированному строю с ликвидацией атавизма частнособственничества; это определение, правда, другими, словами, было дано Сталиным в «Экономических проблемах социализма в СССР» — в части вопросов, связанных с ноябрьской дискуссией 1951 года и проектом учебника политэкономии. Эти пробные нащупывания Истории длились всю первую половину XX века, а их отголоски — до начала нового тысячелетия. В теории это выразилось трудами школы Каутского, Ленина и его сподвижников, идейно-политических противников Троцкого и Сталина. Отдельную пробную ветвь так называемого западного, или «профессорского», марксизма представлял Георг (Джёрдь) Лукач (1885—1971).

Но наиболее серьезные опробования путей социализации, потрясшие весь мир, происходили в геополитической практике Европы. Здесь История «предложила» опробовать три ветви социализма: исторически первым возникший интернациональный социализм СССР, что было *пробным* путем; далее в двадцатые годы сформировался социальный итальянский фашизм, завершившийся социальной Республикой Сало, что оказалось *ложным* путем; наконец, германский национал-социализм суть *тупиковый* путь. К последним из этих путей относились менее значимые концепции глобальной геополитики Карла Хаусхофера, испанские фалангисты Хосе Антонио Прима де Ривера, гвардисты Румынии Корнелиу Зея Кодряну, русские (в эмиграции) евразийцы — Трубецкой и Флоровский, более близкие к нашему времени идеологи консервативной революции Жан Тириар, Эрнст Юнгер, Ален де Бенуа, Робер Стойкерс и так далее до нынешних Александра Дугина и Мари ле Пен... В итоге История выбрала победоносный социализм СССР, *но именно* в его советской интернациональной оболочке. Но статическое противостояние такого социализма и западного империализма той же Историей «было признано» антиэволюционным, стагнирующим саму социальную эволюцию. Тем более, что империализм еще далеко не исчерпал свою потенцию. И здесь наступило торжество утверждения Маркса. Потребовалось человечеству пройти тягостный период глобализации, чтобы уже в полном единении вступить в ноосферный социализм, опробованный в прошлом веке в рамках СССР и соцлагеря, но, увы, уже с совершенно иным лицом...

◆ Теперь собственно к означенной в заголовке теме. Глобализация, ее тяжкий этап, неизбежна. Даже дипломатически осторожные руководители государств не скрывают этого в своих высказываниях. Но тайные еще пока правители мира и здесь утаивают от непосвященных масс истинное содержание развертывающегося молоха глобализма, сводя все на понятийном языке к свободе всемирной торговли и прочим благоглупостям*. Вот намедни и руководитель гигантской китайской он-лайн торговой корпорации «Алибаба» заявил, что-де грядущие свои успехи мы связываем исключительно с глобализацией... и так далее. Лукавство все это. Но суть наших размышлений в другом.

В любом самоосознании человека, сугубо индивидуальном, родственном и межличностном общении и вплоть до ареала всего социума, основной всего сущего, по-

* Полная аналогия с современным «затушевыванием» понятия и сути сионизма, который в СМИ относят единственно с переселением евреев в Израиль, хотя для этого есть специальное понятие — термин «алия»... Здравомыслящий человек рассмеется: неужели из-за понятного, человеческого стремления евреев жить в одном государстве (кстати, «крестником» Израиля был Сталин) в 70-х годах мощи СССР по его предложению Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию с осуждением сионизма (!). В 90-е годы ее тихо дезавуировали. А духовные вожди сионизма вовсе не в Израиле, но в финансово-политических центрах США и Европы...

нимаемого как *человечность* — в антитезу глобалистского «расчеловеченья», — является возобладающие этика, этические нормы поведения и мышления. Поясним: по своему определению этика есть аспект философии, а мораль и нравственность суть практическое воплощение этики в деятельности и поведении человека. Дабы «не растекаться мыслью <точнее — словами> по древу», далее используем термин «этика» или «этические нормы», понимаемые как совокупность философской этики с моралью и нравственностью... Акцент же всегда понятен из контекста...

С другой стороны, коль скоро явление молоха глобализма неизбежно, то естественно желание как индивидуума, так и неодурманенного социума по-возможности оттянуть «пришествие антихриста». Наконец, еще более естественным является стремление предохраниться от окончательного расчеловеченья, превращения в члвквейник как в процессе глобализации, так и в постглобалистском мире социального равенства и исключения частнособственничества. Инструментом такого противостояния расчеловеченью единственно является *христианская этика*. Существенен вопрос: почему именно христианская? Но это есть аргументированное ниже утверждение, а вовсе не своего рода «компатриотство», дескать, мы живем в мире христианских, а не мусульманских, иудаистских, буддийских, индуистских, конфуцианских, синтоистских <и так далее до шаманских бубнов...> этико-культурных традиций. Кстати, не стоит забывать и об определенной историко-этической преемственности: иудаизм → христианство → ислам при всем их разночтении... но и «кустовой» близости. С историческим центром «куста» в Иерусалиме, официально именуемом городом трех (канонических) религий...

Нет, вовсе не «компатриотство» стоит за утверждением о ведущей роли христианской этики в противодействии глобальному расчеловеченью. Для начала обзорно рассмотрим религиозные и социально-исторические истоки в формировании христианской морали как предтечи этики.

♦ В Книге Иова — старейшей из библейского канона Ветхого Завета — в главе тридцать первой «Окончание девятой речи Иова» читаем*:

*Если я ходил во лжи
И спешила к лукавству нога моя,
То пусть он взвесит меня на весах правды,
И узнает бог невинность мою.
Если шаг мой уклонялся от пути
И за глазами моими шло сердце мое,
И к рукам моим пристало пятно,
То пусть я сею, а другой ест,
И (пусть) отпрыски мои будут искоренены.*

*Если прельщалось женщиной сердце мое
И я подстерегал (ее) у двери ближнего моего,
То пусть мелет жена моя другому,
И над нею пусть наклоняются другие.
Ибо это разврат,
И это беззаконие, подлежащее суду.
Ибо это огонь, до Аваддона пожирающий,
И все мое (достояние) пусть бы он (сжег).
<И так далее>.*

* Перевод оригинального текста Книги Иова — поэмы анонимного древнего автора — выполнен М. И. Рижским (издана в 1991 г., Новосибирск, «Наука»).

...Христианская мораль (и этика в совокупности!) возникла не с проповедей Иисуса Христа, но имела долгую предысторию. Даже не с ветхозаветных времен, но намного раньше. Философ Фейербах, историки времен начала цивилизации Фрезер в «Золотой ветви» и Тейлор в «Первобытной культуре» все это «расставили по полочкам», а Ф. Энгельс связал начало оформления этических норм, морали и нравственности с происхождением семьи, частной собственности и государства в одноименном труде (1884 г.). Таким образом, базовые нормы морали и нравственности складывались в процессе социализации человека от пещерных времен до окончания рабовладельческой формации. О том, что это сугубая прерогатива истории и цивилизации, свидетельствует неоспоримо политерриториальность возникновения и развития очагов цивилизации, в результате чего в канонических религиозных сводах, являющихся своего рода энциклопедиями достигнутого знания, сложившихся именно политерриториально и автономно, этические нормы оказались почти идентичными. Причем это «почти» сугубо этнокультурное. Для характерного примера: древнеиндийский аналог «Клятвы Гиппократата» отличается от древнегреческого только этим «почти»: больная приходит на прием к врачу только в сопровождении мужчины; врачу запрещается оказывать помощь врагу своего властителя (магараджи)... Уже и не говорим о преемственности ближневосточных религий, означенных выше, особенно христианства и ислама.

Итак, в религиозных и социально-исторических истоках в формировании этических норм морали и нравственности проявляется доминанта действительности двух диалектических законов: единства и борьбы противоположностей и перехода количества в качество. Первый из них преобладает в период окончания рабовладельческой формации и возникновения христианства, второй — в определенной этической преемственности Ветхого и Нового заветов. Особых пояснений не требуется, но отметим следующее. Единство противоположностей суть преемственность и достаточное долгий исторический период постепенности смены одной общественно-экономической формации другой, более высшей в социальной эволюции человечества. Борьба же противоположностей выразилась на начальном этапе окончания рабовладельческого строя в рассматриваемом этическом аспекте как противостояние атавизмов родоплеменной морали в рамках формирования наций и национальных государств.

Переход же количества в качество в части преемственности Ветхого и Нового заветов ассоциируется с канонической унификацией, если можно так выразиться, этических, моральных норм.

Однако, при всей преемственности этих норм на границе смены формаций, возникновение христианства явилось в части этики событием почти такой же вселенской грандиозности, как и наблюдаемый нами сейчас переход биосферы Земли в ноосферную ее оболочку. В рамках действия закона перехода количества в качество это событие явилось пиком, бифуркаций такого перехода: христианство явило сначала средиземноморскому ареалу Римской империи (с вассальной Иудеей — Палестиной), а впоследствии всему миру совершенно новую мораль и нравственность, очень скоро оформленные в философско-этическом содержании евангелий.

Как и всякое, принципиально новое явление, тенденция в социальной эволюции человечества, возникновение христианства, главным и единственным содержанием которого является христианская этика, является сакральным откровением. Последнее именование вовсе не есть вненаучное понятие. Совсем наоборот — оно сугубо из ареала той системной научной отрасли, что привычно называется феноменологией, как и развиваемая нами феноменология ноосферы*. Ведь и сакральные числа в мате-

* 14-томная (на сегодняшний день) монография автора «Живая материя и феноменология ноосферы»; первые шесть томов см. по каталогу <http://URSS.ru> издательства «УРСС» (Москва); последующие размещены на различных сайтах — см. по поисковику: Яшин А. А. <название монографии>.

матике, и тот фактор, что только восемь процентов людей обладают качеством самодостаточного мышления, и многое другое, доказываемое научно, есть действие в математике, биологии и прочих дисциплинах фундаментальных законов Мироздания.

◆ Здесь необходимо существенное пояснение. Из логики следует, что магистральное научное доказательство может быть только одно: да или нет. Но помимо магистрального пути всегда наличествует некоторое (в принципе — бесконечное) число столь же научно выверенных частных доказательств истинности, как правило, относящихся к отдельным дисциплинарным направлениям научной мысли. В советских школах и вузах нас наставляли от Фейербаха: христианство — религия, выросшая из протеста рабов. Также и со ссылкой на Маркса — Энгельса. Гегель в своей двухтомной «Философии религии» и это учитывал как определяющий момент, и многое другое с немецкой педантичностью («Он из Германии туманной привез учености плоды...») разобрал по главам, параграфам и подпараграфам. В каждом его предложении, порой даже слове, правда и истинность научного гения, но в совокупности... не зря же Владимир Ильич жаловался на трудность освоения диалектики Георга Вильгельма Фридриха... Вся вторая половина XIX века — первой трети века двадцатого ознаменовались в европейской этической (христианской) мысли ситуацией «кто в лес, кто по дрова».

Истинным бриллиантом чистой воды здесь оказалась самая молодая научная школа Европы — философия русского космизма; называть поименно, значить перечислить всех без исключения русских мыслителей от славянофилов первой трети XIX века до практически нашего современника (автор, учась в Литинституте, присутствовал на встречах с ним) А. Ф. Лосева. Великолепная своим литературным языком, глубиной провидческой мысли, она обосновала христианскую этику как неизменно общечеловеческую. Вершиной философии русского космизма с позиции этического ее содержания, вне всякого сомнения, стал Н. Ф. Федоров с его «Философией общего дела» и философией памяти отцов...

...Но русские космисты слишком поздно вошли в ареал всемирной этической мысли: на Западе уже господствовала утилитарная, протестанская в своей основе, лютеранско-кальвинистская этика прагматизма — верная слуга-овчарка разбухшего капитализма-империализма, а на Востоке, в России... впрочем, к этому мы еще вернемся.

Суммируя сказанное выше, определим явление — другого слова здесь не подберешь — миру христианской этики как указание Истории, то есть общеэволюционного социального закона Мироздания, на новой магистральный путь существования, выживания и перспективного развития человечества-социума. Это было переломным моментом эпохи цивилизации и культуры.

...Такого еще не было в истории человечества. С заповедями Христа оно художественно прожило две тысячи лет, а апология христианской этики суть надежда человечества преодолеть тягостный молох глобализма и вступить в новый ноосферный мир социального равенства и со вбитым осиновым колом в могилу инстинкта частнособственности... Хотя бы нам, ныне живущим, этот мир и не представлялся в самых страшных снах, да еще под пятницу тринадцатого числа месяца! Как нам в золотые (без кавычек) советские семидесятые годы не могли присниться реалии сегодняшнего дня: нищая Россия с «десятипроцентниками» нуворишей в законе, поссорившаяся с опидорасившейся Европой, поклоняющейся единой общечеловеческой ценности — доллару и евро, в то же время зажатая этой Европой — Америкой в пучину кризисов и санкций... Поневоле отсюда и сегодняшней протест России в мире.

Рассуждая в означенном выше ключе, мы, понятно дело, четко разделяем христианскую этику и собственно христианскую религию, церковь как духовное учрежде-

ние, тем более — государственную религию. Это особенно актуально и знакомо для России. Во-первых, русский народ в нескольких воспоследующих поколениях прошел через этап советского научного (отвергнув воинствующий атеизм Губельмана — Ярославского!) атеизма, при этом в полной мере следуя христианским нормам этики и морали — под другим названием Заповедей Христовых... Это полностью разделило христианскую этику на практике жизни социума и церковь-учреждение. Последнюю поначалу полностью разрушили, но затем Сталин, сам учившийся в православной семинарии, восстановил ее в качестве духовно-культурного памятника.

Во-вторых, мы уже имели исторический прецедент конфликта между церковью истинной и церковью-учреждением. Это раскол русской православной церкви патриархом Никоном. При всей значимости этого события в русской истории, определенной ее судьбоносности, трактуется оно — в общедоступном изложении при царях, генсеках и президентах — крайне поверхностно, если не сказать примитивно: «для масс» и никонианской госрелигии. Упирают на конфликт реформаторов-новообрядцев и старообрядцев. Кстати говоря, последние отвергают это свое наименование, тем более название раскольников; их самоназвание: *древлеправославная вера* (даже не церковь!). Действительно, смешно говорить о разделении на никонианцев и староверов всего лишь из-за трех и вовсе не канонических, не догматических обрядовых различий: дву- и трехгубая аллилуйя, крещение дву- и трехперстием и написание имени Христа «Иисус» или «Исус» (?!).

Разумеется, расхождение двух ветвей русского православия есть следствие уже до Никона наметившегося, но им инициированного, хотя бы он и сам пострадал из-за этого, главное — последующих шагов, превращение ранее христовой самоопределяющей церкви, как сугубо духовного, этического института, в церковь — государственное учреждение. Казалось бы, что плохого для церкви в ее полной госопеке: за бога, царя и отечество... Но последующее утверждение России как Третьего Рима, объявления староверов вне церковных и светских законов, главное — лишение Петром Первым, насмотревшимся на европейское госпротестанство, церкви патриаршества и полное, де-факто и де-юре, превращение ее в религиозный департамент, управляемый синодом (эквивалент древнеиудейского синедриона при римском владычестве), все это отодвинуло русских людей от полнокровной православной христианской этики, ее норм, морали и нравственности. Ибо их государство безапелляционно стало подстраивать «под себя». Этика же государства слишком разнится от этики Христовых заповедей. То есть круг замкнулся: церковь Христа отошла от синедриона и язычества римского кесаря, но, спустя полторы тысячи с небольшим лет, вновь вовлеклась под государственную власть.

Все то же самое мы видим и в истории Европы, даже в намного бóльших хитро-сплетениях...

...Сама же русская государственная церковь, постепенно превращаясь из духовно-этической в обрядовую, получила то, о чем предупреждали те же славянофилы: к наступлению череды русских революций она потеряла свою духовную власть над массами. Не помогла и срочная программа Николая Второго по укреплению православия и постройке ста тысяч новых церквей (их только в Туле, построенных по типовому проекту, несколько...). Когда царизм в стране сменился яростным поначалу ко всему прошлому социализмом, то ведь вовсе не одни сельские «комсомолисты» с духовными наставниками Троцким-Бронштейном и Губельманом-Ярославским (и иже с ними) с азартом сбивали церковные маковки с крестами, но и весь «богобоязненный» сельский и городской мир...

О цели и содержании нынешней государственной опеки православной церкви в де-факто атеистической стране светского по конституции государства еще рано делать какие-либо выводы, но задуматься не вредно.

Церковь, как духовно-этический институт для всего человечества христианского мира, и государственная церковь-учреждение сосуществуют без небольшого две тысячи лет. Их взаимоотношения, сложные и переменчивые в истории, вполне объяснимы. Реальное *status quo* здесь, равно как и во всех других областях социальной эволюции, всегда преобладает над идеальной «отсчетной точкой». Исключением здесь являлась, быть может, только древнеримская катакомбная церковь апостолов Христа, но христианская этика через тернии веков и тысячелетий автономизировалась от сферы религии и стала самоосознающим себя субъектом эволюции человечества. Собственно же наличие церкви истинной и церкви-учреждения есть действительность диалектического закона отрицания отрицания.

♦ Разделение христианства на Западное и Восточное, римско-католическое и греко-византийское, охарактеризовалась не только, даже не столько в образовании двух его ветвей в плане, так сказать, управленческом: вселенская римская церковь и — после падения Византии — совокупность слабо связанных друг с другом* автокефальных православных церквей. Здесь мы подходим к существенному, тем более для нашего времени, вопросу о двойственности представления норм христианской морали: социумной и личностной. То есть и в вопросах этики и морали История (эволюция) идет все тем же путем пробного нащупывания, ложных и тупиковых ходов. Вообще-то это называется в системологии, то есть системной науке, принципом эволюционной консервативности: эволюция в своем движении использует весьма малый набор одних и тех же фундаментальных законов; из недавно доказательства Григорием Перельманом знаменитой гипотезы Пуанкаре следует, что таковых восемь... Однако — к теме.

Итак, личностная и социумная христианская этика. В чем их принципиальное различие и не менее принципиальная взаимосвязь, коль скоро мы их определили в системе двойственности представления? Эта двойственность, с одной стороны, есть «двухспальное прокрустово ложе», извиняемся за игривый термин; с другой — одно без другого немислимо, даже не представимо в понятийном смысле. Словом, есть «классика» действия диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Действительно, всякая автономная (человеческая) личность в этическом плане является продуктом и сугубым субъектом социума. С другой стороны, снова обратимся к «Книге Иова» (глава 40 «Продолжение речи Яхве»):

*И отвечал Яхве Иову из бури, и сказал:
— Препояшь же, как муж, чресла твои,
Я буду тебя спрашивать, а ты объясняй мне.*

*Ты опровергаешь мой суд?
Меня обвиняешь, чтоб оправдать себя?
А такая ли, как у бога, у тебя рука,
И можешь ли греметь голосом, как он?
(Попробуй), укрась себя величием и славой,
В блеск и великолепие облечись,
Излей ярость гнева твоего,
Взгляни на все гордое и унизь его.
Взгляни на все гордое и смири его,*

* Если в рамках нынешних взаимоотношений России и Украины ближневосточные и балканские патриархии пойдут на поводу у сил мирового зла (разделяй и властвуй) и объявят новую автокефальную украинскую (вершина этого «успеха» — со включением в нее униатского Запада Украины) церковь, то это будет полным расколом мирового православия.

*И растопчи беззаконных на месте их.
Зарой их всех вместе в прах,
Лица их заключи в тайное место,
(Тогда) и я превознесу тебя,
Что десница твоя — помощь твоя.*

Из приведенных строк древнейшей библейской, ветхозаветной книги на примере вольного или невольного (от страданий личной жизни) богоборчества Иова против бога Яхве мы видим истоки — «с другой стороны...» — другой стороны двойственности представления (христианской в дальнейшем развитии) этики: автономная личность, все более в процессе эволюции самоосознающая себя самую, всегда противопоставляет — в смысле выделяет — свою этическую сáмость принятым нормам социума. Очень понятная аналогия: художник только тогда достоин своего признания, если он находится в определенной, лучше — конструктивной, оппозиции к социуму как государству. Это непрерываемая истина, сложившаяся за весь период цивилизации и культуры человечества.

Связываем же мы двойственность представления норм социумной и личностной морали, этики в совокупности ее содержания, с разделением христианства на Западное и Восточное постольку, поскольку православие, по крайней мере русское, в полной мере сохранило и укрепило полный кодекс заветов Христа, символом чего стало Святая Троица, а преобладающей моралью — социумная. Католичество же, казалось бы, при единстве ее организации с главенством папы Римского, несло в себе предтечу преобладания личностной морали. А символ престола Святого Петра — Богородица — недвусмысленно свидетельствует о приоритете семейной, в итоге — той же личностной морали.

Именно такая установка католичества привела к оппадению от него половины Европы, далее «пополнившейся» Новым светом, большинства населения других, доминионных и колониальных, континентов. Ибо протестантизм Лютера, но особенно Кальвина, есть апология частнособственничества и сугубого индивидуализма, а личностная мораль служит нарождающейся буржуазии в лице государства. Для примера приведем разъяснение Лютером в его «Кратком катехизисе» четвертой заповеди Христа: *«Мы должны бояться и любить Бога, чтобы не презирать и не прогневать родителей и господ своих, но оказывать им почтение, служить и повиноваться им, любить их и дорожить ими».*

...Как говорится: да улягутся вместе волк и овечка, а в наших реалиях — Березович и Абрамовский с парочкой бомбжей.

♦ Именно истинное, духовное русское православие стало в двадцатом веке базисом коммунистической морали. Когда в разгар лихих девяностых Зюганов озвучил это словами «Христос был первым коммунистом», то все шелкоперы и голосодралы демСМИ в единый голос запели уже поднадоевшие «песни народностей» (это не намек, но удобное словосочетание О. Бендера из романа одесских классиков...) с понятным лейтмотивом: какой-такой Христос? Коммунизм — Сталин — ГУЛАГ и пр. Сейчас народ наш многогрешный поумнел в новой, малорадостной реальности прошедших трех каппятилеток нового века, потому вещунов и колдуний от СМИ если и слушает, то вполуха. А радостные эмоции проявляет только при сообщениях об очередном арестованном за взятки губернаторе. Теперь и до министров добрались.

Христос, разумеется, не платил свой взнос-шекель* парторгу иудео-палестинс-

* Название древнеиудейской, а равно и современной израильской, денежной единицы первоначально обозначало церковную десятину. После разрушения Римом Иерусалимского храма и рассеяния евреев по миру шекель обозначал взнос на постройку нового Храма.

кой компартии; он, как истинный коммунист, вовсе без денег обходился. Почему Христос коммунист? — Потому, что в основе любой идеологии, даже сугубо политизированной, клерикальной или атеистической, националистической или интернационалистической и так далее, заложены этические, моральные нормы: как естественно, исторически сложившиеся, единые для всего человечества, исключая этнографические специфики, так и трансформированные искусственно, а то и вновь введенные — для «обслуживания» конкретной, доминирующей в данном социуме идеологии.

Коммунистическая мораль — от писателей-утопистов до Маркса и далее до наших дней, подтвержденная практикой социалистического строительства — суть основа идеологии, взаимопроникновенно сочетающей в себе социальное равенство, интернационализм, всемирность (не глобализм!), а в части экономики — величайшее дополнение, сделанное в теории Лениным, а на практике Сталиным: советская социалистическая политэкономия* с ликвидацией частной собственности, главное — побудительных причин существования этого атавизма предшествующих формаций. Такую мораль и дал Христос в своих заповедях блаженств, в СССР в семидесятые годы сформулированных как «Моральный кодекс строителя коммунизма», что нынешние средне- и старшие поколения ежедневно лицезрели на кумачных плакатах, установленных во всех общественных местах и на центральных аллеях крупных промышленных предприятий. Как добро шутили мои тогдашние коллеги, инженеры-оружейники: «В масштабе 1:1»...

СМИ, понятно дело, раньше служили власть придержащим — на то их профессия и первая древнейшая, а с «лихих девяностых» — идее глобализации. С них и спрос мал. Но самодостаточно мыслящие люди (увы, их по законам эволюционной и социальной биологии всего лишь восемь процентов...) прекрасно осознают: учение Христа и коммунистическая идеология, как бы это не диковато звучало на первый взгляд-слух, есть одно и то же в этико-моральном аспекте. Особенно это понятно, если отвлечься от традиции исторически закреплённой терминологии: нормы этики и морали, в нашем рассмотрении христианской, уже достаточно давно автономизировались от сугубо религиозной их предыстории. То есть они одинаково действенны как для людей воцерковленных, так и для подавляющего большинства, придерживающихся в личностной и социумной своей жизнедеятельности христианского этического традиционализма.

...И еще предвараем язвительный вопрос, явно от СМИ-одурманенных, сугубых либералов западнеческой умуоустремленности и других категорий «от Фомы неверующего»: «Допустим, любезнейший, что понятие коммунистической морали правомочно, в чем мы, ветераны Болотной площади, резонно сомневаемся. Но отчего это вы, научный атеист, бывший инженер-оружейник, воспитанник Северного флота и потомок русских староверов и шотландских гугенотов, прочтите именно *русское православие* базисом коммунистической морали?» — Ответим, ничтоже сумняшеся. Для начала приведем характерную фразу из книги «Великое в малом» выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862 — 1929): «...С этого завелся между нами продолжительный разговор, перешедший в спор, который, как и все споры, особенно наши российские, не привел ни к каким положительным результатам. Первоначальная тема спора отошла на задний план и незаметно для нас обоих стухивалась».

Потому и мы не поддадимся завлекательной русской привычке спорить — желательно о фундаментальных истинах и под хорошую закуску... Так можно дойти и до песен Высоцкого: «Удобную религию придумали индусы».

* Уход Сталина из жизни не позволил доработать основы политэкономии социализма (см. материалы ноябрьской дискуссии 1951 года); слова Иосифа Виссарионовича о том, что без теории в этой области коммунизм построить нельзя, были, увы, забыты последующими руководителями...

Православие — с позиции ее этики и морали — вовсе не «удобная религия». Скорее, наоборот — страдательная. Но как базис коммунистической морали оно несомненно, поскольку, как было сказано выше, восточное христианство сохранило от апостольских времен социумную моральную установку. — В отличие от западного католичества. А таковая установка в полной мере отвечает общей коммунистической идеологии, где «память отцов» (по Н. Ф. Федорову) органично сливается с высшим развитием социальной эволюции человечества.

Но почему именно русское православие, а не одно из остальных десятка с лишком автокефальных православий, включая номинальные патриархии на небольших средиземноморских островах? Или малоприходные патриархии Константинополя-Стамбула и Иерусалима...— Ответ частично содержится в данном перечислении, но полностью в утверждении: именно в русском православии исторически и ситуационно сложилось преобладание этической духовности над внешней обрядовостью. Здесь выделим три наиболее существенных фактора. Относительно позднее формирование русского православия, в определенном смысле наложившегося на восточнославянский языческий культ, то есть естественная, эволюционная мораль подкреплена аргументированной и выведенной парадигмой заповедей Христовых. А вот обрядовость от наслоения христианства на язычество отошла на второй план.

Другой момент: почти тысячу лет от принятия христианства русское православие жило «миром», то есть сельской общиной, что *maximum maximorum* способствовало преобладанию и закреплению социумной морали христианства, мало отличавшегося от апостольских времен, для которых роль, или доля, обрядовости имела мало значения. Особенно, если сравнивать с церковной пышностью греческой Византии; даже папский престол здесь сереньким выглядит...

Наконец, окончание общины, разрушенной Столыпиным, тотчас совпало со всеобщей советской общинностью, где обрядовость вовсе исчезла, но христианская мораль и нравственность, вообще этика в целом, стали основой социума-государства.

...Большого сказать нечего: излишне по правилам логики доказывать самоочевидное.

♦ Действие всех трех, названных выше, диалектических законов в различной степени их сочетания и соподчинения мы видим, рассматривая христианскую этику и мораль в противостоянии с системно организованными силами на протяжении двух тысячелетий — от Р. Х. до наших дней почти что вселенского торжества молоха глобализации, что в христианской традиции есть приход Антихриста по наши души. Рассмотрим их вкратце, ибо, как говорил один из (отрицательных) персонажей шолоховской «Поднятой целины», чтобы бить врага, надо знать его оружие (на столе Полковца чекисты обнаружили тридцатитомник сочинений Ленина...).

Естественные вопросы: зачем Истории и эволюции социума понадобилось это противостояние и именно системно организованное?

Диалектика дает прямые ответы на оба вопроса. Противостояние, оно же противоречие, есть движущая сила эволюции, социальной в том числе и даже в особенности. Так и движение христианства, в сущности этического учения и практики, не встречая естественного или искусственного противостояний, стагнировало бы, охватив весь ареал тогдашнего известного мира, стало догмой, что есть останов социальной эволюции, а Историей было бы отнесено к ложному или тупиковому ходу. В лучшем случае христианская этика поглотилась внешней обрядовостью — служанкой текущей общественно-экономической формации. Что мы сейчас, когда позиции христианской этики в периоды империализма и глобализации в западно-атлантическом мире сведены почти что к артефакту, и наблюдаем.

Относительно же системной организации сил, противостоящих христианской

этики, то это прерогатива социумной организации человечества. Еще языческие жрецы, наши сибирские шаманы, духовно окормляя свои поселения, не уставали наущать руководящих старейших своего рода-племени: враг наш, что раскинул свои хижины-яранги по другую сторону речки, хитер и коварен; поодиночке нам не устоять... и так далее до «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» К сожалению, этот прекрасный лозунг (временно) снят с повестки дня империализмом-глобализмом, но в иной форме возродится вместе с основами христианской этики в постглобалистский, ноосферный период эволюции (совершенно другого, увы) человечества.

С самого начала действенности заповедей Христовых, новую мораль, еще только в религиозном оформлении, организовано (системно) стремились в зародыше уничтожить сразу две противостоящие стороны: власть синедриона и карающий меч языческого Рима. Евангелическим символом их невольного, разноидеологического (разнорелигиозного) союза против нового учения стала сама казнь Христа: руками Рима по наущению синедриона. Трагична роль Пилата, поставленного синедрионом в двусмысленное положение, хотя римское язычество того времени выступало против института единобожия скорее номинально: богу богово, а кесарю кесарево...

Другое дело синедрион. Хотя иудаизм является в определенной степени прародителем христианства в части этической идеологии — от заповедей ветхозаветных пророков к заповедям блаженств Христовым, — опять же символом чего является в христианской канонической традиции объединение в Библии Ветхого и Нового заветов, но полное, бескомпромиссное противостояние его Христову учению было всегда и везде: от общего для двух религий, хотя и краткого во времени, палестинского ареала, до последующего ареала мирового, начавшегося с рассеяния еврейского народа римлянами и этногеографического распространения христианства.

Причина здесь одна и уже давно необсуждаемая: неискоренимая взаимное противостояние идеологических установок: иудаизм с далее сформулированной практикой сионизма, как религия одного (избранного по Ветхому завету, особенно по письменной и устной Торе) народа, и не знающее расово-национальных, геополитических, географических и иных различий и специфик христианство: евангельское «несть эллина, несть иудея...»

...Другое дело — зачем Истории, социальной эволюции потребовалась такая специфика древнейшей монотеистической религии на Земле? Этот вопрос выходит за рамки нашего рассмотрения, посвященного генеалогии и перспективам действенности христианской этики. И вообще он настолько сложен, что на протяжении веков и тысячелетий породил массу концепций, конспирологических в своей основе...

♦ Итак, начиная со своего иудео-палестинского, географически малого, зарождения, христианство в исторически короткие сроки охватило сначала Средиземноморский мир, а вскоре и мировую — по тогдашним меркам — Римскую империю, на скорых развалинах которой христианской стала вся Европа, Ближний Восток (цитадель цивилизации!) и Северная Африка. По мнению и исследованиям нашего выдающегося историка-этнографа Л. Н. Гумилева — его работа «Поиски вымышленного царства» — к тринадцатому веку христианство в несторианской форме «повторило» восточные походы Александра Македонского, то есть включило в свой ареал Центральную Азию, а от нее вошло в пределы Индии и Китая, достигнув берегов Желтого моря — так называемое, условно вымышленное, царство пресвитера, первосвященника Иоанна. В англоязычной литературе оно именуется «воображаемым царством» пастора Иоанна. Один из факторов этой условно вымышленной истории есть расквартирование (православного) русского полка в 1330 году в предместье Пекина...

Как знать, если бы в 1312 году новый хан Узбек не обратил Золотую Орду в ислам, когда в Сарае имел свою кафедру православный епископ, а тверской князь Ми-

хаил был туда в пути — подтвердить конкордат с предыдущим ханом о принятии Ордой православия (убит Узбеком), то может вымышленное царство пресвитера Иоанна сейчас называли предшественником полностью христианизированной Азии и, соответственно, Евразии?..

Опять-таки «сработал» диалектический закон в движении социальной эволюции — закон противостояния с системно организованными силами: кто кого победит в части этических норм; История начала искать возможные ходы, на сей раз не удовлетворившись испытанными, то есть ложными, тупиковыми и сугубо пробными. То есть, «помятуя» управляющий ею же принцип эволюционной консервативности (экономии), История трансформировала сугубо пробный ход в — назовем его понятийно так — соревновательный пробный. А коль скоро любая соревновательность предполагает примерно равные стартовые и функционально-достаточные условия — иначе это фарс, — то ход был продуман следующим. Сочетая генеалогическую преемственность, этногеографическую автономию и, главное — потенциал среднесрочного и далекого будущего, что принято называть миной замедленного действия, в седьмом веке миру явился ислам. Последнюю «позицию» сочетания, это где о мне, мы только сейчас наблюдаем воочию, хотя бы в столкновении современного ислама с (заранее) победоносным глобализмом его фундаменталистская ветвь больше есть геополитика. Этногеографическая автономия, то есть преимущественный канонический ареал действенности ислама, определилась очень скоро. От бедуинских верблюжьих караванов Аравии он стремительно двинулся в Азию. Халифат дал миру ислама всю Среднюю и Центральную Азию, с севера этот мир прирос Золотой, Сибирской (Синей) и Желтой ордами, к тринадцатому веку заняв бывшие владения царства пресвитера Иоанна. Ближний Восток, Север Африки, Балканы до предместьев Вены и Иберийский полуостров, равно как полуостров Крымский, в движении ислама на Запад приобщила в короткий срок к своим райям Ближняя Португа.

Но все это военная, геополитическая соревновательность. В части же генеалогической религиозной преемственности, что первостепенно важно в этическом плане, то здесь соревновательность сведена к минимуму, ибо в Коране указывается на преемственность учения пророка Мохаммеда (Магомета в русской транскрипции) от учения Иисуса Христа — Исы и матери его Мириам в Коране; более того, Христос считается предыдущим Магомету пророком аллаха. В отличие от Нового Завета, в Коране много внимания уделяется воззрениям ветхозаветных пророков, каковые в этом качестве также рядопологаются перед Христом и Магометом.*

...Обращая внимание на большое внимание в Коране к учениям ветхозаветных пророков, в современной западной религиозно-научной литературе наличествуют и конспирологические концепции, связанные с возникновением ислама, как соревновательной с христианством доктрины; см., например, книгу Дугласа Мура «Спор о Сионе». Но конспирология есть скорее геополитика, в данном случае в религиозной оболочке, нас же интересуют вопросы этики и морали. Заметим, что в исламе интернациональный аспект даже усилен по сравнению с христианством, что в соревновательном плане давало и дает определенные преимущества учению Магомета в некоторые, обычно бифуркационные, исторические периоды. Сейчас это преимущество зримо наблюдается в связи с натиском сил глобализации.

В совокупности отметим равнозначность морально-этических норм и канонических догматов христианства и ислама. Это сугубая специфика соревновательно-пробных ходов Истории, как движения социальной эволюции. Заметим, что если догматы этики закреплены в иудаизме, христианстве и исламе, соответственно, в

* Следующим после Магомета пророком самопровозгласил себя Муаммар Каддафи в 70-е годы, определив ислам арабской социалистической джамахирией, сам став жертвой молоха глобализма.

Ветхом завете (в Торе), в Новом Завете и Коране, то «практика» этики, ее морально-нравственные нормы, есть — также соответственно — содержание устной Торы, Деяний святых апостолов (и других книг Нового Завета) и законах адата (и других социально-этических трактовок коранических текстов).

Все же имеющееся различие-разночтение, которое выше названо минимальным, в этике, морали и нравственности христианства и ислама обусловлено, скорее всего, средой возникновения последнего: начальная религия кочевых племен с усиленной доминантой торговой организации этого социума.

«Справа и слева соседние» религии иудаизма и ислама, конечно, в определенной мере рассматриваются как находящиеся в противостоянии с христианством, но такое во многом нивелируется генеалогической последовательностью возникновения и длительным историческим временем сосуществования, включая такое в одних и тех же государственных образованиях. Гораздо более разрушительными для христианства и его этики являются уже сугубо санкционированные системно организованные силы, действующие в канонических ареалах христианского мира. Частично мы их касались выше, тем более они у каждого, особенно получивших образование в советское время, в памяти и на слуху. Ограничимся их перечислением-напоминанием в контексте развиваемой темы.

Мировое масонство (по традиции) до сих пор полагается по части конспирологии. А фактология его преимущественно трактуется в историческом плане навроде «рыцарей круглого стола короля Артура», орденов розенкрейцеров и тамплиеров. По канонам христианства масонство терминологически обозначено как Антихристово воинство. Современное масонство, вне всякого сомнения, является «засадным полком» молоха глобализма, а в каких-то его действиях — и «разведка боем»...

Утилитарный протестантизм, сформировавшийся от дрязг Вселенских соборов до нынешнего сектантского дробления христианской церкви, огосударствление церкви как ее формализация и перевод в культурный (или культовый?) артефакт, современное *status quo* христианства в его соотнесении с геополитикой и научным мировоззрением, как «морали по вызову»... — вот краткий перечень других системно организованных сил, разрушавших веками христианскую этику.

◆ Сейчас человечество в своей социальной эволюции вошло в апокалипсический (чем и завершается Новый Завет) период глобализации, тягостный молох которого суждено пройти в процессе формирования ноосферы. С позиций христианской этики, заповедей Христовых, этот период всечеловеческого испытания характеризуется уничтожением моральной сущности христианства и переходом к сугубо утилитарной «морали по вызову». Как это ни прискорбно, но сейчас уже не единолично Спаситель, но весь мир человеческий способился взойти на Голгофу и воскреснуть к новой социальной жизни в постглобалистскую эпоху. Еще раз, может надоедливо, повторимся: воскреснуть в совершенно ином, с нашей позиции малопривлекательном, качестве человека ноосферного. Главное, следует помнить: современная апология христианской этики есть главная стратегия равнодушных людей и объединяющих их социумов в отсрочивании явления молоха глобализма. Как говорится, помирай, но пашню под хлеб готовь...

Общая же картина сейчас безрадостная: в логике соотнесения добра и зла в мире торжествует господство западной протестантской (торговой) морали; более того, на наших глазах творится образцово-показательное уничтожение норм христианской морали в современной Европе и пр. и пр.

Мораль в ее христианском понимании есть главный противник (см. выше) глобализации — начального периода ноосферизации Земли. Важную роль мы отводим неформальной (вне института госцеркви де-факто) морали русского православия, как

основы сопротивления глобализации в ее утилитарной форме. Загадывая через пред-будущее, говорим: в постглобалистской морали вполне мыслим возврат к кодексу заповедей Христовых.

...Концовка знаменитой книги «Камо грядеши» первого Нобелевского лауреата по литературе* из России, тогдашней Российской империи, Генриха (Генрика по-польски) Сенкевича: после Неронова пожарища, уничтожившего три четверти Рима, где поджигателями объявили христиан, апостол Петр, узрев мученическую смерть («Христиан львам!» — лозунг римских обывателей) адептов созданной им в Риме церкви за 34 года учения после распятия Христа, вышел в полном отчаянии из Города (*Urbi Roma*), но на Аппиевой дороге повстречал вновь пришедшего на Землю для повторения подвига Христа. «*Quo vadis, domini?*» («Куда идешь, господи?»), — обратился к нему Св. Петр. — «В Рим», — скорбно ответил бог-сын. И Петр, устыдившись в четвертый раз (первые три евангельские: «Не прокричит петух, как ты трижды отречешься от меня...»), развернулся и вернулся в Рим — на ожидающий его крест распятия.

Камо грядеши, человечество?

* * *

Настоящей «Колонкой главного редактора» редколлегия и редакция «Приокских зорь» открывает традиционную для журнала всероссийскую и международную дискуссию по актуальной теме: «Апология христианской морали в эпоху глобализации». Материалы объемом до 10 стандартных машинописных страниц (А4, шрифт 14 через 1,5 интервала) слать на e-mail: priook.zori@mail.ru на имя гл. редактора А. А. Яшина до 01.09.2017 г. с пометкой «Дискуссия — 2017». Материалы дискуссии будут опубликованы в № 4, 2017 «ПЗ». Возможно издание материалов отдельной книгой.

* * *

16-го января 2017 года исполнилось 150 лет со дня рождения известного русского писателя, туляка Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича). Соответствующая юбилейная рубрика помещена в настоящем номере «Приокских зорь» в разделе «Хроника литературной жизни». О литературных юбилеях, которые будут отмечены в №№ 2—4 «Приокских зорь»: 140-летие со дня рождения Игоря Северянина (№ 2); 200-летие со дня рождения Алексея Константиновича Толстого (№ 3); 50 лет со дня опубликования романа-эпопеи Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (№ 4).

* * *

К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции в №№ 1—4 «Приокских зорь» открыта соответствующая литературная рубрика.

* * *

По уже устоявшейся традиции, начиная с № 1, 2015 «Приокских зорь», каждый нечетный год первый номер журнала мы делаем «белорусским»; таковым является и настоящий номер.

* Сенкевич был удостоен Нобелевской премии за названный исторический роман с формулировкой: «За апологию христианства».

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА: РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ*

Пожалуй, начиная с конца 20-х годов прошлого века, нет другого такого громкого имени, как имя Сталина, вокруг которого кипели бы страсти абсолютно полярного характера. Для Запада и меньшей, но очень громкоговорливой части населения России и постсоветского пространства — образ архизлодея, по сравнению с которым Адольф Шикльгрубер едва ли не агнец божий. Для подавляющего большинства жителей России и стран СНГ, прежде всего русских людей, — выдающийся государственный и полководец-стратег в тысячелетней истории Руси — России — СССР, сравнимый разве что с Владимиром Мономахом, Святославом, Иваном Грозным и Петром Великим. Правильнее говоря — названные князья и цари лишь в чем-то сравнимы с Вождем. Главное — нет равнодушных, а это и есть непререкаемое свидетельство того, что Сталин был, есть и будет в истории страны и всего мира выдающейся личностью.

Автору этой книги и в страшном сне не являлось, что он-де член какой-либо политической партии или движения, а юность — самое впечатлительное время в генезисе человека — пришлось на «эпоху Брежнева». Все сказанное в настоящей книге никак не может являться «ностальгией сталиниста», политическим компатриотством или биологически обусловленным возрастным неконформизмом к окружающей действительности. А является пресловутыми плодами «холодных размышлений и сердца горестных замет».

Любой крупный политический деятель имеет две ипостаси: высказываемое им и потаенное, причем второе питает первое, оставаясь фигурой умолчания, идеалом. А значит в душе такой деятель и есть идеалист. Но как прочесть эти потаенные мысли? — Только глубоким анализом ведомой деятельности и вживанием в образ. Боязно примеривать на себя китель и сапоги Вождя, но... смелыми Бог владеет. И он, Бог-то, не выдаст, а свинья не съест.

...Многие воцерковленные люди говорят: православные монахи (не прикормленное властью белое духовенство!) уже отмолили у Бога половину невольных грехов Сталина. Дело осталось за малым, и истина восторжествует.

* Для нетерпеливых читателей — это мы лстим себя неизбывной надеждой, что читатели еще сохранятся... — сообщаем, что полный текст романа можно найти на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова

ОТ АВТОРА: НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Начнем с грамматического пояснения. Почти все крылатые выражения, вошедшие в русский язык из библии, особенно — Нового Завета, являются разновидностью идиомы (от греч. *idioma* — своеобразное выражение), то есть, значение такого словосочетания не идентично значениям составляющих слов, в том числе служебных. Это всякий квалифицированный читатель канонических книг «держит в уме», но в обыденной речи то же словосочетание обедняется и воспринимается как прямое, однозначное утверждение. Именно это произошло с выражением, вынесенным в заголовок авторского предисловия.

Действительно, в обыденном понимании кумир твердо ассоциируется с фетишем, объектом слепого поклонения. Но евангельский (и ветхозаветный) смысл этого выражения именно идиоматичен, многозначен: здесь кумир «равноправно» и фетишем может являться, и своего рода антифетишем. В последнем случае можно смело трансформировать утверждение: «Не сотвори себе антикумира», если под собственно кумиром подразумевать житейское, фетишизированное.

В применении же к образу Вождя — так мы для единообразия, следуя правилам герменевтики, и будем называть Иосифа Виссарионовича — в полной мере преобладает именно исходный, евангельско-библейский смысл высказывания о несотворении кумира/антикумира.

Самое существенное, что в отношении личности Вождя совершенно нет людей равнодушных — из тех, конечно, кому хотя бы в общих чертах его имя знакомо, но мнения их резко полярны: либо кумир, либо же антикумир. А это и есть непререкаемое свидетельство того, что Вождь был, есть и будет в истории нашей страны и всего мира выдающейся личностью.

...Написал четыре кратких, вводных абзаца и на три месяца отложил рукопись: то ли профессорские и исследовательские дела отвлекли, постоянные хлопоты с выпуском журнала «Приокские зори», который редактирую уже пять лет со дня его основания. Опять же сдал в печать новую книгу — повесть «Страна холода (Детство в Гипербореях)», а ведущее сейчас в стране научное издательство «УРСС» (Москва) наконец-то, почти после годичной задержки — со ссылкой на кризис мирового финансово-спекулятивного империализма с примкнувшей к нему (это как Шипилов в свое время) Россией — начало готовить к изданию мою научную четырехтомную монографию «Феноменология ноосферы» — дальнейшее развитие учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, то есть, сферу-планету разума. Понятно, с учетом современного уровня знания, Владимиру Ивановичу в 20-е годы XX века не известного.

А вот сейчас прокрутил все это в голове и рассмеялся. Над собой и своими неуклюжими попытками самооправдания; дескать, у плохого танцора всегда пол виноват: шербат или неровен. Дело все в том, что, во-первых, видно, не до конца продумал «генеральную линию» этой повести, ибо привык заносить на бумагу, далее уже ничего не исправляя, уже в мыслях построенную от *А* до *Я* книгу. Во-вторых, требовался некий толчок, запусковой механизм на творческий процесс и горение души, позволивший бы выйти из апатии, несколько затянувшейся по причине некоторой доли усталости — все же за уходящий 2009-й год издал три художественные книги, включая 700-страничный роман «Любовь новоюрского периода» — и неуютного климата наших мест в этом же году: холодное лето плавно перешло в аномально теплую осень и уже в такую же декабрьскую «зиму». В итоге половина года — какие-то слякотные сумерки.

Как уже повелось в наших палестинах со времен Горби-демократизатора, такой

запусковой толчок может быть только в форме полного негатива. И случается он ежегодно в августе или поздней осенью. Первое — это дефолт, «Курск», спектакль *ГКЧП* опять же. А мрачная поздняя осень — это «Норд-ост», серийные взрывы, пожары, словом, полный апокалипсис. Метко еще Андрей Платонов заметил, что (пишу по памяти, потому не закавычиваю) русское овражистое поле в половине девятого позднего ноябрьского утра есть апокалипсическое видение. И дважды апокалипсическое, если на этом малорадостном фоне гремят взрывы, пылают пожары, без конца людская кровь льется.

А в этом-то году позднеосенний апокалипсис и вовсе приобрел зловещую ритуальность: с интервалом в неделю, по пятницам, ночью... Причем «Невский экспресс» подорвали в первый день мусульманского праздника Курбан-байрам и в годовщину ареста подозреваемых в подрыве того же «Невского экспресса» 13 августа 2007 года. И как-то очень уж резво, в голливудском стиле, ответственность за нынешний взрыв взяли на себя «ваххабиты» из чеченской бригады шахидов «Риядус Салихийн» и одновременно с ними вовсе немислимые бойцы из некоей группы «ингерманландских сепаратистов» под названием «Комбат-18».

С ума можно сойти! Уже и наши мирные чухонцы из-под Питера объявили России рельсовую войну. А если добавить к сказанному, что в тот же день на *ВДНХ* (ныне *ВВЦ*) устанавливали после семилетнего ремонта «Рабочего и колхозницу» Веры Мухомовой, то совсем можно увязнуть в конспирологии.

...И еще нелишне напомнить, что этим экспрессом ездят люди не бедные, цена билета четыре тысячи рублей, а вечерним пятничным и вовсе сановитые: питерские выдвиненцы в уик-энд возвращаются с недельной службы в Белокаменной на выходные в Северную столицу: навестить домашних, еще не успевших перебраться в Москву. Заставляет задуматься, да?

Прошла неделя, причем обычно многоречивое телевидение как-то вяло поговорило об аварии на Николаевско-Октябрьской железной дороге и спустило на тормозах. И снова в ночь с пятницы на субботу, то есть аккурат между праздничными недельными днями монотеистических религий — самой молодой и древнейшей, — ужасное происшествие в Перми, пожар в «Хромой лошади» (опять мистика): за сотню погибших в одночасье, столько же с тяжелейшими ожогами. И в эту же субботу, в День сталинской конституции, открытие реставрированного «Рабочего и колхозницы» и завершение Курбан-байрама.

Все смешалось в доме Облонских...

Читатель, извини, что дал «кривизну» от линии предполагаемого повествования о Вожде. Это все к делу, к объяснению запускового механизма-толчка. А, собственно, толчок дали две пожилые женщины: я шел с работы домой и, как всегда, путь мой лежал через толстовский сквер с одноименным памятником, усилиями занятой украшательством городской администрации недавно превращенного в некое подобие кладбища (особенно осенью и зимой) с криво установленными надгробными плитами, перемеживаемыми фонтанами. Обгоняя опять же этих двух дам с одной собачкой, кстати соседок по ближнему моему дому, краем уха услышал явно реплику по поводу пермского пожара: «...Сталина на них нет!» Некстати вспомнил, что обе почтенные пенсионерки, как они сами говорили, на недавних выборах в тульскую областную думу, оскандаливших город и область на всю страну (25 % избирателей «взяли» открепительные талоны...), голосовали за ныне правящую партию.

Вот так-то, господа-товарищи: когда совсем невоготу, то только и вспоминаем о Вожде.

Все. Толчок дан, теперь расписался, завелся. Кстати, заодно и придумал рецепт, как, передавая в художественной форме мысли Вождя, стилизовать их под сталин-

скую ясность и краткость. Рецепт оказался прост: обдумывая перед записью ту или иную фразу «от Вождя», стараться мысленно же произносить ее неторопливо, размеренно и... с имитацией легкого грузинского акцента.

Но все же позволю — роскошь, доступная только авторам — еще одну *nota bene*. Только-только по главному госканалу *ТВ* показали сериал-фантазию «Вольф Мессинг. Видевший сквозь время». «Мессинг, лгущий сквозь время», — как ядовито заметила «Литературная газета». Кстати, в рамках вольнолюбивой фантазии сериал снят замечательно. Особенно на фоне 1000-серийной цыганщины — Кармелиты и бесконечных милицейско-бандитских боевиков.

Так вот, в «Мессинге» персонифицированный Василий Сталин презрительно говорит о кремлевской верхушке, что-де все они боятся Вождя. И еще триста лет после его смерти будут бояться. Совершенно был прав киношный Василий Иосифович: боялись при жизни и теперь опасаются. И всегда будут опасаться, держа в голове и тот факт, что Хрущев, первым оболгавший Вождя и вынесший его из Мавзолея, сам вскоре был ввергнут в ничтожество, в единый миг трансформировавшийся из хозяина на 1/6 земной суши, плюс полмира стран-спутников, в персонального пенсионера союзного значения; это где-то 160 рублей пенсионера.

Казалось бы, в стране уже под двадцать лет проводится перманентная политика государственного антисоветизма, то слегка ослабевая, как сейчас, то возбужая перед выборами главной законодательной и исполнительной власти — чтобы не дать *КПРФ* свыше 15 % голосов. И Сталин суть для *СМИ* злодей из злодеев, почище Гитлера и самого Антихриста. Но вот удивительно: на экранах *ТВ* чего только не плетут о Ленине, его марксистских предшественниках и последователях, героях революций 1905—1917 гг., сталинских наркомках! Как только их всех не пародируют эстрадные смехачи-плясуны! Но вот Троцкий и Сталин — табу, фигуры умолчания. Ну, Лев Давыдыч — это всем понятно, свой *СМИ*-шникам в доску, нечего его прах тревожить. А вот Сталин-то почему в *ТВ*-сетях? При всей ненависти этой братии к Вождю? А потому что опасаются, ибо имя его уже приобрело мистический ореол, более того — мистическое значение и смысл. И боятся в жизни очень даже острожные и рассудительные киношники, теле-топ-ведущие и эстрадные смехачи-плясуны, с молоком матерей своих впитавшие мистику и иррациональность Каббалы и демонизацию Франкенштейна, ох, как опасаются всеу поминать имя Вождя! Это уже историей стало. Как могила Тамерлана. Кстати, ее вскрыли без ведома Вождя — 22 июня 1941 года в половине четвертого ночи по московскому времени...

Господь с ними со всеми. И напоследок, в заключении растянувшейся преамбулы, коль вспомнили об истории, еще одна реплика.

Наверное, я очень наивный в практической жизни человек, ибо родился и вырос в Заполярье, в вотчине Северного флота, где люди держат курс по компáсу, а не нос по политическому ветру. Но как-то недавно заинтересовался: а о чем сейчас пишут современные российские писатели? И получилось, что большинство как-то в одночасье перекинулись на историческую тематику, причем желательно дальнюю, времен Киевской Руси. Оно и понятно: живых свидетелей Святослава, Олега, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха не сохранилось даже в поколенной памяти. Бери собрания сочинений Карамзина, Соловьева, на худой конец Костомарова, если наметили об истории ныне самостийно-незалежной сочинять. Далее выбирайте князя, который более люб,— и сочиняйте, что в голову придет, все одно антураж и этнографию, их исторические реалии никто не сможет проверить. Если только профессиональные историки? — Но они беллетристику не читают, нет времени за написанием своих трактатов. Тем более, что некогда самая читающая страна ныне перешла в статус самой пишущей-издающей, хотя бы и тиражами в 100 экз. Налицо превышение предложения над спросом... — Это

мы говорим о заматеревших еще во времена направлявших руку с пером обкомов и райкомов.

И молодые сочинители тож ударились в историю, причем новейшую, но — «параллельную», то есть опровергающую формулу римского права: история не имеет сослагательного наклонения. Фабула их книг: а что было бы, если?.. Сам грешен, ввел такое сослагательное наклонение в романе «Историк и его История», опять же о Сталине. Но ведь и подзаголовок у книги соответствующий: авантюрный роман.

Еще можно понять, почему мало пишут на темы современности: жизнь наша настолько идиотична и виртуальна, скучна и однообразна, бессмысленна и пр., что рука не поднимается взять «паркер» китайской фабрикации или положить руки на клавиатуру «компа» того же производства. Это все одно, что изо дня в день смотреть новости-старости по *ТВ*: бесконечные репортажи из моргов и лицемерие хорошо питающихся от щедрот власти попов-батюшек. Кстати, очередной чудовищный эксперимент над нами: в XXI веке в стране полного атеизма, причем не только и не столько наследия советского периода истории, но еще задолго до революций созревшего в народе отождествления церкви с самодержавием, в такой вот стране еще недавних «мечтателей и героев» снова навязывают ошеломленному народу ту же самую госцерковь!

Итак, о современности писать, что резину жевать. Но ведь какое широченное поле, почти размером в Великую евроазиатскую степь, открылось в начале 90-х годов для романов-фантазий о России 2020-го, 2030-го и так далее годов! Пиши — не хочу. И спрос читательский налицо. Так оно и было еще лет пять-шесть тому назад, а сейчас как обрезало.

На эту тему, как сейчас на новоязе говорят, сказал мне друг и коллега по «универсу», многомудрый в жизни Федосеич: «А что ж ты, батенька, хотел? Демократический 37-й год уже на дворе!» Не поверил я поначалу Федосеичу; хотя уже во втором поколении из обрусевших западноукраинцев, настолько западных, что отец его в молодости жил при немецком фольварке и носил шляпу с пером и короткие штаны с пуговкой под коленками, но хохлацкая флегма, скептицизм и ожидание худшего и через десять поколений в генах остаются.

Но вот в «Литературке» прошлым летом из номера в номер развернулась полемика о некоем московском фантазере-писателе, издавшем несколько романов о Москве будущих времен, где-то четвертой пятилетки XXI века, а судебные власти, чуть ли не знаменитый Басманный суд, завели против сочинителя судебное дело по грозным статьям: национальная рознь, призывы к терроризму, прегрешения перед толерантностью, сексуальной терпимостью (это о гомосеках), гендерностью и прочими общечеловеческими ценностями.

Ну, думаю, кому-то лично автор не угодил, или в судебной системе образцово-показательный месячник проводили... Да еще успокоил тогдашний глава страны, когда ему на пресс-конференции задали вопрос по этому или схожему прецеденту. Ответил с присущей ему категоричностью, что-де заставь дурака богу молиться, так он и лоб расколошматит! — Это, как я понял, о ретивых защитниках закона, которые торопятся, якобы, угодить властям, даже в усердии забегая далеко вперед. К таким вполне применимы слова из повести Александра Исаевича: «Тебя не *гребут*, и ты не подмахивай».

Но вот, опять же на днях, зашел ко мне в университет давний друг и приятель, которого я взял за прототип суперохранника в романе «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», ныне подхорунжий Тульского отдела Центрального казачьего войска (такое и во сне не приснится!), обучающий городских казачков рукопашному бою, сабельной рубке и — по его словам — стрельбе из всех видов носимого и переносимого оружия.

Друг Саня всегда приносит что-то занимательное, ибо состоит функционером в какой-то казачьей службе безопасности и надзора за исполнением чего-то... вроде законов. И на этот раз положил передо мною подшивку нескольких листов — копию официально опубликованного чуть ли не Госдумой списка современных художественных и публицистических книг, распространение которых запрещено постановлениями судов — различных, от Калининграда до Владивостока. И в этом скорбном списке значилось более пятисот наименований (!?). Мигом в памяти всплыли эпизоды истории: турки жгут знаменитую Александрийскую библиотеку, Екатерина-царица приказывает изъять и уничтожить книгу Радищева, комиссия Луначарского — Крупской составляет список тысяч книг, неуместных в советских библиотеках, штурмовики фюрера лихо бросают в костер тома не только евреев Гейне и братьев Маннов, но и потомственных писателей-арийцев...

А может, и прав старина Федосеич? В списке том много русских и мусульманских авторов, националистов и просто лихих патриотов. Нашел несколько знакомых «из столиц и университетских центров», даже пару книг научного коллеги *Ш.* из Москвы, доктора медицинских наук.

...Однако пора и к теме этой книги вернуться и сказать о Вожде то, что и было задумано как авторское предисловие. Но нет, не дает покоя событие «запускового механизма»: сгоревшая «Хромая лошадь» — символ охромевшей на все четыре раскованные ноги кобылы, что есть нынешняя наша страна, самый некомпактный кусок расколотой сверхдержавы *СССР*, созданной Вождем вопреки всем обстоятельствам, агрессивно противодействовавшим этому. Странная ситуация: о «Невском экспрессе», жертве теракта со многими погибшими, в *СМИ* уделены некое дежурное внимание и время и умолкли. Еще раз подчеркнем: жертвы направленного теракта, вполне приличные люди, даже если среди них и видные чиновники; что не говори, но на государственной службе, в рамках своей компетенции и государства делающие необходимую для того же (какого? — неважно) государства работу.

Но через неделю сгорел ночной клуб, символ безудержной наживы, с одной стороны, и холерического веселья на грани полной распущенности — с другой. И причина такой тяжелой трагедии, как гибель сотни с лишком человек, а другая сотня борется со смертью на больничных койках, в полной безответственности владельцев сомнительного заведения, озабоченных только прибылью, а лучше — сверхприбылью. Но только ли? А сама-то публика? Уже несколько дней все новости на *ТВ* начинаются с кадров, заснятых кинокамерой в момент начала пожара. И школьник второй ступени безошибочно скажет: так в зале половина пьянющих, а вторая под наркотой! Потому-то и свалка вместо более или менее организованной эвакуации, что бы и было с соображающими людьми.

И еще один характерный момент. Не знаю, может, в Перми народ красиво и раскрепощенно живет, а то и по всей России уже по ночам «гуляют и пьют, не закусывая», как сказали об Америке одесские классики, но из того же *ТВ* такие интересные факты не живущие в Перми и не ходящие в ночные клубы узнают.

Дикторша скорбит: ведь у многих погибших остались маленькие дети (?). Спасшийся мужчина очень даже средних лет скорбит о погибшем же друге сорока двух лет (??), отце двух детей (???). И что этих молодых и не очень отцов занесло в «хромой» шалман? Одни вопросы, вопросы, вопросы... Вряд ли подгулявшие работяги из Мотовилихи, индустриальной окраины Перми, забрели туда на огонек.

Ну, господь с ними, с клиентами веселого заведения, тем более жертвами страшной трагедии. Человек верующий помолится за их души; просто добросердечный, не злыдень, скорбно промолчит. Но вот что не укладывается в голове здравомыслящего, просто мыслящего самодостаточно: тотчас высшая власть заявила о денежной помо-

щи пострадавшим, их семьям. Понятно, что из государственных денег, то есть, денег налогоплательщиков, наших с вами, или недоплаченных нам, работающим, за труд. Не за пресловутый *business*, не за околачивание груш, не за делание денег из воздуха, а именно за *производительный труд* промышленных рабочих и инженеров, учителей и врачей.

А почему государство должно платить за владельцев частного танцпритона, спаливших его, хотя бы и не преднамеренно, с четвертью тысячи людей? Здравый смысл подсказывает: они люди не бедные, так и заставить их выплатить компенсации (жутко все это: компенсация за смерть) из своих сверхдоходов! Но об этом в *СМИ*, в гневных речах высших госчиновников даже намек нет. А разгадка в соответствующих статьях ельцинской конституции: частная собственность священна. А раз священна, то даже при всемирном потопе никто не заставит бизнесмена, даже делающего деньги на крови, проституции, наркоте и пр., поделиться своими доходами. Окончательно это завуалированное положение основного закона, хотя и неявно, закрепила отмена несколько лет назад статьи о конфискации имущества и счетов у осужденных. Понятно, не за кражу кило колбасы или буханки хлеба.— В отличие от Конституции сталинской, в годовщину которой и сгорела «Хромая лошадь».

И другой вопрос у нормально мыслящих людей на устах: эта китайская пиротехника, фабрикуемая наспех из всякого картонажного дерьма по деревьям Поднебесной, уже всем осточертела и стала причиной великого множества пожаров, травм и смертей. Кажется, ясно: запретить ее ввоз в Россию и перестать обогащать казну Китая, кстати, вполне возможного уже в скором будущем геополитического противника нашей страны!

Но, увы: во-первых, все та же священность частной собственности и накопительства любой ценой (*business'a*, то есть) для отечественных торгашей-перекупщиков дает «стоп»; во-вторых и в основных: Россия сегодня настолько беззащитна в области мировой экономики и политики, что даже запрет на ввоз этой китайской дряни грозит ей обернуться эффектом «ножовки Буша». Ведь сколько раз пробовали запретить ввоз в страну этой полухимической отравы, но *США* чуть ли не угрозой разрыва дипотношений заставляли снимать запрет...

Да-а, плохо в этом мире слабосильному. Тем более России, у которой, как сказал мудрый император Александр III, есть только три союзника: ее армия, флот и Сербия. Увы, армия сведена к ничтожеству, флот продан Индии и Китаю, преимущественно на металлолом, а Сербию разбомбили америкосы.

...Уже почти два десятка лет после каждого очередного крупного несчастья, добывающего веру людей в справедливость современного государства, многие из нас восклицают в сердцах: «Сталина на них нет!» И заметьте: восклицают не обязательно те, кто хотя бы детство и юность провели до 1953 года — это уже относительно малая часть населения страны,— но чаще те, для кого Вождь уже история, бывшая до их появления на свет в этом не лучшем из миров.

Самое существенное, что это произносят — изустно или про себя — и люди, хорошо ориентирующиеся в исторической геополитике. Ведь призывают не князя Святослава, избавившего Киевскую Русь от хазарской «опеки»; не Ивана Грозного, пославшего Ермака Тимофеевича присоединять к уже Московской Руси Сибирь, то есть половину Азии, а главное, институтом опричнины окончательно свернувшего шею боярскому местничеству — последнему отголоску княжеской раздробленности, в XII веке погубившей Киевскую Русь; не Петра Первого, давшего Империи выход в Балтийское море, начавшего оттеснять турок с исконных русских земель на юге и продвинувшего пределы России на запад; не Екатерину Вторую с Потемкиным, сбросившим турок в Черное море, вернувшим Крым и Новороссию, включившим в состав

Российской империи Молдавию, одряхлевшую политически Польшу и много чего другого; не умного царя Николая Первого, решившего в пользу России «кавказский вопрос»; не царя-миротворца Александра Третьего, самого русского из царей (почти чистокровного этнического немца), завоевавшего Среднюю Азию, тем самым, как и Николай Первый с Кавказом, обрубив здесь загребушие лапы «двуспальному английскому леве», «англичанке», как говорили в те времена; а главное, Александр Александрович задумал и начал сверхуспешно и активно претворять в жизнь, пожалуй, самый главный, грандиозный геополитический проект: поворот главного вектора, обозначенного некогда Петром (то ли по недомыслию, а может, исходя из тогдашнего *status quo*), от гибельной для России ориентации на Европу — на Дальний Восток. Началась успешная экспансия Империи в Тихоокеанский бассейн: строится Транссибирская магистраль, в российскую сферу влияния входят Манчжурия, Монголия, Корея, русские военные корабли высаживают десанты на тихоокеанских островах и архипелагах, ныне находящихся под протекторатом *США*, готовится установка русского флага на Гавайях и индонезийских островах. Помните сладко-кисельные рассказы в школьных (советских) учебниках о мирном путешественнике-исследователе Миклухо-Маклае, изучавшем быт индонезийских аборигенов? А был он главным резидентом разведывательного управления Генштаба (нынешнее *ГРУ ГШ*) в Индонезии, полковником *ГРУ*, собиравшим разведанные для экспансии России в эти голландские колонии.

...Этот гениальный геополитический проект позорно загубил самый бездарный и глупый русский царь Николай Кровавый (Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, Столыпинские галстуки), ныне произведенный в святые *РПЦ*, тонко чувствующей конъюнктуру и повторяющую ошибку своих предшественников от времен Петра, то есть, вновь становящейся госцерковью, да еще, как уже сказано выше, в полностью атеистическом государстве.

...Так почему, когда жить всем нам неволею становится, а быть безличным винтиком гены не позволяют, мы обращаемся к делам и памяти Вождя? Повторимся: имя его уже стало сакральным символом наивысшего величия России — *СССР*.

Самое удивительное: как наше *ТВ*, руководимое очень пронизательными, хорошо информированными обо всем происходящем в мире, особенно в России, конспирологическими силами, «проколосось» в не столь давнем (2009-й год) помпезном шоу «Выбери имя России!» Они что — не знали: 60—70 % населения страны встает и засыпает каждый день с мыслью: «Сталина на них нет!» Или это была грандиозная «проверка на вшивость»: по итогам опроса скорректировать курс политической власти (в пользу ее, конечно), например, временно ослабить, или, наоборот, усилить, государственный антисоветизм, подождать или ускорить ритуальный вынос Ленина из Мавзолея... Скорее всего, так. Увы. Но конфуз вышел великолепный во всех отношениях!

Надеюсь, читатель не забыл: к самому финалу шоу первым именем России уверенно шел Иосиф Виссарионович. Поскольку заказчики-ангажиторы *СМИ* к этому времени уже получили нужную им масс-медиа-информацию, то телевизионщики спешно начали рубить концы (термин флотский). Сталина поспешно оттеснили на почетное партерное третье место, а первым поставили Александра Невского — фигуру, вообще говоря, нейтральную и всех устраивающую: правых и левых, центристов и абсолютно равнодушных. Даже бомжей и *олигархеров*. Православных и мусульман (см. ниже), даже буддистов и иудеев — их в XIII веке на Руси не было.

...Но тэвэшники, вроде как, совсем и окончательно нюх утратили, выставив на пьедестал Александра Ярославича. Их, видимо, во *ВГИК*е, *МГИК*е, или где там их дрессируют, даже ближней истории не учили. Не взяли они во внимание, что до Ве-

ликой Отечественной войны фигура Александра Невского — и в советской, и в царско-романовской, да и в рюриковской историографии — мало чем выделялась из сонма многочисленных правителей удельно-раздробленной Руси — между Киевской Русью и Московской Россией. Определенный статус в качестве святого и благоверного князя он имел, преимущественно, в Русской православной церкви, а также в автокефальных православных церквях Сербского и Болгарского патриархатов.

Национальным же символом Невского сделал... Сталин во время Отечественной войны. Вывел из исторического забвения. А теперь думайте: как предпочесть создателю сверхдержавы СССР одного из многих удельных князей, большую часть времени своего княжения проведшего в золотоордынском Сарае за испрашиванием ханского ярлыка... А пятьсот тевтонских рыцарей он разбил, как пишут многие историки, не только гипермодернисты Фоменко и Носовский, при серьезной помощи татарской конницы, посланной ханом в помощь своему подданному...

Если названные выше князья, цари и императоры уже получали под свой скипетр и державу достаточно устойчивое государство и пусть делали во время своего царствования великие дела, но они *расширяли* пределы страны. А Сталин, говоря всем известными словами Черчилля, принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой. И добавим, принял общипанную страну на западе: Финляндия, стратегические острова на Балтике, Латвия, Эстония, Литва, Польша, «ополовиненные» Украина и Белоруссия, Молдавия; на Кавказе турки оттяпали часть Армении, а на Дальнем Востоке японцы и китайские милитаристы сделали невозможным нормальное функционирование *КВЖД*.

...А Польша после троцкистской авантюры и военной бездарности Тухачевского с мышлением подпоручика нахала столько, что после Рижского мира пришлось столицу Украины переводить из пограничного Киева в Харьков. А как объяснить, что Ленин с Троцким, скорее Троцкий с Лениным, даровав независимость стране Суоми, не отодвинули ее юго-восточные границы хотя бы за пределы обстрела Ленинграда дальнобойной артиллерией (30 километров), не оставили под базы пару островов в Финском заливе и на выходе в Балтику, а главное — оставили (считай, отдали) Финляндии выход в Баренцево море с Петсамо, ныне российская Печенега, с огромными запасами никелевой руды. И именно Петсамо до 1944 года, до выхода Финляндии из войны, наряду с железной рудой из юго-западной Норвегии, кормило германскую военную промышленность. А ведь до начала разработки финского никеля немцы по всему миру собирали никелевые монеты, что шли на производство броневой стали (!?).

И оставил Вождь сверхдержаву СССР, вернув ее к границам царской империи, забрав японский «должок» с 1904 года — половину Сахалина, Курилы, Порт-Артур и *КВЖД*, полностью привязав к СССР Финляндию экономически, а Польшу еще и политически, «прихватив» в 1943 году от Китая Туву с ее урановыми месторождениями (это называется — Вождь только в Потсдаме в сорок пятом году узнал от Трумэна об атомном оружии?)... Оставил не только с атомной бомбой, но и с готовой водородной, которой у американцев еще не было.

Оставил со сплоченным советским народом ста национальностей, с мировой системой социализма на Западе, в Европе, и на Востоке: Китай, Монголия, Северная Корея и Вьетнам.

Оставил с восстановленной полностью страной, с мощной промышленностью и сельским хозяйством, с танковыми армиями в *ГДР*, в полной боевой готовности, с офицерским и унтерским составом, прошедшим Великую войну; по первому приказу в считанные дни пропахали бы всю Западную Европу и вышли тремя колоннами к Ла-Маншу, Пиренеям и Лазурному берегу. А погруженная на десантные корабли дивизия первого удара с Земли Франца-Иосифа уже выбивала бы натовцев из Исландии.

дии. И не были бы препятствием американские атомные бомбы без «дальнобойных» носителей. Да и своих уже достаточно понаделали.

Главное же — покинул Вождь этот не лучший из миров, создав такой промышленный, научный, идейный и пр. задел, остатными плодами которого мы сейчас только и живы; в смысле — еще жива Россия как (пока еще, опять же) государство, а не территория, поделенная между алчными западниками-восточниками...

Вот почему в случае грозной опасности мы, атеисты до мозга костей, инстинктивно крестимся и также инстинктивно восклицаем: «Сталина на них нет!»

Именно в силу величия дел Вождя его злопыхатели бессильны напасть на его могилу. Единственное их «оружие» — это миф о ГУЛАГ^е. Ох, как взывают при отождествлении его с мифом ратоборцы из «Мемориала»! Кстати, а задавались ли вы, читатель, обыденным вопросом: на какие деньги существует — и не бедно — эта разветвленная по всей стране организация? Кто же вам ответит на такой нескромный вопрос... Это фигура умолчания. Нескромно его и задавать, равно как и рассуждать о полном госфинансировании современной *РПЦ*. При всем нашем уважении к каноническому русскому православию. Впрочем, выше мы уже привели ремарку на этот счет.

Мифология всегда являлась верной служанкой большой политики. В древние времена, в особенности в античной Греции, в Древней Индии, миф и вовсе составлял суть всей жизни государства. Индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», гомеровские «Илиада» и «Одиссея» воспринимались современниками их создателей не как собственно миф, виртуальность, но как реальная история, бывшая до них, а теперь продолжающаяся в обиталище богов, на том же Олимпе Эллады.

Самое существенное, что древние мифы были по-преимуществу героическими. Как сказал почти уже наш современник Карл Шмит: *«Воинственное революционное воодушевление и ожидание чудовищных катастроф присущи интенсивности жизни и двигают историю»*.

Увы, мифы XX века далеки от героизации и являются «служебными» — даже без закавычивания: они именно служат в бесконечном противостоянии наций, государств, классов, а во всемирном масштабе — геополитических блоков, той же «суши» и «моря» по Карлу Хаусхоферу, а против всего мира — тайных конспирологических сил: масонов, тайного мирового правительства и пр.

Некоторые мифы, уверенно перешедшие из века минувшего в наши дни, полагаются в интернациональном «общественном мнении», то есть, мнению вненациональных *СМИ* с их тайными хозяевами, настолько неполиткорректными, что называть их публично и просто опасно... Это как в Польше, всегда бывшей яркой ненавистницей России, согласно новейшему их закону (от 10 декабря 2009 г.), за демонстрацию советской символики, в частности серпа и молота, положено два года отсидки в ихней дефензиве.

...Не было бы счастья, да несчастье помогло. Это к тому, что мы сейчас наблюдаем в самостийной и незалежной соседке по западной границе рождение нового, понятно, антисоветского, антирусского, мифа. А быть очевидцем — значит не стать жертвой оглупления *СМИ*, иметь информацию из первых, так сказать, рук.

Это миф о *голодоморе*, причем нынешняя украинская власть однозначно вкладывает в это слово вовсе не голод, как следствие нескольких подряд неурожайных засушливых годов восьмидесятилетней давности, что охватил почти всю европейскую часть СССР от Днепра до Волги, причем страна еще не имела в то время резервных запасов продовольствия: только-только оправилась от разрухи после Гражданской войны.

Кстати, в Поволжье этот голод покрыл намного бóльшую территорию и унес жизней на порядок больше, чем на Украине. И бежать от него в более сытные места с

Волги тогда было некуда, в то время как голодающие на Украине (не «в Украине», как приказал России величать ее предыдущий самостийный президент...) садились на поезд и через сутки прибывали в Тульскую область, правда, тогда входившую в Московскую, где не хватало рабочих рук на шахтах и стройках Бобрик-Горы, будущего гиганта химии Сталиногорска, ныне Новомосковска.

А голодомор мифологизуется именно как умышленное умерщвление голодом украинского народа москалями. Ни много, ни мало. Поскольку же почему-то — и очень некстати — фотографий изможденных голодом живых трупов на Украине не сохранилось, то самостийные *СМИ* и власти воспользовались поволжскими фотографиями, даже разместив их на стендах спешно устроенных выставок и музея голодомора... Это мы уже из сообщений отечественного *ТВ* знаем.

Кстати, здесь незалежные правители не оригинальны. Как говорят одесситы, аналогичный случай был в Америке, когда там создавался еще один миф XX века — о лунных экспедициях 70-х годов. То у «астронавтов-лунников» некачественная пленка в кинокамере оказалась, то они фотоаппарат при отлете на Земле оставили... Вот и приходилось орденоносцу-оскаровцу Стэнли Кубрику потом снимать в павильонах Голливуда «одиссеи капитана Блада».

Кстати, самое интересное в лунном мифе даже не фильмы Стэнли Кубрика. Это и сами американцы не отрицают сейчас; но вот в чем «прокололся» *СССР* в своей космической программе, или какое серьезное прегрешение в отношении *США* совершил, что явно договорились непримиримые враги баш-на-баш молчать? Ведь наш славный агитпром вряд ли бы упустил возможность раздуть шумиху вокруг такой развесистой лунной клюквы?

Вряд ли мы это узнаем когда-либо.

Итак, уже вчерне вырисовывается и сценарий рождения и поддержания мифа о *ГУЛАГ*е, пожалуй, единственном, что могут недруги Вождя бесконечно раздувать в качестве грандиозной иллюстрации в демонизации Сталина.

Говоря выше о голодоморном мифе, мы особо подчеркивали: информацию всякого щекотливого, опорочивающего свойства надо получать только из первых рук. Так же надо поступать и в отношении гулаговского мифа.

Давай, уважаемый читатель, рассуждать здраво и без эмоций, хотя бы даже если по биологическим законам только восемь процентов людей может мыслить самостоятельно, то есть, сейчас без подсказки *СМИ*.

С явно не легкой руки писателя-средняка и скверного историка Солженицына, уже упомянутого выше, внесшего заметный вклад в разрушение *СССР*, современное «поколение *нект* и *пепси*» бездумно повторяет: Ленин зарезал сорок миллионов, а Сталин еще сто расстрелял. Но эту книгу будет читать иное поколение, условно говоря — бывшие «шестидесятники», нынешние шестидесятилетние. Даже не потому, что в младенчестве жили при Сталине, но их-то родители жили и трудились в эпоху самого что ни на есть «сталинизма-тоталитаризма». А вот теперь, уважаемый читатель этого славного поколения, вспомни рассказы своих родителей и их родственников, друзей, а главное: поищите среди них, вами известных, «жертв сталинизма»? Ведь *СМИ* как само собой разумеющееся твердят: от репрессий пострадал каждый четвертый советский человек (кстати, при Петре I — каждый третий).

Так где же эта четверть от 200-миллионного населения *СССР* в сталинские времена, то есть, с конца 20-х до начала 50-х годов? Будьте при этом честны и нелицеприятны, отделяйте безвинно пострадавших от, так сказать, совершивших прегрешения. Которые и до Сталина, и после него есть и будут, увы, атрибутом нашего несовершенного мира.

Я вот лично эту процедуру расспрашивания делаю далеко не первый год. И что

же? Среди своих многочисленных родственников по нисходящей до знакового 17-го года «жертв сталинизма» не нашлось, зато... хоть смейся, хоть плачь: одиннадцать лет отсидки получил в сорок пятом году единственный среди калужской родни отца человек «из органов», муж его старшей сестры, к тому же в немалом чине. Но получил-то вовсе не по знаменитой 58-1 статье, а за хозяйственно-должностное преступление. Блатных тогда и среди энкавэдэшников не водилось.

...И у десятков распрошенных друзей, знакомых, просто сослуживцев, попутчиков и так далее не то что $\frac{1}{4}$ родни с революционной поры, но едва ли 3—4 % попавших в объятия Фемиды насчитывалось. Да и то — кто полугодом в СИЗО с оправданием, кто двумя-тремя годами отсидки отделялись. Встречались и более крупные сроки, но в откровенных беседах редко кто с уверенностью указывал на 58-ю статью. А ведь и в благодушные брежневские годы в тюрьмах и лагерях всегда не менее миллиона пребывало. А сейчас сколько при полутора сотнях миллионов населения России?

И кто эти мои друзья, знакомые, соседи? Кем были в жизни их родители, прародители? — Рабочими, крестьянами-колхозниками, инженерами, военными в войнах и в мирное время, управленцами низшего и среднего звена, совпартработниками не выше районного уровня, врачами, учителями и преподавателями вузов, журналистами и писателями областного масштаба, учеными... вроде никакую характерную для СССР профессию не забыл. Возразят: так это пешки, серая рабсила, испуганно-исправно служившая тоталитаризму, не имевшая ни своего свободолобивого голоса, ни желания уйти из своего хлева, но теплого, отвернуться от корыта с пойлом, но дармового. И так далее. Узнаете интонации магов-вещателей из СМИ последнего двадцатилетия?

Вот вам и жертвы сталинизма. Исключая, быть может, некоторое число пострадавших при переусердствовавшем по малоумию Николае Ивановиче Ежове (многих до 40-го года оправдали), в реально пустоватую «корзину жертв» эпохи Сталина, то есть, повторимся, с конца 20-х до начала 50-х годов, ничтоже сумняшеся, эти самые СМИ и злобные сочинители типа Солженицына сваливают до кучи и подлинно многомиллионные жертвы троцкизма и даже ленинизма — до обретения Сталиным власти, самих последышей Троцкого, затаившихся до 30-х годов, а главное — увы, многочисленных предателей и пособников лютого врага в годы войны... И совсем уж на полных современных дебилов рассчитаны рассказы эсмэишников о «сталинских расстрелах» после 45-го года, когда смертная казнь в СССР была отменена.

Впрочем, умозрительно пора дать слово товарищу Сталину.

...А в заключении растянувшегося авторского предисловия: считается, что муза поэзии посетила юного Джугашвили-семинариста, но тут же и оставила. Это не так. Это он осознанно отошел от нее, готовя себя к более высокому призванию революционера, государственного и военно-политического деятеля. Увы, в реализации этого призвания до стихов ли? Даже сложилось мнение, впрочем, неафишируемое по понятной причине, что если бы Иосиф Джугашвили продолжил свое творчество, то стал бы выдающимся грузинским поэтом. В частности, сам Илья Чавчавадзе предрекал ему такую будущность. Мы сочли нужным поместить стихи Сталина, тогда еще просто Джугашвили, по той причине, что именно из них мы понимаем изначальную душу великого, но тайного идеалиста.

И еще одна *nota bene*. Уже после написания этой книги попались на глаза два новых труда о Сталине: *И. Сталин «Цитатник»* и *трехтомник Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели»*. Самое интересное, что уже к этому времени выбрал формат «Катехизиса». То же самое обнаружил и в «Цитатнике»: такой же формат.

Конечно, в наше время никто никому не верит, скажут: дескать, «слизал» автор оформление с «Цитатника», вот неловко и оправдывается. Но я — человек советско-

го, военно-морского воспитания, потому и порадовался: уже выработался подспудно даже стиль оформления книг о Сталине!

С интересом прочел и Бенедикта Сарнова — при всей тенденциозности его книги, прямого антисталинизма. Каждый имеет право на свое мнение — см. выше. И опять отметил: суть взаимоотношений Вождя и писателей и в «Катехизисе», и у Сарнова, опять же подспудно, в определенном смысле совпали. Все сказанное в заключении настоящего введения весьма многозначительно.

Последнее замечание: явные повторы в книге — чисто художественный прием: ведь мы передаем размышления Вождя, простудно больного, в ночном бдении, когда мысли несколько закливаются... Пусть каждый вспомнит себя в аналогичной ситуации. С другой стороны, всякий, кто читал работы Сталина, вспомнит: Вождь намеренно делал такие повторы. Это, с одной стороны, известный прием оратора и политического публициста — «для масс», по принципу: повторенье — мать учения. С другой же, как мы давно подметили, такие повторы априори характерны для закавказских людей, прежде всего грузин и армян, изучивших русский язык в зрелом возрасте. Очевидно, такая дидактика построения речи самохарактерна для их родных языков.

ПРОСТИТУТКА ИСТОРИЯ

Вождь вошел в личную половину Ближней дачи, скинул шинель и повесил ее на крайний левый крючок вешалки. Невольно усмехнулся, вспомнив давние слова подпившего на дне рождения Штеменко Климента... какого к черту Климента! Вот еще папа римский нашелся... в зюзу пьяного Ворошилова: «Я, товарищи, настолько проникнут большевистским духом, что даже по лестницам поднимаюсь-спускаюсь держась левой стороны!» Хорошо, Берии рядом не было, а то бы заподозрил лихого рубаку в шпионаже в пользу Британских островов, где движение левостороннее. И что только на Лаврентия не вешают? Впрочем, после того шумного празднества, когда и он сам лишку хватил, два-три раза поддразнивал Клима английским шпионом. Глупо, конечно, но в каждом кругу общения свой юмор, даже казенный.

Положил на полку фуражку, чуть поморщившись от давней, надоедливой боли в предплечье больной руки, когда, забывшись, поднимал ее слишком резко. Застарелый артрит, как еще академик Бехтерев ему говорил, а по-русски говоря: сухотка.

Старость не радость, уже стаскивая с легким кряхтением сапоги, привычно думал он. И погода самая противная в середине февраля, влажно-морозная, с изморосью. Поежился, прогоняя легкий озноб, всунул ноги в короткие домашние валенки, растянул и снял китель, с удовольствием облачился в теплую меховую безрукавку.

Прошел в кабинет, по привычке глянул на настенные часы: половина первого. Вот и день миновал. Оторвал от висевшего под часами простенького численника уже полчаса недействительный листок от 17 февраля 1953 года. Также машинально перелицевал в пальцах календарный листок, неприятно поморщился: на обороте лапидарные стихи о кремлевских курсантах. Что за черт! Только во время поездки в машине отогнал от себя неприятные мысли о сегодняшнем происшествии — и тут тебе снова на кремлевскую тему... Два часа пополудни Поскребышев, явно нарочито войдя с второстепенными бумагами, вскользь сообщил, что в «кремлевке» скоростижно умер генерал-майор Косынкин. «Академик Мясников звонил: с сердцем неполадки случились».

Какие неполадки с сердцем в сорок лет могут быть? Что за напасть такая: куда не поставит он проверенного, надежного человека, так что-нибудь с ним и случится? Нет, это не старческая подозрительность, это все факты. И факты малоприятные. Вот

и с Косынкиным: только недавно он назначил бывшего старшего прикрепленного (не любил он слова «телохранитель») комендантом Кремля, так тут и сразу... Начинают обкладывать матерого волка. В растворенную кабинетную дверь со стороны коридора послышалось вежливое покашливание. Вождь неторопливо полуобернулся, все продолжая держать в руке досадливый календарный листок.

— Товарищ Сталин,— спросил стоявший в проеме нынешний старший прикрепленный Старостин,— ужин в малую столовую?

— Нет, не буду...— Расслабившись в домашней обстановке от официальности Кремля, Вождь чуть было не добавил, что знобит его, простудный февраль, но тут же внутренне одернул себя. И чтобы исправить возникшую в душе некую неловкость, привычно (вот она — вьезшаяся привычка даже мысленно обращаться к авторитетам) вспомнил из назидательных поучений отца Ираклия в далеком тифлисском семинарском бытии: «Внешняя дисциплина во всем должна соответствовать убеждениям выработанной строгости душевного склада. Такой гармонии трудно и сложно достичь, но потерять ее, а значит и утратить свое лицо, дело минутное; искушитель не дремлет!» Благо, был философствующий вероучитель не в монашеском постриге и наиболее удачные свои лекции по патристике* читал явно после вчерашних крестин; имел он и такую практику.

— ...Попроси принести чай сюда.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

Старостин, неслышно ступая своими сапогами по толстой ковровой дорожке коридора, пошел на кухню, а через пару минут — Вождь всего лишь успел подойти к письменному столу и остановился перед телефонным аппаратом спецсвязи, задумавшись: позвонить насчет Косынкина с уточнениями? — в кабинет вошла, также предупредительно кашлянув, дачная кухарка Матрена Бутусова, по зарплатной ведомости «повар питательного пункта объекта Кремль-9».

— Разрешите, Иосиф Виссарионович?

— Да-да, проходи, пожалуйста.

Кухарка с подносом прошла к письменному столу, сняла с подноса литровый заварной фарфоровый чайник и привычно поставила его на свободный внешний угол, подложив маленькую плетеную подстилку. Накрыла чайник «папахой», как называл хозяин этот упрощенный вариант купеческой куклы, поставила обочь на стол тонкий стакан в мельхиоровом подстаканнике, блюдец с порезанным лимоном и сахарницу с мелкими кубиками рафинада.

— Что-нибудь еще, Иосиф...

— Нет-нет, можешь быть свободна.— И все же позволил чуть расслабиться, пошутил:

— И так полчаса переработала от министерского распорядка!

Матрена дозволительно улыбнулась на слова обыденной шутки и интонацию хозяина и вышла из кабинета с опорожненным подносом самой простой жостовской выделки. Здраваться по утрам и прощаться по вечерам на даче не было принято. Как дома.

А дежурную присказку насчет министерского распорядка ввел в дачный обиход все тот же Ворошилов, которого после лишней для него стопки любимой «г'орилки з пирцем», как научил выговаривать по-хохляцки шут гороховый Никита Хрущев, тянуло на шуткованье. Имел он в виду установленный лет пять тому назад единый распорядок рабочего дня министерских служащих, согласно которому рядовые и средненазначенные работники служили до восьми вечера, а министры и их замы отправля-

* Наряду с догматическим богословием и гомилетикой, одна из базовых дисциплин в православных семинариях.— Прим. авт.

лись домой опочивать с боем курантов. Как-то само собой получилось, что Матрена Бутусова единственная на даче пользовалась правами министра на сон с нуля часов; хозяин еще с довоенных лет привык засыпать не ранее трех ночи, а прикрепленные, охрана и комендант дачи Орлов, как люди военные, подчинялись служебному графику.

Есть действительно не хотелось, да и вредно все это на ночь, но первый, обжигающий стакан чая выпил в несколько минут. Совершенно непроизвольно, подсознательно подумалось: Матрена, как обычно, заварила смесь грузинского с краснодарским, а на днях примет он здесь индийского посла, так следует и чай подстать его вкусам подавать. Еще в пути, в машине твердо решил: неделю-полторы проживет здесь безвыездно, переждет самую непогодную для него вторую половину февраля. А посол очень просил аудиенцию. Так пусть и приезжает; оно без дипломатических церемоний и лучше. Особенно зная о чем собирается просить посол: о поставках зерна. Ох, эти просьбы, просьбы...

Чай унял простудную неприятность в теле, но хорошо он знал: этот озноб не перейдет в ангину только если не покидать домашнее тепло дачи. Да и текущим делам такое удаление от Кремля явно не повредит. Это как в хорошо отлаженном механизме часов: все колесики-шестеренки вертятся исправно, а хозяин, заведя пружину, спокойно наблюдает за их ровным ходом со стороны. Это как поезда у Кагановича с минутной точностью ходят, что хорошо знает вся страна. Даже в присказку вошло.

А частые простуды и ангины в последние пять-семь лет не только возрастное... Нет, не только. Сказались сибирские ссылки, особенно сильная простудная хворь в Курейке. И в Гражданскую не в зеркальном спальном вагоне, царском наследстве, как иудушка Троцкий, по тылам разъезжал, а по фронтам мотался на перекладных.

Но все же здоровье подорвала война не столь давняя, которую почти суеверно, усилием воли так хотелось отодвинуть в памяти как можно дальше от сегодняшнего дня!

*Как состарился Ниника!
Он, побитый сединой...*

Усмехнулся: вот давно и родной язык, на котором иногда лишь говорил только в мыслях, уже воспринимается едва ли не как чужой, выученный.

Все же выпитый стакан чая, терпимо обжигающего язык и небо, взбудрил, отвел саможалостливые мыслишки. Знал: пройдет эта позднее-февральская непогода, пройдут простуды,— и он снова бодр, снова с головой занят своим огромным хозяйством:

*По стерне он, враг безделья,
Утирая пот, шагал...*

Всего-то два месяца без малого как стукнуло семьдесят три! И разве не с Кавказа он, где в таком возрасте пляшут до утра лезгинку на свадьбах внуков и надеются то же самое сделать в день венчания правнуков. Бракосочетания, поправился Вождь дисциплинированно.

От воспоминания семинарских стихов и отца Ираклия на ум тотчас пришел, хотя его и не звали, тогдашний однокашник Георгий Гурджиев. Надо узнать, попутно отметить, жив ли, где и чем живет этот залихватский мистик? С «лица необщим выраженьем» — где-то прочитал о нем. А вспомнился семинарский сотоварищ по постной похлебке по маниакальному интересу к числовой символике. С жаром истинного апологета часами мог говорить о сакральности трех шестерок и числа тридцать шесть.*

* Известное из теории чисел соотношение: $1+2+3+\dots+36$ равняется шестьсот шестидесяти шести — числу дьявола.— Прим. авт.

Еще Георгий пояснял сакральный смысл чисел-перевертышей. Вот и семьдесят три его нынешнего возраста «старика Ниники» не совсем уместно перевертываются на досадливый 37-й год. Да-а, жесточел Вождь, с одной стороны, тогда пришлось таки жесткое время перед начинающейся мировой сумятицей до конца обрубить все затаившиеся головы троцкистской гидры, но с другой... И нарком Ежов со слесарным образованием палку перегнул, впадая в кровожадное неистовство, и сами троцкисты «на местах» ошетинились, взамен себя стали мирный народ подставлять.

...Ему же, хозяину страны, затем пришлось в тридцать восьмом — тридцать девятом с помощью Лаврентия возвращать из лагерей почти всех упрятанных туда Ежовым. Да-а, наделал делов маленький ростом Николай Иванович! А где было стопроцентно надежные и не слабые на голову кадры брать? — Не от Левушки же Троцкого, тогда живого?

Эх, тридцать седьмой, тридцать седьмой — грозный и кровушкой людской достаточно политый. Чего только мне за него после смерти, если вдругорядь придут к власти в стране последыши троцкистов, не припишут? Уже про Запад умолчу...

Вот ведь проститутка история, как кто-то из высоколобых немцев сказал, а кто? — Каутский, Бисмарк... может и сам историк Фейербах? А вообще в образной манере Владимира Ильича: гнилая интеллигенция, тот же ренегат Каутский, иудушка Троцкий опять же. Но что-то про проститутку от истории он сам из уст Ленина не слышал, в трудах не читал, а их-то, включая черновые пометы и неизданные письма и заметки, все с карандашом прошел.

И не только про тридцать седьмой. Миллионы и десятки миллионов якобы расстрелянных на него, почитай единолично одного, навалят; чуть ли не половину, а то и всю двухсотмиллионную страну в лагерь посаженную. Борзые перья из затаившихся троцкистов легко сыщутся. Эх, тяжела ты, шапка Мономаха, тем более народного...

Как-то принес Лаврентий справку про наши «жертвы мирного времени», как он паскудно сказал; думал воспользоваться я ими в намечавшемся интервью с корреспондентом «Фигаро». Но что-то там *МИД* не согласовал, что ли... А потом и сам решил: не к чему перед западниками цифрами козырять, нам перед ними не оправдываться, тем более перед французами: мы за тридцать с лишним лет в двухсотмиллионной стране, обороняясь перед агентурой всего мира и, что намного опаснее, перед агентурой внутреннего и мирового троцкизма, да с учетом не одного миллиона затаившихся контрреволюционеров... словом, долго перечислять; так вот, за это долгое время и при массе факторов активного противодействия физически уничтожили шестьсот с небольшим тысяч прямых, неисправимых ничем, смертельно опасных врагов. И вряд ли более пяти-восьми процентов здесь случайные люди. Да и то дурацким усердием Ежова, будь он не к ночи помянут всей страной!

И это цифры! Именно цифры. Мне Лаврентий угождать не будет. Это он прекрасно знает, хитрый, но умный мингрелец.

...А французы за пять-шесть лет после своей революции, хотя и Великой в мировой истории, под гуманным лозунгом *liberte-egalite-fraternite** только на изобретение доктора Гильотена отправили свыше миллиона человек. И население Франция конца восемнадцатого века, если не изменяет память, имела в десять раз меньше, чем СССР. А сколько сотен тысяч, опять же за миллион, крестьян Бретани, Нормандии, иных углов Франции были перебиты войсками революционного Конвента, Директории? И пресловутой 58-й статьи у них не имелось. Хм-м, да такая статья имеется сейчас в любой, так называемой цивилизованной стране Запада.

Опять же к французам. Сколько же французов погубил Наполеон в своих революционных, а по сути завоевательных войнах? Много. Огромное число самых креп-

* Свобода — равенство — братство (фр.).— Прим. авт.

ких, здоровых, умных людей. И совершенно убежденно еще отец Ираклий говорил, что Французская революция и наполеоновские войны погубили на протяжении всего лишь одного поколения весь цвет французской нации; после этого французы и внешне-то стали другими. И еще добавлял Ираклий, видно вспомнив вчерашние крестины у купца Кермоклидзе: «Это все одно, как весь виноград в Европе стал совершенно другим после эпидемии филлоксеры в девятнадцатом веке. А значит, и все европейские вина приобрели иной вкус и аромат. Потому сохранившиеся в солидных замковых погребках вина урожаев до эпидемии получили специальное наименование «прафиллоксеры» и ценятся на вес золота!» Да, отец Ираклий умело доводил до их семинарских голов и самую сухую патристику, и живые примеры истории...

И что же? Европейская наука история возмущалась кровожадностью Конвента и Наполеона ровно до того времени, пока Европа, выполнив основную цель Французской революции, не стала благобуржуазным континентом. Тотчас Наполеон был возведен гласно и негласно в великие полководцы, и все дела Конвента, Директории и иже с ними отнесены к внутренним делам Франции. А в ней все это отнесено к учебникам истории. Жертвы забыты — об этом вообще неприлично говорить. И аминь. И как условная память о давно прошедшем и забытом — неизменный гимн «марсельеза»... как это? — Маршан, маршан!

Хм-м, вот такая она и есть, проститутка история. Особенно если сравнить с нашей революцией и с СССР, явно не вписывающимися в благобуржуазный континент Европу. Мы были, есть и будем для нее преступниками с пресловутыми миллионами безвинно расстрелянных, десятками миллионов сгноенных в сибирских, колымских лагерях. И так будет до тех пор, пока капиталистическая формация, согласно старине Марксу, а точнее — Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху, по всему земному шару не уступит место социализму. Но и тогда история останется проституткой, ибо объявит тотчас наши, хотя и объяснимые, но все же жесткие меры — от этого никуда не спрячешься — таким пустячком.

Но не все так просто. Действует жестокий закон, который наши идеологические подхалимы успели объявить «гениальным предвидением товарища Сталина», а именно закон все той же гегелевской диалектики в конкретизации общественного движения: по мере приближения к социализму классовая борьба усиливается. Вот здесь тебе и отрицание отрицания, и единство и борьба противоположностей. Да и переходом количества в качество пахнет: та же эволюция гидры троцкизма и беда всех бед — биологический частнособственнический инстинкт человека.

Так вот, эта самая диалектика вполне в силах на какое-то время приостановить нынешнее победное движение социализма, а проще говоря — временно возродить на территории СССР и стран соцлагеря капитализм. Увы, это допустимо, но временно. Но от этого народу нашему будет не легче. Главное — потом все восстановится, скорее всего уже во всемирном масштабе и в несколько иной форме, отличной от советской.

Да, одновременно жесткий практик и неисправимый идеалист ты, товарищ Сталин!

*А в песне его звучала,
Как солнечный свет чиста,
От Бога великая правда,
Орлиных высот мечта.*

Но ведь разве можно хоть полслова об этом сказать? Даже не народу, это убийство всей нашей идеи подобно. А своему «ближнему кругу»?

...Вождь так громко рассмеялся, что через растворенную дверь явственно слышались, но скоро замерли, осторожные шаги кого-то из охраны дачи: Старостина или кого из его помощников; вроде как сегодня смена Тукова.

А он всего лишь представил выражения лиц своих сподвижников... скорее поневоле сподвижников, озвучь он им свои размышления о буржуазной реконкисте в СССР. На туповато-преданном лице Семена, как у кота, дыбом встанут знаменитые усы, которые он сам ему строго-настрога запретил сбривать, даже подстригать. Клима, если он не пьян в стельку, кондрашка хватит. И без того бабье рыло Маленкова совсем потеряет свое очертание, как бы стараясь таким туманом раствориться: дескать, ничего не слышал и не видел. Вечно бывший троцкист Никита зажмет фигу в кармане, а Булганин хлопнет с верхом налитый фужер коньяка. А вот умный Лаврентий — единственный кто поймет... Но на всякий случай может и пристрелить его.

Вот поэтому и не может он, хозяин полумира, заносить свои потаенные мысли на бумагу. Как не упрятывай эти записи, все одно потом найдут и против его же памяти используют.

И все же история — проститутка, а осознание этого есть составляющая бремени вождя. Переписывается же история бесконечно. Такая же первая древнейшая.

БРЕМЯ ВОЖДЯ И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Действие горячего чая прошло, озноб вернулся. Как же он не любил эту вторую половину февраля! Память о Курейке, Царицыне, или все же старость?

*Весь согнулся, погляди-ка,
Стал беспомощный такой.*

Усмехнулся, снял с чайника папаху, снова наполнил стакан. Не присаживаясь к столу, стоя, чуть нагнув голову, быстрыми глотками выпил чай с двумя маленькими кусочками-кубиками сахара. О лимоне и не вспомнил: чай с лимоном требует рассудительности и задумчивой медлительности во время чаепития. Как в портретно-живописной версии революционной биографии Ильича: на картинах Иогансона и других придворных мазил. «Ленин у прямого провода» и десятки других, похожих, где в руке вождя революции неизменный простенький подстаканник эмпээсовского образца со стаканом жиденького остывшего чайку с размахренным лимоном и интеллигентски прижатой к ободу черенком ложечки... Впрочем, эти Иогансоны четко умеют уловить конъюнктуру. И они нужны государству, когда умело работают на него. Та же канонизация образа Ильича со стаканом чая. С лимоном и ложечкой.

А вот он, товарищ Сталин, пьет крепко заваренный чай с сахаром вприкуску; то-ропится — без лимона, за работой — с ним. А в молодости чай не терпел, зато любил пиво, закусывая свежим черным хлебом. Это явно не для Иогансона со товарищи. Не тот стиль, не соответствует величию эпохи и *его* страны сейчас.

Однако это ознобленное состояние путает, мельчит мысли. Вот чай, уже не такой горячий, допит. Легче стало, но с работой сегодня ничего не получится. Вождь, как бы извиняясь, посмотрел на привезенные из Кремля папки, аккуратно уложенные Старостинным на правый внешний угол стола. И все срочное: корейские дела, текущие сводки по пятилетнему плану, отчет Лаврентия по водородной бомбе... И самые кляузные дела в папке Игнатьева.* Полный идиот! Чувствуется, что ставленник Никиты Хрущева. Надо его поскорее менять на того же Рюмина.

Чем-то этот Семен Ежова напоминает, но только в переложении известной притали: повторение трагедии есть уже фарс. Надо же додуматься до «дела врачей»? Эх, сегодня работа не пойдет. Вождь как-то неопределенно махнул рукой, присел на свой топчан-кровать, чуть кряхтя, заменил домашние валенки на длинные шерстяные носки, переключил, не вставая с топчана, на настенном пультике верхний свет на

* Семен Денисович Игнатьев, министр госбезопасности в 1951—53 гг.— Прим. авт.

придверный ночник, да еще робкий отблеск из коридора: не хотелось вставать — закрыть дверь.

А-а, ладно, так уютнее. Накрылся своей старой кавалерийской шинелью. Через четверть часа согрелся, но понимал ясно: даже несмотря на простуду раньше трех-четырёх часов не уснет. Слишком долговременная привычка!

Так и раньше случалось, обычно все в том же феврале, если выдавался слякотным, а ангина или озноб тут как тут. А академик Мясников и врач Гареев даже одобряли его организм. Дескать, если в возрасте за сорок-пятьдесят, не говоря уже о более почтенном, человек при простуде или вирусной инфекции ангиной болеет, это свидетельствует об общей крепости его. «Ангина, то есть воспаление аденоид,— почтительно, но по-профессорски уверенно пояснял Мясников,— есть первичная, так сказать, передовая оборона организма. Переболеет человек ангиной — и все, дальше инфекция в трахеи, в бронхи и еще глубже в легкие уже не пройдет. Если же с возрастом, что обычно и бывает, аденоиды уже не реагируют на простуду и вирусы, то инфекция прорывает эту передовую и поражает более жизненно важные органы и системы».

Спасибо, конечно, на ободряющем слове маститого медицинского академика, но и эти «спасительные» ангины и простуды, если уж так зачастили, не больно великое удовольствие.

А так как и раньше эти два-три часа бессонницы приходилось, согрешившись чаем, под царицынской шинелью коротать, раз работать за столом невмочь, то и рецепт уже известен. Надо в который раз, прикрыв глаза, в очередной раз прокручивать в голове те самые потаенные мысли, что не запишешь ни в одну сверхсекретную тетрадь, не произнесешь вслух даже при полностью упившихся по всякому поводу соратниках из числа самых доверенных. Другого времени у Вождя не было, нет и вряд ли будет. Вожди на заслуженный отдых не уходят. Снова вспомнился Мясников, как-то обмолвившийся в общем разговоре на консилиуме: «Да, товарищи, профессора и академики на пенсию не уходят». Вот и они туда же...

Да, потаенные мысли. Как-то вырвалось у него, что-де проходит время гениев, наступает эпоха серой посредственности,— так у всех этих... рожи перекошило. А он ведь не себя, конечно, имел в виду, а смену исторических реалий, от отдельных личностей и человеческих масс не зависящих. Но ведь каждый из ближнего окружения, как это принято у женщин... нет, у баб, сразу на себя стал примерять его слова. Естественно относя свои персоны к первым.

А что после его смерти только не нанесут на его могилу? Недолго она в чистоте пребудет. Один хай поднимет, если при верховной власти окажется, так остальные тотчас подхватят. Даже если и поневоле. Пожалуй, единицы его не предадут, те же Шапошников и Рокоссовский.* Не зря он их только двоих и величает по имени-отчеству, а не безликим «товарищ такой-то». Старые партийные лисы! Как же они быстро, прямо на глазах, превращаются из бесстрашных революционеров и бескорыстных бойцов партии в нечто трусливое, лицемерное, свиноподобное? Понятно, что любое животное к старости становится осторожным, боязливым. Но ведь более справедливым можно считать, что далеко и далеко не все выдерживают испытание властью, гарантированной сытостью, да еще от природы жадные женщины — их жены, тещи, дочери, невестки — и в свою дуду дуют. А ночная кукушка всегда дневную перекукует; здесь всем пример из примеров библейская Эсфирь...

Послать бы их всех куда подальше, лучше всего на пенсию, но кого взамен-то поставить? Идеалист ты законченный, товарищ Сталин! Но кто кроме идеалиста не-исправимого может взвалить на себя бремя вождя... нет, Вождя — с большой буквы?

* Так оно и случилось; только они отказались клеветать на Сталина.— Прим. авт.

Тем более, что такой Вождь, рачительный и по необходимости строгий хозяин страны, долго идет к власти. Это тебе не чехарда консулов и императоров, забиравших престол лишь оплачиванием годового жалования двум легионам преторианской гвардии. Само по себе бремя Вождя суть жертвенность во имя высоких идеалов. Тавтология, конечно, но эти идеалы привлекают к себе исключительно идеалистов.

Можно ведь и такое умозрительное сравнение привести: если на обычного человека давит атмосферный столб в сотни килограммов, то для Вождя плюсуется еще сотни тонн давления шапки Мономаха. И авторитет его зиждется не только на полезных и насущных для самых широких масс делах и поступках, но и требует определенных искусственных ритуалов. Взять тот же идеализированный ореол Вождя; не знаю, как этот институт потом назовут мои злопыхатели.* Когда в тридцать седьмом году в разговоре с Лионом Фейхтвангером последний осведомился о причине обилия портретов Вождя в стране, речевок и приветствий, начинающихся непременно со славословий товарищу Сталину, то он все свел к шутливому ответу. Дескать, в массе своей наш народ еще не успел овладеть европейской культурой выражения своих чувств, перебарщивает. Отсюда и изобилие портретов «человека с усами». Этот ответ ему самому понравился и стал трафаретом для всех последующих, хотя и редких, интервью и бесед с западниками. А устраивает это их, или нет — их же и дело. На том поставим аминь, как заканчивал свои лекции отец Иракий.

*Недаром сам народ тебя прославил;
Тебе перешагнуть рубеж веков...*

На дело-то серьезное и принималось решение о идеализированном ореоле Вождя на пленуме после XVIII съезда ВКП(б) — в закрытой его части — по-деловому, со всеми доводами «за» и «против». Сам он колебался почти до окончания обсуждения вопроса. Как ни странно, но на правах военного наркома чашу весов склонил Ворошилов. Это при всем его шутовстве на съезде. Надо же, додумался частушку в свое выступление вставить:

*А товарищ Коккинаки
Долетит до Нагасаки
И покажет всем Эсаки,
Где зимуют раки!*

Нд-а, предугадал старый рубака: до Нагасаки-таки долетел, но только не товарищ...

Впрочем, может, и правильно сделал, разрядил мрачноватую обстановку: съезд-то собрался в не самые спокойные для страны времена.

А на пленуме Клим необычно серьезно и убедительно обосновал необходимость создания идеализированного ореола. Понятно, в совершенно иной, партийно-политической терминологии. Основной его довод: война, увы, неизбежна. Большая война, скорее всего мировая, так что даже малой-премалой надежды отсидеться в стороне у СССР нет. Отсидится и еще больше разбухнет от золота только САСШ.** А наш, русский, советский народ — плохо это или хорошо, не нам судить — в години суровых испытаний особенно привык к строгому единоначалию. И если раньше лозунгом всенародного единения было «за веру, царя и отечество», то теперь, исключая бога, в девизе остается отечество-родина и тот, в котором народ видит высшего руководителя, которому он, народ, полностью доверяет. Но не слепо, а будучи уверен: именно он, высший руководитель, сделает все мыслимое и неммыслимое, но приведет страну

* До хрущевского клейма на XX съезда КПСС термин «культ личности», по крайней мере в приложении к Сталину, нам в источниках не встречался. — Прим авт.

** Северо-Американские Соединенные Штаты — тогдашнее название США. — Прим. авт.

к победе. Этот же руководитель становится символом, Вождем. И бойцы в атаку будут подниматься со словами: «За Родину, за Сталина!» Так что, Иосиф Виссарионович, ваше имя уже не только вам принадлежит.

И не в твоём характере, Коба, для убедительности Ворошилов обратился к старой партийной кличке Вождя, обращать внимание на зубоскальство империалистов и недобитых троцкистов по поводу якобы твоего самовосхваления. И мы все прекрасно знаем: это товарищу Сталину глубоко чуждо. Главное — это на пользу нашего общего большевистского дела, на пользу всего советского народа. И трудовые массы всего угнетенного империализмом мира знают: имя Сталина олицетворяет (Ворошилов в два приема выговорил это казенное слово) СССР и наше правое, революционное дело.

Да, убедительно, хотя и несколько коряво, сказал тогда Клим, «первый красный офицер». Он согласился, как всегда соглашался, не ломаясь, с разумными доводами.

Кстати, чтобы там не сочиняли сейчас, в самом приступе «холодной войны», продажные западные писаки-журналисты, до войны эта необходимая идеализация ореола Вождя не выходила за рамки портретов на демонстрациях и на стенах помещений учреждений. Кстати, на том же «демократическом» Западе в служебных кабинетах на стенах непременно портреты президентов, премьер-министров и королей с королевами, которые «царствуют, но не правят». А у нас — по ведомственной принадлежности — не один товарищ Сталин в красном углу наличествует, но тот же Ворошилов, Дзержинский и другие наркомы. Кажется, только Лаврентий не велит себя афишировать. Наверное, въевшаяся в характер привычка старого подпольщика и чекиста: присутствовать везде и всегда, но невидимо... И на демонстрациях не только саженные портреты товарища Сталина несли.

В войну и вовсе не до наглядной агитации, а «За Родину, за Сталина», как ему раз под хорошее настроение сказал Рокоссовский, в тяжелых боях бойцы чаще заменяли десятиэтажным матом. Что ж, так-то оно сподручнее. Вспомнил свои бои под Царицыном.

Кое-кто считает — служба Лаврентия все знает, — что после войны с идеализацией Сталина-символа все переборщили, прежде всего Агитпроп. Бесчисленные памятники и бюсты, обязательные репродукции Йогансона со товарищи в каждом номере «Огонька», песни о Сталине, а главное — сталинская фильмотека. Так, кажется, это называется у киношников на их птичьем языке; и борьба с космополитизмом — дурно и топорно проведенная Агитпропом кампания — этот их язык не изменила!

Актер Геловани еще до войны «прописался» на роль Вождя в кино, но после «Клятвы» сорок шестого года его заменили Алексеем Диким. Только в «Падении Берлина» одноразово вернули Геловани. Много чего говорят втихую о замене Геловани Диким, вроде как он разгневался на сказанное Геловани по пьянке: «Я, потомок княжеского рода, вынужден играть сына сапожника». Но все это чушь, и не было такого. Просто в послевоенное время он принял верное решение: в определенном смысле дистанцироваться от своего грузинского происхождения, а Геловани своей характерной внешностью и акцентом не вписывался в новую роль Вождя: грузина по происхождению, но русского по духу. Актер Дикий более вписывался в эту линию.

Так переборщили или нет? — Нет и еще раз нет. Необходимость в Сталине-символе как раз многократно возросла после завершения войны. Нечто схожее, хотя и в совершенно других акцентах, уже в России было: после Отечественной войны 1812-го года. Да-да, какой бы странной такая аналогия не показалась. И только в самых потаенных мыслях он ее допускал.

Даже по ущербному варианту истории Покровского, детища Пролеткульта и комиссии Луначарского — Крупской... Вождь мысленно поморщился: история Покровского даже не то чтобы ущербная, но прямолинейно тенденциозна, однако именно

такая и требовалась для малограмотной страны, особенно в 20—30-е годы. И по этому варианту истории, чрезмерно советизированной, нежелательными для Империи результатами войны восьмьсот двенадцатого года и похода русской армии через всю Европу в Париж явилось смятение в умах самых низов — крепостного крестьянства и самых верхов — аристократического офицерства, гвардейцев и привилегированных полков. Первые, поучаствовав в партизанской войне, решили, что наградой им должно стать освобождение от крепостной зависимости. А вторые, поверхностно насмотревшись на либерализм европейских стран, особенно Франции, и вовсе докатились до декабризма. Хотя и цветом военной аристократии являлись, но не додумались, — ни Пестель, ни Бестужев — самые умные, что на заговор, на Сенатскую площадь их, как слепых котят, вывела — через посредничество масонов — Англия, вековечный враг России... да и вообще всех европейских, континентальных государств.

И спасением для Российской империи тогда стало восшествие на престол Николая Первого*, заменившего переигравшего в европейский либерализм-вольтерианство Александра Павловича. «Властитель слабый и лукавый...// Над нами царствовал тогда...» Удивительно, но в двадцатые-тридцатые годы того века одновременно жили и поддерживали друг друга два умнейших человека первой половины XIX века: Николай Первый и Александр Сергеевич. В каком-то смысле и мне повезло, что в мире литературы есть Шолохов.

Так в чем же аналогия, хотя и условная, отдаленная? А в том, что, победив Германию с сателлитами и Японию, уже наш, советский народ в каком-то смысле, скорее интуитивно, стал ждать послаблений. Но само по себе никакое послабление во время восстановления разрушенной страны немислимо. Да и послабления эти мыслятся именно в сторону либерализации, то есть отхода от норм социально ориентированного хозяйства. Явно с подсказки в который раз возродившихся троцкистов: типа «советская власть без коммунистов», «распустить колхозы» и тому подобное. Слухачи Лаврентия хорошо работают.

Ну, народу, вдоволь умывшемуся кровью, это простительно. Не так уж и глуп русский народ, да и остальные нации страны, глядя на него. Сами поймут, да и Агитпроп не даром хлеб с маслом ест. Куда опаснее вторая аналогия, то есть, в среде высшего офицерства.

Слабость человеческая и им присуща, тем более, что все они в первом поколении из рабочих и крестьян, нет у них родовой, поколенной аристократической выдержки и самодисциплины. Кое-кто и возомнил себя бонапартами и бонапартиками. Да еще с подначки своих вечно жадных жен и любовниц-актерок настоящий грабеж в поверженной Германии устроили, вагонами и составами дуван вывозили!

Уже по углам шепчутся: дескать, потому он сослал Жукова в хилый Одесский военный округ, что боится славу за Победу с ним разделить. Каждый судит по себе, а мне с Жуковым делить нечего, у каждого своего хватает. А ведь он, возможно, спас маршала от искушения: советчики тому всегда нашлись бы. И уподобился бы Георгий-победоносец незадачливому заговорщику Тухачевскому, великому победителю тамбовских крестьян и кронштадтских матросов. А те и сами стали жертвами эсеровских происков. Понятны и их обиды: революцию-то, честно признаемся, они подготовили и сделали, а власть большевикам досталась... Эх, история, история! Никогда нельзя тебя написать по справедливости.

Вот в такой непростой ситуации да на фоне восстановления страны, да гигантских затрат на вооружение в условиях объявленной Западом холодной войны, никак нельзя было отказаться от идеализированного ореола Вождя. Трудно жила страна

* Недавно нынешний ректор Литературного института им. А. М. Горького Б. Н. Тарасов издал книгу о Николае I, назвав его рыцарем самодержавия. — Прим. авт.

перед войной; в войну и говорить нечего, но в первые три-четыре года после ее окончания СССР уподобился тяжело больному, только-только вышедшему из кризиса. А для такого, едва выжившего, человека вся надежда и вся благодарность только на спасшего его врача. Именно он для него — земной бог, Вождь и все мыслимые высшие силы природы, мира. И ведь врач-спаситель, даже если он не один, а вместе с ним весь персонал лечебницы вытаскивал больного из небытия, никогда не скажет ему: «Дорогой товарищ, я спас тебя, ночей не спал, выхаживая тебя, приложил все свои силы ума и рук искусного хирурга, но теперь ты пошел на поправку, я тебе уже не нужен, поэтому я прощаюсь с тобой. Живи и здравствуй, меня лихом не поминай, если по необходимости делал тебе больно, выкорчевывая смертельную болезнь. До свидания, дорогой товарищ».

*Великий труд певца своей отчизны
Обязана награда увенчать:
Пустило слово корни новой жизни,
Приспело время жатву пожинать.*

...Нет, нельзя и сейчас, когда уже у нас есть атомная бомба, водородная на выходе, ракеты все дальше летят, восстановлены города и построены новые, карточки отменены, заводы и фабрики в три смены работают, социалистическая система стала мировой, все равно нельзя лишать народ ореола-символа. Это нечестно.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — БИОЛОГИЧЕСКИЙ АТАВИЗМ ЧЕЛОВЕКА

Вот в чем меня сейчас, при жизни, и в будущем никак уж нельзя упрекнуть, так это в заразе частнособственничества, то бишь жадности, накопительства, а по-русски — скопидомства. Хотя нет, эта журналистская западная, а может и своя, сволочь и их политические заказчики-хозяева наизнанку вывернутся, но что-нибудь да придумают. Ха, зальются в бумагомарательском восторге: знаем мы эту сталинскую потертую шинель и подшитые валенки, три пары нательного белья, рабочий френч и казенный парадный мундир, не более двух-трех раз в год надеваемый! Все это маскировка, показуха для одурманенных масс в СССР и за рубежом. Дескать, можно укрываться царицынской шинелью, носить в Кремле по несколько лет одну пару сапог, а на ближней даче — самолично подшитые валенки, при этом имея в полной собственности 1/6 Земли, суши и в придачу Восточную Европу с половиной зарубежной Азии! Это как у русских самодержавных царей было.

Дурачье. Нет, не глупое, даже по-своему умное, иначе бы их не держали на приличном жаловании. А дурачье — если рассматривать с позиций истинного положения вещей, исторического предиката, как писал Фейербах. Попали пальцем в небо! Видишь ли, с царем сравнили. Как раз российские самодержавцы не абстрактно всей империей владели, а являлись крупнейшими частными собственниками в самом прямом смысле: от земель общей площадью с небольшое европейское государство до фабрик, дворцов и прочей недвижимости. Настолько большое личное хозяйство с многомиллионным оборотом, что для управления им существовало специальное министерство двора со своим министром типа графа Фридерикса при Николашке. Да цари этого и не скрывали. Как та же Екатерина Вторая, что подписалась под антипугачевским манифестом «казанской помещицей».

А вот он, товарищ Сталин, живет всю свою жизнь на зарплату: в юности разно-рабочего в обсерватории; десяток с лишним лет революционного подполья жил на скромные деньги партии, а во время тюремных отсидок и ссылок на царевом содержании. В двадцатые годы — пайковый партмаксимум, не гуще зарплата была и в

тридцатых — жене с детьми в Крым посылал сто рублей, извиняясь, что больше нет. Оклад генералиссимуса поболее, но почти весь он и гонорары за издание книг уходят в фонд Сталинских премий. Василию его генеральских хватает, а Светлану пусть ее сменяющиеся мужья опекают.

Нет у него ни счетов в банках, ни какого-либо собственного жилья. Кабинет в Кремле — казенный, дачи — казенные, а мебель в них вся с инвентаризационными бирками. Пять тысяч томов его библиотеки, все прочитанные или внимательно, выборочно просмотренные не раз, тоже с казенными штемпелями по-преимуществу. А все подарки — в специальном музее. И при этом никакого лицемерия.

Того не могут понять шелкоперы, западники и отечественные скопидомы, что не притворяется он бессеребренником ради политических выгод. Да, он подлинный, рачительный хозяин огромной страны и еще трети мира, но лично ему ничего не нужно кроме минимально потребного обычному человеку.

А ведь он с Кавказа, хотя и православного, с ослабленным религией стремлением к кулацкому накопительству, но все же с Кавказа с его аульным, хуторским принципом жизни, сугубо индивидуалистической, что есть первооснова частнособственничества.

Конечно, значительную роль здесь сыграли несколько десятилетий неустроенного существования, но все же главное — он сумел подавить в себе этот биологический атавизм человечества, переключив его на исполнение роли хозяина великой страны. Да, он лишней копейке не даст пропасть, тем более украсть, но все, суммирующееся в итоге в миллиарды твердых сталинских рублей, пойдет стране и ее народу. Это и есть феномен *государственного стяжательства*. Такими до революции были купцы-промышленники из старообрядцев. Заниматься чем-либо иным, исключая земледелие, властями и православной госсцерковью им было запрещено до семнадцатого года. Они тоже выжимали каждую копейку, но полученные таким стяжательством миллионы возвращали народу. Отсюда и самые знаменитые меценаты царской России: Третьяковы создали галерею лучших картин; Савва Мамонтов, железнодорожный магнат, открыл в Москве свою оперу с главным дирижером Рахманиновым; правда, его в 1904 году разорили чиновники... Кто-то строил церкви и монастыри, а Морозов субсидировал грядущую революцию.

Откуда в его памяти засело это определение: частная собственность — биологический атавизм человека? И связанное с ним же словосочетание «мелкобуржуазная биомасса». Второе явно из какой-то книги, а вот про атавизм — скорее всего его формулировка. Но родилась она под влиянием бесед с умными людьми.

Вспомнился пятилетней давности разговор с академиком Орбели, который попросил принять его по вопросу открытия нового биологического исследовательского института. Он тогда несколько поколебался, но все же принял. Вопрос с институтом решился быстро, но так сразу распрощаться с именитым академиком, тем более земляком, показалось малоудобным. Зашел разговор на темы биологии, генетики, бесконечных дискуссий в *ВАСХНИЛ*, смелых работ Трофима Денисовича Лысенко в селекции, спекулятивности вейсманизма-морганизма.

От научно-политических моментов Орбели умело уклонялся, постарался перевести на спорные теории биологической науки. «А знаете,— слегка улыбнулся академик,— только что отпустили в Германию военнопленного, бывшего младшего офицера вермахта Конрада Лоренца*. Он честно отработал три с половиной года на стройках в Армении. Я о нем слышал еще до войны — университетский профессор, признанный создатель биологической науки этологии. А в армию попал в наказание за то, что на одной из лекций неумышленно передразнил позу фюрера...».

* Будущий лауреат Нобелевской премии за разработку основ этологии.

Далее Орбели рассказал: «Этот Лоренц уже в советском плену написал трактат по этологии и с разрешения местных чекистов отпечатал его по-немецки в двух экземплярах — один им для передачи по ведомству куда следует, а второй переслал мне. В частности, учитывая что этология — это социобиологическая наука о поведении. Любопытно он изложил свою версию агрессивности, различие ее у животных и человека. Если у первых, тех же волков, медведей, агрессия взаимных, внутривидовых распрей длится определенное время, а затем автоматически глушится, чтобы вид сам себя не истребил, то у человека этого естественного останова нет. Поэтому люди и истребляют друг друга с первобытно-пещерных времен по сию пору. И чем дальше, тем в больших масштабах. И Вторая мировая это еще не апофеоз! Увы, но это так.

А причина отсутствия у человека — и только у него одного из всего животного мира — естественного механизма самоограничения агрессивности состоит в том, что все животные последовательно прошли в своих предшественниках и в своем виде все этапы эволюции, а человек, наделенный разумом, опередил время эволюции, нарушил тем самым необходимую последовательность ее этапов. Итак, формирование механизма останова агрессии не успело за ускоренным и все ускоряющимся формированием хомо сапиенс».

...Тогда он особого внимания на эту любопытную теорию военнопленного немца не обратил, более обеспокоенный разговорчивостью академика, явно вознамерившегося рассказать Вождю о всех тайнах биологии. А Поскребышев по телефону уже мягко напомнил, что в приемной у него уже с полчаса томится группа авиаконструкторов и военлетовских генералов с главным маршалом авиации во главе. Потому он вежливо выпроводил академика и от высот эволюционных теорий перешел к практическим делам дальней бомбардировочной авиации — под готовящуюся атомную бомбу.

А вот сейчас вспомнил ту давнюю беседу со знатоком биологии, теорию неостановимой агрессивности человека — и тотчас нашел решение давно уже мучившего вопроса о проклятом частнособственническом инстинкте, конца действенности которого и с вавилонской башни не видно. Да, причина та же, что и в случае агрессивности: человек в своем скором развитии обогнал естественную эволюцию.

Ведь любая философия — от субъективного идеализма до марксистского материализма — свидетельствует однозначно: частная собственность есть тормоз на пути высшего социального развития человечества. Но ведь она была. Есть и еще очень долго будет довлеть над человеком. Да, так бы оно и было, так бы инстинкт частнособственничества сошел бы на нет, пройди человек строго последовательно все этапы эволюции человека как животного. Но он опередил эволюцию, сломал эту последовательность, потому и сохранилось устремление к частной собственности — биологическому атавизму человека.

Ну, так что? — Он в этих терминах должен объясняться с Семеном Буденным, Климом, Маленковым, бесхитростными рабочими и крестьянами? И что они ответят ему на такую правду?

*«Пей, осуши, проклятый,
До дна эту чашу! До дна!
Чужая твоя нам песня,
И правда нам не нужна!»*

Да, голая правда никому не нужна: ни подпольным миллионерам, ни пролетариям с их единственным имуществом — цепями. Не говоря уже о крестьянах. Ни в ком из них этот атавизм-инстинкт не убит, а всего лишь заглушен тридцатью пятью годами советской жизни. Но ведь это ничтожно малый срок по сравнению с эволюционным временем!

И не дай, бог, если власть в стране возьмут хитростью или в результате плано-

мерной подрывной работы западных спецслужб последыши троцкистов или просто агенты влияния Запада! Мне до сих пор кажется, или это чистый мой вымысел, что одной из истинных причин введения Владимиром Ильичем *НЭПа*, наряду с главной — экономической, было его желание узнать: а как скоро хотя и молодое, но уже бесклассовое советское государство вернется к частнособственности? — Вышло, что мгновенно: вечером лег спать смиренным совслужащим или кустарем-одиночкой, а проснулся поутру купцом-ухарем, матерым спекулянтом, владельцем лавки или свечного заводика. Спасибо Ильичу за раннюю науку.

Да что уж так далеко, к Ильичу, ходить. Свой опыт, перемешанный с кровью, налицо: один из неприятных итогов Великой Отечественной войны. Наряду с невиданным доселе в мировой истории массовым героизмом, бескорытием и стойкостью явился и всплеск биологических атавизмов, прежде всего агрессивность и частнособственность. Первое — это бандитизм во всех его вариантах, второе — безудержное накопительство, спекуляция, воровство, хищения, мародерство. Да что говорить о полулегальных купчихах, если наши маршалы, генералы и интендантские полковники активно «прочистили» капитулировавшую Германию. Пришлось и генералитет одернуть, вплоть до разжалований и отсидок, и денежную реформу провести.

...Несомненно, в будущем мне «зачтут» и якобы безвинно пострадавших героических генералов, и денежную реформу. При этом забудут, что у честного человека, а таких в стране подавляющее большинство, в реформу и копейки не пропало, зато в целом реформа привела в порядок финансовую систему и пресекла безудержную спекуляцию. Но ведь вопрос-то шире стоит.

Как ни внимательно он читал Маркса с Энгельсом, Фейербаха, Гегеля, не говоря уже о Владимире Ильиче, Плеханове, даже князе Кропоткине, но ни у кого не находил что-либо конкретное о биологической первооснове частнособственности. Близок к этому был, естественно, Энгельс в своем «Происхождении...», но до теории Лоренца оставалось еще сто лет!

А получается, в общем-то, примитивная картина. Капиталистическая общественно-экономическая формация, особенно в протестантской Северной и Средней Европе, в США, британских доминионах, есть вершина, апофеоз частнособственности. Оно стало новой религией, пришедшей на смену христианству, пожалуй, единственной мировой религии, которая категорически отрицает накопительство, а значит, и саму частную, не личную, собственность: притча о верблюде и игольном ушке. Какой вывод из этого следует? Самоочевидно, что, во-первых, дальнейшее развитие капитализма-империализма упирается в тупик, ибо основываться на постулате биологического этапа эволюции — частнособственности в действенном ныне этапе социальном — значит отказаться от естественной логики, поставить все с ног на голову.

Во-вторых, неизбежный диалектически переход от капитализма к социализму, далее к коммунизму, к сожалению, не так скор, как представлялось классикам марксизма, как мы сейчас говорим советскому народу, людям всего мира. Это мои самые потаенные мысли, которые, как говорится, я и фуражке своей не доверю. На этом пути перехода еще много будет испытаний, временных отступлений, эйфорий как временно восторжествовавшего капитализма, так и тоже временного торжества общества социальной справедливости. Почему так затянется этот, объективно неизбежный, переход? — А потому, что движению истории потребно какое-то время, чтобы хотя бы ускоренно, но все же скомпенсировать обгон человеком биологического звена эволюции. Ведь то же самое из той же истории мы видим и при переходе от рабовладения к феодализму, и от феодализма к капитализму. И хотя история, что не подлежит сомнению, с движением времени ускоряется, но это не может быть отнесено к переходу от капитализма к социализму. Вполне возможно — это переход, с учетом

масштаба ускорения исторического времени, займет большее время, чем при смене предыдущих общественно-экономических формаций. Причина же такого явления, нарушающего выверенную логику диалектики, объяснима только одним, но весьма существенным: если при всех предыдущих сменах формаций роль частной собственности только усиливалась, отнюдь не прерываясь, то при переходе к социализму эта собственность уничтожается: и как явление социального этапа эволюции, и как биологический атавизм.

Вроде как все сам себе объяснил, разложил по полочкам, но осталось два вопроса: почему достаточно прогрессивная капиталистическая формация избрала частную собственность основой своего существования и исторического развития и, собственно говоря, в чем и кому вред от частнособственничества? Что же, и здесь все по полочкам укладывается.

Вред — всем и вся, даже самим частнособственникам, поскольку весь смысл их жизни упирается в накопительство любой ценой. В этом смысле американцы, по молодости своего государства и происхождения из неудачливых у себя дельцов Европы, по большинству из которых во времена переезда в Америку тюрьма плакала, придумали откровенный, нелицемерный термин *business*. Его у нас неверно переводят как *дело*, *предпринимательство*. Истинный же смысл этого слова-понятия, как Ильичу, ему, и, кажется, Зиновьеву, со смехом рассказывал в семнадцатом году Иудушка Троцкий: личная нажива любым способом, причем род конкретного занятия выбирается по принципу наиболее легкого и прибыльного накопления долларов и недвижимости.

Это вам не лицемерная старая Европа! Но все же главный, основополагающий, так сказать, вред частнособственничества — это явное, наглядное противоречие в социальной составляющей развития человека, всего человечества. Частная собственность порождает и полярно разделяет классы в обществе. А классово разделенное общество, государство, весь мир — не имеют будущего в смысле социальной гармонии, которая единственно и оправдывает цель эволюции человека. Враждебная классовость — это бесконечное топтание на одном месте. И изгаживание этого места. «Шаг вперед — два шага назад», — как метко сказал Ильич. Хотя и по совершенно другому поводу. Словом, ситуация, какую он себе представил в юности:

*Когда несчастных тружеников доля
Тебя, невец, так тронула до слез,
Немало горя, мук, жестокой боли
Тебе с тех пор увидеть довелось.*

Это вред. А вот насчет первого вопроса? — Здесь Энгельс и Плеханов достаточно поразмышляли. Но и мы, сиволапые, не совсем лыком шиты, не только можем марксистские бибблии почитать, но и свою какую-никакую голову на плечах имеем. И не надо ничего усложнять, как это любят делать немецкие философы-политэкономы и наши ортодоксы от марксизма-ленинизма, те же Деборин и Презент. Хотя без этих болтунов в данное время нам не обойтись. Самые сложные вопросы имеют простые ответы. Равно как и самые основополагающие законы мироздания.

Все дело опять же в том, что с капитализмом завершается череда общественно-экономических формаций, начиная с поздней первобытной общины, где движущим элементом развития является классовость, внутри- и межгосударственная агрессивность и, разумеется, частнособственность. С переходом от одной формации к другой в этой череде внутренние противоречия в классовых обществах накапливаются, тем самым готовя качественный переход-скачок к социальной, бесклассовой формации. А перед любым качественным скачком, как это хорошо видно из самых обыденных вещей и событий, внутренние противоречия должны достигать максимума. Поэтому,

какими бы прогрессивными качествами ни обладал капитализм в высшей стадии своего развития, ничего он изменить в своем базисе — частной собственности не может. Именно поэтому мирное перерастание капитализма в социализм весьма и весьма проблематично. И не обязательно через революцию. Скорее всего уже лет через двадцать-тридцать и сами революции, так сказать «технически», в крупных, развитых капстранах станут невозможными по многим причинам: гибкая классовая нивелировка — подкуп части рабочего класса, сильная полиция, отсутствие условий конспирации и так далее. Неизбежный же качественный скачок произойдет другим путем. Каким? — Историю наперед не переглядишь.

Как это ни странно, но провозвестником отрицания частной собственности стал не СССР, а Иисус Христос и созданное им христианское учение. Но разве можно ему, Вождю передового человечества, хоть полслова даже умнейшим из соратников об этом сказать?

*Когда, своей отчизной вдохновенный,
К заветным струнам прикасался ты,
То с пылкостью, как юноша влюбленный,
Вверял ей сокровенные мечты.*

ГДЕ ВЗЯТЬ ПРЕЕМНИКА?

О-хо-хо, старость не радость. Все же эти простуды и ангины не только и не столько наследие Курейки, других ссылок и тюрем, лихолетья и неустроенности Гражданской... Нет, Сосепо, как тебя мама звала, вот и возраст начал сказываться. Чему тут удивляться, если к твоим семидесяти трем добавить с десяток лет, что добавила ему война — год за три! — вот он и возраст.

*То-то горе! А ведь было:
Был могучим хлебороб,
По полям гуляла сила,
Серп сверкал, валился сноп.*

Даже, если учитывая его кавказское происхождение и устоявшийся образ жизни, не столько его самого, а страны, ему и отпустится еще лет десять-пятнадцать жизни, то все одно после исполнения восьмого десятка надо отходить от управления страной. Слишком большое хозяйство, которое все более усложняется — веление времени, прогресс в науке, в промышленности, во всем. И международная политика хитрит, нарочито запутывается империалистами. Еще на себя и страну взвалил соцлагерь на западе и востоке. И неизвестно с кем хлопот больше: «Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не быть», — как абсолютно правильно сказал Редьярд Киплинг, которого у нас припечатали как певца колониализма. Вот и бывшие колонии, та же нищая Индия, к нам потянулись: кто из корысти, кто по необходимости, очень мало по убежденности. Третий мир — еще она докука.

Да-да, на девятом десятке непременно либо на покой, если только свои же не ухлопают, или же уподобиться английской королеве. И должность-то подберут соответствующую: Почетный председатель СССР. Как Мао Цзедун, но только тот вовсе не почетный, а самый что ни на есть настоящий.

Но где взять преемника, которому без скорби душевной можно передать созданную тобой сверхдержаву с ядерным оружием, огромной промышленностью, танковыми армадами и воссозданным флотом. Вспомнил как-то услышанное от адмирала Кузнецова, поморщился: с флотом-то еще строить и строить. Адмирал с характерной для него прямолинейностью не раз и не два доказывал необходимость резкого увели-

чения расходов на флот в этой и в грядущей пятилетках. И горькую присказку, бытующую во флотской среде, рубанул: дескать, четыре флота у нас, *СФ, ТФ, ЧФ и БФ*, но это не просто Северный, Тихоокеанский, Черноморский и Балтийский флота, а *Современный флот, Тоже флот, Чи флот, чи не флот* и, увы, *Бывший флот!*

Но как дорого стоят эти красивые линкоры, крейсера и эсминцы? Уже что говорить о подводном флоте, проектируемых в Ленинграде атомных подлодках... Деньги-деньги, ваша проклятая власть и при социализме долго еще будет довлеть.

Флот-то можно, хотя и с напрягом всей страны, сделать океанским, сравнять с натовским, а вот где взять преемника? А ведь искать его, готовить следует уже сейчас, не дожидаясь пока аукнется. Да-да, вот именно: как аукнется, так и откликнется. Как же трудно быть первопроходцем, создавать новую, ранее неизвестную в мире и в истории государственную систему! Во всем заботы и неординарные решения, не знакомые ни царям, ни западным президентам и премьер-министрам.

У царей династия, делящаяся сотни лет, а в восточных странах и того больше; как ему рассказывал ханойский посол: последняя вьетнамская династия императоров Ма Динь правила восемьсот лет. А в династии будущего престолонаследника готовят по выверенной теми же веками программе с самого младенчества. Главное — кровь одна, воспитание одно, характеры и ум одни и те же у уходящего с престола и вновь его занимающего. Неразрывная цепь. Но уж если разорвется, то это дорого стране обходится, как у нас при смене Рюриков Романовыми: Семибоярщина, безумный Борис Годунов, Смутное время... Но это исключение, которое подтверждает правило.

Достаточно отлажена на современном Западе президентская система смены власти и премьер-министерская в номинальных монархиях. Здесь наследника власти готовит даже не партия, это для оболваненных масс народа, а правящая верхушка страны. Но все равно работает отлаженная система подбора преемника.

У нас же есть многомиллионная, действительно всенародная партия, без лицемерного «демократического» антуража, есть и — куда от этого деться? — правящая верхушка, но нет главного: системы подбора преемников. Нет, преемника, конечно. Ибо коллегиальная власть, управление страной не в традициях нашего народа, исторически привыкшего к «царю-батюшке». Даже если тот именуется генсеком, председателем Верховного совета. Традиция — тонкая вещь. Субстанция, как любил говорить Ильич. Ее декретом не отменишь, не переизменишь. Только навредишь. Традицию можно изменять постепенно, не дуроломством.

Вот поэтому у нас в тридцатых годах сравнительно быстро получилось с коллективизацией... хотя и здесь много дров наломали ретивые, но глуповатые исполнители. А-а-а, все одно на меня свалят. А получилось потому, что крестьянство вернулось к своей исконной, тысячелетней общине, от которой их не смог отлучить ни Столыпин-вешатель со своими хуторами и отрубам, ни ленинский декрет о земле — земля, значит, крестьянам.

А вывод из такого сравнения прост: надо так же умело использовать в новых условиях и традицию единоначальника, ответственного хозяина страны. Но... а вот здесь круг досадливо замыкается: нет опыта «престолонаследия» в советской стране; как и кому передавать нелегкую шапку Мономаха? И как застарелая ревматическая боль-докука: где взять преемника?

*Он, на палку опираясь,
Выйдет, внуками любим,
И, весельем загораюсь,
Улыбнется молодым.*

Может, следуя библейскому наказу, а библия вобрала в себя весь предыдущий опыт человечества, отбирать такого, семижды семьдесят раз предков «на вшивость»

проверив? Усмехнулся, вот она — практическая генетика: проверить в цепи предшествующих поколений: нет ли вырожденцев, кровосмесителей, шизофреников, маньяков, извращенцев? Все ведь это, вся эта зараза, раз попав в родовую последовательность, неизбежно передается по наследству, порой всплывая и через десять-двадцать поколений. Вспомнились читанные еще в молодости книги Ломброзо и Макса Нордау. И эти шумные, с громогласными оргвыводами скандальные сессии *ВАСХНИЛ*, совсем недавние. Он внимательно читал книги-стенограммы этих сессий, на которых Трофим Лысенко яростно сражался с вейсманистами-морганистами. А чего сражался? — И так всем известно, что за народным академиком весомая прибавка урожая, грамотная селекционная работа — и все в масштабах страны. А за этими... морганистами только пустопорожние словоизлияния. Но и самого Трофима Денисовича его лжедрузья навряд ли академического членкора, обществоведа Презента изрядно подставили: гороховые законы, генетика — проститутка империализма! Нет, генетика вовсе не проститутка, и Мендель не шарлатан. Но не надо все так сугубо теоретизировать, впадая в средневековую схоластику. Правильность той или иной генетической теории рано или поздно будет доказана. Наука не останавливается в своем развитии. И будущее покажет — кто прав в вопросе о хранилище генетической информации в организме: сосредоточена ли она в каких-то отдельных «клубочках», как утверждают вейсманисты-морганисты, или каждая клетка растения, представителя фауны несет ее в себе, как утверждает Лысенко*?

Нет, все это смешно — по наследственности проверять. Только в простудном ночном возбуждении, когда мысли по всей голове в беспорядке, сталкиваясь, мечутся, такое может привидеться. Да это и, так сказать, технически невыполнимо. Во-первых, наши выдвиненцы не голубой крови, не дворяне с родословной, дальше деревенских деда-бабки не докопаться. Тем более, троцкисты в двадцатых и неразумные комсомолы в тридцатых церкви все разорили, крестильные книги на самокрутки пустили. Во-вторых, мигом тебя с Гитлером уравниют: дескать, товарищ Сталин то ли в старческий маразм впал, а может, и вовсе перенял арийско-расистскую методику бесноватого фюрера... хотя не сомневаюсь: меня и так со временем с Адольфом в правах «уравниют».

И как это себе можно представить? — Дается поручение Лубянке, а тамошние работнички пятого управления, соскучившись за последние спокойные годы по боевым делам, такое сотворят, что и Ежову в его запойных снах не привиделось бы. Заодно и внеплановую чистку устроят. Лет пять потом расхлебывать придется.

А если серьезно, то жалко терять преданных и умных людей, сделай он хоть самый прозрачный намек, даже не словами, а действиями: мигом кому надо уберут с этого света. Примеров уже предостаточно. Мироныча самым грубым, примитивным образом убили, как только он после Зиновьева стал решительно наводить порядок в Ленинграде. Погубил я и славного Чкалова, когда решил сделать его наркомвнудел. Вот и Андрей Александрович — и опять Ленинград! — в пятьдесят с небольшим как-то странно ушел из жизни. А ведь товарищ Жданов умнейшим был человеком, даром что в роду его учителя сплошь, а отец и вовсе в Мариуполе состоял инспектором народных училищ. И здесь он намек дал, расширив его зону ответственности в ЦК в конце войны, после чего и четырех лет не прошло...

И так долго можно вспоминать-перечислять этот скорбный мартиролог: кого замаскировавшиеся троцкисты убили, а других встревожившиеся потерей теплых мест карьеристы оболгали, подставили, рассорили с ним.

* Прав оказался Трофим Денисович Лысенко; всего через пять лет от описываемых размышлений Вождя Уотсон и Крик в 1958 году открыли структуру ДНК — носителя генетической информации.— Прим. авт.

Странное порой — а чем дальше, чем чаще — возникает ощущение: он полный хозяин страны, а в определенном смысле и трети всего мира. Его слово — закон, благо слово это выверено и произнесено после всестороннего обсуждения с руководством партии и страны. И в войну отнюдь не только на плакатах «За Родину, за Сталина» значилось. И Лубянка не даром свое повышенное жалование получает. Народ на него молится почище чем на сохранившиеся и им восстановленные церкви. Кстати, этим же народом ранее разрушенные. Но в то же время это странное ощущение контроля над ним. Как акулу рыбы-прилипалы ведут, не давая отклоняться. Кто они эти контролеры, что не дают подготовить к преемству власти надежного и умного человека? — Избалованная старая гвардия, троцкисты, масоны, сионисты, сверх-агенты империалистических разведок?

И так его отслеживают с двадцатых годов, когда он сумел-таки оттеснить Иудушку от власти. Именно тогда он забеспокоился, даже неосторожно поинтересовался у академика Бехтерева, которого вызвал проконсультироваться по поводу сохнувшей руки, конечно, косвенно, о навязчивых мыслях. Относительно руки тот его почти успокоил: следствие застарелого артрита. Излечить полностью нельзя, но периодически проходить процедуры, например, во время отдыха на юге, желательно. «То есть совсем не отсохнет, Владимир Михайлович, да?» — Академик улыбнулся: «Не отсохнет, товарищ Сталин. А навязчивые мысли... как вам сказать? Это и чисто поведенческим быть может, в той или иной степени свойственным в определенных жизненных ситуациях почти всем людям. А если патология, то это видно по клиническим проявлениям еще с отроческих лет, с переломного возраста. Этого ни от кого не скроешь; такой несчастный человек стопроцентно исключается из обычной, нормальной социальной жизни».

Да, долго он потом себя за глупую неосторожность корил. Со временем понял, что это никакая не навязчивость, но расплата любого, взявшего в свои руки большую власть. Расплата постоянным ожиданием удара, но неясно с какой стороны. Со временем же и приучил себя к холодному, безэмоциональному ожиданию таких ударов. А с Бехтеревым вышло неприятно. То ли он кому без задней мысли в голове рассказал об энциклопедических интересах товарища Сталина, а ведь академик очень уважительно к нему относился и вообще, в отличие, например, от Павлова, горячо принял советскую власть. А скорее всего его странная смерть под новый двадцать восьмой год. Совсем немного времени прошло после той консультации с рукой. По его негласному распоряжению расследование провели квалифицированно: смерть от острого отравления, причем ядом, намеренно заложенным в банку с консервами из академического пайка. И еще известно ему стало, что Бехтерев, увлеченный своей работой, зачастую питался сухомяткой, побыстрее, часто обходился на ужин хлебом и консервами. Кто же яд подложил — не сумели выяснить: *ОГПУ-НКВД* еще только опыта в тонких делах набирался.

А в западной прессе — с Лубянки переводы доставляли — уже поползли пасквильные слухи: академик обследовал Сталина и поставил диагноз паранойи.

*Но вместо слов благодарных,
Какие певцу говорят,
В чашу с вином изгою
Собратья подсыпали яд.*

— Это уже о Бехтерева. Только после войны, когда нам досталось кой какие из секретных гитлеровских архивов, Берия по своей инициативе приказал подготовить справку о загадочной смерти академика. Тот сам себя в капкан загнал, приняв от немцев дар троянского коня — самую совершенную по тем временам аппаратуру для исследований психики человека, заключил с ними хорошо оплаченный договор на

исследования по направленному психическому воздействию на большие массы... Истинно великие ученые в жизни как дети! Итоги работ Бехтерева достались ведомству Геббельса, а самого академика отравили — и концы в воду.

...Одно время часто посещали мысли: не выбрать ли преемника из военной кочки, из прославленных маршалов войны? Те же Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев. Да нет, Жуков с Коневым слишком прямолинейны, долго не усидят: подставят те же Маленков с Хрущевым, а старая гвардия дружно проголосует за победителя. За лишнюю медальку и госдачу в два этажа. Ну, им простительно, они уже на покое; вот привязалось: «Пора на пенсию — в сенат».

Отсортировал и Василевского; хороший человек, знающий, но он классическое «второе лицо», хотя умело сам командовал и 3-м Белорусским фронтом и главкомом громил Квантунскую армию. Дольше всего он почти что усилием воли склонял себя к выбору Константина Константиновича. Вон как умело сейчас он вечно раздразниваю Польшу в руках держит — и как министр обороны, и как зампреда Совета министров. Но душа Рокоссовского — это обсуждению не подлежит — не в Польше, а на настоящей родине этого чистокровного поляка, в СССР.

Так-то оно так, но как раз польское происхождение и погубит его в нашей русско-хохлацкой «вышке». Усмехнулся тогда: сам себя за нос водишь, товарищ Сталин. При чем тут польская национальность? — Просто подсознательно, а значит верно, понимает: нельзя во главе сверхдержавы ставить профессионального военного. А тут и давнее высказывание Эйзенхауэра услужливо в голове вертится. Хотя и сам боевой генерал, этот мистер Дуайт как-то в порыве откровенности выразился в том смысле, что генералам нельзя доверять не только управление государством, но и полностью отдавать им на откуп ведение войны. Хорошо, правильно сказал и своей политической деятельностью сам себе подтвердил. Не очень удачной, если хуже не сказать.

Да это секрет полишинеля; он это и без Эйзенхауэра сам прекрасно знает. Чудно все же человек устроен! Сам знает, что нельзя даже Рокоссовского на свое место ставить, а вот поди-ка — для убедительности нужно на сомнительный авторитет американского генерала сослаться!

Где Киров? Где Жданов? И Фрунзе, даже если он тоже в душе и по характеру военный? А потом что это ты, Иосиф, все о себе да о преемниках. Забыл — кто тебя Вождем сделал? Народ тебя выбрал из многих, поверил тебе, доверил себя тебе. Ты о народе-то двухсотмиллионном подумал? Ты, товарищ Сталин, не со Спасской башни, не с колокольни Ивана Великого посмотри на своего возможного преемника, а переоденься, загримируйся, смешайся с народом, походи среди него.

*Ходил он от дома к дому,
Стоял у чужих дверей
Со старым пандури из дуба
И с песней нехитрой своей.*

И слушай, слушай, слушай — что говорят люди: рабочие и колхозники, пехотные лейтенанты и капитаны, ученые-атомщики и инженеры, миллионы вдов Великой войны, столько ее же инвалидов и раненых. Пройдя же всего две-три деревни и небольшой районный городок, все и поймешь. Разве народ наш при всей его дисциплинированности душой, не внешне, конечно, воспримет на его месте бабаподобного лиса Маленкова, пьющего Булганина, совсем распоясавшегося от привалившей безнаказанности шута горохового Хрущева? Улыбнутся, досадливо махнув рукой, дескать, пропала страна, узнав о верховенстве лихого рубаки Ворошилова. Молотов, Каганович, Микоян... — это совсем не серьезно, даже не смешно.

Куда ни кинь — всюду клин, — то есть, остается только Лаврентий. Но разве он заслужил, чтобы товарищ Сталин отдал его осознанно на заклятие? Хотя, может, и

вывернется на первых, самых опасных шагах. Если, конечно, поведет себя правильно и осторожно. Возможно, и народ его воспримет. Все же чужая душа потемки, а душа Лаврентия очень сложная, многосоставная. Опять же мингрелец после грузина.— Не будет ли это перебором?

...Самое обидное, что когда меня не будет, и здесь чертей навесят: сам, мол, ревниво отыскивал возможных преемников и отодвигал их подальше. Собирался, значит, вечно жить и царствовать. Ну, господь и их простит, раз по-другому не могут.

Но где же взять преемника? — Вопрос открытый, скорее всего нерешаемый.

ВСЕ ЖЕ СТАРИНА МАРКС БЫЛ ПРАВ... ПОТОРОПИЛИСЬ

Одно хоть как-то утешает: не хвастаюсь, но такой разбег стране дал, такую мощную экономическую, политическую, нравственную базу мы с нашим народом создали за тридцать лет, что если после меня высшим руководителем окажется не полный идиот или прямой враг, замаскировавшийся троцкист, то такого наследства хватит для поддержания статуса страны в мире и улучшения жизни народа лет на сорок-пятьдесят. Вот она — спасительная мысль: за эти годы, а это большой в современной истории срок, ну... один, два, даже три неудачных воспреемника окажутся в Кремле, но здравый-то смысл должен же возобладать в верхушке госруководства и партии? Да-а, товарищ Сталин, настоящим ты русским мужиком стал, раз на авось надеешься. Хм-м, а что остается? Да потом и авось — это не «орел-решка» при подбрасывании монетки, а вполне наукой одобряемый подход: саморегуляция сложного механизма, как пояснял по какому-то важному поводу ему, Лаврентию, адмиралу Кузнецову и Василевскому ракетчик Королев. Хорошо им, академикам, все умеют объяснить, растолковать, обосновать. Заодно и самих себя успокоить и настроить на получение Золотой звезды на грудь!

Хм-м, мы тоже не лыком шиты, сами на кителе имеем звезду с серпом и молотом. Единственную ее и носим. Потому что за личный труд дана. А вторую, что за войну, пусть себе Георгадзе в ящике стола держит: не взял и брать не буду, ибо войну не я выиграл, а двести миллионов ее сломали; хорошее слово — сломали, мудрое, как все от народа идущее.

Маркс вот академиком не состоял, не положено было у немцев и тогда сына раввина в академики или действительные тайные советники производить, тем более крестами с бриллиантами награждать...

Вот вспомнил о Марксе — и еще одна проблема, не хуже постоянных досадливых мыслей о преемнике. Да, совсем я русским стал — у русских чем человек старше годами, тем разумнее становится. Это не национализм, просто русские — державный народ, с глубокой историей. И у других державных народов к старости умнеют. Не в том смысле, что память лучше становится, нет, естественным образом, наоборот, слабеет, приходится и слова все чаще с усилием вспоминать. Но умнеют, мудреют в смысле более глубокого понимания, осознания неких фундаментальных истин, которые в более молодом возрасте таковыми им же не казались.

Сколько копий было сломано им с сотоварищи в дореволюционные годы на тайных сходках, в тепло натопленной избе в Курейке и других ссылках, на малочисленных тогда съездах РСДРП, а после революции и перипетий Гражданской на уже тысячных съездах партии, на пленумах и всевозможных бюро-заседаниях в части утверждения Маркса об успешности перехода к социализму *только* в результате мировой революции. Причем Маркс не обязательно — это в поздних его работах — имел в виду вооруженную революцию, восстание.

Его уже тогда брало сомнение, что социализм может победить в отдельно взятой

стране или группе стран, на чем уперто во всех дискуссиях стоял Троцкий. Кажется, и Ильич сомневался, это из его дореволюционных книг и статей в «Искре» четко прослеживается, но успех почти бескровного Октября и недюжинные способности Троцкого убеждать — Геббельс бы позавидовал — склонили Ильича к «отдельно взятой стране». Даже не принял во внимание, что тот же Иудушка до начала двадцатых годов, до позорного поражения РСФСР под Варшавой и еще более позорного Рижского мира, а перед этим неудач в Венгрии, Германии, Эстонии и Персии, являлся не менее убедительным, прямо-таки яростным сторонником Маркса, мировой революции: «На погибель всем буржуям мировой пожар раздуем!»

Вне всякого сомнения, умом ихний бог Троцкого не обделил. В отличие от его соплеменников Зиновьева и Каменева, его марионеток. Скорее всего он в период убежденности в правоте Маркса не просто на авторитет молился, но осознавал правоту основоположника научного социализма — если только, конечно, не выполнял «заказ» масонов, сионистов и вообще неведомых нам доселе тайных сил.

А вот с легкостью необыкновенной в другую крайность перескочил — так это уже точно заказ, за исполнение которого ему была обещана вотчина размером в 1/6 земной суши. С прилегающими к ней морями и половиной Северного Ледовитого океана.

Что он, тогда не имеющий никакой власти нарком национальностей и секретарь партии — тогда действительно едва не технический секретарь, — мог противопоставить риторике Иудушки и уже сложившемуся убеждению Ильича? Да и что он мог сказать? — Дескать, товарищи, Маркс-то прав, социализм может устойчиво победить только при условии его всемирности. А мы, мол, коммунисты-большевики, власть в огромной стране взяли, белую контру и Антанту в деревянные бушлаты поодевали, но вот незадача — не смогли устроить мировую революцию. Поэтому, товарищи, давайте на неопределенное время отложим наш социализм, вернемся к капитализму и будем ждать — согласно руководящим указаниям геноссе Карла Маркса — настоящей мировой революции.

...Даже Ильич бы не возражал против помещения товарища Сталина в Кашценку — до свершения мировой революции.

Но время дебатов и политических баталий закончилось, началось время действий: пятилетки, индустриализация, коллективизация, укрепление военной мощи, война, восстановление, строительство океанского флота, создание ядерного оружия, семимильное развитие науки и образования. И отступили прежние сомнения: мол, Маркс прав в общем, умозрительно, а Ильич оказался первопроходцем и на практике показал, что частное не отменяет общее, что оказалось возможным построить социализм в отдельно взятой стране, к которой сейчас еще целый ряд стран присоединился. А со временем и пойдет, и поедет, и весь мир — уже по Марксу — станет единым царством социальной справедливости.

А вот недавно снова все повернулось вспять в его размышлениях. Откуда в нем это упорное сомнение в очевидном, вера в правоту сугубого теоретика Маркса? Здесь даже не конспирология тайных сил, управляющих ходом мировой истории, начиная с Великой Французской революции, роль свою играет. Нет, это стариковская мудрость к нему пришла, по-русски мыслить начал. И еще два существенных момента. Может, даже и определяющих в этом сложном вопросе. Один из них — влияние среды начала жизни: детство, отрочество, юность. Хм-м, прямо как у Льва Толстого получается. А второй — это и есть наступившая политическая, житейская и любая какая угодно мудрость.

Родился-то и вырос не в традиционной русской общинности, а на Кавказе, где господствует аульный принцип — историческое наследие от специфики этих мест,

где людей тысячи лет разъединяли горы. И в крови, в этих дискуссионных генах — все это в юном Сосепо Джугашвили имелось. Этой кровью и генами он всецело осознал аульный принцип: каждый род, семья только для себя, каждый человек имеет только свое мнение. И гордится этим — отсюда и вошедшее в обиход: гордый кавказец! Словом, личностный или семейно-родовой индивидуализм.

Когда он еще в семинарии впервые прочитал Марксов «Манифест» и несколько других его работ, то бы потрясен гениальностью отца социализма — особенно в отношении утверждения о мировой революции, как единственном пути в социализм — для всей планеты. И по юношеской непосредственности, юношеским, не натренированным еще в тонкостях анализа, разумом спроецировал утверждение Маркса на окружающий его мир, очерченный горами и долинами Кавказа. Попробуй один аул провозгласить у себя социализм — и что будет? — Соседние села тотчас объединятся, хотя бы на время, и сотрут с лица земли изгоя. А в рамках племени, национальности? — Ту же взбунтовавшуюся Мингрелию или горных сванов тотчас вернут к «правильной» жизни соседи: грузины, абхазы, аджарцы. И ставшую в одночасье коммунистической Табасарань в Дагестане все ее двенадцать языков во главе с аварцами и даргинцами голодом заморят, огородив карантином...

И на том же Кавказе советскую власть удалось установить для всех вместе только внешней, русской силой: в Закавказье создав несколько формальную *ЗСФСР** «под сенью дружеских штыков», а на северной стороне от Кавказского хребта разместив 11-ю Красную Армию.

А вот что касается стариковской мудрости, то именно она позволяет ему несколько по-другому, в корень, смотреть на ранее бывшие события и судьбоносные решения молодой советской власти.

...Кашенко Петр Петрович не Кашенко, но *НЭП* Ильич, все же, вводил, убивая далеко не одного зайца, не только из экономических соображений, но и чтобы сбить невероятный темп перехода от капитализма к социализму. Как у него сейчас на второе «полное собрание сочинений» потаенных мыслей набирается, так и у Ленина их было явно предостаточно. В том числе и о задачах *НЭП*а — гениальном ходе Вождя революции, по своей значимости для будущего построения социализма в стране равноценным самой революции, выигранной Гражданской войне и образованию *СССР*.

Понятно, что Ильич даже полнамека ни ему, ни особо доверенным из старой гвардии не сделал относительно тайных задач новой экономической политики, но сейчас, по прошествии трети века, это явно видится: Ленин намеренно затормозил наш стремительный разбег в сторону социализма, на время вернул стране хотя и жестко контролируемого государством, но главного врага советской власти, власти социального равенства — частную собственность на средства производства и торговлю. Экономика экономикой, но подспудный смысл этого шага никто не понял: даже умный Троцкий. Что уж тут говорить о рядовых партийцах? — Кое-кто из них действительно от отчаяния застрелился, запил, разочаровался во всем и всея.

Зато были выпущены пары, излишне скопившиеся в мчавшемся с двойной скоростью курьерского паровоза, у которого намечена только одна остановка — в коммуне, в коммунизме.

Но откуда такой пессимизм, товарищ Сталин? — А это не пессимизм, это признание гениальной правоты Маркса. Ведь ход истории только в школьных учебниках, составленных по кастрированной пролеткультовцем Покровским отечественной истории, ясен и прямолинеен в своей последовательности. Так по ней получается, что первые стихийные большевики уже выпускали подпольную «Искру» при Владимире

* Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика — так именовалось объединение Грузии, Армении и Азербайджана до образования СССР.— Прим. авт.

Красное Солнышко, а Болотников (кстати, польский холуй), Стенька Разин и Пугачев примеряли кожаные тужурки «комиссаров в пыльных шлемах».

Да и пролеткультивец Покровский имел достойных предшественников в своей ученой специальности. Прежде всего Карамзина, который по негласному заказу облуживаемых им царей так переписал историю Российского государства, что получалось: семьсот с гаком лет князья и цари из Рюриковичей своими *приборами* груши отрясали, воду мутили и брели без цели, мечтая о том сладостном времени, когда бразды правления возьмут в свои шлезвиг-голштинские руки цари и императоры Романовы и приведут все дела в идеальный порядок.

Но Карамзин и Покровский — работники по найму, препарировали историю под заказ: первый — императора Александра Павловича, а второй — комиссии Луначарского — Крупской. Но в том-то вся беда, что и относительно независимые Татищев, Соловьев, Костомаров не избежали все той же прямолинейности и последовательности в цепи событий истории. Да и западники, те же Мишле, Томас Карлейль, французские энциклопедисты все туда же смотрели. А история, расширенно понимаемая, петляет во времени почище самого хитроумного зверя или его жертвы, запутывающих по снегу свои следы...

Несомненно, гениальный Маркс это хорошо понимал. И, делая умозаключение-вывод из своей теории перехода к бесклассовому обществу *только* всеми странами вместе, он, конечно, имел в виду непрямолинейность этого перехода. Будут страны-провозвестницы, как наш СССР... усмехнулся: и примкнувшая к нему на первых порах Монголия, а в сорок третьем году горная Тува — Лаврентий с Курчатовым настояли: там залежи урановой руды под будущую атомную бомбу.

Будет ситуация равенства сил между капитализмом и социализмом, но будет и временное поражение социальной идеи. Увы, возможно, и нашу страну это не минует. Надо холодно ожидать любой удар. Ко всему надо быть готовым. Активно защищать себя, но и не роптать на очень крутые извивы истории.

А что ход истории в направлении всемирного социализма будет ох каким извилистым, запутанным, хорошо видно из мировой, преимущественно европейской, истории 20—40-х годов этого бурного века, а именно: выбор историей наиболее жизнестойкой модели социализма.

Ведь вовсе не случайно в первой четверти этого века в потрясенной мировой войной Европе сформировались и государственно оформились три варианта перехода к социализму. Конечно, первым и наиболее впечатляющим стал наш интернациональный социализм с четко поставленной целью: построение коммунизма. Не менее мощным, по темпам построения таким же стремительным, как и у нас, явился германский нацизм, то есть национальный социализм*, социализм для одной нации, объявленной избранной. Хм-м, поэтому — хотя это, конечно, не главное — быть может новая избранная нация так жестко и жестоко повела себя в отношении другой, богоизбранной по Ветхому Завету нации. Наконец, это и третий вариант социализма, не сугубо национальный, но и не интернациональный: итальянский фашизм — с целью создания социально ориентированного государства.

Конечно, разьяснять нашему народу раньше и сейчас различие между итальянским фашизмом и гитлеровским нацизмом — значило бы только запутать его и ослабить действенность нашей пропаганды. Поэтому с легкой руки не очень грамотных газетчиков тридцатых годов (а сейчас они разве грамотные?) и произошло смешение понятий: немецкий нацизм перекрасили в фашизм, который, правильно говоря, по политическим устремлениям расходился с нацизмом. И исторические «маскхалаты»

* Напомним наименование нацистской партии: Die National-Sozialistische Arbeiter Partei Deutschland — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.— Прим. авт.

у них слишком разнятся: у Гитлера с его партайгеноссами — возращение рунического варварства германских племен, объединенных Германом Херуском; у Муссолини — римская тога.

...Да вдобавок в Восточной Европе у сателлитов Третьего рейха просматривались свои социальные течения: в Венгрии, в Австрии до аншлюсса... в Румынии сильно шумел капитан Кодряну... как его? Да ладно, не тот фрукт, чтобы вспоминать. Наши евразийцы из парижских и пражских эмигрантов что-то там горячились. Георг Лукач, раскольник западных компартий — видите ли, ему не нравилась и сейчас не нравится наша якобы большевизация этих партий!

История — она, конечно, проститутка, но в смысле препарирования и переписывания уже прошедшего, но в текущий, зримый момент она есть движитель общественно-экономического и политического бытия. И не хуже самого деятельного ученого профессора и академика сначала все на многих лабораторных опытах проверит, а затем нужное ей выберет. Так и здесь получилось все как по писаному, но, увы — писаному по всей земле Европы людской кровью... И моменты щекотливые случались: той и другой стороне как-то приходилось разяснять солдатам, почему во встречном бою сталкиваются бойцы с красными флагами; только у нас с серпом-молотом, у гитлеровцев со свастикой, памятной нашим еще по кредиткам-керенкам. И у нас для политруков соответствующая инструкция была Главпуrom составлена, а их «политфюреры» все больше напирали на жидов-коммунистов, маскирующихся под «священным красным знаменем социализма».

Большой кровью, столкнув руками англо-американских империалистов СССР и Германию с ее сателлитами, история выбрала нас, наш интернациональный социализм как наиболее жизнестойкий, наиболее социально направленный. Но одновременно и предупредила: мировой капитализм еще ох как силен, лицемерен и двурушен. Спинай к нему никак нам поворачиваться нельзя — сразу нож под лопатку всадит!

Но великий эксперимент, лабораторный опыт большой истории продолжается; правда, в условиях нашей круговой обороны. Сколько мы продержимся? — Уже называл себе эту цифру: лет сорок-пятьдесят. Силой нас не возьмут, так хитростью. А они великие мастера на пакостливые хитрости: многовековая школа Макиавелли, Меттерниха, Пальмерстона, Биконсфильда да Чемберлена с союзничком, мать его..., Черчиллем.

Не хочу думать о плохом, но ведь чую, чую, как многоопытный старый барс, что прав Маркс... поторопились. С другой стороны, кто-то ведь должен был обозначить: время капитала, время людоедского частнособственничества близко к закату. История нас выбрала той жертвенной дивизией, что должна первой пойти в атаку на смертельного врага человечества, прорвать передовую линию его обороны, закрепиться — и пасть смертью храбрых, не дождавись подмоги. Но ведь оборона-то прорвана, вражеские доты и дзоты взорваны, ближний тыл врага хорошо пристрелян, фланги справа и слева обеспечены. И когда в штабах выработают диспозицию, и уже не жертвенная дивизия, а фронт в составе не одной армии перейдет в генеральное наступление, то врагу крышка! А главный удар пройдет как раз через тот самый плацдарм с разрушенной оборонительной линией, где раньше выдвинулась жертвенная дивизия.

*Ты знаешь твердо: трудник или воин,
Кто в прах повержен был и угнетен,
Еще Мтацминды будет удостоен,
И пусть надеждой будет окрылен!*

И тебе, Сосепо, рано еще мечтать о своей Мтацминде, хотя вроде и заслужил ее; заканчивай свои февральские болячки и в составе той жертвенной дивизии расстреляй по целям весь свой боезапас.

...Нет, точно, расскажи я это своим соратникам, так и до Кашенки дело не дойдет: верный соратник Семен Буденный мигом сбегает до дома, благо недалеко от Кремля квартирует, сорвет со стены свою шапку с георгиевским темляком, вернется и снесет мне голову. И правильно, между прочим, сделает: не сей панику прежде времени, не смущай народ, не нарушай приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Главное — опыт нашей страны ни в коем случае даром не пропадет. Без опыта построения и побед *СССР* вся мировая история бы остановилась и выхолостилась.

ГРУЩУ О БУДУЩЕМ

...Но и без опыта *СССР* капитализм все одно себя исчерпает. Исчерпал бы. Когда прочитал еще перед войной «Закат Европы» Оствальда Шпенглера, написанную с чисто немецкой обстоятельностью, с выкладками, с подробными таблицами*, взял в руки карандаш и прикинул: да, капитализм в мире вряд ли перевалит за двадцать первый век, в крайнем случае за середину двадцать второго. Но — твердо, теперь уже архитвердо уверен, что кончина частнособственнической формации и переход к окончательно социально ориентированному строю произойдет во всем мире, по Марксу.— Не по Ленину, Троцкому во второй его ипостаси... и не по вашему покорному слуге. Увы и к сожалению. Но не потому я сожалею, что не по-моему получиться, манией величия не страдаю, а потому только, что даже вину какую-то, что ли, испытываю: слишком много стране предстоит испытаний. Стране, которая не без моего участия и усилий втянулась в великий опыт истории. Грущу о будущем.

Нет, *СССР* не останется в эти 150—200 лет островом социализма, дожидаясь конца капитализма-империализма. Не позволят силы мирового зла, сомнут. Здесь во мне не идеалист, но многоопытный практик говорит. Да и мировую историю хорошо знаю, поэтому и примеривал ее на нашу страну. Почему это Ильич решил и меня убедил: мы несколько поправим старину Маркса и построим навечно социализм в отдельно взятой стране. А к нам постепенно примкнут и все остальные. Так сказать, от Северного до Южного полюса...

Убежденность — качество полезное для политика и революционера, но история не меняет законов своего движения, тем более при переходе от одной формации к другой. Это диалектика Гегеля Георга Вильгельма Фридриха, а диалектика не досужее изобретение умного немца, но выверенное учение, которое даже злейшие и умнейшие враги диалектического материализма даже не пытаются опровергнуть.

А раз история не меняет своих законов, то почему переход к новому социальному строю должен по своей запутанности отличаться от предыдущих смен формаций? Далеко ходить не будем, все одно и то же, возьмем переход от феодализма к капитализму. Да, Англия и Голландия тогда являлись провозвестниками. Но Голландия не в счет; во-первых, только-только от Испании отложились, во-вторых, мелкая слишком страна. И даже Англия, будущая «мастерская мира», тоже не в счет: отъединена морем от Европы и как-то там умело смогли сочетать, кстати до наших дней, черты феодализма и товарного капитализма.

Все кардинально решалось именно в материковой Европе. И провозвестником здесь была Франция. Это только в школьных учебниках истоки капитализма относят к Голландии и Англии. В отношении форм собственности на средства производства, вывоза капитала позднее и прочей экономики-финансов такое первенство допустимо. Но ведь переход к новой общественно-экономической формации всегда ставит ударение (хм-м, хотел сказать по-ленински «акцент»), но вспомнил о борьбе с космополитизмом) именно на первом слове. Так вот, роль общественного, то есть социально-

* В отличие от того давнего, первого издания знаменитой книги на русском языке, современные, коммерческие издания выходят без таблиц — иначе сверхприбыли не получается... — Прим. авт.

го, идеологического и политического в своей совокупности, движителя новой, капиталистической формации сыграла как раз Франция. Даже из того видно, что второе название формации происходит от французского «буржуа» — ведь не от однокоренного немецкого «бюргера», не от каких-либо английских и голландских самоназваний частнособственников, верно?

Вот Франция... Начали с разрушения Бастилии, казни короля и лозунгов о свободе-равенстве-братстве, а завершили созданием нынешнего классического государства буржуа и рантье. А в первые полвека от своей, действительно Великой, революции не мытьем, так катаньем, более всего через революционные и наполеоновские войны, нескончаемыми парижскими баррикадными боями обуржуазили-таки всю континентальную Европу. В конце концов царскими займами и Российской империю туда же втянули. Попутно через Парижскую коммуны провозгласили и скорую кончину капитализма.

Вот Франция — истинный создатель мирового капитализма. Вот вам и соотношение базиса и надстройки. У Ильича, да и у Маркса, все это слишком просто представлено было. И у меня в «Кратком курсе»; не упрощал я, работая над катехизисом социализма, ибо сам был того же убеждения. Но простота хуже воровства. Нет, не так все просто. Но это вновь из области потаенных размышлений. Еще рано, еще не время этот вопрос обнародовать — хотя бы в среде академиков-обществоведов. Не дай, бог, с тем же Презентом, что около Трофима Лысенки вьюном вьется, на эту тему разговоры разговаривать.

Опять же, возвращаясь к исходному: а разве движитель буржуазного строя Франция так прямо взяла и от феодализма шагнула в капитализм, попутно отправив на гильотину миллион ихних контриков? — Как бы не так: от революционного Конвента к Первой империи Наполеона, потом к реставрированной монархии Луи-Филиппа — с коротким перерывом на «сто дней», затем ко Второй империи Наполеона Третьего... Парижская коммуна, президентская буржуазная республика. Все через революции, через баррикады, казни. И маятник грядущего капитализма туда-сюда полвека качался. Заодно всю Европу раскачивал. Так раскачал, что после череды волнений 1848-го года Западная Европа дружно шагнула в капитализм. Окончательно — до его естественного окончания, что еще предстоит.

Не сомневаюсь, что и Ильич не раз и не два задумывался: неужели и нашей стране, подобно Франции, предстоит пройти такой же путь, что уготован и движителю капитализма, и передовому отряду социализма? Но если и думал (думал, конечно, думал!), то заставлял себя, вцепившись левой рукой в правую, ни словом, ни намеком этого не выдать. Даже еще в эмиграции, до революции, в нестерпимых государственных и ответственностях ситуациях Ленин напрочь отвергал доводы Плеханова, Мартова и других своих постоянных оппонентов о перенесении реалий становления капитализма в Европе на грядущий переход от него к социализму, где «роль» Франции будет исполнять уже их Россия.

Больно, больно и мне думать о возможных терниях. Грущу о будущем, скорее всего — неизбежном. Марксова правота. И есть ли лучик надежды на смягчение этих терний?

*Тебе я сердце с трепетом открою
И руку протяну, — мне не до сна,
Когда в ночи в душевном непокое
Тебя я вижу, светлая луна.*

Но главное — нельзя явно предупредить свой народ, вообще никому и никогда никакого намека. Это все равно как если бы он во время войны отменил приказ № 227. Страшная тайна, аллор два креста.

Сложно сейчас фантазировать на тему: каким образом свершится в двадцать первом — двадцать втором веках этот всеобщий переход к единому мировому социальному государству. Но вот как произойдет (не дай, бог!) контрреволюция в СССР, как страна на достаточно длительное время уподобится Франции Луи-Филиппа после Ватерлоо — здесь ломать голову нечего.

Да и противники наши не скрывают методов разрушения СССР: не раз и не два перечитывал декларативную доктрину Алена Даллеса и директиву Совета национальной безопасности США. Хм-м, Лаврентий очень гордился: эти тексты сорок пятого и сорок восьмого года легли ему на стол еще до того, как с ними ознакомилось руководство США и сам президент. Умеем если захотим, а хотим мы многого,— но все исключительно на благо страны.

Самое ужасное, или паскудное скорее, состоит в том, что без железной руки, врагов, в том числе потенциальных, карающей, но преданных людей привечающей, к власти в стране подберется всякий сброд, который и упустит эту власть, прямо в руки врагу ее отдаст за понюшку махорки. Да им поможет это сделать и возвращенная врагом легальная агентура; она, как плесневый гриб, мигом наплодится.

Но главную роль, увы, сыграет сам наш народ. Даже не сам народ, а опосредованно через него вмиг возрожденный, доселе глубоко нами упрятанный, но нарочно возрожденный предателями при власти биологический атавизм — инстинкт частнособственничества. Против биологического инстинкта сложно устоять, если ему злонамеренно дают полную свободу. И он захлестнет всю страну с такой ужасающей быстротой и размахом, так заполнит души и головы до этого бескорыстных бывших советских людей, что даже насквозь торгашеский, частнособственнический Запад... да и Восток с ужасом и отвращением будет взирать на трагедию духа и воли 1/6 части земной суши.

...Это как у запойного пьяницы: год трезвым, чистый телом и мыслями, воодушевленным и верящим искренне в свою светлую жизнь ходит, едва не приплясывает и напекает, но вот дорвался до злодейки с зеленой наклейкой и пошло-поехало. Уже через пару-тройку дней видим мы отдаленное подобие человека, почти свинью: внешне и внутренне. И похотывает соседка Клавка по коммуналке, что мстя по каким-то бабским обидам жене этого бывшего человека, и подсунула ему ту разгонную бутылку.

Да, бабы-бабы! Именно они первыми бросятся в накопительство и не мытьем, так катаньем всех своих семейных собьют с панталыку и сделают добытчиками денег — нового символа существования.

А наемные борзописцы из когорты второй древнейшей профессии круглые сутки, годами, десятилетиями будут вдалбливать и вдалбливать бывшему советскому народу, что СССР был химерой и держался единственно «сталинскими репрессиями и расстрелами, чистками и постоянными угрозами». И так далее.

Пройдет лет двадцать-тридцать контрреволюционной власти, подрастут и займут лидирующее положение поколения, иной жизни уже не знающие. И все. До новой революционной ситуации, до реставрации социализма, но уже в мировом масштабе. Это как реставрация, уже окончательная, буржуазного строя во Франции после Парижской коммуны и франко-прусской войны. Очень явная аналогия.

Итак, народ наш выдержал испытание голодом, непосильным многолетним трудом, самой кровавой в истории войной, но, скорее всего, не выдержит испытания сытостью и относительным покоем. А они наступят уже лет через десять-пятнадцать, учитывая взятый нами разбег.

Но самое-то обидное, даже скулы сводит, что хитроумные враги разрушат нашу страну именно тогда, когда мы фактически уже построим реальный социализм. Ах, как обидно: за страну, за идею, за народ... и за себя тоже. Увы, мимо законов истории

не проскочишь. И проклятый Иудушка: как навозная муха отложил ты свои семенные яйца по всем углам и закоулкам. В каждом поколении неизменно возрождается твое потомство! Где ж на них верных Меркадеров набраться! Я не кровожаден, но в смертельных ситуациях другого выбора нет.

Главное, этим новым поколениям, детям контрреволюции, уже невозможно будет объяснить, что построили мы социализм первые и на голом месте. Да еще в такой специфической стране: сто народностей и наций с уровнями цивилизации едва ли не с каменного века до европейской. Еще существеннее, что ведущий, русский народ не похож ни на какой другой в мире: сочетание мужественности и детской доверчивости, жертвенности и опять же какой-то почти детской страсти к отличиям-побрякушкам и так далее. На сто человек не более двух-трех мерзавцев, но зато каких!

И вы скажете, что в такой стране можно было построить практический, не декларированный, не показушный социализм — социализм не для собственного возвеличивания, уподобления Христу, а для сотен миллионов, — оставаясь таким либеральным доброхотом? Этаким дедушкой Ильичем, адаптированным для букварей школьников первой ступени или всесоюзным старостой с бородкой клинышком, вручающим безостановочно ордена ударникам труда, да?

Сюда же добавить, что за считанные десятилетия пришлось ломать все тысячелетние традиции государственности, а главное — прививать отрицание накопительства и частнособственничества в «пользу» социального равенства и справедливости. В одном повезло: не пришлось учить народ коллективизму, без которого институт социального государства немыслим. Повезло, потому что русский крестьянин и в двадцатый век вошел общинником; даже отец кулачества, вешатель Столыпин, не смог разбить сельскую общину. А это до девяноста процентов русского населения России ко времени революции. И рабочий класс, пролетариат, не говоря уже об армии, не отошел в душе от общинности. Смешно было слушать теоретиков Мартова с Зиновьевым о сугубой пролетаризации русского рабочего. А он-то, рабочий, хорошо если во втором поколении в городе живет, да и то норовит на посевную и жатву в родную деревеньку сбежать! Да и Горький явно поспешил в революционное межсезонье деклассировать часть народа, ставших челкашами. Но он человек творческий, увлекающийся...

Почему-то, оценивая крупных государственных деятелей, почти все пишущие, читающие и обсуждающие ударяются в крайности: либо либерал, либо же диктатор. Меня всенепременно отнесут не просто к диктаторам, но с эпитетами кровавый, коварный... хорошо хоть не трусливый! Я не был и не есть ни тем и ни другим. Не жестоким, но необходимо жестким. Не Наполеоном, не Талейраном, не Калигулой, даже не Ильичем. Троцким тем более. Никем. Только собой — в нужное время и в нужном месте.

*Когда луна своим сияньем
В ночь озаряет мир земной,
И тусклый свет за дальней гранью
Мерцает бледной синевой...*

Тяжелую ты, Сосепо, ношу на себя взвалил: тусклый свет, что вдалеке мерцает, усилить в тысячу крат и осветить страну и еще много земель и стран еще невиданными, судьбоносными идеями. Или идеалами? Ну кто я после этого? — Конечно, тайный идеалист. И моя жесткость, непримиримость, неуступчивость, беспощадность к смертельным врагам и есть оборотная, немедальная сторона идеализма. *Per aspera ad astra** — из семинарской латинской премудрости. Ну и аминь на этом. Кто-то очень умный и мудрый сказал: мне не важно что думают обо мне, главное —

* Через тернии к звездам (лат.). — Прим. авт.

что я о себе думаю. Это не мания величия, а трезвая и объективная самооценка деятельного человека, полностью поглощенного раз навсегда выбранной целью. То есть, целеустремленного и в итоге-то приносящего пользу. Не себе,— людям, большому народу большой страны.

...А как исполнится на практике предсказание Маркса о всемирной социализации? Вряд ли об этом знает даже конспирологическое тайное мировое правительство, о котором много ораторствовал в семинарские годы Жора Гурджиев. Явно начитавшись этих колдунов йогов-брахманов, Блаватской и других сумасшедших. Но сумасшествие — палка о двух концах: с одной стороны безумие, с другой иногда и немислимое прозрение.

Главное и малоутешительное то, что не будет бодрой, почти бескровной всемирной революции где-нибудь в двадцать втором веке, а скорее всего — отмирание мирового капитализма-империализма и *вполне управляемый* переход к социальной мировой организации. Возможно по необходимости заполнить образовавшуюся после такого отмирания пустоту. А природа пустоты не терпит. Это Лейбниц с полной ответственностью заявлял.

То есть, революция — в этимологии этого слова — будет, но не с баррикадами, а чисто канцелярская. И не будет накануне ее никаких «верхи не могут, а низы не хотят». Скорее всего к дню «икс» власть на Земле сосредоточится в руках ста семей.. или двухсот семей. Власть политическая, а главная — финансовая, экономическая. Они же ставшее легальным тайное мировое правительство. Поскольку же к тому времени все работы на планете будут выполнять механизмы, которые будут конструировать и обслуживать считанные проценты населения, а остальное большинство составят бездельники на господержании и обслуживании их халдеи, то будет ста семьями принято решение об упразднении уже условных классов, сведении частной собственности к личной — с определенной градацией: бездельникам меньше, конструкторам машин и их обслуге больше. Словом, как у нас сейчас.

Сто же семей, оставив за собой верховную контролирующую власть над миром, захватив пару сотен тысяч прислуги — от садовников и проституток до дипломированных политиков и деятелей искусств — уединятся от серой многомиллионной массы в каком-нибудь райском месте, желательно на средиземноморском острове. На всякий случай остров — единственный на планете — будет иметь сверхнадежную систему противовоздушной обороны, а по воде, да вокруг кругами будут рассекать лазурное море корабли единственного в мире флота. То есть, получат отступное на себя и на всех своих потомков по нисходящей. Со временем все выроются и со скуки перебьют друг друга. А на Земле воцарится предвещенный Марксом социализм, потом коммунизм... Ох и скучная жизнь настанет. Я бы застрелился от такого светлого будущего.

Истинно говорил Бозций, стоик и первый схоластик в Древнем Риме, он же и философ-скептик, что жизнь человеческая имеет самооправдание только при стремлении к цели, но теряет его при достижении. Зачем в Древний Рим ходить, когда на книжной полке стоят тома Горького и две книги Николая Островского.

Что-то я совсем расфантазировался. Вроде как Алексей Максимович, а может, и кто другой из пишущей братии говорил: «надо отличать фантазию как жанр литературы от собственно фантазий автора». Первое — писательская техника, второе — чистой воды маниловщина, самый простой по исполнению уход от действительности. Присущ идеалистам. Значит, и я туда же.

...Но все упирается в одно: проклятая частная собственность.

(Продолжение следует)

У НАС В ГОСТЯХ БЕЛОРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОЮЗ «ПОЛОЦКАЯ ВЕТВЬ» (С. 61 — 168)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА БЕЛОРУССИИ

Василий Миронов
(г. Бобруйск, Белоруссия)

ДЕД

Родился в 1958 году в городе Нижний Тагил Свердловской области. Поэт, прозаик, критик, публицист, сценарист, песенник, актер народного театра. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», секретарь Секции художественной прозы. Член Международного Союза Писателей «Новый Современник», член Российского союза профессиональных литераторов. Победитель более десятка международных литературных конкурсов и фестивалей, обладатель «Гран-при» Международного литературного конкурса «Автографы войны». Награжден благодарственным письмом от Заместителя председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам национальностей «за особые заслуги в деле развития традиций современной русской литературы, личный вклад в формирование нравственности, патриотизма, любви к России и ее истории». Снялся в ряде эпизодических ролей в художественных фильмах и сериалах. Автор четырех сборников поэзии, прозы и публицистики.

— Женечка, покорми деда,— Настасья Петровна, увидев просунувшуюся в дверь мордашку сына, кивнула на маленькую кастрюльку только что приготовленной овсяной каши.

Женька, так кстати подвернувшийся на кухне, чуть прихрамывая, приблизился к плите, бегло поиграл по эмалированным цветам на боку кастрюльки подушечками пальцев, словно музыкант по кнопкам саксофона — горячо!

Мама отозвалась уже из коридора:

— Скажи папе — я буду поздно сегодня.

Женя кивнул из кухни. Он помнил — у мамы сегодня премьера в театре, затем, наверное, поздравления, фуршет и все такое. В другие времена и Женька, взрослеющий парень на пороге переходного возраста, и его отец — профессор, необычайно

занятый в последнее время, еще находили время, чтобы обязательно присутствовать на всех главнейших моментах театральной жизни ведущей актрисы драматического театра Сухомлиновой Настасьи Петровны, их жены и мамы. А ныне многое поменялось. Только вчера отец, успешный и востребованный ученый, долгие годы работающий в области космических технологий, прилетел из далекого казахского Аркалыка, а уже в семь утра за ним пришла машина. Так что, вряд ли Женьке придется сообщать отцу, что мама придет поздно. Похоже, отец сегодня будет еще позже.

Женя вздохнул. Ему тоже надолго выйти из дома было сейчас невозможно — надо смотреть деда.

Мальчик налил в большую миску холодной воды и осторожно поставил в нее горячую кастрюльку с кашей, чтобы остудить в меру. Та качнулась, как подводная лодка, и стала на дно, выставив крышку с черной пластмассовой ручкой, похожей на перископ.

Женя внезапно представил, как в сорок втором военном году вот также на дне Балтики лежала израненная двести пятая «щука» капитана 3-го ранга Сухомлинова Петра Демьяновича — его деда. Много раз рассказывал дед о самом главном своем походе и много раз, затаив дыхание, Женька заморожено слушал эту военную историю, как в первый раз.

«Щ-205» уже возвращалась на базу после долгого, но сверхудачного похода. Потопив «Терзию Вальнер», крупный немецкий транспорт, и удачно выскользнув из клещей эсминца и сторожевых охотников сопровождения, подлодка Сухомлинова, потрепанная глубинными бомбами, но живая и почти невредимая, с полуразряженными батареями и двумя оставшимися торпедами в запасе, легла на обратный курс.

И надо ж было случиться такому везению, что попутно вышла «щука» в хвост еще на один немецкий транспорт — «Аркадию» и, надо сказать, была та цель куда заманчивее «Тельзии». Да, вот только догнать «Аркадию» под водой уже не представлялось возможным: не хватало ни сил, ни времени. Однако, и упускать такую добычу опытнейшему военному моряку тоже крайне не хотелось. И тогда капитан Сухомлинов принимает весьма рискованное, можно сказать — отчаянное решение и бросается в молниеносную двухторпедную атаку по открытой воде. Точный и неожиданный расчет капитана положил обе смертельные молнии точно в середину корпуса немецкого монстра.

А вот уйти дерзкой лодке без потерь на этот раз возможности уже практически не было. В результате чудовищных разрывов глубинных бомб были повреждены кормовые рули подлодки, сорвана задрайка люка шестого отсека. Вода полностью заполнила шестой отсек, залила главный электродвигатель, начала поступать в пятый отсек. Лодка легла на дно. Началась борьба за живучесть.

Лишь спустя двое суток, после того, как стих шум винтов немецких кораблей сопровождения, искалеченная лодка смогла всплыть.

За тот поход капитан 3-го ранга Сухомлинов Петр Демьянович впоследствии приколот на китель главную свою военную награду — Звезду Героя.

Дед изредка показывал ее внуку в хорошее настроение и Женька всегда с особым трепетом прикасался к холодному металлу пятиконечной звезды. Он очень любил деда и по-настоящему гордился им. Да и было за что. Эта привязанность была взаимной. Женька просто купался в любви и обожании своих родных. Порою, у отца, матери и деда возникали серьезные споры — кто из них сегодня удостоится чести приготовить что-нибудь особенно вкусное для своего сына и внука.

Можно было сказать, что Женька в их небольшом семейном кругу катался, как сыр в масле. Он никогда и ни в чем не нуждался. Все его прихоти и желания исполнялись, едва он успевал озвучивать их. Казалось бы — прямая дорога к расцвету

махрового эгоизма? Ан, нет. Женя рос умным, ранимым, впечатлительным, а главное — привязанным и благодарным ребенком.

Брак у Жениных родителей случился довольно поздним. У обоих с молодости на личную жизнь просто не оставалось никакого времени. И когда, стараясь успеть в последнюю дверь последнего вагона жизни, Настасья Петровна не стала больше откладывать в долгий ящик — куда, уж, дальше-то, и смело прорубила в плотной артистической карьере свободную брешь для рождения своего первого и, видимо, единственного ребенка, ей уже тогда было хорошо за сорок.

В высшей степени интеллигентнейшая семья ученых, военных, артистов Сухоминовых никогда не знала материального недостатка. Но, как оказалось — все это было не главное. Главное в семью пришло с рождением Женьки. Женька и был — это самое главное. С первых дней долгожданный мальчик окунулся в Любовь с большой буквы. Эта любовь была без границ. Эта любовь была без края.

А может быть, невероятная любовь близких — это была компенсация за те несчастья, что подстерегли Женьку с самого рождения? Практически, одновременно с ослепительной радостью от рождения сына в семью пришла и беда, уложившаяся в три такие короткие, но страшные буквы — ДЦП.

К счастью, Женя столкнулся с не самой агрессивной формой этой болезни. Да, Женя позже остальных начал держать голову, садиться, ползать, ходить... Но! Едва проявились первые грозные признаки страшной болезни, все родные подключились на борьбу с ней единым фронтом. На такое благое дело в ход пошли и деньги: мгновенно были приглашены лучшие педиатры, неврологи, ортопеды, логопеды, психологи, реабилитологи... Немедленно была разработана индивидуальная программа, которая включала в себя все последние достижения медикаментозного и реабилитационного плана. На санаторно-курортных леченьях Женя бывал чаще, чем дома. Для постоянного ухода и наблюдения за мальчиком в первые годы его жизни была нанята нянечка с функцией массажистки в одном лице, которой сразу была выделена отдельная комната с постоянным проживанием в их огромной пятикомнатной квартире.

Столь комплексное лечение дало плоды. Но сам Женька твердо считал, что спас его от тяжелых последствий болезни — дед, который прознал про совершенно удивительный метод лечения — иппотерапию. Петр Демьянович привел своего внука к своему хорошему знакомому, который всерьез занимался лошадьми. Тот познакомил мальчика с очень спокойным и ласковым жеребцом по кличке Дунай. Очень быстро Женька и добродушное животное стали самыми настоящими друзьями. В первое время дед старательно поддерживал внука при начальных прогулках по кругу, но вскоре мальчик почувствовал необходимый контроль над своими мышцами и стал вполне самостоятельно удерживать равновесие.

Он с удовольствием приобщился к уходу за своим другом — кормлению, чистке, прогулкам. Мальчик, наверное, впервые по-настоящему почувствовал свою значимость. Ушли депрессивные состояния, выровнялась речь, от спазм нижних конечностей осталась лишь легкая хромота.

Не случилось и интеллектуального расстройства. Наоборот — абстрактные знания и навыки логического мышления у мальчика формировались выше среднего.

Одно огорчало — это пропасть в отношениях со сверстниками. Женя отчетливо осознавал, что его незаурядный потенциал интеллекта, возвращенный на энциклопедиях, на индивидуальных дополнительных занятиях с лучшими репетиторами, на беседах с умнейшими людьми, входившими в этот дом на правах близких друзей родителей — намного превосходил уровень одноклассников и Женьке было просто неинтересно с ними.

При этом Женя почти физически ощущал окружающую его зависть. А завидовать

в конце нищих семидесятых было чему. Во времена стоимости джинсов у «фарцовщиков» на черном рынке, приближающейся к средней зарплате рабочего человека и остающихся несбыточной мечтой многих ребят, Женя менял эти джинсы с непозволительной небрежностью. И каждая новая модель, не купленная на «блошином» рынке, а легально привезенная из заграничных командировок, была только круче предыдущей.

Очень крепкой занозой в сердце мальчика застряла обида на своих одноклассников после одного очень неприятного случая. Наверное, все подростки проходят в эту пору взросления свой максимальный уровень увлечения музыкой. В эпоху официального замалчивания западной рок-культуры все «забугорные» музыкальные новости «откапывались» тяжело. Сначала записанная с хрипящих «вражеских» голосов по приемнику, а затем неоднократно переписанная с одного «бабинника» на другой, музыка западного рока уже просто сливалась в единый трудно узнаваемый шорох, либо наоборот — грохот и какофонию. Записанные в полуподвальных студиях гибкие пластинки на рентгеновских снимках — это было уже богатство.

А тут в школе Женя как-то заявил к слову, что у него дома есть большие пластинки практически всех последних новомодных западных групп. Причем, не советские диски от «Мелодии», а самые настоящие «фирменные», привезенные из-за границы. После такой новости в классе повисла долгая пауза восторга и удивления. И как самый убойный факт, Женя объявил, что только что папин товарищ привез из Англии последний диск-гигант самой группы «Битлз»! Когда первое всеобщее онемение прошло, кто-то спросил:

— А можно прийти послушать?

— Конечно! Приходите все, кто хочет, — растянулся Женя широкой улыбкой.

Захотели почти все, даже девочки. После уроков шумная ватага заспешила к нему в квартиру. Женя принял одноклассников радушно и сразу предложил всю свою фонотеку на выбор. Естественно, начали с тех самых «Битлз».

С девочками отношения у Жени более чем дружеские — никогда не складывались. Объективно осознавая неисправимую первопричину — хромоту, Женька и сам особо не стремился приблизиться к понравившейся девчонке на более близкое расстояние, чем обычное «привет-пока». А тут, вдруг, замороженные музыкой одноклассницы сами взглянули на него по-другому, более внимательно, что-ли. Кое-кто из них даже осмелились попросить некоторые диски взять себе домой послушать.

— Конечно. Могу дать любую. Только не «Битлз» — отец пообещал кому-то из своей ученой братии.

Когда Женя вернулся из кухни с печеньем для чая, он не обратил внимания на некий напряженный момент в их компании. Звучала великолепная «Лестница в небо» легендарной «Лед зеппелин», все слушали, но с какими-то неестественно каменными лицами. Поставив печенье на стол, Женька плюхнулся в свое кресло и тут раздался неприятный сухой треск ломающейся под ним пластинки. Женя подскочил и поднял небрежно брошенную кем-то газету на кресло. Под ней лежали черные бесформенные куски винила. Это был «Битлз»...

Наступила гробовая тишина. Все быстро и дружно засобирались домой. Взять с собой какую-либо пластинку уже никто не просил. Даже обычное «до свидания» тишину не нарушило.

С этого дня в отношениях с одноклассниками наступил негласный, но окончательный раскол. Они презирали его — он презирал их.

Несмотря на самый расцвет протуберантного возраста, когда у всех молодых людей завязывались первые отношения, у Женьки и на стороне от своего класса ни с кем из девочек также ничего не ладилось. Женька не то, чтобы совсем, уж, сильно

стеснялся своего прихрамывания, но сбрасывать этот минус целиком и полностью — никак не получалось. Да, к тому же, и не последнее развитие интеллекта парня автоматически дистанцировало от него девчонок, интерес которых ограничивался, лишь, последним модным писком новых юбок или слепым обожанием очередного кинематографического кумира из журнала «Советский экран».

Но однажды и тут произошел неожиданный сдвиг. На одной из передвижных галерей современных художников он познакомился с очень милой девочкой, которая просто протянула ему свой фотоаппарат и попросила «щелкнуть» ее у какой-то картины с очень странным сюжетом. А потом также просто протянула ему раскрытую ладонь:

— Галка.

— Женька...

И никакая хромота на сей раз не стала препятствовать их так странно зародившейся дружбе.

А деду, тем временем, становилось все хуже и хуже. С каждым днем он начал сдавать все заметнее. Когда дед перестал говорить, Женька понял, что лишился очень важного для себя — долгих и таких нужных ему ежедневных бесед с дедом о жизни. Женя по-прежнему продолжал делиться с дедом всеми своими новостями и проблемами, но вот получить какого-то мудрого совета, или просто услышать пару слов привычной поддержки от самого близкого человека — уже не мог. Дед научился звать Женьку очень странным способом — он просто вытягивал дрожащие губы трубочкой и все, кто это видел, немедленно подзывали к нему внука.

А позже случилось и самое неприятное — дед потерял рассудок. Он уже не мог нормально есть с ложки и, когда Женя кормил деда, тот неловко кривил губы и, будто придуриваясь, шумно разбрызгивал кашу или суп по сторонам. Иногда дед приходил в ясное сознание, но со временем приступы безумия затягивались на все более длинные периоды.

Однажды Женька очень торопился на ранее договоренную встречу с Галкой. Он пытался как можно быстрее покормить деда перед своим вынужденным уходом и сидел у его кровати с миской и ложкой, уже переодевшись в новый прекрасный костюм. Все шло, как обычно — Женя подавал ложку каши и дед спокойно проглатывал. Но, вдруг, так некстати, дед с совершенно глупым видом стал фыркать губами и, поворачивая голову из стороны в сторону, разбрызгивать кашу по новой Женькиной рубашке и костюму. У Женьки на секунду что-то замкнуло в голове и он молниеносно стукнул мокрой ложкой деда по лбу...

Удар получился не очень сильным, но вызвал шок у обоих. Женька сам остолбенел от неожиданности, а дед вдруг замер, как мумия, пристально всматриваясь в глаза внука. Это оцепенение продлилось несколько бесконечно долгих секунд и, наконец, Женя отчетливо увидел, как в покрасневших уголках старческих век сначала появились влажные капельки, а потом из неморгающих глаз деда покатались крупные слезы. Женя выскочил из дома. На встречу с Галкой он уже не пошел.

Много дней Женька терпеливо ждал очередного прояснения ума у деда, чтобы попросить прощения за свое содеянное в порыве секундного гнева, но дед, казалось, оставил свое разумение с этого момента надолго. Женя потерял покой и сон. Он часами просиживал у кровати деда, кормил его и все ждал хоть мимолетного прояснения в голове деда, чтобы покаяться. Однако, время шло, а деду становилось только хуже.

Женька изменился — из уверенного парня он словно превратился в постоянно молчащую побитую собаку. Совесть сжигала его дотла. Он мучился и продолжал надеяться, что минута очищения все же наступит.

Однажды вечером Женьку встретила мама и сразу с порога воскликнула, что сегодня днем дед приходил в себя, смотрел на родных совершенно чистыми глазами и часто, как умел, с усилием складывал губы трубочкой. Это означало только одно — он звал внука.

Женька, не разуваясь, кинулся в спальню деда, схватил того за руку:

— Деда, деда-а...— долго шептал Женька, как когда-то в детстве, приходя к тому за лаской или гарантированной поддержкой,— деда-а-а...

Он долго тербил и гладил старческую шершавую ладонь, так похожую на давно высохшую и растрескавшуюся землю.

Ничего не случилось. Дед не открыл глаз, не пошевелился, его губы не пытались сделать ни малейшего движения.

Женька вышел из спальни, совершенно бесцельно прошелся по коридорам большой квартиры, неожиданно остановился перед своим старым футбольным мячом и вдруг резко со всей силы нанес по нему сокрушительный удар! Послышался грохот рассыпающегося кусками огромного зеркала. В последний раз в осколках зеркальных брызг отразилось перекошенное диким отчаянием бледное лицо Женьки.

Ночью деда не стало.

Виктория Александрова
(г. Минск, Белоруссия)

**«ЧУДИЩЕ ОБЛО, ОЗОРНО,
ОГРОМНО, СТОЗЕВНО...»**

Поликарпова Лариса Станиславовна (творческий псевдоним — Виктория Александрова) родилась и выросла в г. Минске. Образование высшее. С 1998 г. работает преподавателем в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка. С 2010 г. — член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Пишет стихи и прозу. Автор нескольких коллективных сборников и альманахов.

Сто зубастых пастей, сто пар сияющих черным огнем глаз, сто изогнутых позмеиному шей, покрытых золотой чешуей... Великолепное зрелище! Прямо-таки подавляющее некоей смертоносной красотой!

Он любовался своим чудесным отражением в отполированном годами куске обсидиана, поворачиваясь то правым, то левым боком, приподнимаясь на задние лапы и время от времени расправляя пестрые крылья.

Жаль, что его не видит Великий Пра-пра... Ему было бы чем гордиться! Дракон еще раз с удовольствием оглядел себя и вновь заключил, что он — достойный продолжатель достойного рода. Ему подобные — нынче большая редкость. А ведь когда-то они превосходили своей многочисленностью всех прочих созданий. Правя и в небе, и на земле, они не имели себе равных.

Это значительно позже, гонимые драконьей чумой, преследованиями размножившихся человеческих существ и прочими бедствиями, предки вынуждены были искать убежища в глубине скалистых гор, постепенно теряя власть и силу. Что ж, такова судьба, и никто не в силах ей противостоять.

Дракон с шумом вдохнул теплый воздух. Здесь, по крайней мере, всегда было уютно и безопасно. Высокие стены, покрытые светящейся слизью и зеленоватыми грибами, уходили отвесно вверх, теряясь где-то во мраке. Там, где потолок опускался ниже, словно выточенные умелой рукой (или лапой) безвестного скульптора, свисали сталактиты. Им было много лет, очень много. Дракон помнил их еще совсем крошечными, и они росли вместе. Сейчас некоторые из них походили на гигантские колонны, соединившись со своими братьями, растущими снизу — сталагмитами. Всевозможных оттенков, начиная от молочно-кремового и заканчивая шоколадным, эти подземные композиции служили самым примечательным украшением его жилища. Хотя не менее прекрасным был водопад. Он прыгал с высокого выступа дальней стены, разбиваясь на тысячи мелких хрустальных осколков, распадаясь шикарным веером брызг. И когда дракон становился под ним и выдыхал пламя, водопад превращался в настоящий фейерверк. Шипя и сверкая, капли разлетались во все стороны, окатывая паром его блестящую шкуру.

Но если быть до конца откровенным, несмотря на жизнь, прожитую под землей,

ему часто снилось небо. Оно манило со страшной силой, тая в себе неисчислимое множество загадок. Полное то летних грозových облаков, то сияющих звезд, то черное, то пурпурное, то бирюзовое, точно сапфиры, сложенные в дальнем углу пещеры, оно казалось дракону самой желанной наградой. И он давно уже решил сам для себя, что однажды презреет опасности, подстерегающие снаружи, и осуществит свою мечту, подобно далеким предкам, возносившимся к самым звездам.

Дракон вновь подумал о Великом Пра-пра. Состарившись, тот все меньше летал и все больше сидел в пещере, вспоминая былые подвиги. Он любил рассказывать о том, как выходил на смертельный бой с человеческими воинами, именовавшими себя рыцарями. По его словам, они составляли основную драконью диету. «Помни, малыш,— скрипел знаменитый предок,— нет ничего вкуснее и полезнее для здоровья, чем молодой рыцарь, запеченный в собственных доспехах».

Пыхнув пламенем из всех пастей одновременно — просто так, чтоб не терять шноровки — дракон направился в трапезную — самую большую залу в пещере. Там его дожидался знатный ужин — пойманный и зажаренный живьем Зверь неизвестной породы. Этим созданий, огромных, с длиннющими хвостами, неисчислимое количество водилось в подземных галереях, но поймать их было весьма и весьма непросто. Приходилось изрядно побегать по каменным лабиринтам, прежде чем изловить подобную дичь, отличавшуюся не только проворством и свирепостью, но еще и изрядной долей хитрости. Так что дракон мог на полном основании гордиться собой.

Улегшись в удобную ложбинку, протертую в камне множеством драконьих тел за множество веков, он с урчаньем подтянул к себе добычу. Как сладко она пахла! Зубы сами вонзились в сочное мясо.

И тут... Чей-то громкий и гнусный голос снаружи нарушил привычное течение трапезы. Это был, действительно, весьма неприятный голос и принадлежал он, судя по всему, человеку — наверняка, какому-нибудь рыцарю. Дракон никогда прежде не встречал рыцарей, хотя был немало наслышан о них, главным образом, об их гастрономических свойствах.

— Эй, ты, чудище безобразное, выходи! Биться будем!

Дракон заворчал. Начинать с оскорблений, даже не познакомившись толком, — как это по-человечески! Разумные, высокоразвитые существа никогда не позволят себе подобного. Но отрываться от дивно прожаренного куска совершенно не хотелось.

— Ты, трусливая, глупая тварь! Покажись! — надрывался между тем рыцарь, — Я щекечку твою шкуру!

«Твое счастье, что ты застал меня за ужином, консерва ходячая,— пробормотал дракон.— Я бы переломал тебе позвоночник прямо сейчас. А так поживи еще немного. Пока я доем».

В стену пещеры заколотили чем-то железным — возможно, мечом или топором. А может, это рыцарь бился головой от отчаянья, видя, что вызов его остается без ответа?

«Надоел он мне, доставучий человечешко! Что ж ему так умереть-то нейдет?!» И все же бросить ужин недоеденным, тем более, добытый с таким трудом, казалось чистым кощунством. Дракон запустил зубы еще глубже, стараясь не слушать бесчинствующего снаружи рыцаря.

А тот орал уже во всю глотку:

— Трус! Трус! Выходи же! Сразимся!

Пра-пра никогда не говорил о подобной вопиющей грубости и настырности человеческих существ. И дракон чувствовал, как под столь наглым напором налет цивилизованности и благодушия постепенно сползает с его золотистой шкуры. Он начинал звереть. Откусить ему голову. Просто выйти и откусить ему голову, без прелюдий.

— Ах, так?! Не хочешь выползть по-хорошему?! Подожди же!

У входа в пещеру затеялась какая-то возня. Она раздражала еще больше, чем крики. Последние куски, проглоченные почти не разжеванными, застревали в каждом горле из сотни. Ужин был безнадежно испорчен.

И когда в пещеру потянулся густой дым — явно от костра, разведенного этим недоумком, дракон находился в последней стадии раздражения.

Вытянув все сто шей, шелкая зубами от бешенства и молотя хвостом, он кинулся к обидчику, намереваясь разорвать его на части. Дым, разъедающий глаза, добавлял ему ярости, и когда дракон вырвался на поверхность, в мозгу его сохранилось единственное желание — убивать!

Дальше... Дальше последовала немая сцена, достойная лучших театральных подмостков. Дракон и рыцарь замерли и уставились друг на друга, пораженные до глубины души. Причем первый смотрел на второго снизу вверх, а второй — напротив, сверху вниз, ибо выбравшееся из пещеры существо, кашляющее и спотыкающееся в клубах дыма, оказалось едва ли выше рыцарской щиколотки.

Рыцарь — на котором, кстати, почему-то вовсе не оказалось хваленых доспехов — взирал на сие недоразумение, наверное, с минуту, а потом с диким хохотом повалился в траву. Существо с не менее диким шипением кинулось ему на грудь, явно намереваясь добить. Но вскоре шипение перешло в такой же отчаянный хохот, и оба покатались по склону, молотя друг друга руками, лапами и крыльями, уже, скорее, в шутку, чем по-настоящему. Ведь дракон был, по сути своей, созданием незлобивым и не умел долго сердиться.

Леонид Пулькин
(г. Речица, Белоруссия)

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

В основном, вторая половина XX века

Пулькин Леонид Андреевич. Родился 15 июля 1955 года в Гомеле. Окончил Гомельский государственный университет по специальности «русский язык и литература». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 1999 года. Председатель Речицкого отделения. Работает руководителем литературно-краеведческих кружков. Публикации: самиздатовский альманах «Мистерии», Речица — Ленинград, 1980 г., «Западная Двина» (№ 2, 2004 г.) — повесть «Разведчик без миссии», коллективный сборник «Свет в конце тоннеля». Газеты: «Новый ресурс», «Грани культуры», «Вестник культуры», «Дняпровец», «Стержень».

1

В колхоз приехали за картошкой.

Теща побежала оформлять бумаги. Мы с Федором Ивановичем прогуливаемся по деревне и он меня в очередной раз, спрашивает:

— Когда же мы с тобой, зятек, на рыбалку поедem? Тебе хоть бы одну рыбку поймать.

Ради одной рыбки день с удочкой на берегу торчать? Только нервы расшатывать. Не понимаю я этого удовольствия.

— Когда-нибудь, Федор Иванович.

— Да-да,— неопределенно кивает головой тeсть.

Сворачиваем в проулочек. Покосившиеся домики, утки в луже. Опавшие листья шуршат под ногами, шелестят на деревьях желтыми пятнышками в синее небо.

С моим появлением в их доме Федор Иванович стал реже смотреть телевизор. Телевизор в нашей с женой комнате, да и что там смотреть? Новости? Лежа у себя в постели о чем-то глубокомысленном думает. Обычно, когда я прихожу с работы, собирается на прогулку. Двухкомнатная квартира...

Маленький, с палочкой, напоминает хромом вороненка. Бывает ночью энергия на него находит: проверяет, почему дверь скрипит; что-то ищет в шуфлятках; сухари начинает сушить. Утром от Тамары Владимировны достается ему на баранки за ночные похождения. Он в ответ лопочет всякую тарабарщину. Когда волнуется, делает какие-то несурзные вещи: ест прямо из кастрюли черпаком и ходит из комнаты в комнату. Случайно как-то разбил люстру — вот тут-то теща готова была его съесть. Федор Иванович разволновался, расстроился, начал зачем-то раздеваться и даже снял трусы.

— Вот, Витя, мы с тобой и по деревне прогулялись. Пойдем к реке.

— Пойдемте.

За огородами Днепр. Посмотрели на реку — возвращаемся обратно. Навстречу идут женщины, в фуфайках, в сапогах. Здравуемся с ними. Они отвечают нам.

Федор Иванович качает головой: не богатая деревушка.

— Хотя я, Витя, и в плену был, а порядок немецкий мне нравился».

— Как!? Вы в плену были?

— В Германии.

— Как это вышло?

— Собрали нас, девушек и ребят, зачитали, что родители сбежавших будут расстреляны. Это перед отправлением. Повезли на вокзал, все это было вечером, погрузили. Повезли в сторону Калинковичей. Потом обратно, чтобы партизан сбить со следа. Утром были в Гомеле. Вечером дали каждому кусок хлеба и кружку воды. Ночью состав тронулся. Мы уже знали, что везут в Германию. Заснуть было невозможно. Пол грязный. Из щелей дуло. Тоска. Холод. На границе с Польшей немцы стреляли. Ругались. Кто-то сбежал.

Германия встретила рабсилу маршем. Распределение началось прямо на вокзале.

— 1919 год, шаг вперед!

— 1920-ый!

— Двадцать первый.

— Двадцать второй.

— Двадцать третий.— Вышли высокие коренастые ребята.

— Эге,— подумал Федор,— я с ними не потяну. Чай не малину есть будем.

Он вышел с ребятами помладше. Их начали распределять. Погрузка в машины. Повезли. Животы подвело, кружилась голова. Тошнило. Привезли в небольшой чистенький городок. Отвели в управление.

— Кто говорит на немецком?— спросила женщина в военной форме.

— Я,— будь, что будет, решил Федор.

Женщина оценивающе посмотрела на него.

— Пахать умеешь?

— Умею.— Соврал Федор.

Она еще раз недоверчиво взглянула на него. Пощупала мускулы. Спросила имя. Затем переговорила с офицером. Взяла его за руку и вывела из здания. Подвела к грузовой машине, жестом велела забраться в кузов. За рулем тоже сидела женщина. Выехали за город. Аккуратненькие поля, деревья, даже облака какие-то упорядоченные.

— Веришь, Витя, я в плену, не к теще на блины еду, а душа радуется, кругом порядок вижу. Цистерны с навозом, о которых нам еще в школе рассказывали. Ничего не пропадает, все используют. У них тогда у крестьян было то, чего у нас в колхозах не было.

— Ну да, у них и сейчас этого добра много. А у нас пропадает.

— Привезли меня и сразу в поле. Хоть бы корку хлеба дали.

За плугом шел высокий человек с белой бородой. Около дороги наши работали, военнопленные. Немецкие солдаты, отложив автоматы, перебрасывались в карты.

— Покажи, как ты умеешь пахать,— старик отошел в сторону.

Назвался груздем, полезай в кузов. Федька потянул вожжи.

— Но!

Намучился. Лошадь не слушалась. К обеду что-то начало получаться. Обедали вместе с хозяевами. То же, что и они. После обеда опять в поле. Вечером покормить скотину. Молодая немка показала, как это делается. Федя так рьяно взялся за дело, что ободрал пальцы, неудачно прокатив коляску в дверь.

В десять всех работников привели в дом с зарешеченными окнами. Староста спросил:

— Все?
— Все здесь,— ответили ему.
Закрыв дверь. Звякнул замок.
— Иди сюда.— Приказал один из мужчин. Федя подошел. Тот вдруг злым движением схватил за грудки.
— Ты что? — растерялся Федор.
Мужчина посмотрел ему в глаза, подержал немного и отпустил.
— Ничего, хлопчик. Ты откуда?
— Из Речицы.
— Это где?
— В Белоруссии.
— Устал, поди?
— Да.
— Вон твоя кровать.
Белобородый дед положил руку на плечо парнишке.
— Повезло тебе. Здесь нам еще повезло.
Федя будто провалился в сон. Будили с петухами. Работа до изнеможения. Ослаб. Не выдержал. Слег.
— Сможешь работать? — Хозяин выразительно посмотрел на него.
— Сможешь работать?! — Вместе обедали, как равные, и праздники их отмечали, и хозяин Гитлера за столом ругал.
— Ты сможешь работать, Теодор?! — Мальчишка кивнул головой. Иначе отправят на шахты. А там — конец.
Советские войска приближались к Берлину. Газета для русских пленных «Труд» сообщает об оставленных городах и имена погибших. Чем дальше, тем больше убитых, больше крестиков. Крестики, крестики, сплошные в газете крестики! Появились беженцы из Венгрии. Хозяева думали остаться, но, увидев «Катюши» в действии, переменили решение. Пострашнее американской авиации, застывшей небо от горизонта до горизонта, были наши «Катюши».
Хозяева погрузили в телегу самое необходимое и в спешке выехали. Федя поплелся было за ними, но потом до него дошло: «Что я им».
Я так и вижу его карие глаза, непонимающие, что происходит в жизни.
— Я дальше не пойду.
— Счастливо, Теодор.
— Ауфидерзейн.
Оставшиеся в деревне немцы заискивающе улыбались и жестом предлагали:
— Бей птицу, Теодор. Ешь.
Канонада все ближе и ближе. Некоторые пленники бежали за линию фронта. Одни удачно. Других поймали. Расстреляли.
— Теодор, ты же скажешь своим, как мы обращались с вами?
— Скажу, как было.
Артиллерийские взрывы все ближе и ближе. С семьей из соседнего дома спрятались в погреб. Хозяин, его жена, дети. Все молчали. Вышел из погреба посмотреть, что происходит в деревне. За углом сарая, за скирдой сена, увидел двух притаившихся немецких солдат. И вдруг скирду и солдат разнесло взрывом.
Спустившись в низ, рассказал, что видел. Ушел в свой угол. Каждый думал о своем.
Через час затихло.
— Иди к своим, Теодор,— подал голос хозяин. Федор вышел. Оглянулся. Пустынно. Пошел к управе, а там увидел своих. Прислонившись к пушке, отдыхали солдаты. Изнуренные и равнодушные после боя.

— Здравствуйте.— Федор почувствовал, что никому нет до него дела.

— Здравствуй.

— Я из Речицы.

Никто не посмотрел в его сторону. Помялся немного, вернулся в погреб.

— Что там? Что сказали тебе?

— Ничего.

Вскоре дверь открыл посыльный.

— Кто из Речицы?

— Я.

— А где эта, Речица?

— В Белоруссии.

— Идем.

Дали обмундирование, маленько подучили и бросили в бой.

Ему повезло опять. Ранило в ногу. Не убило. На войне привыкаешь к смерти. От осколков закрываешься телом погибшего.

Девятого мая лежал в госпитале. Победа. Конец войне.

Вскоре на смену советскому персоналу в санчасть пришли немки. Они добросовестно взялись за работу: непрерывно чистили, стирали, мыли. Привели здание и палаты в идеальный порядок.

— Мне таким хлеб, Витя, никогда уже не есть, каким они готовили.

Тамара Владимировна, пока мы бродили по деревне, выписала картошку и уже искала нас. Издалека замахала руками и сразу набросилась на Федора Ивановича.

— Гультайничаете целыми днями. В соседнюю деревню ехать надо. Дают там, а выписывают здесь. Ты сколько мешков взял?

Всю дорогу пилила тестя, тот оправдывался:

— Я ж думал, мы сто килограмм выпишем.

Разнервничался.

— Пряник можно съесть?

Ест. Крошки на подбородке и на пиджаке. Рот набит разжеванным пряником, закусывает яблоком.

В соседней деревне надо ждать кладовщика.

Федор Иванович немного успокоился.

— Ну, что Витя? Рассказывать дальше?

— Рассказывайте.

После госпиталя Федора Ивановича отправили служить в комендатуру в небольшом немецком городке. Вокруг пустовали поместья и дома. Кто что отправлял домой. Начальство — вагонами, солдаты — посылочками.

Здесь Федор почувствовал некоторую свободу. Ходил по городу. Собирал брошенные велосипеды. Немцы, заметив это, сами привозили ничейные велосипеды.

Приглашали к себе, спорили.

— Война не кончена,— говорили ему.— Будет вторая война. С вами, русскими.

— Будет,— подтверждал Федор,— но война дипломатическая.

На следующий день один из спорщиков окликнул его:

— Гут морген, Теодор.

Безотчетное возмущение колыхнулось в душе. Прошел мимо, не ответил на приветствие.

После демобилизации вернулся в Речицу. Старшая сестра была расстреляна как партизанка. В живых остались два брата. Отец умер. Мачеха поселила Федора у себя. Сторожил садик. Хотел пойти в военизированную охрану, ему отказали — был в плену.

— Ну, так если в плену был — мне доверия нет? — Спросил он в отделе кадров.

— Нет.

Работал на «Мебельном». Женился, но жена через два дня сбежала в деревню. Таким образом желая его туда заманить. Красивая была женщина, но в деревню Федор не пошел.

Вторым браком женился на Тамаре Владимировне. Она тогда худенькая была.

Федор Иванович числился в передовиках: норму выполнял, непьющий, покладистый, в хоре поет.

Купит с полочки конфет и ребят со всей улицы угощает. Федор Иванович любил поговорить и даже поспорить. Впрочем, Федор Иванович принимает любое мнение. Жизнь научила? Сколько бы ни было спорящих, он со всеми согласен. Любит говорить к месту и не к месту цитатами из классиков. В гостях ли, дома, он один создает шум застолья, «гологонит», как выражается теща.

2

Выходной. Утро.

— Ну что, Виктор, поедem куда-нибудь?

— Можно. А куда поедem?

— А куда хочешь? Хочешь в лес?

— Давайте.

Погода в ноябре в том году держалась с легким морозцем, но солнечная.

Тесть включает печку — в салоне становится теплее. Прогревает мотор.

— Поехали?

— Поехали!

На выезде из города кто-то поднял руку. Тесть притормаживает, к нам подбегает человек, открывает дверцу.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Подвезете, Федор Иванович?

— А вам куда?

— В Салтановку.

— Садитесь.

Плоское лицо, тупая челюсть, узкие губы, маленькие зрачки глаз из-под очков. В голосе этого человека какие-то бабские интонации.

Федор Иванович интересуется:

— Ну, как у вас дела?

— Шельмуют гады.

— Да-да, — кивает тесть.

— Если б не это дело, я б не поверил, что у нас такое возможно. Я их, сволочей, посажу. Эта собака, председатель, вы знаете кто, шантажировал меня! Меня отстранили от работы!

— Что вы говорите?

— Да, я уже полгода не работаю!

— И что?

— Ничего. Я же иду по первой категории. Это директора-а-а, партийные рабо-о-о-тники!.. Мне ничего они не сделают. Я подал заявление этим негодям! Говорят, где угодно, только не здесь. Но я имею право работать, хотя бы простым трудягой?! Нет, не берут! Прямое нарушение Конституции. Как хотят используют Конституцию. Вы не читали «Правду» за 13 мая? Нет? Прочтите. Точно такая история. Это четвер-

тая страница и еще за тридцатое июня две статьи, и в них, понимаете ли, та же ситуация. Они сделали собрание и заставили всех выступить против меня. Выступали против меня, но правда на моей стороне. Ставился вопрос об исключении меня из партии!

Солнце спряталось за облаком. Кусты, деревья, мостик, лес.

— Правда на моей стороне,— горячился наш попутчик,— и большинство за меня проголосовало. А эти собаки влепили мне выговор! За что? И я, главное, об этом не знал. А без меня они не имеют права это делать!

Деревушка. Бабушка с ведром идет к колодцу.

— А через голову нельзя?

— Нельзя. По инстанции. Сначала жалобу должны рассмотреть у нас. Потом в области. Затем я имею право послать ее в Минск, а после Минска в Москву. А так мне скажут: «В Минске рассмотрели вашу жалобу? Нет? И даже говорить не захотят».

— Скажите,— обратился я к нему,— если не секрет, что у вас случилось?

Смотрит недоуменно на меня.

— Воровство. Я работал ветеринаром на племзаводе союзного назначения. А там воровали. Воровали и при старом директоре, и при новом. Многие уже поувольнялись, кого-то посадить надо было. Я и написал заявление прокурору. Собрал факты и написал. Я работал 15 лет на этом заводе, а меня уволили без всяких объяснений и сейчас рогатки ставят. Она очень высокий работник, вы должны ее знать...

— Не знаю.

— Ну да я имя говорить не буду, очень большой пост занимает. Она мне сказала: «Ты знаешь против кого выступаешь? Ты против советской власти выступаешь!»

Правдолюб держит торжественную паузу.

— Приезжают, сами знаете кто, берут мяса сколько им угодно. Так на чьей стороне они будут? Они и защищают директора.

Мы въезжаем в Салтановку.

Убранные огороды, недокрашенные заборы. Женщины у магазина на крыльце. Высаживаем попутчика. Он с кем-то здоровается. Ему не отвечают.

Едем дальше, как говорится, куда глаза глядят. Проехали деревню. Переезд. В салоне «запорожца» стало тише.

— Досталось ему.

— Да,— с каким-то озабоченным видом кивает головой Федор Иванович,— нужно было лизнуть, а он гавкнул.

Еще одна деревенька. Гуси в пруду. Мужики у магазина — пиво привезли. На окраине заводские корпуса.

— Откуда здесь? — спрашиваю.

— Газоперерабатывающий завод. Здесь кругом лес был, до войны. Каждому была дана норма...— договаривать Федор Иванович не стал.

— Деревня после войны много изменилась?

— Нет, такая же.

Леонид Волков
(г. Полоцк, Белоруссия)

БЕССЛАВНО ПОГРЕБЕННЫЕ (ВЫРУЧАЙТЕ, МИЛЫЕ!)

Родился в 1956 году в д. Заболотье Сольвычегодского с/с Котласского района Архангельской области. В 2001 году стал членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Автор двух книг прозы, более десятка коллективных сборников и альманахов поэзии, прозы, изданных в Беларуси, России, Украине. Лауреат и дипломант ряда региональных, российских и международных фестивалей.

Крещенские морозы были крепки и жгучи, то и дело потрескивали в деревянных углах пригорода военного Полоцка 1942 года. Иной раз так трещало, что невозможно было понять, мороз это или одиночные винтовочные выстрелы. Мирные жители топили печи чем могли, поддерживая плюсовую температуру своих жилищ. Иногда старики в разговоре сетовали на лютый мороз да вспоминали советских бойцов, которым нелегко приходилось на фронтах большой России, Украины и Белоруссии. Более разговорчивые женщины исподтишка передавали друг дружке неизвестно откуда просочившуюся весть о том, что дали немцу по шее под Москвой так, что еле-еле ноги унес в обратном направлении. Хоть и говорили бабоньки об этом шепотом, а в глазах была радость да думка о том, что уже недолго осталось терпеть эту войну. Жителям Лозовки было известно, кто так их обрадовал. Однажды во время конвоирования в Спасс-городок очередной партии военнопленных один солдат выкрикнул стоящим вдоль дороги жителям города о том, что прижали хвост Гитлеру у стен столицы. За эти слова пленный расплатился жизнью, оставшись лежать на заваленной снегом обочине с прошитым насквозь молодым телом. «Шмайсер» конвоира, как показалось народу, долгое время плевался раскаленными пулями, пытаясь заставить замолчать солдата. В завершение фашист пнул уже бездыханное тело пленного, выругавшись при этом по-своему.

Подружкам Надежде Вороновой и Вере Макрецкой было по тринадцать лет, и они так же, как и взрослые, не могли привыкнуть к ужасам войны. Время заставило их смотреть на то, как очень часто разгружались эшелоны с советскими, пленными где-то на дорогах войны, солдатами. Девочки жили рядом с железной дорогой и совсем недалеко от их дома происходила разгрузка измученных, истерзанных воинов Красной Армии. Некоторых тут же у насыпи немцы приговаривали к смерти, избавляясь от лишней волокиты.

В то раннее утро, дыша в прижатые к лицу ладони, прикрытые рваными варежками, девочки опять стояли возле дороги, по которой вели очередную партию военнопленных. Надя держала подмышкой завернутые в тряпицу серого цвета пяток вареных картофелин, выбирая удобный момент передать кому-нибудь. Страх быть побитой конвоирами заставлял осторожничать, ибо девочки насмотрелись уже всякого, да и голодные взгляды истощившихся пленных парализовали так, что очень долго потом приходилось приводить нервы в порядок. Заметив приближающегося с боку колонны конвоира с собакой, девочки отошли подальше. Но через какое-то время их окликнули.

— Девочки, детки мои, подойдите поближе.— Надя и Вера переглянулись и, не сговариваясь, приблизились к говорившему, которого вели под руки двое других военнопленных.

— Верочка, я тебя узнал. Я из Светличич, с отцом твоим дружили. Выручайте, милые, бегите в деревню, скажите моей Марии — может быть, успеет завтра забрать меня из плена еще живым. Зачем я немцам такой нужен: иду и падаю. Отдадут меня жене, они отдадут иногда.

Надя, глядя на то, как измучен солдат, сунула ему за пазуху разорванной шинели сверток и успела при этом заглянуть в глаза. Она увидела там все: разочарование, безнадежность и стыд, страх, ненависть и унижение, а главное — пронизывающую насквозь боль, которая сразу пригвоздила к земле, сковала, сжала все хрупкое детское тело. Колонна прошла мимо, а Надя все стояла столбом, будто примерзла к обочине. Вера толкнула ее в бок:

— Что, подружка, делать будем? У меня валенки дырявые, пятки со снегом целуются, да и у тебя не лучше.

Надя молчала.

— Может быть, зайдем домой, намотаем побольше портянок на ноги, валенки-то большие, мамины. А там и побежим,— прострекотала Вера.

Надя пришла в себя.

— Если зайдем домой, то нас не пустят. До той деревни километров двадцать, а то и больше будет, да и дороги нет, наверное. Ладно, нечего тут раздумывать, хоть одного спасем, и то победа будет ближе. Побежали.

Девочки, взявшись за руки, прытко ринулись в сторону Светличич. Минут двадцать бежали легко, потом по мере удаления от города сбавили темп, поскольку дорога сузилась, перешла в санный след. Уже через час дети шли, проваливаясь по колено в снег. По всему было видно, что на лошадях в сторону Полоцка дня три никто не ездил. Надя остановилась, поправляя сбившийся на лоб платок, спросила Веру:

— Верка, а если немцы попадутся, что скажем?

— Да чего им здесь прозябать среди леса и снега, у них и в городе дел хватает. А если и попадутся, скажем, что в деревню идем за картошкой, ведь у меня там тетка живет.

— Ладно, успокоила. Давай передохнем немного, да снег из валенок выгребем.

Девочки, поочередно поддерживая под руки друг дружку, перемотали портянки и снова двинулись в путь.

— А как мы найдем ту тетю Марию? — спросила Надя.

— Да знаю я, где она живет. Сундуковы, вроде, их фамилия. У людей спросим.

Не успела Вера сказать эти слова, как метрах в ста от них разорвался снаряд, со свистом пролетев над головами. Подруги остановились, не зная, что бы это значило. Когда разорвался второй, но уже гораздо ближе, дети бросились на снег. Разгоряченные быстрой ходьбой тела прошиб озноб то ли от страха, то ли от холодного снега. Глаза испуганно смотрели на оседающую снежную пыль. Третий снаряд разорвался метров за триста впереди от девочек.

— Ой, Верка, что это? Куда нам теперь — вперед или назад? Чего это по нам бьют, заметили, что ли?

— Не знаю, Надя, полежим еще немного, потом решим, что делать.

Еще добрых десять минут девочки маскировались в холодном снегу. И когда уже стали коченеть, Вера сказала:

— Немцы, наверно, для острастки палили. Может быть, тут какие-нибудь партизаны есть? Вот бы их найти, пусть бы пошли с боем, выручили всех пленных.

— Верка, Верка, что ты говоришь! Сколько тех партизан будет — горстка, а фашистов в сто раз больше. Пошли вперед,— решительно сказала Надя.

...Озябшие и измученные девочки пришли в дом Марии на исходе короткого январского дня. В избе было тепло, но лампы еще не зажигали, и поэтому не сразу Вера узнала тетю Марию, сидящую за столом с двумя детьми и матерью-старушкой.

— Здравствуйте,— сказала Мария.— Откуда вы такие будете?

— Ой, тетка Мария, это я — Вера Макрецкая с подружкой Надей. Из Полоцка пришли к вам. Сегодня среди пленных вашего мужа видели. Он попросил, чтобы вы забрали его завтра.

Мария хотела что-то сказать, но это ей удалось не сразу.

— Какой он, как выглядит? Не ранен? — тревожно встала со скамейки женщина.

— Знаете, тетка Мария, совсем плох. Два товарища вели под руки, еле ноги переставлял.

Мария заходила по избе, не зная за что схватиться и что предпринять. Потом спохватилась:

— Да что же это я, совсем голову потеряла... Садитесь к столу, поешьте картошки с кислой капустой. Тут еще и хлебушек остался. Ешьте, ешьте, а я сбегаю, спрошу насчет коня.

Съев по несколько картофелин с хлебом и капустой, дети, разомлев от тепла, прислонили головы к столу. Бабушка, заметив это, погнала их на русскую печь.

— Полезайте, ложитесь на тулуп и спите до утра.

Ночью Надя видела сон. Как они приехали в Спасс-городок, как комендант лагеря вывел им Василия Сундукова и на ломаном русском языке сказал: «Не воевайте против великой Германии», а Василий подмигнул Наде, усаживаясь в сани, мол, ничего, вот окрепну, так еще до Берлина дойду. Вот на этом самом месте и разбудила девочек тетка Мария, не дав Наде досмотреть сон. Сунув в руки по краюхе хлеба, сказала:

— Поехали быстрее, лошадь раздобыла.

До лагеря доехали часа за два. То, что увидели дети, их ужаснуло. Тысячи пленных советских солдат стояли под открытым небом. Десятки, а может и сотни трупов были свалены в кучу около забора из колючей проволоки. Мария пошла к воротам и долго о чем-то говорила с часовыми. Потом она стала выкрикивать в толпу военнопленных фамилию своего мужа. Кричала долго, со слезами на глазах.

— Васенька, где ты? Отзовись! Василий Сундуков, откликнись!

Ей никто не отвечал.

— Умер, баба, твой муж. Сегодня ночью умер от мороза и побоев,— сказал, пробившись сквозь толпу к колючке, седой солдат. Отвези домой, хоть похоронишь по-человечески. Да и нас сразу помяни, доживаем последние дни.— Замолчал солдат, потом заговорил опять дрогнувшим голосом.— Ты-то хоть мертвого нашла, а мы без вести пропавшие да бесславно погребенные для своих жен будем. Помяни нас всех, матушка, да свечку зажги, если есть, а нет, так и лучинка сойдет. Да молитву не забудь прочитать — все легче на том свете будет. Сейчас мы тебе его погрузим на сани.

Окоченевшее скрюченное тело, которое было уже без шинели, пленные вынесли к воротам и под присмотром часовых аккуратно, словно боясь разбудить, положили на сани. Девочки видели слезы на глазах Марии, которая не могла произнести ни слова. Они попытались усадить ее в сани, но Мария замотала головой:

— Пойду рядом, пока город, а там уже вместе с ним поедем.

Натянув вожжи, она понукнула лошадь, и та пошла тихим шагом, Вера и Надя следом за ними. Молчаливое шествие до района Лозовки длилось несколько минут. Поравнявшись с домом, Вера и Надя стали прощаться:

— До свидания, тетка Мария. Извините, что так получилось.

Мария обняла обеих.

— Спасибо вам, милые мои, большое.— Потом, помолчав, добавила: — Мой-то Васенька хоть в свою землю ляжет, а остальные-то солдатушки, остальные...

Нина Высокова-Мордвинцева
(г. Полоцк, Белоруссия)

ЛЮБОВЬ МОРЯКА ОДНА

Окончила художественно-графический институт в С.-Петербурге. Участник нескольких международных пленэров. Проза публиковалась в коллективных сборниках, в местных СМИ. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

В порт ворвался ветер. Душное лето, без дождей, чаще всего царствует на берегах Азовского моря. Ветер в такое время года — на радость людям. Они осмысливают его как животворящего спасителя. Разнести звуки голосов подальше от тех мест, где они звучали — его стихия. И вот секрет человека раскрыт... А он, шальной и свободный, мчится дальше к берегу.

На его пути встретился сухогрузный корабль. Ветер взлетел на палубу, лизнул острым языком обмотанные на кнехтах канаты, помчался к мостику капитана, нырнул через иллюминатор в каюту, разнес листочки записей, лежащих на навигационном столе, вылетел обратно, спустился вниз к бортику, взъерошил волосы на головах моряков. Но оторвать их взгляд своей шаловливостью не смог. Они его не замечали. Глаза мужчин смотрели на берег.

Тут ветер, обидевшись на людей, соскочил с палубы, пробежался по воде, всколыхнул утреннюю гладь рябью и первый встретил жен и подруг моряков, стоящих на пирсе. Шаловливо размотал на нарядных платьях женщин банты, шарфы, обнажил ноги, но его и здесь не замечали. Тогда мелким песком отомстил за равнодушие к себе: засыпал лакированные туфельки модниц. И, словно устыдившись своей навязчивости, вздохнул и притих, зарывшись в кроны зеленого массива морского берега.

Уснул...

* * *

Душа моряка, наполненная эгоизмом от одиночества, жаждет вечной и преданной любви. «Ждет ли она его?.. Нежностью или мечом дышит ее тело?..» Моряки, всматриваясь прищуренными глазами в берег, молчали. Но иногда саркастически смеялись, подшучивая друг над другом. Сальные шутки сейчас впору. Но все мысли тянулись к своей женщине. «Отдать швартовы!» Команда капитана — новый толчок взрыва в крови моряка. И уж подкрадывается чувство пустоты... Внезапная, откуда-то пришедшая незнакомкой, она властно вытягивает из тела силы. Как струны инструмента перед игрой, натянуты нервы. Такое состояние не раз ощущают влюбленные при длительных расставаниях. Видимо, сердце не выносит высокого полета восторженных встреч. Зыбкое ощущение первых шагов моряка по суше, из-за шквальных волн могущественного океана, похожи на шаги младенца. Ноги становятся на землю на ширину плеч, тело качается, как на качелях.

Но вот и земля! Ноги моряков прикрепились к твердой массе. Он, моряк, увидел ее и своих детей. Они улыбаются ему и бегут навстречу. Гимн восторга и ощущение родной земли поет Любовь! Каким же громаднымместилищем является сердце любви. Человек выживает на земле красотой. Женщина с древних времен была желанной. Древние племена в своих росписях изображали ее с шестью глазами. Два глаза рисовались впереди, два на затылке; по одному — с боков. Правой рукой она держала мешок с золотом, левой — обнаженный меч. Лучше одарить, чем уничтожить — говорит рисунок о разуме женщины. Она улыбалась. Чувство пустоты и холода сменилось теплом. «Дождались,— прошептал ветер в кронах деревьев.— Пора и мне лететь к своей звезде. Желанной».

Николай Василевский

(г. Минск, Белоруссия)

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Николай Василевский. Родился в Минске. Закончил Белорусский государственный университет по специальности «журналист». Работал по профессии. Писать стал рано. В 2007 году вступил в Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Есть ряд публикаций в периодических изданиях. Печатался в журнале «Западная Двина». Автор книг прозы «Вы принадлежите мне», «У любви — извилисты прямые», «Сага о козлах», «Солнечный чай», «Свет оставляют немногие», «Свист со вкусом апельсинки». Участник ряда коллективных сборников, альманахов, антологий.

НЕВЕСТА ДЛЯ ИВАНА-ДУРАЧКА

Узнал однажды Иван-царевич, что на болоте собирается много красивых девушек. И пошел он к болоту, и увидел то, о чем ему говорили. Десятки изумительной красоты девушек купались в небольшом озере в еще не затянутой илом воде. Как барс, стелясь по земле (странно, что так, — то на ней было много свежей и сухой травы) пополз наш Иван — царевич к выбранной жертве. Как сокол на зайца кинулся он на избранницу. С визгом и криком кинулись девушки-колдуньи враспынную, но одной из них не повезло — она, отчаянно вырываясь, забилась в руках героя.

— Ты станешь моей женой,— гордо объявил Иван-царевич.

— Хорошо,— неожиданно согласилась красавица и поцеловала его в губы. В тот же миг он почувствовал, что с ним что-то происходит.

Через несколько минут он уже разглядывал свое отражение в воде. На него смотрела большая лягушка, а рядом его избранница. Лягушка в невесть откуда взявшейся фате.

— Я припасла ее специально для этого случая,— пояснила она ему. (А ведь в сказке все было совсем иначе! — с горечью подумал он).

— Так ведь сказки для того и пишутся,— как будто прочитав его мысли, сказала она.— Я специально подсунула через мышку-норушку, мою подругу, тебе этот Мужской журнальчик!

Иван-царевич удивленно посмотрел на нее.

— Пойдем, мой любимый, единственный и неповторимый,— прошептала нежно его избранница,— я познакомлю тебя со своими родителями.

Иван-царевич горестно квакнул и прыгнул вслед за ней — в болото.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

В одной стране, в одном краю жил да был парень, и звали его Иваном. Хороший был парень, но был у него один изъян- простоват и глуповат был. Мечтал о многом,

а работать не хотел. Смеялись все над ним, Иванка-дурачок звали! И обидно было парню просто до слез! И вот как-то одна из девушек в шутку сказала, ему: а сходил бы ты, Иван, на море и выловил золотую рыбку. Она, говорят, три желания исполнит! Сказала и забыла. Но не забыл Иван. Пришел он к морю и закинул сеть. Долго ждал, но наконец стал тащить сеть на берег. И... о, чудо, в сети бьется золотая рыбка! Обрадовался Иван схватил ее и говорит: вот так и так, если хочешь, чтобы я тебя отпустил, исполний три моих желания!

Посмотрела на него рыбка, и заговорила человеческим голосом:

— Закурить дай!

Ну коли только в этом дело, подумал Иван, так дам ей покурить.

Осмотрела она его с ног до головы и говорит:

— Согласна, только с одним условием, ты ведь мужчина, а я слабая девушка, выполнишь и ты моих три желания! Почесал голову Иван и согласился.

— Рассказывай о твоих желаниях! — потребовала рыбка.

— Хочу...— замялся Иван,— дом большой, а потом в доме красивую жену и детей, и чтобы в деревне меня называли не Иваном-дурнем, а Иван Иванычем!

Будет исполнено, сказала рыбка и... превратилась в прекрасную деву, которая назвалась Екатериной. Взяла его за руку и повела в деревню. И вскоре построил Иван прекрасный дом, родились у них дети, и уже в селе стали уважать его, и стали называть Иван Иванычем.

— Вот-вот видишь,— сказала по прошествии некоторого времени Екатерина,— исполнила твои все желания! Только почему-то в глазах ее играли веселые искорки!

А кто знает почему, тот великий молодец!

Татьяна Бурдыко
(г. Речица, Белоруссия)

РЕЧИЦА — ГОРОД, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

Бурдыко (Шиленок) Татьяна Георгиевна родилась в семье военного. Детство прошло в Прибалтике, юность — на Сахалине. Училась в Гомеле. По профессии — инженер. Писать начала в зрелом возрасте. Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с 2008 года. Печаталась в СМИ Беларуси и России.

Я — не коренная речичанка, хотя мои родители, белорусы в третьем поколении, родом из речицкого района. По воле судьбы я родилась в Калининграде и первые мои воспоминания о Речице связаны с 1959—1960 годами, сейчас уже точно не помню. Мне тогда было лет пять-шесть. Отцу — кадровому военному — дали отпуск и он привез нас всей семьей из Прибалтики в этот город, где жили его мама и сестры.

Помню небольшой, покрашенный известкой вокзал, наполненный звуками мелодий, доносящихся из громкоговорителя, и криками женщин-торгашек. Они не ходили, а, практически, бегали по перрону, предлагая приезжающим и проезжающим горячую картошку, обильно приправленную у кого — свежим, мелко нарезанным укропом, у кого — чесночком. Тут же предлагались малосольные огурчики — маленькие хрустящие, один вид которых нагонял аппетит. Но самым главным для нас — детей, во всей этой толчее и сутолоке, были тетеньки, продававшие молодую вареную кукурузу, которую они носили в кастрюлях, укутанных в пуховые платки, чтобы кукуруза дольше оставалась горячей. При каждом поднятии крышки из кастрюли распространялся до того вкусный запах, что мама, поддавшись на наши уговоры, позвала одну из торгашек. Подошла миловидная женщина. Тогда, в том далеком детстве, она мне показалась пожилой, хотя, как я теперь понимаю, ей навряд ли было больше 35—40 лет. Волосы женщины были покрыты простеньким, но чистым платком. Несколько завитков выбились из-под него и обрамляли полноватое лицо. Одета она была в светлую ситцевую кофточку и длинную просторную юбку. Но поверх этого простого наряда был повязан такой фартук, что я просто забыла зачем она подошла! На светлом фоне разноцветными нитками был вышит узор, каких я до этого не видела. Переплетение каких-то полевых цветочков, колосьев производило завораживающее действие, и я, открыв рот, стала рассматривать это великолепие. Но самым чудесным был петух, вышитый на переднике. Вот, уж, действительно шедевр! Он горделиво вскинул голову, готовый в любую минуту спрыгнуть на землю и отправиться гулять по вокзалу. Женщина увидела мое состояние, рассмеялась, открыла крышку на кастрюле и предложила мне угоститься кукурузой. Запах вывел меня из почти шокового состояния, и я заглянула в кастрюлю. Початки молодой кукурузы — горячие, желтенькие, с лопнувшей кожурой на бубочках — лежали, покрывая дно. Я взяла один из початков в руки и тут же почувствовала его обжигающее прикосновение. Стала

перекидывать кукурузу из одной руки в другую. Все засмеялись, и мама купила брату и сестре по кукурузному великолепию. Тут же предлагались соль или сахар, в зависимости от вкусов покупателей. Мы выбрали соль. Обжигая рот, вгрызались в кукурузную мякоть, посыпая солью и постоянно дуя на пальцы.

Встречали нас на вокзале родственники, которые приехали на мотоцикле с коляской. Меня, как самую маленькую, погрузили вместе с чемоданами в мотоцикл и мы поехали по пыльной дороге. Мотоцикл был не новый, в коляске ничего не было постелено, и каждый ухаб отдавался в моем не очень упитанном теле. Так началось мое знакомство с городом, в который я приехала в первый раз. Дорога от вокзала проходила мимо поля, засеянного рожью, и пожелтевшие колосья, качаясь под летним ветерком, переливались на солнце. Потом мы бегали играть на это поле в прятки и не раз были изгнаны оттуда объездчиком. Он ездил на коне с нагайкой в руке по дорожкам, проложенным по полю и, при каждом удобном случае, угрожающе вскидывал руку и грозил в нашу сторону. И тогда уж бежали мы как только могли быстро...

Теперь на этом месте большущий микрорайон «Нефтяник» с детскими садами, школами, магазинами, педколледж...

Много прошло времени с тех пор, жизнь забрасывала в разные места, но судьба распорядилась так, что я вернулась на родину предков и живу в доме, который стоит на месте того самого поля...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ БЕЛОРУССИИ

Владимир Шаронов
(г. Гомель, Белоруссия)

СОНЕТЫ

Шаронов Владимир родился в городе Богородске Горьковской области (ныне Нижегородской) в 1952 году. В настоящее время живет и работает в городе Гомеле, в Республике Беларусь. Имеет 9 авторских сборников, один из которых издан в Канаде. Стихи издавались во многих коллективных сборниках гомельским издательством ОДО «Барк», в нескольких российских сборниках Новокузнецкого издательства «Союз писателей», в журналах «Северо-Муйские огни», «Современная литература мира» и др. Лауреат 10-го Международного литературного фестиваля «Под небом Рязанским» (2013). Дипломант международных литконкурсов. Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы» (Беларусь). Является членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

1. СУМЕРКИ

Сереет амбразура одинокого окна,
Едва бросает слабый свет на старенькую мебель,
Роняет отблески огня свечи горящий стебель,
Громადной желтой лампой светит за окном луна.

Есть сладость в сумерках сидеть до полного темна,
Ей-богу, нам порою может быть дороже темень:
Волнения души улягутся, как в косах гребень,
А темнота, мой друг, одарит сонмом чувств сполна.

Так хочется в тиши побыть наедине с собою,
А суету сует покинуть словно поле боя,
И насладиться этим «дезертирством» в темноте.

С приходом сумерек найдет опять печали благость,
И в небывалой, как ни странно, сердца простоте
Я помолюсь Христу и обрету в душе вновь Радость.

2. ЛЮБОВЬ ВСЕ ПОКРЫВАЕТ

Куме Варваре

Не исчезает, как ни странно, без следа
Все то, что делаем мы в мире этом:
В твоей же Книге Жизни Ангел Света
Творимое добро запишет навсегда.

Внесет с ехидною улыбкою в гроссбух
Дела твои все злые Ангел Мрака.
Но что такое: где же чувство страха
И почему же твой так безмятежен дух?! —

Зри: в Книге Жизни добрых дел нет грамм и ста,
А вот другая книга очень уж толста!
Но Ангел Тьмы напрасно зубы скалит:

Коль сердце Божьею любовью полно,
Оно от злого мира будет спасено.
Ведь Бог — Любовь: Любовь все покрывает!

3. НАША ЖИЗНЬ

Насте Игнатенко

Живем ли правильною жизнью мы, мой милый друг —
В водовороте суеты всегда и в спешке?
А времени свободного — едва тележка,
Его нам не хватает, оглянуться чтоб вокруг

И увидеть, как чуден мир — творенье Божьих рук.
Остановись, красу его познай, не мешкай!
Ведь ты же человек — не винтик, и не пешка —
Созданье Божье ты, совсем не обезьяний внук!

Глянь, как животные по лугу ходят вольно!
От созерцанья той идиллии не больно ль,
Что мы свободу потеряли и теперь рабы

Страстей, условностей — рабы уже не Божьи.
О, если мы изменим жизнь свою... и что же?
Изменим ли? У нас всегда так: если б, да кабы!

4. О НАС

М. И. Дейчик

Мы размышляем ли о том, что жизнь не вечна?
А разве это не волнует нас совсем?
Работаем не покладая рук — зачем?
И труд не тщетен ли, коль время быстротечно?

Но, может, стоит жить легко нам и беспечно,
А все условности долой — и нет проблем!
И нет забот и вечно умных также тем,
Вокруг которых часто спорим бесконечно.

А мы своими ли творим судьбу руками,
Наивно думая: всего добились сами
(О том, что надо всеми — Бог, совсем забыв)? —

Ведь, если не нужна Небес для нас подсказка,
Неверный жизни получается мотив.
А мысль, что мы без Бога — все, всего лишь сказка!

5. ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

В. Г. Кругликову

Когда волнения души улягутся как волны,
Реальность бытия и суету заменит нам покой,
Уста печаль и скорбь сомкнут, да так, что не разжать рукой,
Где силы взять, чтоб дальше жить, коль Небеса безмолвны?

Любой из нас с горячим сердцем и страстями полным,
И с долей безрассудства попадет когда в «сюжет» такой,
Конечно же по воле Свыше все, потоки слез рекой
Отчаянно польются. И раскаяния стоны

Вдруг сердце, жизнь свою пересмотрев всю от и до, издаст
И ужаснется, что жилó как всякий, кто во что горазд.
Как к Чистому Истоку все ж ему опять вернуться?

Так в жизни с каждым рано или поздно, но произойдет.
О, если только нет, то жизни той напрасен был полет:
Резон ли жить, чтоб мимо Высшей цели промахнуться?..

Татьяна Фурсова
(г. Брест, Белоруссия)

Родилась в 1958 году в пригороде города Бреста в Белоруссии. Печаталась в периодике, в журнале «Гаспадыня», в коллективных сборниках «Карусель», альманахе «Своя стихия», «Фантазии серебряного облака», «Созвездие любви», антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994–2009 гг.». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

ПРИЧАЩАЮСЬ ЛЮБОВЬЮ...

Я сжигала мосты, умирала и вновь воскресала...
Я бросалась в Любовь, будто в омут: стремглав, с головой...
И по лезвию жизни так часто без смысла шагала.
Храм души постигала, нередко была как изгой.
Я теряла мечты среди людского безумного стада,
Зажигалась звездой и чуть теплилась жизнью душа...
Я пыталась постигнуть оскал ежедневного ада,
Что зовется Судьбой, только кто-то все время мешал.
Я стремилась понять и покой, и земное блаженство,
С журавлиною стаей объять седину облаков...
Я не в Жизни, а в Смерти искала порой Совершенство.
Тайны Времени щедро дарили морщины и... кров.
Я под маской шута изнывала от бренности быта,
И на шелке травы я слезой вышивала узор.
А коварностью фраз так нещадно бывала избита,
И писала стихи, отдавая Судьбы приговор.
Я тушила угли изможденной душою босою,
Золотой листопад отсыпал мне дешевую медь.
Уяснила одно: все земное не нужно — пустое!
Уравниет Любовь и Надежды обычная Смерть...
Ни вчерашний обман, ни стальные объятья печали
Не пробьют больше брешь в моей прочной сердечной броне.
«Отсекаю всю боль», безрассудство слепыми ночами.
Мудрость зрелости таинством Вечности видится мне.
Не жалейте меня в мой закат и обманчивый вечер.
Бесприютность души утолит только Вечность одна.
В чистом храме Души зажигаю я трепетно свечи,
Причащаюсь Любовью, которой испито до дна...

ПРОКЛЮНУЛАСЬ ГРУСТЬ

Проклюнулась грусть между крыльев рассвета,
Смешалась с малиновой кромкой зари.
И меж паутинками бабьего лета
В росу превратились ее пузыри.
Росинки застряли, блестя, как алмазы.
Воздушен и легок пока горизонт.
Но Осень рассыплет дождливые стразы,
Заставит людей забираться под зонт.
А песня любви ведь еще не допета,
Срываю ее, как листву ветерок.
Вернись, настоящее жаркое лето!
Но бабье застряло, увы, между строк...

ВСТРЕЧАЯ РАССВЕТ...

За окошком рассвет шевельнет мандариновой далью,
Желтокрылой пичугой вздохнет, шевельнув облака.
Обернутся кусты поднебесной туманной вуалью.
Тихой капелькой грусти скользнет по травинке роса.
Завороженно я созерцаю земную невинность,
И дневной суетой не спешит меня ветер обнять.
Отправляюсь рутинную вновь выполнять я повинность,
Да по капельке сердца другим все тепло отдавать.
Вы простите меня, непорочные юные весны!
Ведь любовью такой наградил, будто манной, Господь.
Что любовь — это жизнь, поняла я отчаянно поздно,
Когда счастье свое получилось бедой распороть...
Снова солнце вращается блистательным лучиком в душу.
Отступают невзгоды, как мрачная злобная ночь.
День развеет тоску и всю боль, что безжалостно сушит.
Улыбнется в кровати скользющему «зайчику» дочь...
За окошком рассвет мое сердце опять будоражит,
И вздохнут свежим ветром, рассыпавшись в прах, облака...
Я любила тебя, но, надеюсь, любовь не обяжет.
Только грустью звенеть задушевная станет строка...

РАЗМЕЧТАЛАСЬ ДЕВОЙ ОСЕНЬ...

У осин и старых сосен с потускневшим изумрудом
Размечталась девой Осень, ивой плачется над прудом.
У багряных листьев вены дождь без передыху лупит.
Будет утро непременно, завтра новый день наступит,
За туманной тихой далью скрыто небо голубое.
Мир, наполненный печалью, увенчают счастьем двое.

ЧАРЫ ЛЮБВИ

Лунный нектар опьянил нас, но очень давно.
В огненной страсти смешались закаты, рассветы.

Властью чарующих, лаской отмеренных снов
Было заполнено наше волшебное лето.
Миг торопился полней и насыщенной быть.
Доли секунды делились на дробные части.
Мы не скупилась друг друга душой разделить,
И показалось на миг: искупаемся в счастье.
Бились в едином порыве и наши сердца.
Магия ночи достигла земного предела.
Мы порывались всю Вечность испить до конца,
Чары любви раздирали и душу, и тело...
Раем казался уют для мятущихся душ.
Кутаясь в Тьму, мы достигли Небесного Света.
Плыл аромат от цветущих до одури груш...
Нас провожала Любовь в наступившее лето.
Снова рассвет через годы зовет за собой,
Снова подлунное зелье готово пролиться...
Выцвели страсти, избита былая любовь...
Нынешним летом уже ничего не случится.
Лунные грезы уже не зовут, не пьянят,
Брошены под ноги чары и мистика страсти.
Жизнь нам по каплям вливала неверия яд,
Чтобы разбить наше хрупкое, нежное счастье...

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

*(Ассоциация на картину Юлии Сдобновой
"Вечернее городское настроение")*

Растворился в окне гордый твой силуэт.
Дождь промоины в сердце впечатал.
А ночник, как свеча, льет мерцающий свет
На домов законные пятна.
Где-то там, вдалеке, за слепым фонарем,
Две фигуры в молочном тумане...
Он, Она... И пока еще даже вдвоем.
Только время придет — Он обманет.
Не надейся на белых ромашек букет
И стихи, бережущие душу...
Будет день — и наступит промозглый рассвет...
Тот, что счастье бездушно разрушит...
А пока... Пусть змеится прозрачный хрусталь
Ледящих окошко дождинок...
Ночь, возьми мое сердце! Я стану, как сталь,—
Королевою Снежной из льдинок...

Леонид Волков
(г. Полоцк, Белоруссия)

ВETERАНЫ

Ветераны, утрите слезы,
Улыбнитесь в день славной Победы.
Много лет как закончились грозы,
Ваши семьи затронули беды.

Вы прошли сквозь свинец и пламя,
В вашей памяти боль и атаки.
Честь спасли, долг Отчизны и знамя,
На груди вашей доблести знаки.

Вам сегодня почет и слава,
И для вас мы поем эти песни.
За спиной и Берлин, и Варшава,
Подвиг ваш будет в памяти вечно.

ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ

Есть профессия в мире такая —
Офицерской быть верной женой.
Мужу в службе она помогает,
Терпеливо ждет мужа домой.

Измеряет длину перегонов
Километрами долгих дорог.
Двери тесных купейных вагонов
Для нее как родимый порог.

Офицерские жены добром снаряжены
И умеют любить нас и ждать.
Офицерские жены, офицерские жены,
Учат родину-мать защищать.

У жены офицера закалка —
Нормы все превышает вдвойне.
И на уровне высшем смекалка,
Интуиция, как на войне.

После долгой томящей разлуки,
Может мужа с любовью обнять.
Пусть волнуются нежные руки,
Эти чувства не трудно понять.

НАШИ МАТЕРИ И ЖЕНЫ

Сколько выпало на долю
Наших жен и матерей!
К полю битвы, брани полю
Провожали сыновей.

Слезы молча вытирали
И махали вслед рукой.
К небу руки простирали,
К Богу с просьбами — рекой.

Наши мамы, наши жены
Помогали нам в боях.
По земле, войной сожженной,
Шли с победой на руках.

Верность и любовь хранили,
Веру в сердце берегли,
И войну похоронили —
Все сумели, все смогли.

Голод страшный и разруха
Не сломили наших мам.
Смерть, костлявая старуха,
Молча шлялась по домам.

И для многих век стал вдовый —
Все смогли перенести.
С болью строили мир новый
С правом счастье обрести.

О ВОЙНЕ МЫ НЕ СКАЖЕМ НИ СЛОВА

Тихо вздрогнули мамины веки,
Слезы в синих глазах заблестели,
Наполняя иссохшие реки,
Счастье с радостью вместе влетели.

Руки нежные сына обняли,
Приголубили мягкие губы,
Под иконой лампы сияли,
Сын старался казаться не грубым.

«Мама,— сын прошептал,— здравствуй, мама,
Привела в дом родная дорога.

Ты, как прежде, все так же упряма,
Дождалась, я опять у порога.

Не сутулься, ведь ты молодая,
И слезинки утри — в доме радость.
Завтра свадьба у вас золотая,
Мы помянем отца, купим сладость.

И ограду поправим, и крестик,
В изголовье посадим тюльпаны,
Ближе в ноги — ромашки-невесты,
А поминки — обед будет званый...»

«Свадьба свадьбой, сынок, но ответь мне:
Уцелеть на войне — это редкость?
Градом пули, свинца круговерть,
Проверяется мужества зрелость?»

«Успокойся, моя дорогая,
Повторяю я снова и снова.
Завтра свадьба у вас золотая,
О войне мы не скажем ни слова».

ОТЧИЗНА

Хранила память грозную войну,
Цвели весной отжившие руины.
Из пепла поднимали мы страну
От северных морей до Украины.

Работали и не жалели сил
На Родине великого Всеслава,
И у страны никто не попросил
Ни орденов, ни почестей, ни славы.

Отчизна, матушка, благословенна Русь,
Ты с каждым годом все милей и краше,
И не к лицу тебе сегодня грусть,
Святыня, доброта, ты гордость наша.

Детей своих лелеешь, словно мать,
И для друзей распахнуты объятия.
Тебя готов, родную, обнимать.
Ты мой покой, и ты мое распятие.

Я поделюсь с тобою тем, что есть.
Ты тоже для меня на все готова,
Мне подвигов твоих не перечить,
Горжусь тобой, я повторяю снова.

БОГАТЫРИ ПОБЕДЫ

Писал боец на Родину письмо.
О жизни, о любви, о том, как выжить.
Который бой с утра?
Уже восьмой,
И танки землю начали утюжить.

Солдат свернул бумажную мечту,
Оставил рядом с бомбовой воронкой.
Убьют, подумал, письмецо прочтут,
Домой пошлют с проклятой похоронкой.

А танки шли крестовою ордой,
Стреляли залпом с башенных орудий.
Солдат сказал: «Куда ты прешь? Постой!
Ты не пройдешь такой огромной грудой».

И пушку броневой зарядил,
Послал снаряд в грохочущую гушу.
Взрыв танка, очень сильный, разбудил
Березовую трепетную пушу.

Стрелял боец. Он Родину любил.
На поле боя сгрудились «пантеры».
Солдат в бою неравном победил.
Богатыри Победы — гренадеры.

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

Родился в 1968 году. Закончил факультет журналистики Белорусского государственного университета и полугодовые литературные курсы при том же факультете. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Главный редактор газеты «Слово писателя». Автор четырех книг поэзии, книги литературной критики и литературоведения «Авторский знак», участник более тридцати коллективных сборников, антологий, альманахов. Лауреат международных литературных премий имени Молодой Гвардии, имени Симеона Полоцкого, имени Михаила Матусовского, Н. С. Лескова «Левша» (журнала «Приокские зори»), фестиваля «Славянские традиции». Специальным решением Президиума Международной Федерации русскоязычных писателей награжден орденом «Культурное наследие» (2016). Действительный член Крымской литературной академии.

* * *

Я полночи люблюсь полотном,
Разбрызганные звезды, будто кляксы,
Вселенную поставили вверх дном
И силуэты «вымазали ваксой».

Плывет, как недоеденный сырок,
И задевает тучи месяц старый...
Не помню кто, но помню что изрек:
Мол, загремим однажды под фанфары.

Мне не хватает меди в кулаке,
Чтоб и сыграть, и заплатить за чистку —
Лицом торговли в утреннем ларьке
Мелькает жизнь, бросая мелочь в миску.

И я сгребаю сдачу из окна,
Протянутую мне далеким миром.
И вновь осиротевшая луна
Поманит молча вверх, к астральным мирам.

Я запрокину голову, и вдруг
Мне подмигнет созвездье Скорпиона,
Чтоб дать понять: у каждого есть друг,
Что бдит с тобой, а не зевает сонно.

Связала нас космическая даль,
В уме моем твой образ изваяла,
И я, запомнив каждую деталь,
Ныряю с головой под одеяло.

* * *

Смог бы краю изменить родному? —
Сам себе я вторю невпопад:
Здесь и солнце светит по-иному,
По-иному листья шелестят.

Здесь за убегаящей тропинкой
Вдаль меня манящею легко,
Небо озаряет яркой льдинкой,
Словно машет-машет мне рукой.

Здесь в глаза бездонные озера
Молча и доверчиво глядят,
Ночь осенняя крадется слишком скоро,
Затеня выверенность дат.

И неуловимый запах дыма
От зажженных где-то вдруг костров...
Ты мила мне, Родина, любима,
За тебя я жизнь отдать готов.

* * *

Если негодяи — в патриотах,
Значит, близко всем нам до сумы,
Ведь у них всегда одна забота:
Правильно ли дышим с вами мы?

Нагло прикрываясь синеокой
И торгуя ею, как цыган,
Все распродадут, потом хоть охай,
Ахай хоть, растаскан чистоган.

Распирает зоб от возмущенья,
Печень разъедает желчи яд,
А душа алкает лишь отмщенья,
Тело прямиком толкая в ад.

Я, служа в Туркмении, взаправду
В снах мечтал о милой стороне,
Видя право здесь, а не браваду
Лжи, что не привидится во сне.

Не хвататься за котомку чтобы,
Стен тюремных сор не собирать,
Бдите, земляки, глядите в оба
И готовьте непокорных рать.

* * *

У судьбы моей дни-виражи
Колесницей, с подскоком, несутся,
Только правду мне наворожи,
Чтоб, ожегшись, не дул я на блюдца.
Чтобы воду, как загнанный конь,
Не хлестал и, не чувствуя брода,
Не стремился ослабить супонь
С тридцать третьего ли оборота.
Норовя напроказить опять,
Ржал, чужие сжимая колени,
Но хотелось ли искренне спать
Или просто трепаться на сленге,
Не уверен, а значит не прав
И не лев, но сжимая удила,
Увозил королеву, собрав
Все улики, что жизнь наследила.
Мчусь вперед, мир сминая вокруг,
Куролешу, и снова не спится
Мне, вознице, боюсь, чтобы вдруг
Не рассталась со мной колесница.

* * *

Колоний в достатке: снуем между делом
И тащим на дачу, и пыжимся — в дом,
И молимся не о душе, но над телом,
А старость нагрянет — пришествия ждем.

Вчерашнему времени рады, как сказке,
Салат оливье заменяет уют,
И принципы снова меняем на маски,
Боясь, что за правду и вправду убьют.

Как пчелы, все в соты таскаем пожитки,
Этаж на шестой или может седьмой,
Оправдываясь: убеждения жидки,
А Бог промолчит, он, похоже, немой.

И он промолчит, только годы судачат,
События выпадут, но невпопад:
Жилье обокрали, обуглилась дача,
Разбито авто, а в висках — снегопад.

Когда же причалит ладья, и Харона
Послышится возглас, охватит хандра,
Что вновь не успел дотянуться до трона
И перекреститься не вспомнил вчера.

* * *

Вперед, за скомканной бумажкой,
Искать и рифму, и размер.
Не уличайте в доли тяжелой
Поэта, он — миллионер.

Его замашки не подвластны
Ни патриарху, ни царю,
Ведь мир всегда настолько разный,
Что не подгонишь к алтарю.

И к трону тоже не приладить,
Лишь рифме поддается он:
А строфы, будто на параде,
Весь глобус кажут из окон.

Дерзая мыслью по бумаге,
Переворачивая лист,
К поэзии, как будто к фляге,
Приник поэт: к трубе — горнист.

Звучит проникновенно, тонко,
Призывно каждая строка,
Как глас рожденного ребенка,
Как хрип предсмертный старика.

Но сложно изменить натуру,
И автор, стих вкусив, как мед,
Вдруг миллионную купюру
Опять в своих строках найдет.

* * *

Мне что-то шепчет ветер по утрам,
И колыбельной на закате шорох,
Что в шуме этом: эхо чьих-то драм
Или людских надежд нещадный морок?

Маячат, словно ветка впереди,
Стучат по крыше — раненая птица, —
И сердце разрывается в груди,
И разум не желает подчиниться.

Но вслушиваясь в стрекоты цикад,
Но вглядываясь в меркнущие блики,
Я уношусь мгновенно вдаль за МКАД,
Я покидаю город многоликий.

Блуждаю мыслью там, где воспарил
Эфир, где он опять рождает звуки,
Где мне как будто кто-то пару крыл
Приделал, где созвездия упруги.

Пружинят эхом призрачную мглу,
Рождая сонм шумов и междометий,
Фантазии мои опять в углу
Забились, словно чьи-то птицы в клетки.

* * *

К 25-ЛЕТИЮ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Не знали мы, что призрачную смерть
Бывает, убивая безвозвратно,
И всасывает земли круговерть,
Что радиации покрыли «пятна».

От рака щитовидной железы,
От всех других, с ней связанных болезней,
Десятки тысяч умерли. Грозы
Не пережив той ранней, страшной, бесьей.

Что измеряют зиверт, грэй и рад
Наш белорус прочувствовал всем телом,
Но этому не оказался рад
Чернобылец, что в ад бросался смело.

Десятки, даже сотни Херосим
Рванули рядом с городишком Припять,
И до сих пор огонь неугасим,
И чашу горя до сих пор не выпить...

Преследовали стронций, цезий, йод,
Безмолвно, методично убивая,
И слезы не одна семья прольет,
Узнав, что есть в тылу передовая.

Лес омертвел, река, земля и луг,
Страдают люди, звери, рыбы, птицы,
Хочу я крикнуть, что есть мочи, вслух:
«Чернобыль пусть вовек не повторится!».

* * *

Отмеряв жизни тоненький лоскут,
Примерив все победы, неудачи,
Всевышнему я бытие свое на суд
Представлю. Только небо не заплачет.

А громко зарыдает в три ручья,
И, тучами гонимый, как скитальцы,
Вновь всматриваться буду: доля чья
Намотана на роковые пальцы?

Все прошлое суконным полотном
Накроет с головой, и будет сниться,

Что где-то позабыл в краю родном
Мечты, что променял на чьи-то лица.

Мелькают взгляды, вереницы глаз,
Рождая монологи и тирады,
Но меркнет свет, закат уже погас,
И небеса прилудному не рады.

Трещит по швам и разрывает ткань
Судеб людских, как вызревшие почки,
Ты, небо, сильно грешного не рань,
Заплатой станут пусть мои отсрочки.

* * *

Прервав завесу ранних снов,
Ворвался и узнал причину:
Ты осквернила наш альков,
Чужого приведя мужчину.

Металась птицей по углам
Ты и заламывала пальцы,
Но ревность с болью пополам
Во мне бродили, как скитальцы.

Свои кусала губы в кровь,
И нервно дергалась ресница,
Казалось, мне не прекословь —
И заново бы смог влюбиться.

Суровый, дерзкий диалог
Накрыл обоих, как цунами:
Ужели был тебе я плох,
Померкли чувства между нами?

Ужели ты в своей душе
Мне больше не отыщешь места?..
Он был с тобою неглиже,
А ты была моя невеста.

«Не верю, нет, не лги, да ну!
Кто изменил мне хоть однажды...».
В твоих слезах топлюсь, тону,
Хоть туш сыграй, и тушь размажь ты.

* * *

Сжимается время шагреновой кожей,
И тонет в пространстве небес календарь.
Дела и поступки сжимаются тоже,
И то, что сегодня, не то же, что встарь.

Хули циферблат и откручивай стрелки,
Но дважды в тот самый поток не войти.
Мечты обмельчали, и мысли так мелки,
Что с ними — осознанно не по пути.

Бегущее время следы замечает,
Как в поле пороша, морочит мой взор.
Но жизни глотков все равно не хватает,
Чтоб ровным судьбы получился узор.

А кожа одна, и сроднились к тому же:
Куда надеваться от этих времен —
Спираль бытия ужимая потуже,
Постигнуть спешу то, в чем был неумен.

«В уме ли? в уме ли?» — звучит беспрестанно,
Как звук камертона, как эхо струны...
Жизнь проковывает, прошествует странно
И выйдет, по-тихому, с той стороны.

* * *

Скуп, не скуп, а отдал я немало
Не себе — другим.
И ладонь купюр не зажимала
Скрягой городским.

И когда выпытывали други:
В чем твой интерес?
Только молча разводил я руки
«Нет!» — наотрез.

И пока завистники шептали,
Мол, не просто так,
Я дарил подарки и медали,
Деньги, как пустяк.

Помогал тому печатным словом,
Кто талант имел.
Нес, как мог, не злобу и не зло вам,—
Зерна без плевел.

Раздавая душу по крупичкам,
Сердце по частям,
Часто сам не успевал напиться,
Отдых дать костям.

«От добра...», — я слышал не однажды,
Впрочем, и не жду.
Перед Богом сам ответит каждый,
Кто плодит вражду.

Наталия Литвинова
(г. Полоцк, Белоруссия)

Наталия Литвинова родилась в 1957 в Полоцке. Закончила Минский педагогический институт. Печаталась в журналах «Полоцкий летописец» и «Западная Двина», в альманахе «Катарсизм» (2000), в антологии «Полоцкий альбом» (2004), в сборнике «Город любви и надежд» (2012). Финалист Международного конкурса литературы и культуры «Славянские традиции — 2012» (в номинациях «Поэзия» и «Малая проза»). Член РОО Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Автор книги стихов «Аромат орхидеи» (в рукописи).

* * *

А мне плевать на роскошь городскую,
На ртутный свет неоновых реклам,
На ресторанный блеск, на муть людскую,
Разряженную в иностранный хлам.
Дороже мне грустить в часы заката
Над озером, под шум стрекозых крыльев,
Среди свечных огарков белых лилий,
Над гладью вод от солнца полосатой,
Когда туман ночной фиалкой дышит
И в розовой воде китайским шелком вышит
Тростник изломанный,
Как древний иероглиф.

ТАЙНА ГЛАЗ

Белою лилией в темной воде
Твой лучезарный лик.
В доме и в дыме, и в храме — везде —
Омуты глаз твоих.
Взгляд благодатный мгновенно вонзил
В сердце мое кинжал.
Болью и радостью преобразил,
Тысячью дивных жал.
Это глаза православных икон,
Болью стомленные.
Это Да Винчиевых мадонн
Очи бездонные.
С Иверской эти глаза глядят

И с рафаэлевской.
 Это Венеры брюлловской взгляд
 И боттичеллевской.
 Это глаза Магдалины — святой
 И тициановской.
 Ясные очи крестьянки простой
 Венециановской.
 Это чарующие глаза
 Яростно-смуглой Кармен.
 Это мерцающие образа
 В недрах церковных стен.
 Это Троянской Елены взгляд
 Неотразимых очей.
 Ради таких опускался в ад
 Дивноголосый Орфей.
 Пушкин про эти глаза вспоминал
 Болдинской осенью.
 Врубель мятежный их живописал
 Грозною просинью.
 Эти глаза над Арбатом парят
 И над Тверской-Ямской.
 Ты — Незнакомка, чей звездный взгляд
 Видели Блок и Крамской.
 ...Быть менестрелем прекрасных очей,
 Данте твоим навек,
 Оруженосцем блаженных мечей
 В ножнах лилейных век,
 Звездным певцом неземных Аэлит,
 Рыцарем на часах!..
 — Что это?
 — То, что меня роднит
 С ангелом в небесах.

АКРОСТИХ

Ивану Переверзину

Полынным ароматом горьковатым тревожно-душно тянет из окна.
 Есенинским пронзительным закатом пылает осень, чувственно-грешна.
 Разбойник-ветер рвет листву хмельную, кружит октябрь в неистовом бреду.
 Единственную, дивную, шальную в лесной сторожке исступленно жду.
 Войдет — и, словно древнее заклятье, затянет в омут, перстнями блестя,
 Едва сползет лазоревое платье, шелками беспокойно шелестя.
 Развесилась цыганскими кистями рябины спелой ягодная шаль.
 Загадочными тайными страстями расцвечена темнеющая даль.
 И ночь скользит запретною дорожкой, и поцелуй неотвратимо жгуч.
 Над плечиком серебряной сережкой пленительно играет поздний луч.
 И время на часах остановилось... Люблю... Люблю... — в беспамятстве шепчу.
 Вновь жизнь моя в трех соснах заблудилась. Я выбраться хочу!.. Иль не хочу?
 Ах, убежать бы от льняной сорочки, сорвавшись прочь с корсетного крючка!..
 Но мир огромный снова сжат до точки, до черной бездны женского зрачка.

АКРОСТИХ

Юрию Коноплянникову

«Когда машины едут задом-наперед,
О чем тут думать? — это явно знаки свыше!» —
Непритязательный актерский анекдот
Очарователен, как ласточка на крыше.
Петляет осень в переделкинских садах,
Летит листок — коричневато-рыж и ломок.
Ярчайший юмор дивно царствует в штрихах
Ночных бесед, кулис, гримерок, киносьемок.
Но случай с россыпью пощечин — о-го-го!..
И тараканы в бурой лужице портвейна!..
Конечно, это не Ремарк и не Гюго,
О, безусловно, это вам не Гейне.
Ведь это — шутка! —
Улыбается, шалит,
Юлит капризною насмешливой девчонкой,
Резвится весело, иронией сорит,
Искрит кокетливо коротенькой
Юбчонкой!

АКРОСТИХ

Олегу Федорову

Фазы лихие эпохи и жизни...
Екнуло сердце в предчувствии странном.
День в окровавленной сирой отчизне.
Осень в поклоне скорбит покаянном.
Рыжей рябиновой гроздью кивая,
Осень печальным поет бандуристом.
Выдох и вдох... Остановка трамвая.
Угол бульвара с мороженым льдистым.
Осень грустит. Сохнут губы от жажды.
Ливень сквозь солнце! — чудесное средство.
Если б часы поломались однажды
Где-то
У станции с вывеской «Детство».

АКРОСТИХ

Ольге Сванберг

Опускается пурпур заката в тишину Царкосельских аллей.
Льдистой тенью трепещет крылато улетающий клин журавлей.
Грусть и нежность... Красавица-осень привела меня снова сюда,
Алым бархатом выстелив просинь на сиреновом шелке пруда.
Сквозь мелодии вальсов забытых слышен времени вкрадчивый гул.
В пышных зарослях, золотом шитых, зыбкий пушкинский профиль
мелькнул.
Акварельно-таинственный кокон тлеет розовой дымкой вдали.
На ветру вьется тоненький локон темно-русых волос Натали...
Бирюзовую нитью зарница очертила небесный излом.
Еле-еле туман серебрится над заветным лицейским окном.
Роскошь осени. Грусть увяданья. Вечер. Пушкин. Прозрачность пруда.
Горечь чудного очарованья!.. Неразрывно. Со мной. Навсегда.

Петр Магер

(г. Новополоцк, Белоруссия)

Родился 24 августа 1951г. в городе Полоцке. Окончил в первом выпуске Новополоцкую музыкальную школу и Новополоцкое музыкальное училище. Два года отработал преподавателем по классу баяна, аккордеона в музыкальной школе. В 1981 году окончил Минский педагогический институт им. Максима Горького. В 2013 году, проработав 40 лет в Полоцком колледже УОВГУ имени П. М. Машерова преподавателем музыки и пения, ушел на пенсию. Продолжает писать стихи, печататься. С февраля 2014 года состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь». Автор двух книг поэзии, участник пяти коллективных сборников.

КОРАБЛИ

Корабли уходят от причала —
Манит их к себе простор морей,
А матросы по земле скучают,
По любимой Родине своей.

Ждет их там знакомая березка,
Шелестят листвою тополя,
Тихий сад, знакомая дорожка
Мама в белой кофте у плетня.

Девушка, что в море провожала,
Обещала помнить и скучать.
Корабли уходят от причала
Зная, что их дома будут ждать.

РОЖДЕНИЕ ШЕДЕВРА

Творец, работой увлеченный,
И день, и ночь творить готов,
Святой, на муки обреченный
Посланник, ставленник богов.

Душа его орлом парила,
Металась птицей над холстом,
Небесной музыкой звучала
И сокрушалась, словно гром.

Марш Мендельсона — гимн венчальный,
Победный звон колоколов,
Венец трудов — аккорд финальный —
Еще один шедевр готов!

ЕСЕНИНСКАЯ РУСЬ

Озябший клен застыл, как сторож у дороги,
Лишь купола церквей плывут, лаская взор,
Да месяц-скоморох, шербатый и убогий,
Льет жидкий свет с небес на мокнувший простор.

Грустны картины увядающей природы,
Как поздней осени прощальный поцелуй.
Резвится ветер злой — предвестник непогоды,
Колючий дождь и снег — с погодой не балуй.

Влачится путник-богомolec запоздалый,
Верша своей судьбы нелегкий приговор.
Лишь звон колоколов в нем теплит дух усталый,
Надежду обрести себя, судьбе в укор.

С полей к стогам поближе перебрались мыши,
Лозовые кусты толпятся у ручья,
Убогих деревень соломенные крыши,
В осеннем небе крик истошный воронья.

Но даже в нищете видна святая сила,
Она, как снег полей, лучиста и чиста.
Есенинской строкой обласкана Россия.
Святая Русь — наследница Христа.

НА ИЮЛЬСКОМ ПИРУ

Засветилась дивным светом
Липа барышне под стать,
Заневестилася цветом,
Пчел на ней не сосчитать.

Собрала гостей на свадьбу —
Музыкантов целый рой.
Пир горой на всю усадьбу!
Шмель куражится хмельной.

Заиграл на контрабасе,
Осы-скрипки не молчат.
Мошкара кружится в вальсе —
Сладкой жизни каждый рад.

Угощает всех невеста,
Даром подает нектар.
Всем гостям хватает места,
Веселитесь млад и стар!

В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ

Стоит назло лихим ветрам
Святой Софии светлый храм,
Глядит как страж по сторонам,
Возносит веру к небесам,
Взирая на земной бедлам,
Врачует души грешным нам.

Горит свеча, звучит орган
И льется дивный фимиам.
Внимает музыке душа,
И в рай небесный не спеша,
Свой почитая древний храм,
Вкушает музыки бальзам.

Идет, как прежде, в храм народ,
Навстречу к святости идет.
Освобождая от обид,
Святая музыка звучит.
Преодолевая боль и страх,
Вселяет веру в души Бах.

ПРИЯТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

С детства помню запах мяты,
Шелест звезд над головой,
Те рассветы и закаты,
Что дарил мне край родной.
Помню ватные туманы,
Всплески рыбы на реке,
Вкус свободы пьяный, пьяный,
Крики чаек вдалеке.
Росы словно аметисты,
Скарб нехитрый в рюкзаке,
Костерок, что сыплет искры,
След зверюшек на песке.
Помню плавные движенья
В лодке, с удочкой в руке,
Ощущая наслажденье,—
Дремлет взгляд на поплавке.
Чайки балуют с волною,
Васильки горят во ржи.
Ловят мошек над водою
Истребители-стрижи.

Сон недолгий, без подушки —
Им нельзя не дорожить.
Нет, не верю я кукушке —
Буду долго, долго жить!

ДОРОГА К ХРАМУ

У каждого своя дорога к храму,
И каждый должен сам ее пройти.
Кто к власти рвется, всех с пути сметая,
Кто к славе, страх и боль преодолая,
А к Богу не бежим, а ковыляем,
Ища успокоения в пути.

В мирских заботах время быстротечно,
Лишь в храме не приемлют суеты.
Ведь жизнь — что капля в море человечьем,
Всего лишь миг, летящий в бесконечность.
Остановись, подумай, странник встречный,
А к храму ли дорогу выбрал ты?

СТАРОМУ ДРУГУ

В чехле со сломанным замком
Грустит мой друг баян.
Не раз за праздничным столом
Он веселил славян.
Всегда он был в работе рьян,
Со мною вместе пел.
Мой старый верный друг баян
И нежен был, и смел.
Служил исправно много лет,
В мир песен увлекал,
Не раз встречал со мной рассвет —
Теперь, как я, — устал.
Без песни жизнь совсем не та —
Заботы достают,
Одолевает суета,
Не радует уют.
Всему на свете есть предел.
Грустит баян — и я.
Седьмой десяток подоспел,
Состарились друзья.
Зря не пропал наш скромный труд,
Поет славянский люд.
Жива славянская душа,—
Традиции живут.

Марго Волкова
(г. Минск, Белоруссия)

Марго Волкова (Маргарита Богданович). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2015 года, финалист Международного литературного форума «Славянская Лира-2015». Публиковалась в ряде коллективных сборников. Закончила Белорусский политехнический институт.

НАСТОЯЩИЕ ПИСЬМА

Напиши мне письмо. Я прошу, как и тысячи женщин:
По старинке, по правде, на милом листке из тетрадки,
Прорывая бумагу с досадой на сеточке трещин,
Сокрушаясь, что почерк не тот, да и мысли не гладки.

Разменять полновесное золото писем бумажных
На медяшки бессмысленных смайлов в карманном айфоне?
Я погибну, наверно, от всепоглощающей жажды —
Жажды белых конвертов, щекочущих мягко ладони.

Помнишь, ты мне писал на обертках, клочках и салфетках,
И блестели глаза, и ресницы дрожали от смеха...
И записки твои, будто лучшие в мире таблетки,
Запивались потом поцелуем, залогом успеха.

Не боялась разлуки, когда мы с тобой расставались,
Ожидала посланий, наполненных чувством и страстью.
А когда оставалась от счастья лишь самая малость,
Почтальон приносил по утрам долгожданное счастье.

Ах, почтовый мой бог! Изю всех бестолковых молений
Я прочту тебе лучшее тысячу раз! Но послушай:
Ничего не хочу, только это письмо на коленях,
Что читать не могу — раскрывая, отчаянно трушу.

Что-то в мире не так, если письма себя исчерпали.
Или нас выметают из мира, как сор из архива?

Где же мой почтальон? Он придет, как случилось, едва ли.
Настоящие письма... Как все-таки это красиво.

МОЙ ГОРОД

Блаженство — кружиться над городом зимним,
Нырять под мосты, трогать шпилей колючки...
Мой город вечерний, неоново синий,
То слякоть накинешь, то снежную тучку.

Ты в сумерках тайно течешь за пределы,
Стремишься в поля, нарушаешь границы.
А звезды, целуя тебя то и дело,
Гадают, в которую можешь влюбиться.

Проспектов широких наглажены стрелки,
Чуть слышно плывут колокольные звоны...
А в парках нахальные серые белки
Следят за прохожими с елок зеленых.

И в нитях тугих полотна городского
Ищу узелок, что другим незаметен.
Мой дом — притяженье земли и основа,
Гнездо и защита, и крепкие сети.

ОДИН ДЕНЬ В АВГУСТЕ

Громко звали кого-то на том берегу,
Кто-то весело пел и кричал на бегу;
Солнце целилось в воду горячим лучом,
Над водой эхо теннисным мчалось мячом,
И стремглав рыбы спинки мелькали, легки,
Огибая торчащие вверх поплавки.
Эхо брызнуло мелким дождем бирюзы
И застряло меж крыл голубой стрекозы.

Стрекоза обживала свой маленький рай,
Ухватившись за жизни коротенькой край.
Сжала лапками эхо и взмыла легко,
В камыши отнесла, там, где дно глубоко,
Бросив в воду, опять замерла в полусне...
Эхо слабо плеснуло и скрылось на дне.

Стало тихо.
Спокойно.
Минуты текли,
Чередой набегая на кромку земли,
Мы сидели, от счастья почти не дыша...
Глубоко-глубоко, где гнездится душа,
Трепетало в истоках начало начал.
Тот, кто создал весь мир, нас за что-то прощал.
Колебал мирозданье смычок золотой,
По струне-невидимке вода над водой...

Что нам жизнь, если мы до краев ей полны!
В ней ни горя, ни зла, ни беды, ни вины.
Сыплем щедро горстями! И воздух, звеня,
Обнимая, целует тебя и меня.

Вот минуты созревшие падают ниц,
Тихо прыгая с кончиков влажных ресниц,
Насыщая вечерней росой песок.
Разве есть в многословье какой-нибудь прок?
Одного слова хватит. Под неба шатром
Мы ненужные звуки, как пятна, сотрем.

Предвечерняя легкая, зыбкая тень
В этот знойный, чарующий, медленный день;
Паутинка-мелодия, звон чистоты —
Это будто ко мне прикасаешься ты.
Из неведомо даже какой вышины,
Где далекие птицы почти не видны,
Льется песня про дни, что уйдут в никуда;
И про этот, где сонно бормочет вода,
Где за что-то подарен нам маленький шанс —
Ощутить невозможное здесь и сейчас.

Иван Дацкевич

(дер. Ракитница Жабинковского р-на
Брестской обл., Белоруссия)

Родился в 1938 году в дер. Сады Семятичского района Белостокской области (теперь — территория Польши). Учился в Перми, работал — в речном судоходстве — на реке Каме. В 1989 году вернулся на родину матери, в Жабинковский район. Печатался в периодической печати, журналах, альманахах, коллективных сборниках. С июня 2001 года — член РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Автор нескольких книг поэзии.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ АИСТЫ

Возвращаются птицы в родные края,
Возвращаются люди, судьбою гонимые.
Возвращаются многие, только я, только я —
Все вдали от тебя, Беларусь моя милая.

Не забыть никогда сердцу памятных мест,
Край, где первые светлые слезы уронены.
И спешу я к истокам, под город свой Брест,
На ту землю, где предки мои похоронены.

Теплый солнечный ветер мне гладит лицо.
Луг зеленый ласкает мне ноги травинками.
Я, склонившись, стою над рекой Мухавцом,
Словно в детство свое возвратился с повинною.

Здравствуй, здравствуй, родная моя сторона!
Здравствуй, хутор лесной, ныне всеми заброшенный!
Нет вины у меня, виновата война,
Что вернулся в свой край я — незванный, непрощенный.

Нет за мною беды, нет за мною вины.
Нас таких миллион, не один я особенный.
На ударные стройки российской земли
После страшной войны посылала нас Родина.

Годы лучшие отдал я уральским краям.
И трудился, как мог. В чем же нынче мне каяться?

Улетел я подранком к чужим берегам —
Возвратился теперь белым раненым аистом...

ВЕСЕННЯЯ НОЧЕНЬКА

Здравствуй, весенняя ноченька!
Здравствуй, мой друг соловей!
Спать мне сегодня не хочется —
Песней мне душу согрей.
Но о любви не насвистывай:
Пуст и печален мой дом.
Лунные струи лучистые
Сад озари кругом.
Мне твои песни любовные
Душу тревожат всю ночь.
Сердцу, в любви непритворному,
Вряд ли ты сможешь помочь.
В ночи, такие же лунные,
В юные годы мои —
Пели мне песни безумные
В майском саду соловьи.
Жизнь мне досталась нелегкая,
Горек любви моей мед...
Может, душа одинокая
Где-то меня еще ждет.
Так же как я, может, вдовушка
Где-то не спит при луне.
Ты полети к ней, соловушка,
Песню ей спой обо мне.
Спой, как светла эта ноченька —
В ярком разливе луны,
Как нелегко в одиночестве
Слушать мне песни весны...

Михаил Баранчик
(г. Минск, Белоруссия)

НЁМАНСКИЙ ЦИКЛ

Родился в городе Лида в 1961 году — но с 1980 проживает в Минске. Регулярно пишет стихи примерно с 2009 года; с того же времени публикуется в периодической печати. В 2013 вышел совместный с питерским автором Татьяной Багаевой сборник стихов «Джаз для двоих», в 2016 — сборник «Мои стихи — лишь письма в никуда». Финалист международного литературного форума «Славянская лира-2016». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Вот уже третий год мы с приятелем в августе сплаваемся на лодке по Нёману. Люди из таких путешествий привозят рыбу, грибы... Фотографиш. Я это тоже привожу. Но, главное,— привожу со сплава стихи.

* * *

Не скажу, что путями Господними —
Но бродил по земле я впотьмах.
Проходными все, да подворотнями.
Все как-будто не дома — в гостях.

И, казалось,— податься мне некуда.
Только вот не о том разговор.
Мало места на суше, мне в реку бы —
Там с судьбою закончу я спор.

Сорок бед пусть стоят под воротами —
Не беда, подождут до среды.
Обходными путями, болотами
Доберусь я до чистой воды.

В голове есть немало бредового —
Но на счастье настроен компАс.
Мы стартуем из Спаса Медового —
И плывем прямо в Яблочный Спас.

Мимо счастья по суше проехал я —
Так к нему доплыву по воде.
И встает за кормой Спас Ореховый,
И ведет мое счастье в узде.

Я б отдался страстям необузданным —
Все же счастье сегодня в гостях...
Но на кой оно надо мне, взнузданным?
Я его не беру по частям.

Я его не беру подаянием,
Но, коль надо,— и силой возьму...
В день осеннего солнцестояния
Я к нему, вопреки всем желаниям,
Доползу, долечу, доплыву...

* * *

Лучом в воде играет лето
На перекатах.
А мы плывем среди рассветов,
Среди закатов.

Встаем мы в пять, ложимся в восемь —
Самим так странно.
Плывем себе из лета в осень
Среди туманов.

Мы не считаем километры,
Не ждем ненастья.
Плывем себе навстречу ветру,
Навстречу счастью.

Река на солнце вся искрится
Почти беспечно.
И верить хочется, что длиться
Так будет вечно.

**ДРУГУ ВОЛОДЕ,
СТОЙКО ДЕЛИВШЕМУ СО МНОЙ
ВСЕ РАДОСТИ СПЛАВА**

Река еще покрыта сонной негой,
И спят леса, ночным дождем умыты.
А мы с тобой плывем навстречу небу —
Романтики, корсары ли, пииты.

Вот солнца диск — как-будто в рай оконце,
А мачты сосен — как колонны храма.
И мы вдвоем плывем навстречу солнцу —
Отчаянны, неистовы, упрямы.

Под мерный плеск воды у перекатов
Плывем с тобой вдвоем навстречу лету,
И спим на покрывале из закатов,
Укрывшись одеялом из рассветов.

Еще не скоро наш наступит вечер —
Ведь наша юность бродит здесь незримо.
А мы плывем с тобой судьбе навстречу —
Бродяги ли, пираты, пилигримы...

НОЧЬ НА НЁМАНЕ

Ночь опустилась, как большая глыба,
И дремлет лес в объятьях тишины.
Лишь слышно как в реке гуляет рыба,
А на реке — дорожка от луны.

Ночь опустилась, как большая птица.
Ее объятья вовсе не грубы.
А тишина все длится, длится, длится —
Лишь слышно, как в лесу растут грибы.

Ночь наступила. Как-то в одночасье
В себя вобрав все звуки до конца.
Лишь слышно как в лесу гуляет счастье —
И им переполняются сердца.

НЁМАН. УТРО

Туман клубится белым молоком —
Не разглядеть в тумане берегов.
Над лесом солнце желтым мотыльком —
Посланец лета или дар Богов?

Кричит немзыкально козодой,
Трава покрыта жемчугом из рос,
И танец белых цапель над водой
Сменяет танец голубых стрекоз.

Под слоем пепла прячется костер,
И утру гимн поет лесной ручей,
И вяжет лето пестрый свой ковер
Набором спиц из солнечных лучей.

* * *

Где-то в дальней деревне поют петухи,
Предвещая уже недалекий рассвет.
Запах свежих грибов, ароматы ухи,
И луны засыпающей гаснувший свет.

Где-то в дальней деревне поют петухи —
И нечистая сила уносится прочь,
И строка за строкою ложатся стихи,
А печали и беды уносятся в ночь.

Где-то в дальней деревне поют петухи —
Может быть, о моей запропащей судьбе,
И рождаются строчки — просты и легки,
И на крыльях мечты вновь уносят к тебе.

Где-то в дальней деревне поют петухи,
И свободна душа от привычных оков,
Вновь приходит рассвет, отпуская грехи —
Значит, время пришло для любви и стихов.

Где-то в дальней деревне поют петухи —
И рвануть за флажки я как прежде готов.
И сорваться в побег. И заплыть за буйки...
Пять утра. Время первых шальных петухов.

УХОДЯЩЕМУ ЛЕТУ

Это лето еще не ушло — а его уже жаль,
И Река все манит, и зовет, и ночами мне снится.
Но я в темной кладовке закрою тоску и печаль —
Это лето уйдет, но еще много раз повторится.

Снова будут по небу куда-то бежать облака,
Отражаться в реке будет свет от звезды-недотроги.
Я немного грущу — только грусть и светла, и легка.
Год пройдет — и опять поплыву я по звездной дороге.

Год за годом летит. И когда не достанет мне сил,
Когда старость с клюкой замаячит уже на пороге,
Об одном у судьбы я тогда бы еще попросил —
По реке прокатиться по звездам на лунной пироге.

Снова будет туман над рекою клубиться седой,
Вновь я буду бродить по дорожке из лунного света,
Растворяться в тумане и звезды ловить над водой,
И купаться в лучах навсегда уходящего лета.

Я шел к тебе в такт ритма
вальса Доги * .
По тонкому, крошащемуся льду.

Я долго зяб. Мне и сейчас не жарко.
Сады пьянят, а чудится
метель.
Пусть будет нежный поцелуй
подарком
И белая не тронута
постель.

GOOD BAY

Тебе дарю все эти краски мая.
Цвети, как май, но маяться не смей.
И малое усилие прилагая,
Ты горную вершину одолей.

Будь жизнью пьян и не пьяней в застолье,
Не потеряй рассудок — это боль.
Не увлекайся не своею ролью —
Реалии попутаешь и роль.

Шальной любви тебе не пожалею.
Там не ходи, где грешной сути край.
На расстояние выстрела спасая,
Благодарю за все тебя.

Good bay.

* Е. Дога — композитор.

Татьяна Дорошко
(г. Мозырь, Белоруссия)

Дорошко Татьяна Михайловна родилась в д. Новые Фаличи, Стародорожского района, Минской области. По профессии — метролог. Работает на Мозырском машиностроительном заводе начальником Центральной лаборатории измерительной техники. Стихи пишет с 9 лет на русском и белорусском языках. Печаталась в местной и республиканской прессе, в учебном пособии для студентов, преподавателей и учителей «Письменницы Беларусі», в коллективных сборниках «Плесь Припяты», «Прыпяцкія хвалі», «Ты, Мазыр — мой Парнас», в буклете «Мазыра прывабная краса» и др. изданиях. В 2003 г. вышел авторский сборник «Сквозь сны и дали». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», председатель Мозырского отделения союза.

* * *

Это даже страшно — быть пророком,
А поэт, он все-таки пророк.
То боюсь столкнуться с грозным роком,
То ищу я радости у строк.

И когда в душе гнездится буря,
И лавина сбить готова с ног,
Охраняет личная цензура
Или, может, помогает Бог.

* * *

Встает заря из розового ситца
И васильки склонились у колен.
Позвольте, господа, не согласиться,
Что наша жизнь — уныние и тлен.

Всегда светает. После каждой ночи.
Мрак пятится назад, как древний тать.
Коль этот мир построил Вечный Зодчий,
Не может он бессмыслицею стать.

* * *

Глядишь в глаза, а в них немой укор,
И лужи словно мертвая слюда...

Не разгадал, не понял до сих пор
О чем гудят надрывно поезда.

Не разгадал, стараясь упростить,
Свести к одной, увы, банальной цели,
И на ветру связующая нить
Дрожит, как от кружения метели.

Хотя бы просто сосчитал до двух
Перед желаньем высказать обиды...
От озаренья захватило дух,
Как у подножья древней пирамиды.

* * *

Никто не нужен женщине? Никто?
По-моему, ей кто-то все же нужен.
По вечерам она готовит ужин,
Он по утрам ей подает пальто.

Пусть это быт. Со сказкой разделю.
Но как ни разделяй все в жизни вместе.
И снова говорит он ей: «Люблю!»,
Как много лет назад сказал невесте.

И будут внуки. Позже, впереди...
Он улыбнется, тайно радость множа,
И женщина услышит: «Погляди,
Как внучка наша на тебя похожа!»

* * *

Кому суть жизни — вечная борьба,
Кто и на солнце видит только пятна.
Мне быть любимой выпала судьба,
Не миг, а жизнь. Почти невероятно.

Себя не возносила выше всех,
И зависти тупилось злое жало,
Подачек нет, есть истинный успех,
Я планок никогда не занижала.

* * *

И месяц в небе славный, белобрысый...
Так за любовь? Мы голосуем «за»!
И расцветают синие ирисы,
И кажутся весенними глаза.

В который раз нам весело и вьюжно,
Звенит струной невидимая нить...
Хоть жизнь, конечно, усложнять не нужно,
Но все-таки опасней упростить.

* * *

В пересеченьи строгих линий
И вязь зимы, и канитель,
И словно скрипка Паганини
Вновь плачет белая метель.

Все тоньше звук ее и выше,
И белый свет — как белый сон.
И провода под самой крышей
Поют и плачут в унисон.

* * *

Как радостно мне видеть их вдвоем
И слышать по утрам шаги за дверью,
И в сердце растревоженном своем
Искать лазейку к вере и доверью.

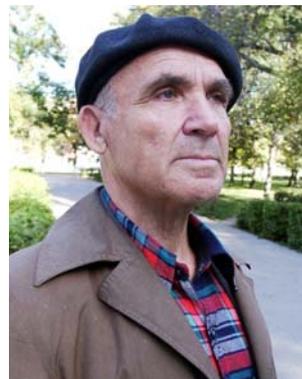
Спасибо, жизнь, ты все-таки добра!
Вчера подслушать довелось мне кстати:
— Ты знаешь, Катя, печь топить пора,
Боюсь, что будет холодно дитяти.

Забыв на миг о прожитых годах,
И что мой сын давно меня повыше,
Смотрю с улыбкой на синиц в садах,
На первую звезду над отчей крышей.

Для них — дитя... И побоку года!
Все лучшее доступно и возможно.
И лишь поют от ветра провода,
А не гудят надрывно и тревожно.

Вадим Борисов
(г. Борисов, Белоруссия)

1935 года рождения. Родом с Южного Урала, а в Беларуси обрел вторую родину. Писал прозу, но всецело отдался поэзии. Печатался в журналах «Западная Двина», «Уральский следопыт», «Польмя», «Немига литературная», «Неман», а также в республиканском альманахе «День поэзии 2005 г.». Автор книг лирики «Болючая звезда», «В непечаль», «В полон миров». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

ЛЕТУ ВОСЛЕД

Т.Д.

Ветер шумит по траве и деревьям,
листья швыряет в оконце ко мне:
кончилось летечко,
зорькой — не встретит,
едет-поедет на рыжем коне.

Так ли? —
век звездным копытцем тиктакает,
ворох признаний — не увезти:
блага час близенько блазнится —
в злаках.

Поздно поехал. Прости...

* * *

Не с неба гроза.
Я — в стихах, как в грехах,
Грохнулся на колени.
Ха-ха!
Не бойся... То поленница дров
Раскололась меж строк —

Ми
ро
тво
ри
цей.

ВОЗДАСТСЯ ВСЕМ...

В полнеба полыхнет край света,—
с чего бы — пораскинъ умом,
а на лугу воловьем кесарь
терновым травам бьет челом —
и молочаю с медуницей:
в страду — повытянули жил...

Воздастся животу сторицею,
осталось в ножны меч вложить,
а конь — он вынесет...
под Кромы
в наш непокой — согнать жирок.
Не солоно?

(А дома и солома-то едома),
сейчас с секирой бы в лужок:
прошелся по сердцу межой.

* * *

Вся жизнь в стихах,
а я у них в каморке —
на сто десятом этаже.
Сюда б еще
Вселить кого-нибудь.
— Звоните в ЖЭК.

Найдется место и под лестницей,
где светят радужные сны,
и этот угол,
в коем крестятся
ясновельможные паны.

Забились в щель, как тараканы:
усами так и щерятся.
Хореи, ямбы в шляпах, шельмы —
щадят меня покамест.

...Живу, как Бог,—
под облаками!

СФИНКС

Ущербно смотрит чрез века
на камни смердов — в апокалипсис.

Сон пирамид течет в песках
все далее...

Все зрит — и праздного туриста:
не падал ниц...
(Было б чем гордиться).

И как тут ни лукавь,
скажи: где — золото
и в чьих оно руках?

* * *

Речь не о том...
О чем же другом,
если душа не на месте.
Век пребываем у бестий
под батогом.

В небе еще 3Аоктябрит:
По миру шли, но — с миром,
и надо же было нас одарить
с Марса заброшенным вирусом:
вкрался в компьютер пророком —
на тест
(вам его не угодно ли?)
Что-то опять по Европам окрест
занепогодилось:
сеет и сеет просом снежок.

...с веку — с обрезом за пахою,
с ним веки не смежить,
будет ужо! —
нашим царям и пахарям.

Юрий Мацук
(г. Полоцк, Белоруссия)

Родился в 1957 году в поселке Подкаменная Тунгуска Красноярского края. Окончил Минский радиотехнический институт, факультет радиотехники. Печатался в поэтических сборниках «Полоцкий альбом», «Острова» и др. Член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» с ноября 2003 г.

ТВОЕ МОЛЧАНИЕ

Нет писем —
словно...
крышки пустого
ящика почтового
удар!
Нет писем,
два слова,
и снова —
зима холодна,
как промерзший ангар!

Кончается день,
в вечерениях корчится.
Я подхожу
к почтовому ящику.
Нет писем —
и жить не хочется!
Комкаю вечер
в телезрящину.

Гулом,
жарким потом в работе —
печаль не забыть...
Помогите руки!
И вечером вытащите
в теплой заботе
из почтового ящика
конвертные звуки!

Я НЕ ЗНАЛ...

Холодно без сердца сердцу,
Жарко мыслям и словам...
Я искал тебя по детству,
По дождям и по глазам.

По зеленым лукоморьям,
По весенним вечерам.
Я искал тебя по горю
И по счастью, по делам...

А нашел тебя у края,
У последнего верстка.
Я не знал, что двери рая
Можно лишь толкнуть слегка...

Можно только оглянуться
На прошедшие шаги...
Невозможность разминуться —
Непристойности сродни!

Передвинуты основы,
Рассекречены следы
Мы с тобой как две обновы
Друг у друга, и... седы...

ПЕРЕВЕРНУТОЕ ВРЕМЯ

В капельке
зимнего дождя
на твоих губах
перевернутое время
ищет опору...
и я внезапно понимаю,
что вдыхаю свежесть
еще не наступившей весны,
целую твои руки,
увязая в лунном свете своих грез.
Где-то
в беспорядочно смешанных
сценариях наших жизней
любовь позволила мне
пересечь границу настоящего...
И ты в полушаге,
еще не знаешь
распределения ролей — близких и знакомых.
Но, увы...
я не смею воспользоваться
этим знанием

миллионов путей, ведущих к тебе.
И потому
жду тебя у пограничного перехода,
нашего с тобой,
настоящего...

ВНЕ РАСПИСАНИЯ...

Я улетаю навсегда...
У входа звезд холодный блеск,
Друзей кольцо
И сонный плеск —
Негромких слов бежит вода.
Я улетаю навсегда?..
Минуту! Я спрошу у лет.
Пусть злых ночей войдет палач
Вручить мне проездной билет
В один конец — под смех или плач.
Сейчас объявят тишину...
Мой рейс в забытую весну
Перенесут на жизнь вперед,
А в этой — у перрона ждет
Совсем другая канитель...
И желтой осени метель,
Тревог шальные холода —
Я улетаю навсегда!..

Татьяна Доронина
(г. Минск, Белоруссия)

Родилась в г. Бобруйске, закончила Белорусский государственный университет культуры и искусств по специальности «режиссер театра, преподаватель». Поэзией начала увлекаться с 9 лет, печаталась в бобруйских газетах «Швейник», «Бабруйское жыцце», изданиях от литературного объединения «Вясна», входила в состав редакции нижегородского литературного портала «Литкульт», в том числе в качестве главного редактора. На данный момент занимается воспитанием двоих детей, а также преподает актерское мастерство в детской театральной студии. Помимо поэзии и театра занимается психологией и музыкой. С 2016 года член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

ПОТОМКУ

Сиротливо глядит в зеркала чердак.
Отражения в них тишиной украдены,
их завешало плотно седыми прядями,
паутиной опутало каждый шаг.
Память высохла, словно цветы в тетради.
...Расплываются ряби воды и платья,
И кудрявые волны, как мама, глядят
любопытного малыша...

Силой времени хрупкий момент спрессован.
Черно-белое фото, смешавшись с сором,
покрываясь узором из пыли матовой,
приютилось в стихах Ахматовой.
В ветхом томе тайник: посреди листов
след кофейный от кружки кружком оракульным,
и страничный загиб, как корма кораблика,
так и ждет, чтобы выплеснуться на стол —
с предсказанием гибели той эпохи,
когда память блюли рукописные строки.
Но чердак онемел и застыл упреком
для грядущего — лет на сто...

Разбегаются волны тетрадной глади,
Ты их трогаешь вскользь, любопытства ради...
И находишь нас там, в тишине затерянных,
Воскрешая фамильное дерево.

Дмитрий Юртаев
(г. Минск, Белоруссия)

Поэт, прозаик, переводчик, публицист, художник, актер. Член Международного союза писателей «Новый Современник», Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». С 2004 года печатается в сборниках, альманахах и журналах России, Белоруссии, Украины, Израиля, Канады. На протяжении многих лет участник, лауреат, призер и победитель различных международных литературных фестивалей, конкурсов и премий.

* * *

Я не желаю ничего взамен.
Открыты двери — заходи и властвуй!
Душа моя котенком у колен
Свернется, очарованная лаской.

Я не умею долго помнить зло
И отвечать на выпад резким хуком,
Быть может, просто мне не повезло
И «зуб за зуб» не стало мне наукой.

Я не стараюсь изменить судьбу,
Моля прощенья за свои поступки,
Но от ответа точно не бегу,
Надув в обиде пухленькие губки.

Терплю жестокость, не корю нужду
Пока живет во мне добросердечность.
Устав от дел, когда-нибудь сойду
На полустанке под названьем Вечность...

Я не желаю ничего взамен.
Открыты двери — заходи и властвуй!
Душа моя котенком у колен
Свернется, очарованная лаской...

ОКТЯБРЕЕТ...

Вот и стало темнеть в восемь.
В строчку рифмой скользнет осень.

В небе включит фонарь вечер.
Октябрееет, и крыть нечем.

Смоет поздним дождем возраст —
Свет прозрачен и чист образ.
Надышавшись листвою пряной,
Октябрееет душа спьяна.

Ветер с крыши ворон снимет.
Хлопнет рама. Сквозняк сильный
Холод в двери сырой пустит.
Октябрееет — глагол грусти.

Мимо стрелок часов вечных,
Направляясь Путем Млечным,
Вдруг мелькнет тень зимы странной.
Октябрееет...
Еще рано.

УТРО

Утро вино темно-алого зарева,
Щурясь, прольет в шелку шторы окна,
Тронет снежок паутинкою шалевою
Лик хмурых улиц от долгого сна.

Твой легкий сон притягательно сладостен,
Губы мои тихо шепчут, любя:
Мне нет на свете желанной из радостей
Больше, чем просто смотреть на тебя.

Простыни снег наготовою заполненный.
Не шелохнись, я люблюсь тобой
И не хочу, красотою исполненный,
Больше менять этот миг на другой.

Тела абрис солнца лучики первые
Нежно ласкают, храня твой покой.
В жизни моей нет подарка, наверное,
Больше, чем просто быть рядом с тобой...

МНОГОЦВЕТЬЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССИИ

Богдан Лема
(г. Бобруйск, Белоруссия)

Леонтьев Владимир (литературный псевдоним Богдан Лема) — член Бобруйского отделения Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», автор 22 книг и развивающих пособий для детей дошкольного и младшего школьного возраста, выпущенных в свет минскими издательствами «Сказ», «Аверсэв» и московским издательством «Айрис-Пресс» общим тиражом более 500 000 экземпляров. Является основателем и руководителем «ЭШЛИ» (Экспериментальная школа литературного искусства).

ДОБРОДУШНЫЕ БОБРЫ

Работающие бобры
Взяли в лапы топоры
И пошли рубить осину,
Бревна делать для плотины.

Дзынь-бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках.
Дерево качается,
Щепки разлетаются.

— Уберите топоры,—
Крикнул ежик из норы,—
Под осиной теплый дом,
В нем с ежихой мы живем.

Говорят ему бобры:
— Не ломаем мы норы —
Под осиной был твой дом,
Будет он теперь под пнем.

Дзынь-бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках.

Новый ствол качается,
Щепки разлетаются.

— Кто здесь мне желает зла? —
Вылез дятел из дупла. —
В дереве хоть тесный дом,
Но тепло и сухо в нем.

Дятел слышит от бобра:
— Тесный дом сменить пора.
Рядом дуб, а там дупло.
Широко в нем и светло.

Дятел согласился
И переселился.
Дерево упало,
Начинай сначала.

Дзынь— бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках.
Третий ствол качается,
Щепки разлетаются.

— Гули-гули, что за шутки? —
Плачет сизая голубка.—
У меня птенцы в гнезде,
Не оставьте их в беде.

Посмотрели вверх бобры
И убрали топоры.
— Нет уж, не бывать беде,
Пусть птенцы живут в гнезде.

Мы пойдем к другой осине
Бревна делать для плотины...
Дзынь-бах, та-ра-рах —
Дело спорится в руках...

Возвели бобры плотину.
В теплой хатке из осины
Новоселье отмечают,
Дорогих гостей встречают.

За столом, за чашкой чаю
Новоселов поздравляют
Дятел, сизая голубка
И ежи в колючих шубках.

САМЫЙ-САМЫЙ СТРАШНЫЙ КОТ

Под столом играли мышки,
Вдруг помчались кто куда.

Испугались шалунишки
Ваську, рыжего кота.

Напугав своих соседей,
Васька ошетилил хвост
И мяукнул: «Я на свете
Самый-самый страшный кот».

Перелез через порог
Бобик, маленький щенок.
«Фыр-р! — усатый кот поднялся,—
Не пушу тебя я в дом».
Бобик Ваську испугался,
Развернулся и бегом...

Васька ходит по квартире,
Как начальник, взад-вперед
И мурлычет: «Да, я в мире
Самый-самый страшный кот».

Попугай порхнул из клетки,
Сел на мягкую кушетку
И давай дразнить кота:
«Кот хвастун! Боюсь хвоста!»

Рассердился рыжий Васька:
«Попугай, ну, погоди!»
И пошел за ним гоняться,
Все сметая на пути.
Со стола упала ваза,
Раскололась пополам.
Из подушки перья разом
Полетели по углам.

Дверца с зеркалом открылась,
Дверца скрипнула легко.
Замер кот. Там появилось
Отражение его.
Только кот не догадался —
Кто в ответ ему фырчал.
Сам себя он испугался
И под штору убежал.

Васька, рыжий хвост, подумал:
«Есть коты страшней меня.
Нет, я больше злым не буду,
Лучше добрым буду я».
Через час сидели вместе
На крылечке без забот
Мышки, добрые соседи,
Попугай, щенок и кот.

Нина Енбулаева
(г. Пинск, Белоруссия)

Родилась в г. Пинске Брестской области в 1949 году. В 2011 г. в типографии города Пинска вышел в свет ее дебютный авторский сборник детских стихов и загадок «Солнечный зайчик». Печаталась в альманахах «Пинщина литературная», «Струменя серебряные струны», «Своя стихия», «Фантазии серебряного облака», в детском сборнике «Карусель», в коллективных сборниках «Кружева полесских зарниц», «Сила слабости», «Созвездие любви», «Лит.Аура».

СИРОТА

Я одинокою была и было грустно мне.
Сегодня котика нашла в подъезде на окне.
Мы породнились в тот же миг, он одинок как я.
Теперь со мною озорник, мы — верные друзья.
Несу я родственника в дом — и сразу на кровать.
С пушистым маленьким котом мы вместе будем спать.
Но только маму не понять — не по душе родня.
Кота не разрешила взять, и снова я одна.
Пытаюсь маме объяснить, что от тоски умру.
Должна кого-то подарить: хоть брата, хоть сестру.

ПРЯТКИ

Мама вымыла окошко.
Подождал Паук немножко,
А когда легли все спать,
Паутинку начал ткать.

Смотрит мама: «Что за чудо?
Снова мыть окошко буду!»
И давай стекло тереть,
Чтоб на улицу смотреть.

Паучок был хитрый очень:
Подождал начала ночи,
Заработался, устал,
Но ковер к утру соткал.

Мама раненько проснулась
И сыночку улыбнулась.
На окошко глянула —
В ужасе отпрянула:

«Где же прячется затейник?
Вот возьму побольше веник!..
Что же за хитрец такой
Шутит по ночам со мной?»

Паучок сидит под крышей
И, конечно, маму слышит.
Ей его не отыскать:
Ночью снова будет ткать!

Ирина Денисова
(г. Витебск, Белоруссия)

ПИСЬМА — ЭТО КНИГА ДЛЯ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Моя мама всегда находила себя в литературе. Будучи при этом математиком. Мой папа ходил в море и занимался фотографией. Мой дед — по долгу службы — много путешествовал и долгое время жил в Грузии. Похоже, то, что у меня есть, я вобрала в себя с молоком матери, с табаком отца и с кавказскими винами деда...

1. Письма — это книга, написанная для одного человека.
2. У тех, кого мы любим — недостатки являются продолжением их достоинств, а у тех, кого не любим — достоинства являются продолжением недостатков.
3. Звуки делятся на согласные и несогласные.
4. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, а из сердца — через кишечник.
5. Мир тесен — особенно в городском транспорте.
6. Лучше посмертно, чем пожизненно.
7. «Меня от тебя тошнит!» — сказала девушка парню, протягивая тест на беременность.
8. Национальные лотереи! Игровая зависимость стала доступнее.
9. Внутренняя установка — 51 % успеха. Контрольный пакет акций.
10. У меня сегодня разгрузочный день: разгружаю холодильник.
11. Бог дает работу пластическим хирургам.
12. Я боюсь состариться в этом доме, еще больше боюсь не состариться.
13. Слово «любимый» чаще проходит цензуру как прилагательное.
14. Что для других враки, то для писателя литературная правда.
15. Есть теория стихосложения и есть поэзия; есть теория секса и есть близость.
16. Когда обезьяна превратилась в человека, она стала есть банан ножом и вилкой.
17. Гражданский развод — это когда официально в браке.
18. Раздельное питание — это когда гражданский развод.
19. Краткость — моя сестра. А еще — скромность.
20. Вампир, пытающийся быть вегетарианцем, переходит на нервы.
21. Сколько бы брюнет ни пил кефира, он все равно будет темноволосым.
22. Играю в тетрис: укладываю все необходимое в две сумки.
23. Фраза в поезде: «Ты уже разложился?» Звучит, как обращение к покойнику.
24. Интеллигентный человек всегда пошлет собеседника, обращаясь к нему на «вы».
25. Лучшее из худшего меньше, чем худшее из лучшего, но первое выигрывает в восприятии.
26. Хочешь быть богатым, перестань экономить. Надо соответствовать своим потребностям, а не уменьшать их.

27. За стилизацией под неграмотность чаще всего стоит неграмотность.
28. В жизни должно быть место жизни.
29. У меня с ним ничего не было, только секс.
30. Живи настоящим. Во всяком смысле слова.
31. Невезение заразно? Так будем предохраняться — собственным позитивом!
32. Недостаточно просто желать здоровья. Для этого нужно что-то делать... Или хотя бы не делать.
33. И руки у нее холодные, и ноги у нее холодные, и в душе вечный огонь.
34. Мания величия: сегодня была в банке, на почте, в магазине... везде просили дать автограф!
35. Жутковато, когда мать и дочь абсолютно похожи. Вторая знает, как будет выглядеть спустя годы.
36. Близкие люди способны думать друг о друге одновременно на расстоянии. Просто энергетический online...
37. Одни спасают мир от демографического кризиса, другие — от интеллектуального.
38. Редкий русский знает русский.
39. Лучше «любим и ценим» при жизни, чем «помним и скорбим» после смерти.
40. Не хочу портить тебе жизнь... Пойду еще кому-нибудь испорчу.
41. Когда женщина не может определиться, вызвать к себе жалость или зависть, она произносит нечто подобное: «Так исхудала, что бриллиантовое кольцо сваливается...»
42. Никогда не понимала фразы «наш мозг», «наш организм» и т. п. Для этого нужно иметь сиамского близнеца. У меня нет ни с кем общих органов.
43. Когда твое отчаяние достигнет последней точки, ты будешь выглядеть шикарно не ради чего-то, а вопреки всему.
44. Пассивная помощь — это когда человек по сути ничего не делает, но помогает своим присутствием.
45. Хуже поноса только запор.
46. Качество определяет концентрат.
47. Для писателя главное — стержень. Хоть какой.
48. Пресыщение — это запах кофе в твоей комнате. Ты находишься в ней и не ощущаешь аромата. Нужно выйти и войти.
49. Гениальным мстят, талантливых ненавидят, способным завидуют ... с нормальными сходятся, дураков любят, потому что те напоминают о собственном превосходстве.
50. Мой друг пригласил меня в кино... сниматься!
51. Говорят, хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах. Рассказывала... не смеется.
52. Логика — это когда ты покупаешь квартиру, а потом выбираешь светильник. Экстрасенсорика — это когда ты выбираешь светильник, а потом покупаешь квартиру.
53. В конкурсе побеждает только тот, кто в нем не участвует.
54. Обещание — это своего рода пари с высшими силами. Но Всевышний предпочитает быть соавтором, а не спорщиком.
55. Свидетель на свадьбе как поручитель. Ему и супружеский долг возвращать, в случае чего...
56. Использовать некоторые старые вещи — это все равно, что донашивать свадебное платье.
57. Мама-волчица пугала детей: «Будете плохо себя вести, придет человек...»
58. Мышь погрызла диплом о высшем образовании. И случилось у нее несварение. Вывод: высшее образование способно навредить здоровью.

59. Я хочу заниматься любовью с жизнью, даже если у кого-то из нас критические дни.
60. Духовная пища тоже обладает энергетической ценностью, т. е. калорийностью.
61. Есть красивые и есть декоративные люди.
62. Если от человека исходит запах, возможно, в нем кто-то умер и до сих пор разлагается.
63. Творческие сходки — это аномальные зоны. Количество себе подобных на одном квадратном метре превышает норму.
64. А два писателя под одной крышей — это и вовсе радиоактивная территория.
65. Прежде чем загадывать желание, обратите внимание на прайс-лист. Почти любое желание исполнимо, но вас устроят расценки?
66. Вначале ты думаешь, что после тридцати не живут, потом — до...
67. Для людей со сверхспособностями человек обычный — это эффект неграмотного в библиотеке.
68. С хорошим человеком можно и выпить, и покурить за здоровье.
69. Снайпер и скульптор не имеют право на нервы. Артист — это и то, и другое.
70. Самая лучшая месть — быть человеком, довольным жизнью.
71. Направляясь в продовольственный отдел: надо спасти свою мышь от суицидальных мыслей...
72. Когда превосходишь сам себя, прошлое отваливается штукатуркой. Вольно или невольно.
73. Ты любишь меня по нечетным числам, мне повезло: високосный февраль...
74. Вначале нужно проложить рельсы, а потом пустить по ним поезд. Но случаются и парадоксальные ситуации. Тебе дают поезд, а потом ты выстраиваешь под него железнодорожную магистраль.
75. Внешние обстоятельства призваны объединить внутренних противников.
76. Моль заходит в кафе: «Шерсть, пожалуйста...»
77. Чеснок — самый надежный контрацептив: никто не позарится.
78. Я не жду после радости неприятности, я плачу налог на счастье.
79. С одними случаются романы, с другими — афоризмы.
80. Красавица и чудовище — это театр одного актера.
81. Раньше работала на третьем этаже, теперь — на четвертом. Пошла на повышение.
82. Несчастливым быть удобно. Ты выдаешь себе индульгенцию на лень и пассивность. Сделай мне неудобно.
83. Сегодня познакомилась с Сергеем Васильевичем. Нет, все-таки удивительный человек, этот Рахманинов.
84. У меня снова выросли крылья. Видимо, те, первые, были молочными.
85. В каждой ситуации есть узкий коридор, по которому можно пройти. Ты не увидишь его до тех пор, пока не научишься ходить по этим узким коридорам.
86. Мое сознание перешло в другую весовую категорию.
87. Я не хочу, чтобы ты на меня смотрел, я хочу, чтобы ты меня видел.
88. С одним человеком хорошо разделить ужин, с другим — жизнь.
89. Хотела сделать тебе предложение, да руки заняты.
90. Пропорция один к пяти: интеллектуальный возраст — девяносто, духовный — восемнадцать.
91. О себе: в меру молодая и не в меру свободная женщина.
92. Мои потребности не соответствуют моим доходам. Мои доходы превосходят мои потребности.

93. В любом соприкосновении воздухообразующие компоненты — уважение и внутренний комфорт.

94. Нас, скорпионов, все боятся. А что нас бояться... Мы убиваем нежно, закапываем аккуратно.

95. Поцеловать тебя во все квадратные сантиметры, отведенные «просто другу»... и даже посягнуть на соседнюю территорию.

96. Односторонняя любовь — это лампочка, которая горит, даже если нет электричества.

97. В переполненных общественных местах у меня возникает «чувство Титаника».

98. Интересно, надпись «белорусские товары» — это рекламный ход или предупреждение...

99. Интеллигентная девушка пыталась проникнуть в сомнительное заведение, но не прошла фейс-контроль.

100. У меня в почках образуются камни. Бриллианты.

101. Витебск. Антикафе. Джаз. Переместиться на край дивана и быть на 5 сантиметров ближе к музыке...

102. Сливки общества. Подсела на высококалорийные продукты.

103. Очередной поход в домоуправление. Повышаю свою квалификацию борца с ветряными мельницами.

104. Некоторые отношения заканчиваются, так и не успев начаться. Осознание того, что это не твой человек, экстерном.

105. Во время решения этой ситуации ни одна нервная клетка не пострадала

106. У каждого желания свой срок. Заходишь в ресторан, заказываешь коньяк 5-летней выдержки. И все. Они пошли готовить.

107. Лица белорусской национальности на дне независимости искали дно независимости...

108. Худенькие девочки любят демонстративно фотографироваться с едой.

109. Снимок на память?

110. Родной человек — это номинация на лучшую мужскую роль в твоей киноленте.

111. В день знакомства купить бутылку дорогого алкоголя для того, чтобы распить ее по случаю развода... и никогда не открыть.

112. Ты читаешь мои мысли на расстоянии полуметра, просто блютуз какой-то!

113. Озеро. Лучший способ разбавить жизненные концентраты водой.

114. Одна любовь и весь мир — это все, что мне нужно.

115. Самые сильные произведения — это удел взрослого удовлетворенного человека. А «писать кровью» я не намерена: гемоглобин падает!

116. Я хочу от него... саму себя. Спокойную, невесомую и чтоб глаз горел.

117. Некоторые люди — это контрацепция на уровне разума. Одно их благотворное присутствие защищает от связей, которых может не быть.

118. Если одновременно открыть двери в прошлое и будущее, то образуется сквозняк.

119. Хочешь сбросить лишний вес... для начала выбрось камень из-за пазухи.

120. Настоящий друг не годится в анестетики... он может быть только живой водой.

121. Пунктуальность — это еще один мой недостаток. О какой личной жизни может идти речь...

122. Ты сказал, что никогда не читал моего юмора. Только слышал. Стало быть, я — аудиокнига.

123. Поговаривают, для того, чтобы желание исполнилось, его необходимо записать... Ничего не происходит? А вы оформили заявление?
124. Счастье бывает врожденным и приобретенным. Даже если вас изначально поставили не на те рельсы.
125. Я ношу солнцезащитные очки. Хочу защитить хрупкий внешний мир от солнца во мне.
126. На каждую женщину с короткой стрижкой найдется длинноволосый бог.
127. Если я для него свой парень, то он для меня лучшая подруга.
128. Он попросил у нее автограф. Через месяц роспись.
129. Заниматься любовью с жизнью можно и вдвоем... Но я предпочитаю присутствие еще одного человека.
130. Мы с ним высокоорганизованные люди. Он — высокий, я — организованная.
131. Твои мысли настигают меня даже за границей. Энергетический роуминг.
132. Дверь открыта. А я стучусь в соседнюю камеру.
133. Санкт-Петербург однообразно бесподобен. Спасибо региональному ангелу-хранителю за праздник жизни.
134. Непревзойденный тест на окружение: потерять телефон со всеми контактами.
135. Плагиатничаю, когда окружаю себя людьми со знаком плюс. Когда учусь у них благородству и счастьем...
136. Писательница зацепилась за что-то колготками и побежала строчка.

Василий Мельников
(г. Минск, Белоруссия)

Василий Мельников родился в городе Минске. С отличием окончил БГЭУ (бывший БГИНХ им. В. В. Куйбышева по специальности экономика и организация общественного питания). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» с августа 2014 года. Лауреат Республиканского творческого конкурса «Литературная крона-2014», лауреат Международной литературной Премии им Семена Полоцкого 2015 года в номинации «Поэзия», лауреат 3-его Международного литературного форума «Славянская лира 2016» в номинации «Художественный перевод». Автор трех поэтических сборников: «Поезд времени» (Минск, 2009), «Аквилон» (Смоленск, 2014), «Озимь» (Минск, 2015).

ПАМЯТИ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

*(Перевод с украинского языка на русский
стихотворения Моисея Фишбейна)*

Властитель тлена, битого стекла,
Воспоминаний высохших кореньев,
Осенней птицы, утонувшей с пеньем,
В чьем горле речь речная проросла,—

Над ним сомкнулась стылая вода.
И зелень глаз познала Солнца смертность.
О, Нечто схоронившая поверхность!
О, зыбкая без надписи плита!

В ночной пустыне срезан песен колос,
Но в бесконечность расцветает Голос
Из-под воды, наполнив паруса,—

Заглянут в городок немые тени;
Сквозь забытье ушедших поколений
Их будут слушать юности глаза.

РАДОСТИ БЕЗ ПРИЧИН

*(Перевод с французского языка
стихотворения Сюлли-Прюдоме «Joissanscauses»)*

Причины бедствий на виду у всех.
Но тайн полны истоки благодати.

Не греет душу соболиный мех —
Ее чаруют поиски объятий.

Не спится небу на моих руках.
Вселенная — подобие расстриги —
Сверкнула счастьем в дальних облаках.
И снова тьмы тяжелые вериги.

Откуда этой радости лучи?
Из рая, что открыт наполовину,
Где звезды безымянные в ночи
Высвечивают сердца сердцевину?

Не это ли апрель ушедших лет,
Моя весна, воскресшая из пепла,
В глазах огня оставившая след?
Или надежда, что внутри окрепла?

Нет. Этот тайный мимолетный знак
Не отопрет воспоминаний дверцу;
В заблудшем счастье — из толпы зевак —
Он жданный шаг к обманутому сердцу.

БОГОЯВЛЕНИЕ

*(перевод с французского языка
стихотворения Леконта де Лиля «Epiphanie»)*

Юной невестой сурового края
Там, где в озерах прохлада ржавеет,
Явит себя Ее стать неземная
С тайной небес, с лебединою шеей.

Росами сны осыпает Меркурий.
Ясень с березой роднятся листвою.
А для Нее в отраженной лазури
Бабочки пляшут над шалой водою.

И дуновение ветра украдкой
Волосы гладит, свиданье пророчит.
Прошлое — пепел. Сверкают загадкой
Эти глаза, как полярные ночи.

Эти глаза без желаний и тени
Не замечают стараний виконта.
И обреченного мира ступени
Держат бесчувственный край горизонта.

Стойкий Хранитель амурных капризов
Будет с балконов Авроры склоняться —
Только б увидеть порхающий призрак
В складках бессмертного белого платья.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

*(перевод с французского языка
стихотворения Леконта де Лиля «Lederniersouvenir»)*

Я жил и умер.— Не закрыв глаза,
Стекаю слепо в зыбкую пучину.
Агония... Чужие голоса...

Мертвея, попадаю в горловину
Забвения вне времени и стен
Сквозь Немоту и Мрака пуповину.

Ни чувств, ни мыслей не имеет тлен.
Что эта жизнь? В мои какие годы
Любовь и Солнце я стряхнул с колен?

Густая тьма. Сознания пустоты.
Безмолвия отечные уста.
Прозрачных снов изглоданные соты.

С ущербной плотью признаки родства.
О, ночь небытия, возьми меня!
Одна лишь вещь страшится естества —

Не бьется сердце... Вспоминаю я.

СЛЕЗА

*(перевод с французского языка
стихотворения А. Рембо «Larme»)*

Вдали от птиц, от стад и от селянок
Я пил, угодя вереска примяв,
В компании орешника и склянок
В тумане и тепле зеленых трав.

Что мог я пить на молодой Уазе*
Под хмурым небом, искривившим рот?
Что я тянул из фляги колоказий**?
Хмельную страсть, бросающую в пот.

Я был убогой вывеской харчевни.
Потом гроза. И вечер наповал...
Черны озера, жерди у деревни,
Деревьев колоннады и вокзал.

Вода с песком справлялись о ночлеге.
А ветер льдинки сыпал в створ болот...
И, как ловец сокровищ или неги,
Могу сказать, что пил я без забот.

* Уаза — река на севере Франции.

** Колоказия — съедобное растение в восточных странах.

АЛЬБАТРОС

*(перевод с французского языка
стихотворения Ш. Бодлера «L'albatros»)*

Для развлечения моряки на судно
Берут с собой огромных птиц морей,
Что к кораблям привязаны подспудно
Натянутой улыбкой якорей.

На палубе стыдливо — от бессилья —
Пернатым королям морских широт
Приходится свои большие крылья
Таскать, как весла из прибрежных вод.

Как неуклюжа поступь альбатроса,
Недавнего кумира высоты!
Один дымит у клюва папиросой.
Другой играет жертву хромоты.

Поэт похож на принца туч повадкой.
Застрельщик бурь в просоленной судьбе.
Но крыльев ширь с небесною облаткой
Ему в толпе мешают при ходьбе.

СООТВЕТСТВИЯ

*(перевод с французского языка
стихотворения Ш. Бодлера «Correspondances»)*

Природа — собор, где живые колонны
Сплетают слова из ветвей и стеблей,
А в зарослях символов вольность полей,
Пытливые взгляды, знакомые кроны.

На длинные эха — не в силах расстаться —
В туманном глубоком единстве криниц
Огромном, как ночь и как свет всех зарниц,
Цвет, запах и звук откликаются вкратце.

Есть запах свежее дыханья младенца,
Нежнее гобоя и мягче травы.
А есть и другие, пьянящие сердце,

Впитавшие жадно простор синевы,
Как амбра и мускус, как смолы и мята;
В них страсть роковая восторгом объята.

Александр Морозов

(дер. Филипаны, Островецкий район,
Гродненской обл., Белоруссия)

Александр Морозов — дебальчанин, временно проживающий в Беларуси. Автор 26 книг. Член Правления Беллитсоюза «Полоцкая ветвь» и Всеукраинского творческого Союза «Конгресс литераторов Украины». Лауреат ряда литературных премий и фестивалей в номинации «Поэзия». В данной подборке знакомит русскоязычную аудиторию с творчеством двух современных украинских поэтесс. «Мне приятно осознавать то, что я причастен к литературной судьбе Юли и Ларисы — первая книга стихов Ларисы Ковальчук была издана мною, а Юлия Бережко-Каминская стала обладателем Гран-При Всеукраинского песенно-поэтического турнира «Рыцари слова», который до войны проходил в Дебальцево».

Юлия Бережко-Каминская **ПОЛЕ МЕСЯЦ ЗАЛИЛ НЕНАДКУШЕННЫЙ** *(перевод с украинского)*

Поле месяц залил ненадкусенный,
Тыква вверх подтянулась на усиках.
Что же сделала с нашими душами
Твоя музыка?

То ли ночка полынью играется:
А кузнечики — вроссыпь по полю,
Толи, может, в себе собираю я
То, что станет великой оперой.

Сквозь безмолвие — звуки слушаю.
Ночь пульсирует сухотравами...
Городским не живу здесь удушьем —
Доминантами и октавами,

Переливами хитросплетения,
Сверхзвучанием, перебрдами...
По хрустальным схожу ступеням я
Под твои поднебесные своды.

Юлия Бережко-Каминская
А ТЫ ЗНАЕШЬ,— НЕ ИЩИ ОТВЕТА
(перевод с украинского)

А ты знаешь,— не ищи ответа
И про то не вымолвить словами.
Осень — как бы пережиток лета,
То, чего не будет между нами.

Отлетит, как блеклая полова,
Станет ближе нам до самой сути.
Небо нынче цвета голубого
И густое. Заморозок студит...

А ты знаешь,— все настолько просто:
Отпусти, когда любовь уходит.
Так давно... Начало девяностых...
И ребенок — не ребенок, вроде б.

* * *

Юлия Бережко-Каминская
(перевод с украинского)

Отцвели и яблони, и вишни,
Отцвели, уже дают плоды.
Между нами расстоянье тиши-
ны, как толстый слой воды.

Между нами — и весна, и лета,
А, возможно, осень и зима,
И покой, размолотый на ветер,
Солнце, что собой укрыла тьма.

Между нами столько накопилось,
Сохранит вода как в багаже
Нам все то, что не договорилось,
На тот берег вряд ли докатилось
И в душе не удержать уже.

Лариса Ковальчук
ОСЕННЯЯ ВСТРЕЧА
(перевод с украинского)

Вновь осень — небо плакало дождем,
как очень избалованный малыш.
Ты обещал мне встретиться еще.
Земля, куда ты из-под ног летишь?
Ты так красив, учитель каратэ,
женат, на той же прежней пани Ю.
Есть седина, но взгляд на декольте

своим ловлю, улыбку узнаю...
Как в глазки ты мне с нежностью глядел —
о том жалела часто — сотни раз...
Я отпустила — ты и улетел,
меня не взяв, а я... не отдалась...

Лариса Ковальчук
А БАБОЧКИ СИДЕЛИ НА ПЛЕЧЕ
(перевод с украинского)

А бабочки сидели на плече,
щекоткой акварельных поцелуев,
невольница из тысячи ночей
искала в них спасения от бури.
Свой тайный сон просматривал Багдад,
а месяц плыл над домом Шахрияра,
и он не знал таких Шехеризад,
не понимал — подарок или кара?
Слезам воска плавилась свеча —
она мерцала звездами на стенах,
слетели разом бабочки с плеча —
две тени обнимались на коленях.

Лариса Ковальчук
А МНЕ БЫ СЛУШАТЬ, КАК СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ
(перевод с украинского)

А мне бы слушать, как сердце бьется,
Мне б на турнире с тобой сразиться.
И свить гнездо, и подняться к солнцу,
Скажи, ты же будешь со мною птицей?
Мне ощутить бы твои ладони,
Поет Земфира и я ей верю...
Ко мне маршрутка твоя вдоль поля
Спешит. Ты же будешь со мною зверем?
Губами мне бы ловить дыханье...
Но кто-то мчится опять по встречной.
Я знаю, ты — там, где солнце раннее.
Скажи, ты же будешь со мною вечно?

Лариса Ковальчук
ПУГОВИЦЫ НА БЛУЗКЕ
(перевод с украинского)

Смотрел в глаза девчонке и как будто
Был ослеплен от солнечного лета.
«Моя Лолита», — звал ее он утром,
Ей было страшно с ним, но не об этом
Вам расскажу. На блузе взгляд горячий
Игра в молчанки, прятки, тет-а-тет,

Она как будто из другой планеты.
Он глаз таких нигде не видел раньше.
На сковородке жарятся котлеты
И Вакарчук поет о Сьюзи песню.
Ты думаешь — проклятое влечение...
Такие дамы словно наваждение,
Таких должны воспеть в веках поэты,
Их не удержат никакие узы...
Их слово каждое — тебе, как будто оды.
Вас разделяет этот стол и годы,
И пуговицы чертовы на блузе...

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

О ЛЕБЕДЕ, РАКЕ И ЩУКЕ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня очень много и многие говорят о необходимости многовекторности и «многополярности» в политике, экономике, идеологии... Впору завести разговор и о «многополярности» в нашей литературе.

Вот уже одиннадцать лет на отечественном литературном небосклоне наблюдается следующая картина: два непримиримых друг к другу союза-антагониста — Союз писателей Беларуси и Союз белорусских писателей, — периодически устраивающие друг другу «головомойку», и невесть откуда «затесавшийся» между ними Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», дрейфующий собственным курсом. При этом первые два пытаются в упор не замечать третьего, вероятно, лишь в себе любимых признавая право именоваться профессионалами.

Один из союзов — СПБ — откровенно поддерживает действующая власть. Второй — СБП — активно спонсирует Запад. Что касается Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», то до недавнего времени он пытался держаться в стороне от любых геополитических сил и сторон, будь то «белые», «красные» или «зеленые». Не примыкая ни к чуждым ему националистам от литературы, ни к славословящим власть предрержащих «придворным» песнопевцам. Однако те веяния, которые внимательный глаз читателя может заметить между строк официальных и неофициальных заявлений лидеров и активистов трех союзов, уже сейчас отчетливо выкристаллизовывают три направления, три вектора в отечественной литературе нашей страны. Если проецировать эти направления на политические партии, то мы получаем в литературе эдаких «левых», «правых» и «центристов», три самостоятельных и цельных «крыла». При этом данное деление характерно применительно как в отношении всех трех союзов к действующей в Республике Беларусь власти, так и в отношении к Европе и США или т.н. «Западу», а также к России, в более широком понятии — к «русскому миру» в целом. Только вот «полюса» эти, в зависимости от отношения к западным и восточному соседям, к политической верхушке внутри страны, странным, а порой кардинальным образом меняются.

Далеко за примерами ходить не надо. Возьмем, к примеру, Европу и США, олицетворяющие в наших глазах пресловутый Запад. Любой мало-мальски интересующийся литературой обыватель может заметить, на чью мельницу, беспощадно понося белорусские власти и соседнюю Россию, льют «воду» члены оппозиционного Союза белорусских писателей, где они ищут поддержку своим проектам, куда торопятся за моральной и материальной помощью, где предпочитают проводить свободное время при наличии средств, как своих, так и от тамошних грантов, кого ставят в пример нашим гражданам и нашей власти... Про языковые подходы этой организации вообще умолчу: здесь практически безраздельно правит бал «мова». Даже своих коллег по организации, пишущих на русском языке (коих, поговаривают, там около 6—7%),

руководители и актив Союза белорусских писателей ни в грош не ставят, не выделяя им даже отдельных страничек на русском языке для публикации произведений в литературных СМИ и альманахах этого писательского объединения.

Иное дело Союз писателей Беларуси, который, подобно маятнику, всегда в унисон колеблется вместе с «генеральной линией партии», но симпатий к «загнивающему», как правило, никогда не проявляет. Зато исключительно реверансы «излучает» в сторону первых лиц государства и профильных министерств, ведомств. Здесь практически не остается места для какой-либо критики, даже объективной. Максимум, что может позволить себе действующий глава СПБ и его окружение — намеки на «временные» трудности и проблемы, переживаемые белорусской литературой. Если и журят там, то без обозначения причин возникновения проблемы. Если и высказываются упреки, то без персонификации и указания на виновные государственные лица или органы.

С момента своего появления Союз писателей Беларуси попытался монополизировать дружбу между двумя литературами (и, соответственно, народами) — русской и белорусской. Правда, сделал он это также неуклюже, как делает все остальное: организовав «междусобойчик» с Союзом писателей России. Спору нет, крупнейшим писательским объединением в России. Но при этом, увы, интенсивно теряющим свое влияние даже на родине. «За бортом» Союза писателей Союзного государства оказались как два других писательских союза в нашей стране, так и несколько общероссийских писательских союзов. Таких, например, как Союз российских писателей, Российский союз профессиональных литераторов, Союзы писателей Москвы и Санкт-Петербурга, Союз писателей «Наш Современник» и т.д. И до сих пор остаются, что делает СП СГ неполноценным «мутантом» на теле Союзного государства Беларуси и России.

А между тем, первым о необходимости сближения с литературным сообществом восточного соседа заговорил ни кто иной, как Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь». Уж он-то никогда не пытался лицемерить и «катить бочки» в отношении русского языка и русской культуры, русской литературы, России в целом. Не верите? Давайте обратимся к документам. В частности, к протоколу заседания № 39 руководящего органа данного творческого союза. Протокол датирован 24 августа 2003 года (!). Замечу, СПБ тогда еще и в проекте не было, он появился лишь более двух лет спустя. Пунктом четыре в повестке дня данного заседания значился вопрос «О создании конфедерации писателей Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации». Основным докладчиком по нему выступал заместитель председателя союза, поэт, издатель и публицист Олег Зайцев. Есть и решение по данному пункту, которое гласит: «В соответствии с Договором о создании Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации, а также с целью формирования единого литературного пространства, выступить инициатором и соучредителем Конфедерации писателей Союзного государства. Поручить заместителям Председателя и секретарям секций установить творческие контакты с союзами писателей России, предложив аналогичным организациям выступить соучредителями создания Конфедерации». Продолжение это решение получило в протоколе следующего, ноябрьского, заседания Совета ОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь», и выразилось оно в следующем: «Для организации контактов с писательскими союзами Российской Федерации вместо Э. Медведского назначить В. Леонтьева». Из чего можно сделать вывод, что бравшийся за решение этого вопроса бывший член союза и бывший секретарь секции поэзии так и не справился. Как и не справился с ним, как показало время, и сменивший его бывший председатель Бобруйского отделения В. Леонтьев. А может, и тот, и другой заниматься этим вопросом поленились или, по каким-то причи-

нам, не захотели. Поскольку на носу у союза был очередной съезд и празднование десятилетия организации, параллельно стартовал выпуск собственного литературно-публицистического журнала «Западная Двина», то председателю «Полоцкой ветви» вкупе с его замами стало уже не до того: данную инициативу благополучно «задвинули» в долгий ящик.

Остается лишь догадываться, по собственной инициативе либо с чьей-то подачи сделал свой ход к созданию СП Союзного государства казенный союз писателей аж целых шесть лет спустя (!). Однако парадокс странной и двусмысленной дружбы между Союзом писателей Беларуси и Союзом писателей России заключается еще и в том, что сам Союз писателей Беларуси в лице своего предводителя пытается балансировать между интересами русскоговорящего большинства и весьма агрессивно настроенного «беларускамовного», но хорошо организованного и сплоченного, меньшинства своих членов. Отсюда и прозвучавшие всего через два с половиной месяца после проведения учредительного съезда СП СГ выпады в адрес пророссийски настроенного писателя-прозаика из Витебска Андрея Геращенко (Сайт «Новости Алтая», 15.02.2010 г., <http://newsaltay.ru/index.php?dn=news&to=art&id=1815>), кстати, члена СПБ. А также, что характерно, бывшего члена Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». И весьма странные инициативы-призывы, озвучивавшиеся нынешним председателем СПБ Н. Чергинцом в адрес ряда организаций — и военных, и гражданских, и коммерческих компаний, и государственных органов — о постепенном введении курсов белорусского языка. Вплоть до сокращения на час рабочего времени для тех, кто готов на соответствующих курсах этот язык изучать (Сайт «Литкритика», 03.12.16 г. <http://www.litkritika.by/categories/literatura/559/4256.html>).

Так уж случилось, что все три белорусских республиканских писательских объединения являются членами Международного сообщества писательских союзов. А их лидеры в разные годы входили в состав руководящего органа (Исполкома) МСПС. Сегодня там обретается действующий председатель СПБ Н. Чергинец. Он же входит и в состав редколлегии печатного органа МСПС — «Общеписательской литературной газеты». Частенько бывая в первопрестольной на мероприятиях международного объединения, Николай Иванович, между тем, редко балует своим вниманием и присутствием коллег по перу из иных зарубежных объединений писателей, входящих в данную структуру, вне протокольных заседаний. Возможно, из-за занятости, а возможно, считая это ниже своего достоинства. Как же — высокий правительственный чиновник, к тому же — генерал милиции, и прочая, и прочая. Во всяком случае, о его проживании в писательском городке Переделкино никто из них не припомнит. Может потому не заладились у него отношения с лидерами союзов писателей СНГ, ближнего и дальнего зарубежья? Даже с теми, кто пропагандирует у себя в стране «русский мир» и русский язык.

Заладились они разве что с Валерием Ганичевым, председателем СП России. Да и то, подозреваю, по указке сверху. Давеча в стенах Дома литераторов в Минске состоялся третий съезд СПБ, благополучно и единогласно избравший Николая Ивановича на очередной срок. Интересно, что на всякий случай «домашней заготовкой» стало внесение в Устав СПБ за полтора года до съезда должности почетного председателя. Разумеется, что два других писательских союза страны на это мероприятие никто не пригласил. Зачем портить праздник, еще ляпнут чего. И тут невольню подумалось, не у Валерия ли Николаевича Н. Чергинец учится умению быть руководителем-долгожителем Союза писателей Беларуси? После одного из последних съездов, где В. Ганичева в очередной (какой по счету?) раз переизбрали на пост руководителя писательского объединения, один из членов руководящего органа данного союза как-то откровенно сказал мне, что с данной должности восьмидесятитрехлетний старец уйдет разве что вперед ногами. Незавидная участь, доложу я вам.

Впрочем, возвращаясь к отечественной литературе, можно с уверенностью сказать, что она переживает глубокую стагнацию. И это утверждаю не я, это утверждает статистика. С которой, как известно, не поспоришь. Вот что сообщает Национальный статистический комитет Беларуси о результатах книжной деятельности 2015 года (по 2016-му данных пока нет): количество книг, выпускаемых в Беларуси, довольно скромное — по 2,3 экземпляра на человека в год. К тому же, значительную часть выпускаемой литературы составляет учебная литература (28 % от общего количества печатных единиц) и учебно-методическая литература (20,3 %). Литературно-художественные издания составили всего 6,4 %. В основном книги в 2015 году издавались на русском языке: 8227 книг общим тиражом 16 млн. экземпляров. Это 80 % от числа изданий и 74 % от тиража. Кроме того, 1168 книг и брошюр было издано на белорусском языке, что составило 11,4 % от числа изданий и 17,1 % от тиража. На английском языке в 2015 году были изданы 593 книги и брошюры, имело место издание книг и на других языках. В то же время художественная литература в 2015 году в Беларуси издавалась, в основном, на белорусском языке. Книг прозы на русском языке, без учета детской литературы, было издано всего 32, тогда как на белорусском — 198. А книг с поэзией на белорусском языке было издано 256, тогда как на русском языке — всего 18.

Я бы, конечно, с большой осторожностью отнесся к данной статистике, допуская, что часть белорусской русскоязычной литературы наши органы статистики, благодаря кодификации Национальной книжной палаты, автоматически зачислили в список «русской», а значит, заграничной литературы. Т.е. в общем списке книг, выпущенных на русском языке, они учитывались, а в списке книг, подпадающих под определение «белорусская литература» — нет. Но про этот парадокс, в свое время, говорили еще писатель, профессор-филолог Анатолий Андреев и поэт Анатолий Аврутин. Тема эта так обширна, что ей можно посвящать отдельную статью. Но тенденции статистики в целом отражены верно. Так, в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь» динамика издания книг прозы и поэзии, драматургии за последние четыре года следующая: 2013 год — издано 20 книг общим тиражом 6600 экземпляров, 2014 год — издано 27 книг общим тиражом 4470 экземпляров, 2015 год — издано 15 книг общим тиражом 2940 экземпляров, 2016 год — издано 10 книг общим тиражом 3890 экземпляров. Казалось бы, в прошлом году тираж подрос. Но если уточнить, то окажется, что подрос он благодаря выпуску романа одного из членов союза-минчан, изданного в Москве издательством «АСТ» тиражом 2,5 тыс. экземпляров. Если отнять их, то получится совсем «смехота» — 1390 экземпляров. Вот такие пироги. На лицо устойчивое падение как наименований книг, так и средних, а также совокупных тиражей. В такой ситуации не то, что о «крыльях» белорусской литературы, вообще ни о чем говорить не хочется. Так как впору кричать во всю глотку «караул»!

От редакции «Приокских зорь»: Уважаемый Олег Николаевич как-то упустил из виду, что возглавляемая им «Полоцкая ветвь» на практике проводит курс на поддержание и развитие дружеских, творческих отношений между писателями России и Белоруссии. Свидетельством чего является и настоящий «белорусский» номер нашего журнала (первый был № 1, 2015). И мы это отметили всероссийской литературной премией «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреатом которой стало юридическое лицо — Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь».

Юрий Клеванец
(г. Осиповичи, Белоруссия)

Клеванец Юрий — литературный критик, прозаик, литературовед, краевед. Родился в 1964 году в городе Красноярск-26, окончил среднюю школу в г. Осиповичи в 1981 г., МАИ в 1987 г. Литературной деятельностью занимается с 1994 года. С 2004 года избран секретарем Секции литературной критики и литературоведения РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь».

О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ КИБЕРНЕТИКА ГЕННАДИЯ РИМСКОГО

Уважаемые дамы и господа, этот год является юбилейным для белорусского деятеля науки и культуры Геннадия Римского (1936—2000). Г. Римский вступил в литературный союз «Полоцкая ветвь» в 1997 году. Вообще-то он был ученый и многолетний преподаватель Радиотехнического института, нынешнего Университета информатики и радиозлектроники, но также и многолетний литератор-любитель, что вообще водилось среди представителей советской науки.

Мне было предложено критически рассмотреть сборник стихов Г. Римского «Я люблю», изданного в Минске в 2007 году, поэтический двухтомник переводов с белорусского на русский «Антология белорусской поэзии», изданный в Москве в 2001 году, и прозаическое произведение, повесть «Последние дни Солдаи», напечатанную в журнале «Беларуская думка» в 2002 году.

Начну со стихотворений. В предисловии к поэтическому сборнику говорится, что писать стихи Г. Римский начал во времена, скажем так, «студенческой юности». Правда, юность автора была не студенческой, а курсантской — он обучался как будущий офицер-специалист по радиооборудованию в Высшем военно-морском училище в Гатчине. В какой-то момент, как пишет сам автор в одном из стихов, он начал фонтанировать рифмами. Стихов было так много, что курсант, по-видимому, даже несколько растерялся. Поэзия, скажем так, не совсем офицерское занятие, и выпускник училища задумался: не стоит ли оставить службу и пойти по литературной стезе? Однако настойчивость родителей перемогла сомнения. Профессиональным литератором Г. Римский так и не стал.

Ранние стихотворения автора сведены в раздел «Курсантская юность» разбираемого здесь поэтического сборника. Молодому человеку писалось тогда о том, что он сам видел и переживал. Так появились стихи о нелюбимой никем шагистике, о разгрузке вагонов с углем (поэт сердится: и это в век атома!), о том, что начальник учебной части (здесь можно добавить от себя: комендант или воспитатель общежития, куратор и так далее) подсматривает за курсантами, о том, что курсанты спят по-

рой на лекциях, но зато в свободное время, говоря современным языком, оттягиваются на всю катушку, о практике на учебных судах. Не менее половины стихов посвящены отношениям с противоположным полом, коллизиям, с которыми сталкивается, думаю, любой молодой человек вне зависимости от времени и места. Желанное недоступно, а доступное не только нежеланно, но даже и противно. Персиковый пушок, изгибы, извивы, мягкости, бледности и румянцы возбуждают страсти, но девушкам, оказывается, свойственно «динамить». Ну, и так далее. Стихов молодым курсантом действительно написано очень много, но они не поражают ни широтой тем, ни яркостью образов. В лирическом герое можно узнать и среднестатистического советского курсанта (совсем необязательно — моряка), и студента, и учащегося других учебных заведений, и молодого рабочего или солдата срочной службы.

Следующий стихотворный цикл отстоит от предыдущего примерно на десять лет. Написан он на отдыхе в Крыму, о чем говорит и его название — «Коктебельские заметки». Лирический герой этой подборки — уже не мятущийся юноша, а степенный муж и отец. Ни форма, ни тематика стихов здесь не претерпели принципиальных изменений по сравнению с «курсантской» поэзией. Автор по-прежнему поет о том, что видит перед собой. По-прежнему не всегда выдерживается ритм стиха, по-прежнему не всегда правильны рифмы. Образы несколько расплывчаты, как и ранее. Изменилось только общее настроение: от неприкаянности — к успокоенности.

Стихи еще одной подборки с названием «Искры чувств» писались на протяжении двадцати трех лет и, соответственно, она занимает самое большое место в книге.

Значительная часть стихов из этой подборки написана на отдыхе во время поездок в Крым и, как и прежде, в них воспеваются женская красота и крымские пейзажи.

Между тем на службе автор с каждым годом поднимается по карьерной лестнице, однако в стихах появляются раздумья и сомнения: а все ли правильно в этой жизни?

Вот, к примеру, стихотворение 1971 года «Чтобы спящих не встревожить».

*«Лекционное безмолвье:
Кто-то видит сладкий сон,
Кто читает, кто мечтает,
Кто-то в думы погружен».*

Лирический герой, преподаватель, ждет — не дожидется, когда прозвонит звонок. Еще каких-то лет пятнадцать назад он сам, надо думать, дремал на лекциях, а вот теперь все перевернулось, и приходится терпеть спящих студентов, делая вид, что ничего не замечаешь.

Степень неудовлетворенности повышается в стихотворении 1972 года:

*«Генрих Гейне из меня не вышел,
Как не вышел Пушкин и Толстой...
Голос ли судьбы я не услышал,
Или путь свой минул стороной?»*

Вновь, как и в курсантской юности, заметна раздвоенность: лирическому герою хочется заниматься литературой, но в реальности он преподаватель. Отдельно замечу, что в первой строчке упоминается Гейне. Стихи Г. Римского действительно больше всего напоминают творчество этого немецкого поэта, однако, как известно, «конец» Гейне — язвительная сатира, к примеру:

*«Вы, напыщенные дамы,
Вы, лоценые мужчины,
Как смешны мне будут сверху
Ваши плоские равнины».*

Даже пейзажная лирика немецкого классика имеет иронический подтекст. Ни сатиры, ни иронии у Г. Римского, как правило, нет, он, повторюсь, просто описывает то, что видит. Только временами в его стихах проскальзывает горькая усмешка.

Годы, как известно, не добавляют человеку ни здоровья, ни оптимизма. Еще через пятнадцать лет в стихах Г. Римского появляется тема старости и смерти:

*«Каждый год безжалостно несет
Новые и новые страданья.
Каждый год безжалостно берет
Ум, здоровье, силы и желанья».*

Это стихотворение 1987 года. Через пять лет родились такие строки:

*«Когда-нибудь придет за мной
Старуха черная с клюкой.
Я поклонюсь ей и без слов
Пойду в безмолвье вечных снов».*

В это время поэт, по-видимому, уже занимался в литературном объединении, стихи его стали заметно лучше, ровнее с точки зрения техники, появилось разнообразие форм: сонеты, элегии, триолеты, акrostихи. Именно такие произведения собраны в подборку «Жизнь человеческая». Часть из этих стихов публиковалась в газете «Знамя Юности».

В разделе «Жизнь человеческая» впервые появляются стихотворения, которые можно отнести к гражданской лирике. В основном это рифмованные порицания М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина. В остальном же тематика осталась прежней. Представляется, что поэт все больше и больше устает от будничной рутины. А на отдыхе в Крыму успокаивается, отдыхает и телом, и душой. Там, на море, вновь просыпается интерес к женской прелести и красотам природы. А по возвращении — вновь заботы и тревоги:

*«Поэт, ученый, инженер,
Ну — секретарь парткома.
Морской когда-то офицер,
И вот — строитель дома».*

Это стихотворение написано во время строительства дачи. А еще через три года поэт подводит грустный итог своей поэтической деятельности:

*«Я книг своих, наверно, не увижу,
Перед уходом в грустный мир иной,
Хотя поэзия мне несравненно ближе,
Чем остальное, созданное мной».*

Еще одна грань творчества Г. Римского — художественный перевод. Автор проделал обширную работу, результатом которой стало издание в Москве «Антологии бе-

лорусской поэзии» в 2-х томах. Поэты «Антологии» поставлены в ряд в соответствии с датой рождения. В первом томе собраны произведения от Кирилла Туровского до Владимира Короткевича и Миколы Арочки, во втором томе — стихотворения, начиная с Олега Лойко (1931 года рождения) до Владимира Василькова. Васильков родился в 1984 году и на момент издания антологии был еще школьником, однако у него уже вышел к тому времени сборник поэзии. Обращает на себя внимание большой разрыв по времени между последним и предпоследним поэтами в антологии. То есть последний, Васильков, родился в 1984 году, а предпоследний, СяржукСыс — в 1962-ом.

Вообще говоря, некоторые стихи из двухтомника переведены удачно, а по другим, скажем так, есть вопросы. Порой стихотворения переведены механически, о чем весьма тактично написал русский поэт Н. Переяслов в своей статье — вступлении к двухтомнику.

Возьмем, к примеру, известное белорусское стихотворение П. Бровки с рефреном «пахнечабор, пахнечабор». Мы его в свое время проходили в школе. Мелодичность белорусского языка в какой-то мере является следствием «проглатывания» твердых согласный в окончаниях слов. И стихотворение Бровки звучит вполне приятно уху.

А вот при прямом переводе на русский получается: «пахнет чабрец, пахнет чабрец». Не всякий и выговорит. Здесь надо бы тридцать три раза подумать, для того, чтобы и передать в переводе идею автора, и чтобы это получилось по-настоящему поэтичным.

У Геннадия Римского было и прозаическое произведение, повесть «Последние дни Солдайи». Она была опубликована, повторюсь, в журнале «Беларуская думка». Повесть коротенькая, не более 30 страниц текста, и написана в духе Рафаэля Сабатини — пираты, фрегаты, красоти. Только у Г. Римского получился не «вестерн», а «истерн», с близким нам местом действия, Черным морем и Крымом. Солдайя — это старинная крепость, основанная генуэзцами, нынешний Судак. Представляется, что автор задумал свое произведение на отдыхе, под впечатлением от морского песочка, разнообразных Марусь, скал и старинных развалин на горке.

Как водится, писатель взял за основу некоторые известные из энциклопедий факты. Так, без особых усилий можно найти сведения, что в южном Крыму, византийской провинции времен раннего средневековья, после взятия Константинополя войском крестоносцев в начале XIII века обосновались генуэзцы, которые, собственно, и были спонсорами данной военной авантюры. Так же просто можно отыскать и факты распространения завоеваний турок, сельджуков и османов, даты основных сражений, в частности — завоевания той же Солдайи, имена главных исторических персонажей.

На эти факты, как на шампур, нанизана история военных и амурных походов молодого генуэзского консула Гарселло. Словесные портреты и характеры героев автор, по-видимому, взял просто из наблюдений за знакомыми или за соседями по отдыху на каком-нибудь черноморском побережье, добавив некоторые детали для того, чтобы персонажи повести не казались совсем уж современными. Женщины в повести чувственны и легкомысленны, молодые мужчины воинственны и авантюристичны, а пожилые — держатся за поясицы или за что-нибудь там еще и интригантствуют.

Вполне возможно, что рассматриваемая здесь повесть была написана во второй половине 80-х годов прошлого века. На это указывает поведение одного второстепенного персонажа, капитана генуэзского корабля. Этот морской волк на протяжении всего повествования глушит кружками чай. Каждый читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с авантурными морскими романами, согласится, что здесь что-то не так. Настоящим мореманам приличествует пить пиво, вино, ром из сахарного тростника. Да хоть бы и керосин — но только не чай.

Конец повести обнадеживающий. «Мы снова биты — это минус, но все ж мы вместе — это плюс!» Подразумевается, что все закончится пирком да за свадебку.

Таким образом, думаю, повесть «Последние дни Солдайи» хорошо подойдет в качестве времяпрепровождения на отдыхе, среди лежаков и гальки.

ХОЖДЕНИЕ ПО КРУГУ

Критические заметки по прочтении романа Я. Шафрана «Круг замкнулся»

Чем больше занимаюсь литературной деятельностью — тем больше обрастаю знакомствами. Чем сильнее обрастаю знакомствами — тем сложнее от них отрешиться во время работы. Все чаще приходит одна и та же мысль: ты разбираешь и оцениваешь произведение или его автора? Чем больше сомнений — тем больше времени нужно на выдержку, на отстаивание текста критической статьи или рецензии.

Благодаря активности председателя «Полоцкой Ветви» О. Зайцева, белорусские авторы, и я в том числе, получили возможность публиковаться в тульском журнале «Приокские зори». Вследствие этих публикаций ко мне по электронной почте пришло предложение прорецензировать роман тульского писателя Якова Шафрана «Круг замкнулся», вышедшего отдельным изданием в «Библиотеке журнала «Приокские зори».

После нескольких месяцев, потраченных на чтение, написание, доработки-переработки, у меня получился текст, представленный ниже. Я сам не стал бы называть его рецензией. Для рецензий, наверное, нужно иметь более благостное мирозерцание. Это все-таки критические заметки, что я и вынес в заголовок.

Общее настроение романа — постмодернистское, поскольку в нем присутствует смешение стилей, есть, как мне представляется, и отсылки к произведениям русской классической литературы. Здесь и элементы семейной саги (рассматриваются судьбы членов пяти семейств на протяжении нескольких десятилетий). Есть и какие-то параллели с Пастернаком (главный герой пишет стихи, которые приводятся в тексте). Какими-то страницами произведение Я. Шафрана напоминает «Сороку-воровку» (три господина обсуждают какие-то события, каждый — со своей точки зрения). Ну, а многостраничные описания оперативных совещаний на фирме, принадлежащей главному герою романа, напоминают «производственную прозу» полувекковой давности.

Сюжет романа сложен. Есть основная линия — судьба бизнесмена средней руки, принадлежащего к поколению нынешних сорокалетних. Впрочем, когда я пишу эти строки, то есть в мае 2016 года, герою уже, пожалуй, около полтинника. Есть переносы во времени — в первую половину XX века. Разновременные части соединяются тем, что в них действуют родственники, члены издавна знакомых друг с другом семейств: деды-прадеды и внуки-правнуки.

Итак, жил-был пацан с окраины, с «частного сектора» одного из провинциальных промышленных российских городов. Я, белорусский критик, разбирая произведения авторов из своей страны, без труда вижу в тексте приметы белорусских городов, где по воле писателей происходит действие, даже если название и не указывается в рассказе, повести или романе. В Туле я никогда не был, но если когда-нибудь побываю, то, думаю, тоже смогу узнать в ней тот Патрусевск, что описывает Я. Шафран.

Но продолжим. Жил-был пацан-безотцовщина. В свое время ковырялся в песочке, потом с удовольствием носил пионерский галстук. Пришла пора сбиваться в стаи — стал одним из лидеров подростковой стаи, а потом исправился. Я. Шафран, надо сказать, довольно бережно ведет по роману своего героя, опуская по своему усмотрению побочные линии сюжета и второстепенных героев. В жизни так не бывает. Весьма вероятна реализация такого сценария: к благообразному негоднику под-

валивает некая пропитая харя, напоминает про общее «пацанское» прошлое, просит, требует, даже шантажирует. В жизни подобные коллизии разрешаются по-разному, а в художественном произведении при встрече и разговоре с указанной харей положительный персонаж однозначно потерял бы лицо. Поэтому, видимо, автор и удаляет все то, что может принизить героя в глазах читателя.

Я не зря употребил слово «благообразный». После того, как подростковая банда едва не убила какого-то постороннего пацана, герой одумался, поступил и окончил столичный строительный ВУЗ, работал по специальности, женился на подходящей молодой особе. Затем завел свой строительный и торговый бизнес, зажил, как люди.

Для справки. Как-то по московскому радио я слышал мнение какого-то эксперта-экономиста, что в России в представители среднего класса можно записывать человека, сумма движимого и недвижимого имущества которого оценивается в 100 тыс. долларов и выше. Если брать этот критерий оценки, то у нас, в Беларуси, царствует бедность, более разительная на востоке и юге, более опрятная — на западе. Соответственно «как люди» — это в России и в Беларуси немного разные понятия.

Затем — дефолт 1998 года, а в нашей стране это было время поисков «нормальных человеческих лиц». Не видевший перспектив для своего бизнеса, герой с семьей уезжает в Америку. Но там ему просто не понравилось, и, видимо, уже в новом тысячелетии семья возвращается в Россию, но не в Москву, а в родной город героя. Из дальних странствий репатриант привез бизнес-идею организации частной «Скорой помощи», что, кстати, давно не новость на Западе.

Далее — организационный период становления фирмы, согласование тридцати трех тысяч требований от разных инстанций. Финальный аккорд, так сказать, «крещендо» всей этой суеты — удовлетворение личных потребностей губернатора, по видимому, поставленного в область «на кормление», если говорить по-русски, а если по-польски времен Речи Посполитой — «на приставство».

Собственно период деловой активности был недолгим: «коль станичники пристали, поминай его, как звали». Губернатор — наш человек, а потребности нашего человека все возрастают и возрастают.

На владельца фирмы не без помощи исполнительной власти было заведено уголовное дело, пришлось судиться, подчиненные на суде, как водится, валили все на шефа, да еще параллельно выяснилось, что они бензинчик приворовывали... Короче говоря — пришлось еще раз раскошелиться ради того, чтобы дело закрыли, надо думать — это не последний случай. Пришлось, думаю, и поувольнять всех прежних работников. Я. Шафран не говорит об этом для того, чтобы не чернить светлый образ героя (повторюсь). Но кто же будет терпеть воров под боком — даже если и не все крали? Здесь круг замкнулся, что ни говори.

Параллельно развивается еще одно действие. С одной стороны автор описывает немудреную жизнь предков главного героя и некоторых окружающих — рабочих и крестьян, а с другой — бар-интеллигентов. Барская жизнь получилась более яркой, эффектной, интеллектуальной. Боюсь, что это произошло вследствие недостаточного знания автором дореволюционных реалий.

Как уже здесь говорилось, значительная доля «доисторических» врезок представляет собой дискуссию трех человек — монархиста, западника, патриота (у Герцена в «Сороке-воровке»: славянофил, западник, социалист). Встречи и споры этих людей происходят сперва в сонной и благостной царской России, затем — на болгарском побережье Черного моря, куда из Одессы направляются «философские пароходы», и, наконец, в Париже. Нужно, думаю, отдельно обратить внимание на сконструированную Я. Шафраном фигуру «патриота».

Создается впечатление, что этот персонаж обладает даром предвидения. Он так

правильно комментирует события, которые происходят в Российской империи, а затем — в Советской России, что начинаешь думать: а не наш ли это современник, заброшенный какой-то силой в прошлое? Я, критик, прожив уже немалую жизнь, никогда не сталкивался со сверхспособностями и скептически отношусь к их существованию вообще. Более того, думаю, здесь можно опереться и на собственный опыт 1990—92 годов. Тогда, помнится, были умники, пересказывавшие некоторые идеи, почерпнутые из газет разной политической принадлежности, из радио- и телепрограмм. Но громкоговоритель не может быть пророком.

Большая же часть людей (и я в том числе) ходили, втянув голову в плечи, пытались разобраться: а что же, собственно, произошло и что происходит. Весь мир вокруг стал каким-то зыбким и ненатуральным. На наших сограждан времен перестройки обрушивались водопады информации, но в них очень трудно было найти что-либо конкретное.

Думаю, то же самое можно было бы услышать от человека, пережившего эпоху революций и Гражданской войны (при условии, конечно, что он не был функционером партии большевиков).

Но функционеров-то уж точно было незначительное меньшинство. А большинство не понимало, колебалось — ну вот, как казак Мелехов, к примеру.

Вспомнив все, что я читал по теме «интеллигенция и революция», тоже не нашел ни одного героя, который бы просчитывал ситуацию в стране на несколько лет вперед. Многие и многие представители интеллигенции встали под красные знамена, как это, в конце концов, сделал и «патриот» из романа Я. Шафрана. Но одни, к примеру, видели в Гражданской войне и интервенции только продолжение Первой Мировой войны и считали своим долгом содействовать изгнанию иностранных оккупантов, другие разочаровались в Белом движении, третьих оттолкнула Гуляй поля, и так далее... Куча муравьев тащит палочку к себе на муравейник суммой векторов муравьиных сил.

...Итак, один из трех спорщиков в 1930-е годы вернулся из эмиграции в СССР (два других остались в Париже), преподавал в Ленинградском университете, пережил блокаду во время Великой Отечественной войны, написал большой труд на тему «как нам обустроить Россию».

Через несколько десятков лет его внук нашел главного героя романа (того самого организатора частной «Скорой помощи» и чьи предки когда-то были крестьянами барина-«патриота») и предложил ему помочь в издании дедовских трудов. Круг еще раз замкнулся.

Герои романа. Я. Шафран демонстрирует нам, говоря языком фотографов, «эффект длиннофокусного объектива». То есть из множества лиц как бы выхватывается одно, на нем сосредотачивается все внимание. Остальные персонажи видятся как блеклые тени. Что, к примеру, можно сказать о жене главного героя? Она заботливая мать, хорошая хозяйка, помощница мужу в бизнесе. И все? И все. Такими же ходячими функциями представляются дети героя (хорошие, но безликие), подчиненные в его фирме, друзья. То же самое можно сказать и про «историческую» часть. Будто это сцена, на которой специальный прожектор высветил трех рассуждающих господ, за спинами которых движутся какие-то фигуры, но какие — не разобрать.

Язык романа несколько суховат. Вследствие этого я, как читатель, начал втягиваться в чтение где-то с 130-ой страницы, когда действие стало убыстряться. Вообще говоря, считаю психологически правильным моментом, когда писатель сильнее «закручивает» сюжет от начала к концу. Такой прием удерживает внимание читателя, с этой точки зрения автора романа нужно похвалить.

Но вернемся к языку. Очень уж докучают правильные, но длинные и тяжеловес-

ные монологи героев. О том, как подавать в тексте разговоры людей, написано уже и много, и многими. Вот, к примеру, и Чехов, и Ал. Толстой как-то высказывались, что в данном случае правильное — неправильно, а неправильное — правильно. Далее. В русской литературе можно найти десять тысяч примеров того, как использование диалектизмов, каких-то местных словечек украшает повествование, служит дополнительной приманкой для читателя. Я. Шафран не использовал этот прием, его провинциалы, москвичи даже азербайджанцы из Нахичевани, где герой как-то проводил отпуск, говорят одинаково.

В целом роман «Круг замкнулся», по-видимому, следует отнести к, скажем так, мейнстриму современной русской литературы. Он дает представление о настроениях в российском обществе последних семи-восьми лет. Я, как человек, долгое время не бывший в России, вижу основную положительную сторону романа именно в этом.

Наталья Советная

(г. Городок Витебской обл., Белоруссия)

« Я НЕ ПРОШУ У БОЖЕСТВА ЧУДЕС...»

К 80-летию со дня рождения белорусского врача и поэта
Евгения Матвеева (1937—2005)

Наталья Советная родилась в пос. Янтарный Калининградской области. Десятилетку окончила в г. Городке Витебской области. Окончила Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, Ленинградский университет. Прозаик, поэт, публицист. Автор ряда публикаций в журналах России и Беларуси. Участница многочисленных коллективных сборников и альманахов. Автор книг поэзии и прозы, в т.ч. «Цветок на морозе», «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Пучок травы», «На земном подсвечнике», «Венчики золотые». Имеет награды Союзов писателей России и Беларуси. Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле-2015» (Псков).

В советской стране на учете в Союзе писателей числилось около десяти тысяч человек, на слуху же были имена самых известных — ярких. В настоящее время, с учетом расплывшихся общественных писательских объединений, число литераторов возросло, думается, в разы. Нелегко разглядеть среди такого потока света его частицу — сияющую звездочку — прозаика или поэта. Прав профессор БГУ А. Н. Андреев, утверждающий, что литература, общество нуждаются в целой армии специалистов-литературоведов, которые обязаны промывать песок издающихся текстов в поисках крупинки золота*.

Если бы не новая книга «Словарь эпитетов Евгения Матвеева» (Минск, 2016), знакомого мне лексикографа Анатолия Павловича Бесперстых**, глубоким литературным знаниям и вкусу которого я доверяю, то могла бы пройти мимо блестящего белорусского поэта (писал на русском языке), жившего на Дятловщине.

* А. Н. Андреев. «Болен лирикой»: поэтический «сплав» в творчестве И. Григорьева. // Слово. Отечество. Вера: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию поэта Игоря Николаевича Григорьева (Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 13 ноября 2014 г.)/сост. Н. В. Советная.— СПб., 2015 г.— 216 с.

** А. П. Бесперстых (род. в 1942 г. в Ельце Липецкой обл., живет в Новополоцке (Беларусь) — уникальный человек и специалист-лексикограф, литературовед, поэт, влюбленный в Слово и посвятивший ему жизнь, изучивший тысячи текстов самых разных авторов, в одиночку составил десятки великолепных словарей эпитетов, фразеологизмов, афоризмов. Работая над русским словом, он не только отдает дань ярким звездам — выдающимся классикам литературы: А. П. Чехову, Ф. М. Достоевскому, С. А. Есенину, М. Ю. Лермонтову, Н. М. Рубцову и др., — но и с величайшим наслаждением работает над языком талантливейших, не уступающих классикам поэтов, еще недостаточно известных широкой публике, тем самым открывая их для литературоведов и почитателей поэзии. Среди них поэт и воин Игорь Григорьев (1923—1996), родом с Псковщины (свет увидели уже 3 тома словарей этого гиганта Слова — носителя удивительно народного русского языка), и поэт и врач Евгений Матвеев (1937—2005), также с псковскими корнями (богат край даровитыми людьми!).

Евгений Алексеевич Матвеев родился в деревне Ракитня Пыталовского района Псковской области (в то время территория принадлежала Латвии) второго декабря 1937 года. Ребенком пережил войну, испытав все ее страшные тяготы, потерял отца, погибшего на фронте.

*...Войны, войны... Их боль беспросветную
Сотни лет не избыть на Руси.
Оттого ль все преданья заветные
Душу жгут: злой огонь — негасим...
(«Боль памяти»)*

Мать, Анастасия Алексеевна, простая крестьянка, одна поднимала сына и дочерей (старшую Веру, младшую Инну, которые в девяностых в одиночасье оказались за границей — в Латвии). Когда мама с возрастом ослабела, благодарный сын перевез ее к себе в Новоельню. Ей посвятил поэму «Боль памяти».

В десятом классе Женя Матвеев тяжело заболел. Туберкулез позвоночника на целый год приковал паренька к постели. Лечащий врач пророчил ему короткий срок жизни: «Хорошо, если до тридцати дотянешь...». Но человек предполагает, а Господь располагает — чуть-чуть не дожил Евгений Алексеевич до семидесяти. Не курил, не употреблял спиртного, любил велосипед, свободное время проводил на природе:

*Не знаю, есть ли в этом воля Неба,
Иль умудряет опыт горьких лет,
Но запахи земли, травы и хлеба,
Хоть и просты, да их милее нет...
(«Не знаю, есть ли в этом воля неба»)*

Однако все дни Матвеева были пронизаны осознанием недолговечности бытия, и потому каждую минуту он старался прожить, как последнюю:

*На мне поторопились ставить крест —
С долгами я еще не рассчитался,
И не утрачен к жизни интерес,
Она в иной предстала ипостаси.
В ней явственнее виден свет небес,
Как высшее ее предназначенье...
(«На мне поторопились ставить крест»)*

Огромная семейная библиотека была для домочадцев не предметом хвастовства, а служила Его Величеству — Знаниям. Матвеев много читал, особенно в дни болезни. Вынужденное ограничение подвижности обострило его восприятие мира, слов, ощущений, чувств, — дало возможность для долгих размышлений, фантазий, творческого полета мысли. Он писал стихи, хотя стеснялся показывать их посторонним, делился изредка разве что с самыми близкими людьми.

Окончил десятилетку в Пыталове Псковской области, где жил у тетки в бедности, но не в обиде. Хозяин-родственник подарил болезненному пареньку офицерский китель со своего плеча, заменивший и пиджак, и куртку — на все случаи жизни. Возможно, именно перенесенная болезнь привела Женю затем в стены Минского медицинского вуза. Он выбрал профессию фтизиатра, по распределению уехал в Гродненскую область, в крупнейший (500 койко-мест) Белорусский республиканский

санаторий «Новоельня» (ныне республиканская туббольница), где проработал всю свою жизнь. Много лет трудился в должности начмеда, с выходом на пенсию до конца дней — лечащим врачом высшей категории.

Евгений Алексеевич — автор многочисленных публикаций в медицинских изданиях. Время, когда пришлось работать Матвееву, отличалось большими возможностями для профессионального творчества, новаторства в практической деятельности. Например, он предложил способ вливания антибиотиков непосредственно в туберкулезный очаг больного легкого, описал методику, опубликовал — специалисты подхватили, включили в свой врачебный арсенал и тем самым, несомненно, были спасены многие человеческие жизни.

Е. Матвеев слыл одаренным человеком. Имел не только талант врача, но и художника, артиста, режиссера, поэта, доказывая своим примером, что неординарная личность ярко светит миру даже из отдаленного хутора, а не только из славных столиц.

Художественные работы Евгения Алексеевича (он великолепно рисовал, работал с природным материалом — корни деревьев) хранятся в Гродненском, Калининградском, Дятловском и Новоельнинском школьном, где он вел поэтический кружок, музеях.

Матвеев обожал поэзию А. С. Пушкина и Сергея Есенина, прекрасно декламировал стихи. Художественное чтение, мир театра влекли деятельного врача на сцену, но в маленьком городском поселке реализовать дар режиссера, актера было негде... И тогда Евгений Алексеевич создал самодеятельный театр, главными актерами которого стали врачи санатория. Коллектив работал настолько энергично и плодотворно, что не раз и не два становился дипломантом республиканских конкурсов и фестивалей. Режиссерский талант Матвеева был не только замечен, но настолько высоко оценен профессионалами, что ему предложили работать в Брестском драматическом театре! Однако главному своему призванию — медицине, где он, без громких слов, спасал человеческие жизни (что может быть важнее?), Евгений Алексеевич не изменил.

И все же любимым и долгие годы глубоко потаенным увлечением этого удивительного человека оставалось поэтическое Слово.

Он кропотливо работал над стихотворными строчками, словно пчела над медовыми сотами. И сравнение это не лишнее, не для красного словца, ведь Евгений Алексеевич и с природой, и с ее неутомимыми труженицами-пчелами был весьма близок — более 40 лет имел личную пасеку, обслуживать которую помогала преданная жена Нила Ивановна, тоже врач (познакомились еще в годы учебы в медицинском институте). Совершенно мистическим образом вслед за Матвеевым ушли и пчелы — пасека погибла...

Стихи же остались жить! Усилиями супруги и друзей — могилевчан-поэтов Надежды Викторовны Полубинской (составитель всех книг поэта) и Эдуарда Иосифовича Медведского (постоянного редактора) — архив поэта был тщательно изучен, отобраны все достойные печати произведения, издана посмертная книга «Свиток грез земных» (Могилев, 2007). Первая же книга «Укажет сердце мне дорогу» увидела свет в Полоцке на десять лет раньше. Матвеев издал ее, вдохновленный настойчивостью жены, советом преподавателя Гродненского университета Конюшкевич Марии Михайловны (дружили семьями), а также положительными откликами знакомых литераторов, которым поэт все же отважился показать свои труды. Н. В. Полубинская в беседе с автором этой статьи вспоминала, с каким восторгом она и Э. И. Медведский знакомились с рукописями Матвеева, как восхищались его словом, мыслью, образностью. Это был один из самых ярких поэтов не только Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» (по мнению О.Н. Зайцева, одного из руководителей общественной организации), но и поэт, достойный более высокого признания. Не случайно в 2004 году его книга была номинирована на премию Союзного государства Беларуси и России в области литературы и искусства.

Окрыленный поддержкой, поэт неутомимо (вечерами, ночью) работал над старыми и новыми текстами. И, словно боясь не успеть, издавал и издавал книги. Один за другим вышли поэтические сборники:

Душа слова молитвы ищет... (Могилев, 1999).
Храня любви небесный свет (Могилев, 2001).
Звезды над родным приютом (Могилев, 2002).
За ясновиденьем весны (Могилев, 2003).
Скращенье всех дорог (Могилев, 2004).
У берега живых (Могилев, 2005).

А. П. Бесперстых, имея тонкий вкус на русское слово, опыт прочтения сотен тысяч стихов, владея глубокими филологическими знаниями, работал над книгами Матвеева и восхищенно резюмировал: «Поэзия Матвеева — «сгусток» чувств, отражение самых сильных и сокровенных его переживаний:

*Мне реалистом быть советуют:
Восторги не для зрелых лет,
Но я считаю жизнь бесцветною,
Коль в ней для сказки места нет...
(«Ни на кого ты не похожая»)*

Сам ни на кого не похожий, ни под кого не подстраивающийся... Его принципы, жизненное кредо: служить Господу, а не господину, служить идее, а не носителю этой идеи. Подкупает простота, изумительная образность, афористичность его стихов. Вот, например, как метко говорит он о тщеславии:

*Тщеславие — игрушка дорогая,
Из арсенала дьявола она,
В конце концов, ты, сам себя сжигая,
Познаешь муки адские сполна.
(«Тщеславие — игрушка дорогая»)*

А вот как о человеческом равнодушии:

*Без жертвенного, ласкового света
Мир равнодушных беден и угрюм...
(«Что сердцем прежде не было согрето»)*

Трудно представить Евгения Матвеева без стихов о родной природе, у него был особый дар общения, единения с ней, понимания ее. Вот несколько цитат из его книг: «А небо, словно детская слеза, Светло, безоблачно и чисто» («Намаявшись, лежу под ивняком»). Дождя безудержные всхлипы, Стенанья ветра, поздний гром, Изгиб ветвей раздетой липы, Как рук трагический излом («Дождя безудержные всхлипы»). Сгустился полумрак белесый И, наконец-то, схлынул зной, А на ветру у ивы косы Засеребрились сединой («Сгустился полумрак белесый»).

Оценив талант поэта, А. П. Бесперстых составил «Словарь эпитетов Евгения Матвеева». И в результате только о березе насчитал 43 эпитета! (Легко душе усталой Среди вечеряющих берез («Мне все здесь дорого до слез»)).

Всего же в книгу вошло более 2000 эпитетов, выраженных как прилагательными, так и существительными (приложения), и причастиями. В зависимости от употребления в тексте, составитель указал краткую и сравнительную степени прилагательных, отметил обособленные полные формы эпитетов-прилагательных и адъективы, выполняющие предикативную функцию.

Словарь снабжен указателем сокращений и условных обозначений. Построен в соответствии с русским алфавитом. Словарные статьи составлены исходя от эпитета, например: бархатно-нежная. Далее идут существительные, с которыми автор стихов употребил данное определение (например, трава). После каждого существительного дан пример употребления («У липовых клейких листочков пронзительный запах весны. Купается в этом настое Сад с бархатно-нежной травой, Где вишня под белой фатою, тюльпаны — в красе заревой»). Авторский текст представлен без сокращений, полной цитатой, что позволяет насладиться красотой поэтических строк, увидеть оригинальность и точность употребления поэтом эпитета. А. П. Бесперстных указывает в статье название стиха, из которого взята цитата, и номер, обозначающий поэтическую книгу Матвеева в прилагаемом списке источников, где опубликовано данное произведение.

Кроме того, если в тексте встречаются малознакомые слова, например, заимствованные из другого языка, лексикограф обязательно дает пояснение: Нава́ла (белорус.) — несчастье.

Таким образом, книга «Словарь эпитетов Евгения Матвеева» (Минск, 2016) может успешно послужить дополнительным пособием для преподавателей русского языка, студентов, учащихся. Однако ее ценность этим не ограничивается. Она представляет интерес для краеведов, литературоведов, поэтов, т.к. является источником филологической информации, документом определенного времени нашей истории, позволяет оценить чудо индивидуальной неповторимости личности человека, выраженной в его Слове, которое есть носитель Духа.

Достоинная поэзия не может возникнуть на пустой либо дурной почве.

*...Стихи не могут литься ниоткуда —
Криница их истоков не нова:
Душевный жар и горькая острада
Рождают сокровенные слова...
(«Есть музыка созвучий в заклинаньях»)*

О человеке же иногда красноречивее говорят не слова, с которыми можно играть, за которые можно прятаться (иные в это заключают свое жизненное кредо: никогда и никому не говорить правды, разве что — чуть-чуть, для иллюзии искренности, чтобы было легче обмануть или плести интриги), а ...молчание. «У отца оно было разговорчивее любой беседы, — поделился воспоминаниями Олег Евгеньевич Матвеев, тоже врач высшей категории, тоже спасающий людей от смерти, только в качестве реаниматолога (зав. отделением Петриковской районной больницы в Гомельской области). — Папа был удивительно отзывчивым, добрым, искренним человеком, предельно тактичным, честным. Он органически не переносил подлости, предательства. Верность друзьям — товарищам детства и юности, сохранил до конца».

— Будучи требовательным к другим, а в первую очередь к себе, в отношении работы, обязанностей, он был глубоко корректен, как истинно интеллигентный человек, — восхищались могилевские поэты-друзья Эдуард Медведский и Надежда Полубинская. — Евгений Алексеевич всегда деятельно сострадал людям в их бедах и горестях.

*...Всего важнее сохранить в себе
Любовь и сострадание живое...
(«Тень скепсиса тащу я за собой»)*

* * *

*Если сделать светлее печаль
И свою, и чужую не можешь,
Значит данная Небом свеча
Не мерцает в душе.
Ты ничтожен! —
Так себе в злые дни я кричу,
Так брюзжу я в бессонные ночи...
(«Если сделать светлее печаль»)*

* * *

*Нам любовь, как спасенье, дается,
В ней бессмертие грешной души...
(«Если ты хоть кому-нибудь нужен»)*

Поэзия Евгения Алексеевича, хотя он, крещенный в Православие, не был активным прихожанином храма, пронизана светом и духовностью, в ней живет Бог. Стихи Матвеева изобилуют словами: душа, небо, небесный, любовь, грех, смирение, милосердие, Бог, божественный... Есть и прямые обращения-молитвы к Всевышнему:

*Пошли, Господь, в час передраги мгlistой
Душе моей смиренья мудрый свет...
(«Обилию невзгод не удивляюсь»)*

Критично анализируя жизнь, собственные поступки, Матвеев совестился, страдал, желая покаяния за слова и помыслы, известные лишь ему одному.

*Жизнь — цепь парадоксов, и часто
Мудреной загадке подстать:
За промахом следует счастье,
Успех может карою стать...
(«Жизнь — цепь парадоксов»)*

* * *

*...Но время расплаты настало —
Горька неприютность души...
(«За выбором следует выбор»)*

Без сомнения, Сам Господь обитал в душе поэта, ведь Он есть Любовь, которой было переполнено сердце страдальца:

*... Попрошу я у вечного неба
Светлых дней для моих земляков,

Чтоб не стали жестокими люди,*

*Чтоб счастливой росла детвора,
Чтобы бедный уверовал: будет
Завтра лучше, чем было вчера...*
(«Новоельня под крыльями сосен»)

Как и упомянутого выше замечательного поэта Игоря Григорьева*, в поэтических строках поэта Матвеева, родившегося в довоенное время, много видевшего и перенесшего, живет почти осязаемая горечь (правда-горечь, полынью горестного опыта, горестная накипь, горестный итог, у сердца горше нет беды, горька бесприютность души, горькая волна, горький день, боль горькой вдовьей доли, стал горьким запах прелого листа, досады горькой жженье, вера горькой истины и т.д.) и боль:

*Печаль глубока, безмерна,
А Бог благодать дает.
Но если душа бессмертна,
Бессмертна и боль ее.*
(«Душе нелегко без храма»)

Читающий человеческие души Всевышний, наверняка, видел, знал обитающее в сердце поэта милосердие и смирение, ибо одарил талантами и надолго продлил годы Евгения Алексеевича, вопреки страшным медицинским прогнозам.

*...Не за уменье ли терпеть
Мне послан этот дар небесный,
Чтоб, хоть не спеть, так прохрипеть
Я смог завецанную песню?*
(«Для путника, как дивный свет...»)

Евгений Алексеевич ушел из мира 14 февраля 2005 года. Но целебное тепло его души осталось в книгах и стихах, осталось и его имя в литературе — Поэт Евгений Матвеев!

*...Для всех, кто Поэзии подданным стал
Волшебный огонь не потушен,
Ведь с небом венчает она неспроста
Блаженные вещи души...*
(«Искусство веками плодит миражи»)

* Игорь Николаевич Григорьев родился 17 августа 1923 г. в деревне Ситовичи Порховского района, Псковской обл. В годы ВОВ — легендарный руководитель плюсского молодежного подполья, партизан, разведчик, орденноносец. Создатель и первый руководитель Псковского отделения Союза писателей СССР. Поэт, переводчик, автор 23 поэтических сборников, из которых две книги изданы посмертно. Умер 16 января 1996 г.

МАЛ ЗОЛОТНИК ДА ДОРОГ (ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН)

Валерий Кулешов
(г. Щекино)

PERSONALIA

Родился в 1949 г. в д. Паленка Становлянского р-на Липецкой обл. Учился в Московском энергетическом институте и Липецком филиале Московского института стали и сплавов, служил в Советской Армии. В 1987 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печататься начал с 1969 г. в газетах «Молодежь Якутии» и «Ленинское знамя» (г. Липецк). Стихи публиковались в журналах «Приокские зори», «Петровский мост» (г. Липецк), «Молодая гвардия» (г. Москва). Автор книг стихов «Власть огня», «Зерна боли», «Мера времен», «Плоть песни», «Корни слова», «Часть света» и других. Член Союза писателей России и Союза журналистов.

* * *

*Как бешеный, ищущ развязки
Своей непостижимой сказки,
Которой имя: свет!*

К. Н. Батюшков

Как проклятый, в реке забвенья
ловлю размытые мгновенья,
которым имя — тень.

Как бешеный, из поднебесья
тяну сквозные звуки песни,
которой имя — свет.

ПАМЯТЬ ЧУВСТВ

Чем дальше прошлое — тем ближе
его присутствие: в лицо
все жарче и светлее дышит
давно сгоревший день... Иди же,
сожми спираль, замкни кольцо.

Глядь, камень своротив с души,
нежданно пропоешь:
— Рукой напрасно не маши,
вдруг Ангела
вспугнешь.

СТАРАЯ ОТКРЫТКА

Потухли, выцвели слова,
но дышит и светло, и грустно
неровный жар бывшего чувства,
которым дышит жизнь сама.

* * *

Рядом пушистое солнце.
Впору, прикрыв глаза,
день-то какой —
чисто золотце —
с чувством забытым сказать.

Добрые вести и гости
не обошли меня.
День-то какой,
Господи,
вновь довелось принять...

Слово идет от сердца,
что не устало гореть.
Будет чем мне согреться,
да и других согреть.

* * *

Олегу Пономареву

Мне снилось — умирает мать,
в изломах света вспыхнув тонко,
в ее чертах черты ребенка
я зачарован узнавать.

Разверзлись небо и земля.
Она качнулась в мягком звуке,
исчезло все, остались руки...
О, слава Богу: умер — я.

* * *

Мы были в этом мире, были...
Не выстыл и не стерся след:
наперекор дорожной пыли —
рожденный в наших душах свет.

* * *

Устроена жизнь сурово,
и не отводи глаза,
ведь после тебя —
лишь слово,
которое ты сказал.

ПРОВИДЕНИЕ

Молчи...

Начертан путь высоко
нам всем. А посему — не смей
обратной меркой мерить смерть,
считать игрой слепого рока.

Молчи.

Мы правы лишь до срока,
до места отрицанья мест,
где две черты слагают крест,
где вместо солнца
светит Око.

* * *

Будет снег...
Тот, который
ждала и любила
ты,
в котором
так резко растаял
твой путь.
Было все —
жизнь печальна —
да все это сплыло...
Не забыть.
Не догнать.
Не вернуть.

Будет снег.
Обещаю тебе:
обязательно будет,
он,
как память твоя
встанет — светел и чист...
Ты ушла,
но оставила
любящим людям
белый свет,
белый день,
белый лист.

* * *

*...не развязать того узла,
что завязала Русь.*

(Из поэмы «Зов»)

И четверть века позади,
но длится
 путь лихой...
Вложил я в песню
 смысл один,
а вот извлек — другой.

Придет пора и всем узнать,
— твержу, как приговор,—
не развязать
 т о г о узла...

И сменим разговор.

ОДИНОЧЕСТВО

Тронет ветер сухую былинку,
позабывший мотив напоеет...
И, наверно, под эту сурдинку
мне проплакать всю ночь напролет.

— Неужель ни любимой, ни друга
среди живущих уже не сыскать?
— Белый конь ждет тебя,
чтоб по кругу,
по безумному кругу скакать...

Поутру, с грозным знаком рассвета,
закалив за ночь душу, чем смог,
я помчусь в путь проклятый поэта,
и промчусь,
одиноким, как Бог.

* * *

*Кто же скажет,
откуда оно —
 наваждение это,
внятнЫй голос неясной тревоги моей...
Кто-то скажет о том...*

(Из книги «Плоть песни»)

Нет, не скажет.
С меня
будет взято по полной
 и спрошено,

потому и спешу,
коль покуда в седле,
доскакать,
доболеть
 неизбывной тревогой за прошлое,
осложненной печалью
о завтрашнем дне.
Доболеть
досказать все свое —
 наболевшее,
оправдать свое время,
иным не солгав временам,
и остаться с людьми,
не приняв
 человека кромешного...

Даст Господь,
вот тогда
 и срастется сквозная вина.

* * *

Боже,
заботу —
 самую важную —
дай донести за остаток лет.
Я и живу,
 покуда выхаживаю
в слове посеянный свет.

Вячеслав Лютый
(г. Воронеж)

В СКЛАДКАХ ЗЕМЛИ
Метафизика стихотворения Юрия Кузнецова
«Поэт и монах»

Сумрак ночи мертвит очи

(Из Толкового словаря
живого великорусского языка
Владимира Даля)

Последнее десятилетие жизни Юрия Кузнецова — великого русского поэта конца XX — начала XXI столетий — ознаменовано его чрезвычайно зримым и твердым мировоззренческим поворотом. Перевод древнерусского «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона, поэмы «Путь Христа» (детство, юность и зрелость), «Сошествие в Ад» и целый ряд стихотворений со всей очевидностью показывали: русский национальный поэт, прежде наиважнейшее место в творчестве отводивший метафизике родового начала, неуловимо соединил ее с православием.

Между тем, очень конкретные образы, взятые из реальности, не ушли из поэзии Юрия Кузнецова, но помещены им в координаты христианской этики, точнее — православного нравственного чувства. Имена исторические и персонажи вполне сегодняшние в изображении поэта художественно окрашены с той же степенью страстности, что была присуща автору и прежде. Однако теперь подобные характеристики в его произведениях приобрели черты духовного императива. И внезапно выяснилось, что литературное сообщество не готово воспринять нравственную определенность столь высокой концентрации.

Одни, выступая в роли защитников православных твердынь и отечественной литературы, взялись уличать поэта в ереси, отрицая право художника на образное видение, которое, как известно, нельзя охарактеризовать приведением двух или трех цитат. Будучи целостной духовной субстанцией, пронизанной откликами как собственно авторскими, так и иными, образное видение художника требует внимательнейшего взглядывания читателя и исследователя, тогда как реально страницы газет и журналов очень часто становились кафедрой новоначальных православных инквизиторов.

Другие, на правах коллег, знакомых скорее не с творческой лабораторией поэта, а с его реальной жизнью, сочли возможным снисходительно комментировать позднюю поэзию Кузнецова как недостаточно христианскую, в основе которой как будто отсутствует глубокая и искренняя вера, подменяемая литературной осведомленностью. Очевидно, что мемуаристом-наблюдателем совершенно не берется в расчет такое художественное качество как поэтическая интуиция.

И в первом, и во втором случае творческая алгебра подменяется сухой арифметикой, и остается только сожалеть, с какой неутомимой энергией патристическая писательская среда стремится умалить современного ей великого русского поэта.

Есть два предсмертных стихотворения Юрия Кузнецова, идейное содержание которых можно почти непосредственно применить к той литературной обстановке, что

сложилась вокруг его поэзии в последние годы. Первое, «Поэт и монах» — датировано 1 и 5 ноября; второе, «Молитва» — 8 ноября 2003 года.

В центре этих произведений — две, по существу, духовно полярные монашеские* фигуры, которые можно описать словами преподобного Иоанна Лествичника: «Высокомудрый монах сильно прекословит; смиренномудрый же не только не прекословит, но и очей возвести не смеет»**. Мрачный и раздражительный схимник, отвергающий все земное по причине неискоренимой греховности людей и бессмысленности самой жизни («Поэт и монах») — и простак, что молится Богу, как ведаёт: «Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!» («Молитва»). Простая в высочайшем смысле душа старца, молящегося обо всех, знающего, что лежащий во грехе земной мир все-таки достоин милости Божьей,— эта ясная душа ближе к Всевышнему, нежели смутная в мотивациях душа «высокомудрого» монаха. Знаменательно, что именно стихотворение «Молитва» стало последним произведением Юрия Кузнецова, в кристаллизованном виде дав его понимание и чувство православной веры.

В конце XX века, говоря о чаемой простоте русского искусства, великий композитор Георгий Свиридов заметил: «Христос ведь прост. Никакой двойственности. А вот Иуда — сложная натура. Сложная, потому что он предатель. Христос не сложный, но не достижима эта простота для нас»***. Не определяя сейчас таким образом фигуру Монаха, желчно спорящего с Поэтом, тем не менее, уясним для себя: это какой-то «неправильный», почти жестокий и практически бесчувственный человек.

Вместе с тем, очень часто его филиппики принимаются всерьёз иным читателем кузнецовского стихотворения — словно свидетельство непримиримого противоречия православного мировидения и поэтического творчества. Выхватывая отдельные сентенции Монаха из художественно целого текста, такой читатель (а подчас и писатель) упускает из виду зачин и финал сюжета, то есть появление перед Поэтом Монаха и его исчезновение — они существуют словно бы отдельно от развернутого диалога. И происходит своего рода легализация названной фигуры, нечаянное утверждение ее духовного статуса. Встреченный по одежке как монах, этот персонаж в конце разговора пропадает — разоблаченный, дрожащий «от ужаса и страха», утративший человеческое обличье. Внутреннее существо странного собеседника было совершенно отчетливо понято Поэтом.

К сожалению, и видимый сюжетный поворот, и озарение главного героя для целого ряда читателей остаются вне поля зрения. Поэтому обратимся к самому стихотворению и проследим развитие его сюжета от начала до конца.

*То не сыра земля горит,
Не гул расходится залесьем,—
Поэт с монахом говорит.
А враг качает поднебесьем.*

Фольклорный образ в первых строках свидетельствует: происходит нечто очень значительное, сотрясающее основы мира, отсылающее к чему-то кардинальному в мироустройстве. Поэт говорит с монахом, а враг-сатана раскачивает поднебесье —

* В стихотворении «Молитва» автор не называет старца-отшельника *монахом* буквально. Однако сюжет этой поэтической баллады содержит ряд смысловых указателей, которые свидетельствуют: свой духовный путь поэтический герой выбирает осознанно и посвящает его Богу. Молитва за всех превращает одинокого затворника, однажды «по воле волн» оказавшегося на «голом острове» — в святого подвижника, а сам скалистый берег — в монашескую пустынь.

** Преподобного Иоанна Лествица. Слово 23-е: О безумной гордости, 6.— Издание Троице-Сергиевой Лавры, 1991. С. 150.

*** Из слова композитора Г. В. Свиридова на 2-м Всемирном русском соборе: Через духовное обновление к национальному возрождению. 1—3 февраля 1995 года.

простор, ширь под небесами. Подвергаются проверке на прочность и истинность слова, скрепляющие вселенную.

Здесь действуют три фигуры: Поэт, Монах и враг. В дальнейшем враг как будто отойдет в сторону и проявится только в заключительных строках стихотворения в виде «свистящей воронки праха» земного, что «ходит страшным ходуном» перед Поэтом. Тогда как Монах, которого в начале повествования «сумрак, смешанный со светом» в дороге облачил, и он возник воочию,— в финале превратится в тень.

Святоотеческие труды приводят множество примеров того, как темные силы, приняв на себя облик светлого ангела, вводили своего собеседника в искушение и, заставив поклониться демону как Богу. Только духовная трезвость праведника и имя Христа открывают подлинную природу субстанции зла. В стихотворении Поэт оказывается сердечно чуток и духовно прозорлив, он называет сатану его настоящим именем («Да это враг!») — и бесовский морок в итоге рассеивается.

В диалоге Поэта и Монаха есть едва уловимый отсвет евангельского предания — искушения Христа в пустыне во время сорокадневного поста. К этому важнейшему образу в стихотворении отсылает нас, во-первых, вселенское эхо разговора представителя мира (Поэта) и представителя духа (Монах); во-вторых — смертный час, уготованный Поэту и уже пережитый Монахом. Последнее обстоятельство для понимания произведения в целом требует самого пристального внимания.

*Монах недавно опочил,
И сумрак, смешанный со светом
Его в дороге облачил,
И он возник перед поэтом.*

Какою же дорогой следует Монах, и чем вызвана его встреча с «сумраком»? Это дорога на тот свет через воздушные мытарства, во время которых бесы «уличают души человеческие не только в содеянных ими согрешениях, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостью, чтобы вырвать душу из рук ангельских и умножить ею бесчисленное множество адских узников»*. Перед нами странное совмещение оставшихся за текстом мытарств Монаха — и предвестия мытарств Поэта, через Монаха уличаемого сатаной.

Очевидно, что в прежней жизни «земной» Монах был иным, нежели в настоящий момент, когда он умерщвляет

*...плоть и кровь,
И память, и воображенье.
Они затягивают нас
В свистящий вихрь земного праха,
Где человек бывал не раз,
Был и монах — и нет монаха.*

* «Святой Иоанн Лествичник повествует, что некто Стефан, любивший пустыню и безмолвие, пробовавший много лет в монашеском подвиге, украшенный постом и еще более слезами, процветавший и другими превосходными качествами, достигший действительного покаяния, за день до своей кончины пришел в испуг, начал озираться на правую и левую сторону одра своего, и, истязаемый невидимыми существами, говорил во всеуслышание всех предстоящих: «так, точно так; но за это я постился столько-то лет». Потом: «нет, вы лжете, я этого не сделал». Опять: «да, точно так, да; но я плакал, я предал себя в служение братьям». И опять: «нет, вы клеветаете на меня». На иные обвинения он отвечал: «да, точно так, и не знаю, что сказать на это: у Бога есть милость». Этим невидимым и тяжким истязанием представлялось зрелище грозное и страшное; всего страшнее было то, что его обвиняли в таких проступках, которых он вовсе не делал».

Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Слово о смерти.— М.: «P.S.», 1991. «Воздушные мытарства», с. 137.

Теперь он уже не может плакать и раскаиваться в содеянном, и его обвинительные речи не соединимы со словами: «...у Бога есть милость».

В Толковом словаре В. И. Даля к понятию «сумрак», наряду с примечательным значением: «полумрак, полутьма, потемки, где едва различаются предметы», при-мыкает, как будто, второстепенное: «сумрачный нрав — всем недовольный, скрыт-ный и **отчаянный**»; «сумрачный взгляд — пасмурный, насупленный, **отчаянный**». В отношении человека определение «отчаянный» у Даля повторяется дважды. Пси-хологически оно подходит и к речам Монаха. Их автор, кажется, разуверился в тех смыслах и вещах, о которых он говорит Поэту. Предположительно, именно отчаяние, уныние погубило Монаха, открыв сатане греховный канал, через который «сумрак, смешанный со светом, его в дороге облачил». И теперь он отрицает:

- искусство («Искусство — смрадный грех»);
- художников («на вас на всех нет благовестия Господня»);
- поэтов («не люблю поэтов», «плач покаянья остается творцам»);
- поэзию («что касается добра, ваш слог и бледен, и растянут»);
- оду «Бог» Г. Державина («отвратна мне гуденьем крови»);
- мысли, желания («не мысли, не желай»);
- плоть, кровь, память, воображение («они затягивают нас в свистящий вихрь земного праха»);
- любовь («исходит кровью не любовь, а ваше самовыражение»);
- жизнь («вся жива — сон»).

В стихотворении Монах только в одном случае утверждает некий жизненный идеал и предлагаемый путь к нему:

*Не мысли, не желай — и ты
Достигнешь высшего блаженства
При созерцанье совершенства
Добра, любви и красоты.*

В отличие от классических образцов беседы поэта с антиподом*, где у сторон всегда обнаруживалось что-то общее в рассуждениях и каждый говорящий, так или иначе, соглашался с отдельными доводами своего визави, в современном «Поэте и монахе» разговор — абсолютно непримиримый. Это еще одно свидетельство конца времен: для воссоединения спорящих сторон мгновений уже не хватает.

Забота Поэта — об устройстве мира, о человеке, о любви, об утверждении на земле, хотя бы в малой степени, начал света и добра — жестко отвергается Монахом. В качестве духовной альтернативы он предлагает, по существу, нирвану, в которой личность исчезает, а на реальную жизнь призывает смотреть как на сон («Вся жи-ва — сон. Готовься к смерти»).

Вспомним еще раз, что христианство — религия личностная, что христианская вера не принимает теплохладности, а христианин — человек волевой, поскольку должен постоянно противостоять искушениям.

Монах же, фактически лишенный способности слышать другого, постоянно про-изводящий своего рода негативный отбор, являет собой христианство сектантское — сухую, бесплотную доктрину, к которой не приложимы определения Христа: Путь, Истина, Жизнь.

В рассуждениях Монаха совсем нет примет жизни вечной, налицо только резо-нерские отсылки к ней. И уж совершенно немислимы в его словах отзвуки Христова

* «Разговор поэта с книгопродавцем» А. Пушкина, «Поэт и друг» Д. Веневитинова, «Поэт и гражда-нин» Н. Некрасова.

прощения блудницы: кто без греха, пусть первый бросит в нее камень. Земная жизнь для собеседника Поэта однозначно греховна и является средоточием зла, что, с одной стороны, очень похоже на древнюю манихейскую ересь, а с другой — на обратную сторону соглашательства, к которому сатана подталкивает человека: ригоризм, непримиримость, в основании которой лежит гордыня.

Говоря о любви, Монах подразумевает под нею только страсть и обрушивает свое негодование на все, что с этим связано. Если речь идет о памяти, о воображении, о самовыражении и о крови — то восхищение, нежность, самопожертвование, теплота и материнство, кровное родство не принимаются им во внимание. Практически перед нами отрицание Господних слов: «нехорошо человеку быть одному»; «плодитесь и размножайтесь».

Монах яростно клеймит страсть, но в его словах звучит подавленное стремление именно к ней же, к страсти, никак не к любви. Он — однозначно безлюбовен и чем-то напоминает известный образ душевно изломанного католического священника из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго.

«Был и монах — и нет монаха», — эти слова, сказанные словно бы от третьего лица, в устах схимника интонационно должны быть сопряжены с горькой усмешкой, с сожалением о прошлом, которое не изменить. Но такая мимика и модуляция речи совершенно не соединимы с психологическим портретом Монаха, который дает нам стихотворение как художественное целое. Это действительно третий голос — «сумрака, смешанного со светом», врага, который облек собой душу бывшего затворника и от его имени вступил в духовную схватку с Поэтом. Обратившись к начальным репликам диалога, легко обнаружим достаточно внятную позицию комментатора, дающего Монаху личностные характеристики внутри его собственного речевого потока:

Его приветствовал поэт:

— Как свят монах?..

МОНАХ

Не очень свят.

Дальнейшие обличительные слова Монаха как будто отслаиваются от этой критической самооценки. Перед нами — своего рода вложенный текст: «Не очень свят». Маска чуть-чуть приподнята, за ней — мрак и холод, а в отношении человека — ледяной и окончательный приговор.

Возвращаясь к зачину стихотворения, теперь можно определенно сказать: фигура Монаха равна монаху поддельному. И потому далее будем упоминать о ней со строчной буквы и в кавычках: «монах». Так слова собеседника Поэта обретут своего рода визуальную поправку, предупреждающую читателя: здесь правда смешана с ложью, наглядная забота о вере — с ненавистью к миру, демонстративное духовное постничество — с безудержной заботой о странном блаженстве собственной души*.

* Забота о спасении собственной души — кажется, первейшая для православного христианина. Однако воин, защищающий свое Отечество, в то же время попирает заповедь «Не убий!» — зная, что Высший Судия спросит его и об этом. — См.: И.А. Ильин. О сопротивлении злу силою. Гл. 10. О мече и праведности. — И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5, с. 176—188. — М.: Русская книга, 1995.

Святой Равноапостольный архиепископ Японский Николай (Касаткин), великий русский миссионер, записал в своем дневнике: «Что-то с душою будет? Ох! Пусть гибнет. Лишь бы Япония сделалась православною». — Цит. по: Дякон Игорь Филяновский. «Держись мира и сотвори любовь...». — Подъем, 1999, №5. С. 205.

Значит, существуют такие веления души человеческой, когда она готова мужественно принести себя в жертву тому, что выше личного спасения. Конечно же, втайне уповая на великую милость Божью. Отметим — в полном соответствии со словами святого монаха-престеца из стихотворения Ю. Кузнецова «Молитва»: «Ты в небесах — мы во гресех — помилуй всех!».

Встреча Поэта с «монахом» содержит внутренне эхо пушкинской коллизии:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*

«Пророк»

*Искал я святости в душе
И думал о тебе порою.
И вот на смертном рубеже
Явился ты передо мною.*

«Поэт и монах»

В классическом образце Божий посланник затем *превращает* поэта в пророка, тогда как в современном стихотворении Юрия Кузнецова Поэт — *уже, по существу, пророк*, обладающий тончайшим слухом, острым зрением, ясным умом и живым нравственным чувством, а «монах» — фигура провокационная, к святости действительного молитвенника о судьбах мира не имеющая никакого отношения. Такое снижение первичных смыслов представляется еще одним знаком последних времен, когда многие придут от имени Бога, но с ложью и поруганием на устах. Столкновение Поэта и «монаха» заканчивается изгнанием именем Христа темной силы из видимых земных пределов («И сгинул враг, как тень в овраг»). Для «монаха», часто повторяющего имя Господне, «грозное имя Христа» — непереносимо.

Боговоплощение, «живые мощи христианства», плоть и кровь Христа как тайна Причастия — все это свидетельство чувственного восприятия православной веры, о котором так часто говорил Ю. Кузнецов. Желание показать средствами поэзии «живого Христа», придать человеческую осязаемость умозрительной идее Бога-Сына стало главной посылкой при создании Кузнецовым цикла поэм о Христе. Однако отповедь «монаха» Поэту вполне совпадает с многочисленными упреками, которые эти поэмы получили в печати. Вот их концентрированное выражение:

*В искусстве смешано твоим
Добро со злом и тьма со светом,
Блеск полнолуныя с божеством,
А время старости с последом.*

Обратим внимание, «монах» здесь говорит не об искусстве вообще, но об «искусстве твоём». То есть о собственных творениях Поэта, который, безусловно, является *alter ego* автора. Все возражения Поэта, в том числе и библейские примеры, «монах» оставляет без ответа, с необыкновенной настойчивостью продолжая свою обвинительную речь. И если в начале сюжета Поэт сдержан и настроен миролюбиво, то к финалу его несогласие с собеседником становится гневным и возмущенным. Но «монах» словно играет с ним, не замечая, что Поэт с каждым словом становится все более определенным в своих позициях, ясно проговаривает смыслы, которые до беседы, быть может, и не были им до конца осознаны.

Стоит вспомнить о таком наблюдении. У дьявола нет чувства меры: нужно бы промолчать, пропустить ход, но изначальная самонадеянность, идущая от гордыни, от восстания на Бога, влечет его к избыточному шагу.

И Поэт вознегодовал. Защищая «богоданный стыд» Пречистой Девы, который столь раздражает «монаха» в картине Рафаэля в Сикстинской капелле, он уличает поделального блудителя святости в отсутствии живого нравственного чувства и в омертвлении уст, принимающих Причастие. По сути — в отвержении Христа.

*При грозном имени Христа
Дрожа от ужаса и страха,*

*Монах раскрыл свои уста —
И превратился в тень монаха,
А тень ослабленного рта —
В свистящую воронку праха.*

Фигура «монаха» внезапно утратила черты живого человека и превратилась в тень, только абрисом напоминающую действительного схимника, в духовное тело которого вселился враг-сатана. Причем вместо рта, изрекавшего за мгновение до того судейские слова, у тени — свистящая воронка праха, страшное жерло, прежде вдывающее смуту в душу человека, а затем пожирающее его целиком*.

*Под ним сыра земля горит,
И гул расходится залесьем.
— Смотри, — поэту говорит, —
Как я качаю поднебесьем.*

Фольклорные образы «сырой земли», «гула над залесьем» соединяют зачин стихотворения с его кульминацией.

В начале сюжета изображенный земной мир тих, только смыслы разговора Поэта и «монаха» столь важны, что потрясают основы. Враг «раскачивает» поднебесье невидимо для человеческого глаза.

В финале — шум, огонь, палящий землю... И враг-сатана впервые обозначает себя как еще одно действующее лицо в жестком противостоянии двоих — Поэта и «монаха»: «**я качаю** поднебесьем». Враг демонстрирует свою силу и ярость, старается разрушить окружающее пространство уже материально, поскольку духовный спор с Поэтом он проиграл. Тут — досада, угроза и прямое предложение присоединиться к его огромной губительной силе.

Однако:

*Поэт вскричал: — Да это враг! —
Окстился знаменным отмахом —
И сгинул враг, как тень в овраг...
Но где монах? И что с монахом?*

Названный по имени и переименованный «знаменным отмахом», сатана суетливо исчезает, по-воровски прячется, «как тень в овраг». Грандиозный ужас превращается во что-то мелкое, бытовое, которое скрывается не в бездонных провалах, но в привычных для человека складках земли. В этой повадке едва уловимо содержится отсылка автора к обыденности врага, к его вкрадчивой повседневности. Не случайно в заключительных словах стихотворения автор вопрошает: «Но где монах? И что с монахом?» Последующая история души реального схимника, ставшего игрушкой в руках властителя тьмы, представляется жуткой. Впрочем, как говорит народная мудрость: «Жива — наша; умерла — Богова»**. А вот поддельный «монах» вполне может стать фигурой нарицательной.

В последнем обвинении «монаха» есть скрытая ссылка на фреску Микеланджело из Сикстинской капеллы «Страшный суд». Общеизвестно, что на ней художник среди не прощенных душ изобразил и себя — демоны в аду сдирают с него кожу.

* «И смешаны во прахе том добро со злом и тьма со светом», — вот действительный источник подмен, которые «монах» навязывает искусству.

** Из Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля.

Юрий Кузнецов в поэме «Сошествие в Ад», наряду со многими как будто достойными, но все-таки ввергнутыми в пекло именами, упоминает себя — в качестве грешника, молящего о милости Иисуса Христа. Мало кто из числа хулителей и высокомерных критиков поэта видит собственную душу, подобно ему, в преисподней. Но — самонадеянно помещает ее на куда более высокую ступень Божественной Лестницы. Это удивительно перекликается с судейскими речами «монаха», который по внутреннему убеждению вроде бы «высок» и «право имеет». Кажется, непреодолимо огромное духовное расстояние, отделяющее гордыню от беззвучного шепота одинокого старца на затерянном в водной стихии острове: «...мы во гресех — помилуй всех!».

В своем позднем творчестве Юрий Кузнецов интуитивно стремился соединить родовое и православное начала. Чрезвычайно верная догадка: на Руси в православие не приходят *ниоткуда* — Иванами не помнящими родства. Вся прежняя жизнь есть скрытая от постороннего глаза подготовка к таинству Крещения. А вся последующая — благодарное воспоминание о том лучшем, что было в дохристианском существовании теперь уже раба Божьего. Вспомним, пятая из десяти заповедей: «Чти отца твоего и мать твою...» — учит верующего человека уважать свой род.

Сегодня нам трудно совместить в сознании православное терпение с оскорбленной родовой памятью. Наше православие еще живет красками русской *осени* и *зимы*, а наша славянская душа все еще не понимает *весеннюю* и *летнюю* радость как часть православного одухотворенного календаря.

Поэтическая биография Юрия Кузнецова закончилась на этом важнейшем мировоззренческом рубеже. В его творчестве постепенно кристаллизовался образ русского человека, для которого национальная история не складывается из взаимно противоречивых событий, но является тернистым путем к примирению прошлого и будущего. И если отечественная литература поймет и примет для себя такое направление собственного развития как органическое и долгожданное, русская жизнь обретет устойчивость и волшебно преобразится.

Лидия Савельева
(г. Тула)

СКАЗКИ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Лидия Савельева окончила Тульский политехнический институт по специальности «Экономика и организация производства». Однажды по радио услышала, что в Тульскую филармонию требуется экономист. Работа, связанная с концертной деятельностью, заняла в ее жизни девятнадцать лет... В 90-тые годы началась перестройка, стали происходить массовые увольнения с работы, стрессы сопровождали людей во всех сферах жизни страны, им стало не до зрелищ, не до концертов. Пришлось срочно менять профессию, и она оказалась... в политике. Зарождались новые формы власти, страну захлестнула волна выборов. Л. Савельева избиралась в одномандатном округе в Тульскую городскую думу, и ее депутатская жизнь продолжалась двенадцать лет.

СКАЗКА ПРО РАКА

Когда родилась любимая внучка Дарья, я с раннего детства начала читать ей книжки. Маленькая Даша как только научилась говорить, властно требовала: бабушка, сказку! И когда все книжки были читаны-перечитаны, пришлось сочинять самой «на ходу». Так я и стала сказочницей. Мои сны превратились в сказки, и однажды я проснулась ночью и записала Сказку про рака.

Сидел рак на пригорке и плакал. Посмотрит на птиц, они летят высоко-высоко в небе, а он не мог летать, даже подпрыгнуть не мог, только ползал. Как только птичка пролетала — слезинка выкатывалась из выпученных глаз рака. Так продолжалось день, два, три... целый год и, наконец, из слезинок образовалось целое озеро, — чистое и прозрачное. Люди потом даже говорить стали — вода чистая, как слеза. Посмотрел рак на свое отображение в воде — лицо у него все красное стало, наплаканное, нос распух, и глаза от слез наружу выкатились. От стыда решил он нырнуть в озеро — никому не показываться, и больше из озера никогда не выплывать, так и жить в нем.

Наступила ночь, на небе взошли звезды, а прозрачная вода отображала каждую из них.

Звезды из своего далека посылали яркий свет в озеро, где жил рак. И когда тот увидел, сколько их в его озере, радость охватила такая, что забыл рак про печаль свою. Он плавал среди звезд в озере и был самым счастливым раком. Подплывал к одной, второй, третьей, и веселился среди них. А звезды с ним подружились, они мерцали, иногда прятались от него за тучки, рак их искал, они выглянут из-за тучек, посверкают и опять спрячутся. Им нравилось посылать раку свой свет, они очень полюбили его.

Шли годы, у рака появилось множество детей, они расплодились в этом чистом красивом озере. А сам он стал уже старым и однажды сказал звездам: «Скоро я умру, и меня не будет в этом озере...». Те притихли и задумались, ведь они-то жили многие миллионы лет. Звездам жаль было расставаться с раком. Они посылали ему свет, но он был холодный, а рак своей радостью и любовью согревал этот свет, и звездам было теплее.

Протянули звезды свои лучи, как длинные руки, подхватили бережно рака, помчали по небу, закружили в хороводе и оставили на небе.

Так появилось созвездие Рака.

ЧТО НА СВЕТЕ ДОРОЖЕ ДЕНЕГ?

У одного царя сильно захворала дочь. И не могут ее вылечить придворные врачи. Позвал царь знахарку, и она ему сказала:

— Твоя дочь выздоровеет, если ты отгадаешь загадку — «что дороже денег?»

Подумал царь: «Как же так! Что может быть дороже, чем деньги? Да может ли быть такое!»

Собрал придворный совет и сказал: «Решите, что может быть дороже денег!».

Придворный совет заседал три дня и три ночи. Вернулись и царю ответили: «Что хочешь делай, не знаем мы, что дороже денег».

Еще пуще захворала царская дочка, и совсем пригорюнился царь. И вошел в подземелье, где хранились его драгоценности, открыл сундук, и засияли тихим светом изумруды, жемчуга переливались ультрамаринами, пурпурные топазы играли всеми цветами радуги. Открыл второй сундук — и блеск бриллиантов ослепил глаза, заиграл неземным светом и осветил слитки с золотом. Сияние драгоценных камней слилось с его ослепительным сиянием.

Встал царь перед своим богатством на колени и изумленно подумал: «Что же может быть прекраснее и дороже этой невиданной красоты?»

Вернулся в покои, повелел доставить к нему мудреца, который жил высоко в горах.

Пришел мудрец, и царь его вопрошает:

— Есть ли что дороже денег?

— Да, есть, — отвечает мудрец.

— Что же?! — воскликнул царь.

И мудрец спокойно ответил:

— Здоровье.

Леонид Иванов

(г. Тюмень)

*Лауреат всероссийской литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова*

ЛЕСНЫЕ ГОСТИ

Этого лося Анемподисту будто бог послал для испытания натуры. Возвращался Леший домой после проверки своего участка телефонной линии — мало ли что могло случиться за время его отъезда на операцию. Боль в паху все еще давала о себе знать, особенно, когда неспешно прошагал два десятка километров вдоль тихонько гудящей проводами неширокой просеки, поэтому правой рукой то и дело приходилось прижимать ноющий шов, что мешало походке, потому что левой придерживал за широкий ремень ружье, чтобы не копошиться, стаскивая его через голову на случай, если удастся спугнуть дичь.

Буян давно убежал вперед, и его едва слышное повизгивание от усердной погони за шустрым зайцем слышалось то справа, то слева, то, потеряв добычу, собака начинала растерянно лаять во весь голос, дабы заставить притаившегося беляка бежать дальше и направлять маршрут косолапого в сторону устало бредущего домой хозяина.

Прислушиваясь к лаю своего умного Буяна, Анемподист неспешно шел вдоль линии, мысленно отмечая деревья, которые в скором времени придется срубить, чтобы под тяжестью зимнего снега они не порвали натянутые морозом струны стальных проводов. Под ноги он почти не смотрел, привыкнув за свою охотничью жизнь видеть дорогу только краем глаза. Но тут его взгляд наткнулся на лежку. Совсем недавно на просеке отдыхал лось. Судя по луже крови, натекшей на свежий едва припорошивший землю снег, животное было ранено. Скорее всего, кем-то из приехавших на выходные в Костому подгулявших охотников из района, по блату взявших спортивную или промысловую лицензию.

Метров через сто зверь отлеживался снова, потом пошел дальше прямо по просеке: видно, торить свою тропу через густую чащу растущего на болотине ивняка ему было уже не под силу. Потом была еще одна лежка, а вскоре Анемподист в начинающихся сумерках увидел впереди большое темное пятно. Отняв ладонь от ноющего шва, Леший взял ружье, перезарядил его пулями и стал приближаться к животному. При приближении человека лось тяжело поднялся, шаткой походкой двинулся было вперед, но не в силах идти, грузно опустился на мерзлую землю, повернул к охотнику украшенную ветвистыми рогами голову. Обычно это украшение и оружие защиты от хищников сохатые теряют в самом начале зимы, но подранок еще не успел отломить их о лесную чащу, и потому выглядел величавым, гордым и суровым.

Леший знал, что раненое животное даже из последних сил может кинуться на него и без труда искалечить, если не забить насмерть, поэтому он, держа ружье на изготове, начал обходить вокруг сохатого, тот неотрывно смотрел на человека, поворачивая вслед за ним голову. Его глаза горели ненавистью, но в то же время в них читалась скорбь и страх. Анемподист в своей жизни застрелил не один десяток лосей.

Всегда это было в азарте охоты после выслеживания и хитроумного преследования, и там они были, можно сказать, на равных: оба сильные и хитрые, хорошо знающие окрестные леса, куда можно уйти, и где можно настичь. Но еще никогда не доводилось охотнику вот так близко смотреть прямо в черные широко расширенные глаза беспомощного животного. Леший понимал, что сохатому все равно не выжить, и что в данной ситуации самым гуманным будет просто пристрелить зверя. Он вскинул ружье, подождал, пока лось повернется в профиль, чтобы не смотреть ему прямо в немигающие глаза, и выстрелил, разом оборвав мучения лесного красавца.

Тут же на выстрел прибежал Буян, оставив где-то неподалеку своего перепуганного зайца, начал бегать вокруг туши и злобно лаять, но Анемподист прикрикнул, и пес сразу же понятливо умолк и улегся на землю.

Боль в паху была уже почти невыносимой. Анемподист опасался, как бы от натуги не разошелся внутренний шов, чем пугал его при выписке из больницы доктор, и опять прижимая пах ладонью, поковылял в деревню, благо оставалось до нее чуть больше километра.

Не заходя домой, Анемподист сразу же заглянул к Степану, рассказал, где оставил зверя, подсказал, чтобы запряг лошадь, взял в помощники Ивана и без лишнего шума перевезли мужики мясо в деревню и раздали людям. Да чтобы ему тоже кусок не забыли.

Мясо завезли часа через два. А наутро Анемподист проснулся много раньше обычного — что-то уж больно сердито залаял вдруг на дворе Буян. Леший встал, натянул штаны, набросил поверх нательной рубахи старый полушубок, вдел ноги в растоптанные валенки и спустился с крыльца. Почуввав присутствие хозяина, Буян стал лаять еще сердитее и бросаться в сторону леса. Леший присмотрелся и увидел стоящего прямо за огородом лося. Взял палку, несколько раз стукнул по стене дома, чем вызвал еще более сильный приступ злобы Буяна, но животное даже не пошевелилось. Когда Леший подошел совсем вплотную к изгороди, лосиха неуверенно сделала несколько шагов навстречу, осторожно подогнула передние ноги и медленно опустилась на землю.

— Ни хрена себе! — вполголоса выговорил удивленный таким оборотом дела Анемподист, долго держался за верхнюю жердь огорода и смотрел на лесного гостя. Животное не шевелилось, а внимательно смотрело на человека. Было еще темно, и только отсвет от белого снега да острое зрение охотника позволяли ему видеть необычную картину. Даже Буян, удивленный не меньше хозяина, замолк, сел, обернув лапы своим пушистым хвостом, и тоже уставился на лесного обитателя, с негромким рычанием скаля зубы и выражая готовность в любой момент кинуться в атаку.

Анемподист стоял так минут пятнадцать, потом повернулся и, недоуменно пожимая плечами, отправился в дом. Когда немного рассвело, Леший снова вышел во двор и увидел, что гостя продолжает оставаться у изгороди в той же позе.

— Едрит твою мать! — только тебя мне и не хватало, — выругался Анемподист, перелез через жерди и стал осторожно приближаться к зверю. Лосиха смотрела прямо в глаза человеку и не делала никаких попыток вскочить, кинуться на охотника или броситься к недалекой опушке.

— Э-э, да ты, голубушка, тоже раненая, — заговорил с лосихой Анемподист, увидев окропленный кровью снег. — За помощью, значит, пришла. Ну, ладно, давай посмотрю, что там у тебя.

Рана оказалась серьезной — разрывная пуля попала в заднюю ляжку и вырвала немалый кусок шкуры и мышцы немного выше колена.

Анемподист сходил домой, взял старую простыню, разорвал ее на неширокие полосы, прихватил бутылку самогонки с настоящими в ней травами обработать рану.

Предусмотрительно стоя в сторонке и готовый отскочить, налил в ладонь жидкости, плеснул на кровоточащее месиво. Лосиха дернулась, издала какой-то глухой утробный звук и понягливо осталась лежать. Леший подошел ближе, смазал рану барсучьим салом и стал накладывать повязку.

Закончив процедуру, разобрал один пролет изгороди, открывая доступ зверю на свой участок, скинул с сеновала охапку сена, которое заготовил, обкашивая между и небольшую луговину за огородом. Сено заготавливал просто так, лишь бы не пропадало добро. И вот, пригодилось. Поднес лосихе, свалил поближе к морде и, закончив гуманитарную акцию, пошел затапливать печку.

— Едрит твою мать! — опять удивился Анемподист, когда через час увидел раненую лосиху на том же месте, где оставил. Она спокойно лежала, вытянув раненую ногу, и смотрела на просыпающуюся деревню, широкими ноздрями подозрительно втягивала дующий со стороны домов ветер с запахами дыма, свежего навоза, еще много чего непонятного, прислушивалась к твякающим неподалеку собакам. Буян уже свыкся с присутствием гостыи и изо всех сил с большим пониманием законов гостеприимства старался не обращать на нее внимания после того, как хозяин стал ухаживать за незваной обитательницей леса.

К вечеру лосиха, подволакивая левую заднюю ногу, проковыляла к дому и легла возле самой стены. Анемподист перенес нетронутую охапку сена к новому месту лежки, поставил рядом полведра колодезной воды, отворил ворота на двор, где уже лет двадцать не бывало никакой живности, кроме Буяна, да время от времени заглядывающего Барсика, в тщетной надежде встретить заблудшую мышь.

Наутро Анемподист обнаружил, что гостье двор вполне глянулся, и она чувствовала себя в нем вполне по-домашнему. Так в хозяйстве бобыля появился еще один член семьи, нареченный Машкой.

Машка так привыкла к новым комфортным условиям и дармовой еде, что даже почти перестав хромать, утром уходила в лес, а к вечеру возвращалась обратно. К ней быстро привыкли и соседские собаки, очевидно, принимая за какое-то подобие коровы. И надо же такому случиться, что через месяц опять почти на том же самом месте, где нашел раненого сохатого, наткнулся Анемподист на полуживую куницу. Кем-то подстреленный крупный зверек сумел уйти от охотника, но, вконец обессиленный, с телефонной просеки убраться в лесную чашу уже не мог даже при яростном нападении Буяна, оглушительно лающего и норовящего схватить за холку оскаленными зубами.

Анемподист отогнал пса в сторону, скинул с плеч фуфайку, в которой для удобства делал обход своего участка линии, набросил на куницу, обмотал лапами, чтобы хищник не царапался и не кусался, и отнес домой. И хоть было похоже, что подранок не жилец, не поднялась рука охотника добить животину. Надел рукавицу, ухватил за лапы, другой рукой обработал раны, смазал их барсучьим салом, чтобы заживало, и отнес куницу на двор. Машка отнеслась к соседке настороженно, на всякий случай отодвинулась к противоположной стене и приготовилась отбивать атаку. Но еле живой зверек отполз в угол под крылечко и затих. Буян устроился возле ворот, хозяйски присматривая за пыхтящим гостем.

Утром он был еще жив. Леший снова уже при свете солнца осмотрел животное, снова смазал раны, дал кусок холодного мяса. Кунька, как окрестил его Леший, отвернулся от еды и уткнулся носом с угол.

К вечеру мяса не оказалось, а когда Анемподист подошел к Куньке, тот уже не отворачивался, а, наоборот, тянулся усатой мордой навстречу. А еще через три дня, зайдя навестить свое разрастающееся хозяйство, Анемподист увидел, что Барсик трется о него совсем по-дружески, прямо как о Буяна. А вскоре и Буян признал Кунь-

ку за своего, и теперь вся троица спать укладывалась вместе на постеленном на крыльцо двора старом овчинном полушубке.

Зима в этот годы выдалась почти без снега, поэтому, когда Машка уходила на свою традиционную прогулку по окрестностям, Кунька, по природе своей ведущий ночной образ жизни, перестроился вопреки природе и, резво смешно ковыляя, тащился следом, а замыкал шествие Барсик с торчащим вверх, как дым из трубы перед сильным морозом, хвостом. Нагулявшись, зверье возвращалось домой, где каждый шел к своей кормушке.

За зиму эти совершенно разные по природе звери настолько сдружились между собой, что могли удивить любого исследователя российской фауны. И Анемподист к ним настолько привязался, что вечерами, как бы ни уставал после охоты или обхода линии, обязательно приходил на двор пообщаться со своими приемышами. Он садился на нижнюю ступеньку высокого крыльца, Кунька сразу же вылезал из своего убежища, устроенного в старой кадке, и разваливался рядом, с другой стороны прижимался Барсик и громко заводил свою бесконечную песню. Машка тоже поднималась с кучи брошенной в угол соломы, ревниво фыркала на Буяна, который предпочитал тут же перебраться на верхнюю площадку, доверчиво клала губастую морду спасителю на плечо, млела от поглаживаний его грубой мозолистой ладони и в упор смотрела бездонным, большим и черным, как смоль, зрачком.

Леший сидел молча и думал, что природа все равно возьмет свое. Машка поживет еще лето, а осенью потянет ее искать жениха, а если она потом вернется в деревню, то придется заготавливать для нее стога три сена.

О странном хозяйстве Анемподиста знали в урочище все, поэтому лосиха и кунька могли чувствовать себя в полной безопасности. Свои охотники из уважения к Лешему на них позариться не могли, а чужие в эти далекие от больших дорог края не заглядывали — они браконьерничали в окрестностях Костомы.

А весной, когда отплакали свое и отвалились от крыш последние сосульки, а пригорки стянули с себя снежное покрывало и подставили грязные бока теплomu солнышку, Машка вместе со своим сопровождением то и дело стала пропадать из дому целыми сутками. Однажды лосиха после двух дней гулянки пришла ввечеру домой, полежала на подсохшей возле двора лужайке, внимательно наблюдая, как Анемподист готовит к посадке огурцов парник, потом поднялась, подошла, встала рядом и положила голову на плечо, фыркая своими большими отвисшими губами. Постояла и медленно пошла в сторону леса. У изгороди остановилась, обернулась, будто прощаясь, и двинулась дальше. Со двора кубарем выкатился Кунька и торопливо бросился вдогонку за Машкой. Невесть откуда появился Барсик и стал тереться о ноги хозяина, стараясь обратить на себя внимание. Леший нагнулся, взял громко замурлыкавшего кота на руки, начал было гладить, но тот вдруг вырвался, соскочил на землю и быстрыми прыжками кинулся догонять друзей.

Анемподист даже не почувствовал, как сначала из правого, а потом и из левого глаза набежали непрошенные слезы, задержались в уголках и медленно скатились по глубоким морщинам, будто прокладывая дорогу другим соленым капелькам.

Чувствуя состояние хозяина, Буян подошел ближе, сел возле левой ноги, прижался к неприятно пахнущему дегтем голенищу и жалобно твякнул вслед удаляющейся в лес троице.

— Вот и осиротели мы с тобой, Буян,— проговорил Анемподист, присел и начал гладить верного пса по загривку, все также не замечая текущих по морщинистым щекам слез.

Кира Крестьянкина
(г. Тула)

МАМА НА НОВЫЙ ГОД

Неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 г.г. городского конкурса «Ступени» в номинации проза.

Печатается в альманахах «Иван-Озеро», «На крыльях «Пегаса», «Сказки пряничного городка», «Пегасик», журналах «Приокские зори», «Детский городок».

Все было ею обдуманно уже тысячу раз. Она долго вынашивала в себе эту мысль. Она привыкала к ней. Она, конечно же, хотела воплотить ее в жизнь, но продолжала переживать и бояться. Сегодня с мужем они обсудили все уже в десятый раз и, наконец, они решились.

— Лида,— муж обратился к ней, выбросив из мыслей, в которые она погрузилась с головой.— Лида, не переживай. Мы все с тобой уже обсудили. Мы поступаем правильно.

Лида робко улыбнулась и крепче сжала его руку. Они шли по улице. Снежинки кружились в воздухе, танцевали свой любимый зимний вальс. Был выходной день, поэтому многие люди пребывали сейчас на улице, спешили по каким-то своим личным делам, наконец-то не связанным с работой. Трудно сказать, насколько были важными эти дела, а может значительными, или просто приятными хлопотами. Но у одной пары дело сейчас было нешуточное. Не зря они так волновались. Да, оба. Хоть Максим и храбрился, но его невозмутимость все же была напускной.

— Я знаю, милый,— ответила Лида подбодрившему ее мужу. Просто все равно волнуюсь. Не бойся, я справлюсь. Мы сегодня идем туда впервые, в следующий раз я буду уже спокойнее...

Вдруг Лида не заметила перед собой ледяную поверхность, и, ступив на нее, поскользнулась.

— Лида! Осторожнее,— не дал ей упасть муж.— Держись-ка лучше за меня покрепче.— С этими словами он взял ее под локоть, и они пошли дальше. Остаток пути преодолели в молчании...

Супруги прошли в ворота и направились в сторону большого здания. Над входом крупными буквами было обозначено: «Городской детский дом №3». Максим и Лида, продолжая молчать, зашли внутрь. В помещении было тепло, но Лида все равно покрылась мурашками, которые разбежались по всему телу как угорелые. Охранник показал им кабинет заведующей.

— Здравствуйте, пожалуйста, проходите,— голос заведующей был бодрый и твердый.

— Сегодня,— продолжала она, когда супружеская пара разместилась на стуль-

ях,— вы можете поиграть с группой детей. Просто понаблюдайте, пообщайтесь. Не все, кто приходит к нам побыть с детьми, после решаются на усыновление или на удочерение. Но поиграть с ребятами вы можете, а дальше уже зависит от ваших сил и желания. Они у нас все славные, вот увидите.

После небольшой беседы с заведующей Максима и Лиду проводили в игровую комнату. Детям сообщили, что у них сегодня гости. Да еще и с подарками. Детки были маленькими, годика 3—4. Лида оробела поначалу, ведь столько пар открытых детский глазенок уставилось на них. Дети ничего от них не ждали. Никто не собирался бросаться к ней на грудь с криками: «Мама!» Они здесь привыкли к посетителям. Но этого было и не нужно. Дети всего лишь смотрели на своих гостей с любопытством. И этого было достаточно, чтобы у Лиды встал ком в горле.

Максим взял ее за руку и решительно повел за собой на середину комнаты. Они уселись на ковер и вынули из пакета игрушки. Все ребята устроились рядом и стали рассматривать то, что оказалось на ковре. Лида уже взяла себя в руки, заговорила с одним из малышей.

Тут были и мальчики, и девочки, все они сидели вместе; началась игра. Лида и Максим играли с детишками и одновременно разговаривали с ними. Они ни о чем их не спрашивали напрямую. Просто в процессе игры дети делились своими мыслями и мечтами. Они были так открыты миру, что у Лиды то и дело сжималось сердце от осознания того, что рядом со многими из них так и не окажется людей, которые станут им родными, которые будут их поддерживать и любить.

Выходя на мороз, Лида подумала, что после встречи с этими детьми внутри у нее осталось тепло. Это ощущение она и понесла в себе домой. Ей сейчас не хотелось говорить. Максим это понимал. Он шел рядом, придерживая ее за локоть, чтобы она не поскользнулась, а мыслями был среди детишек, с чьим миром ему удалось сегодня соприкоснуться. Конечно, они продолжали думать о том, чтобы принять в свою семью ребенка. Казалось, что в последнее время они ни о чем другом и не вспоминали. Но сейчас они еще больше укрепились в своем желании. В их семье появится малыш. И тут не о чем размышлять!

— Они славные ребята, да? — говорил за чашкой чая этим же вечером Максим.

— Просто замечательные! — подтверждала Лида.

— Но как нам среди них найти нашего?

— Мы почувствуем это. Я уверена, что почувствуем.— Прикрыв глаза, Лида вдохнула запах ароматного чая.— Дай только срок.

— Максим!

— Что?! Что случилось?! — испуганный муж помчался в спальню.

— Я видела нашего сына! — Лида только что проснулась, сидела на кровати, сжимая одеяло.

Максим медленно опустился на постель рядом с женой. Нет, он, конечно, понимает, реалистичный сон может присниться, и, когда ты только что был там, а в эту секунду уже в собственной кровати, то тебе нужно время, чтобы прийти в себя, но пугать-то так зачем?

Заметив замешательство Максима, Лида спохватилась:

— Ой, извини. Напугала тебя, наверное. Сон просто был удивительный. В нашем доме был мальчик, мы ему читали книжку с тобой на разные голоса, а он слушал с большим интересом, звонко смеялся, а потом повернулся ко мне. Я очень хорошо запомнила, что у него были зеленые глаза, такие светлые. И сказал: «Мама, какая замечательная история».

Максим увидел, что глаза ее заблестели от слез, поэтому он крепко прижал ее к себе, поцеловал в щеку и произнес:

— Хороший сон. Милая, очень хороший сон, не стоит расстраиваться.

Какое-то время они сидели молча, обнявшись, Максим гладил жену по голове, а она уткнулась носом в его плечо и вспоминала свой сон.

Они снова пошли в детский дом, пришли в ту же группу детей и устроили с ними интересную игру. Но тут Лида заметила одиноко сидящего мальчика, он сосредоточенно играл в кубики, но почему-то отвлекся на несколько секунд, повернувшись в ее сторону. На нее смотрели светлые зеленые глаза, ее как холодной водой окатило. Мальчик уже не смотрел в ее сторону, продолжая заниматься своим городом из кубиков. Но Лида замерла в одном положении, не в состоянии пошевелиться или сказать что-нибудь. Наконец, она подчинила себе свое тело и голосовые связки и тронула Максима за руку:

— Это он.

— Кто он? — не понял Максим.

— Помнишь? Мальчик во сне. Это он. Вон, с кубиками играет. Это точно он. Мне снился этот мальчик...

Лида под села к мальчику с кубиками поближе.

— Привет.

— Здравствуйте.— Серьезно ответил мальчик.

— Я — Лида. А как тебя зовут?

— Денис.

— Очень приятно, Денис, с тобой познакомиться. А что ты строишь?

— Город «Счастье».

— О, какое интересное название. В этом городе все жители будут счастливы?

— Да, если захотят.

— А разве кто-то хочет быть несчастным?

— Наверно.

— А можно тебе помочь построить твой город?

Мальчик пожал плечами.

— Он не мой, ведь я там не живу. Но попробуйте.

— Вот и хорошо, мы вместе его быстрее построим,— улыбнулась Лида, принимаясь за кубики.

Пока жена общалась с мальчиком, Максим подошел к воспитателю и спросил про него.

— Денис? Ему 4 года, серьезный парень растет, всегда очень сосредоточенно выполняет задания, но и посмеяться любит. Но улыбается он редко, только среди своих. Чужих он к себе подпускать сразу не особо-то любит.

— Мне кажется, я его не видел прошлый раз.

— А так его и не было. Приболел он тогда малость, мы ему дали отлежаться, чтобы других ребят не заражать. А сейчас он на поправку пошел. Так что прошлый раз вы его, действительно, не видели. А что? Понравился мальчонка? Дениска у нас добрый очень и смысленный.

Максим тоже немного пообщался с мальчиком и помог строить «Счастье». А о том, что сказала воспитательница, сообщил Лиде уже по дороге домой.

— Лида, представляешь, мы не видели его раньше. Не могло тебе подсознание выдать лицо ребенка, которого ты мельком видела прошлый раз, так как ты не видела его. Не знаю, как он мог тебе присниться.

— Значит, его не было в тот раз? — Удивилась Лида.— Вот как. Но я точно видела во сне именно его. Нет, сон, конечно, размытый был, но эти его ясные глаза мне очень хорошо запомнились.

— Да я тебе верю. Просто это что-то удивительное.

Весь город уже был украшен к Новому году. В окнах сверкали гирлянды, то и дело встречались украшенные елочки. Все, что могло сверкать, мигать, переливаться и блестеть, было вывешено на улицах города. Лида посмотрела на всю эту мишуру, которая должна была создавать праздничное настроение. До Нового года был еще месяц, но весь город усиленно преображался, чтобы встретить самый важный день в году, как подобает.

Ну что ж, наблюдая за всем этим переливающимся нарядом Зимушки-Зимы, действительно, на ум приходили новогодние песенки, образы праздничного стола, вспоминался запах мандаринов, и появлялись мысли о чудесах.

— Максим,— сказала Лида после некоторого молчания,— а может быть это чудо? Знаешь, этот сон. Может, это нам подарок на Новый год? С его помощью я теперь знаю в лицо своего сына.

Максим внимательно посмотрел на жену, слегка задумавшись над ответом. А потом произнес:

— Что ж, в таком случае мы с тобой давно не получали таких чудесных подарков.

Лицо Лиды озарила благодарная улыбка. Главное, что муж ее понимает и всегда готов поддержать.

В душе у нее зазвенели колокольчики, прямо как те, что у тройки коней, запряженных в сани Деда Мороза. Это был звук, говоривший о радости и других светлых чувствах, которые испытывала сейчас Лида.

— А Денис интересный мальчик, да? — Тут же продолжил Максим.

— Он просто чудо! — подхватила Лида.

На оставшемся пути до дома они обсуждали мальчика с кубиками, да и дома все продолжали этот разговор.

Максим и Лида стали частыми гостями в детском доме № 3. Но теперь они все больше времени проводили с Денисом. Они брали его гулять во дворе. Мальчик все время выглядел серьезным. Говорил не очень много, но при этом не был катастрофически стеснительным и зажатым, но его доверие явно нужно было заслужить. И супруги очень старались раскрыть перед мальчиком свою душу. Он очень им нравился, и им хотелось, чтобы чувства эти оказались взаимными.

— Скоро Новый год,— сказал Максим, когда они все вместе однажды прогуливались во дворе детского дома.— А тебе этот праздник нравится?

— Конечно, нравится! — закивал Денис головой.

— А что ты хочешь в подарок? Что попросишь у Дедушки Мороза? — Продолжал интересоваться Максим.

— В подарок? — Денис хмыкнул.— Я чудо хочу.

— Чудо? — удивились Лида и Максим.

— Ну да, ведь в Новый год обязательно случаются чудеса. Вот и мне очень хочется чуда.

— Да, ты совершенно прав,— поддержал Максим.— Какой же Новый год без чуда? Все это знают! Мы тоже каждый год ждем чуда.

— И как, чудеса приходят? — Заинтересовался Денис.

— А как же! — заверил Максим.— Их только нужно уметь замечать.

— Угу,— кивнул Денис и улыбнулся.

Лида была в восторге от этого мальчика. Она никак не могла наговориться с ним и наглядеться на него. Каждый раз она с сожалением покидала детский дом. Эти встречи стали ей просто необходимы. Она очень к Денису привязалась.

Они с Максимом очень хотели усыновить этого ребенка. Только не знали, захочется ли ему быть с ними. Поэтому в очередную их встречу они завели с ним этот разговор.

— Денис, а ты хотел бы уехать из детского дома? — Это Лидины слова.

— Куда? — спросил мальчик.

— Ну, хотел бы ты, чтобы у тебя появилась настоящая семья, папа и мама, которые увезли бы тебя отсюда? Ты бы стал жить с ними?

Денис серьезно посмотрел на них и сказал:

— Конечно хочу. Все ребята хотят этого. Но нам нельзя об этом говорить. Воспитатели рассказывали, что когда-нибудь наши родители обязательно нас найдут и заберут отсюда. А пока мы должны хорошо себя вести. Мы все ждем, когда нас заберут родители.

У Лиды навернулись слезы. А Максим присел на корточки, чтобы быть на уровне Дениса:

— Денис, ты хочешь поехать с нами? Мы родители, которые, наконец, тебя нашли и хотим, чтобы ты жил в нашей семье.

Денис кивнул. Даже не сказал ничего, просто кивнул.

Так все и решилось.

Наконец, все документы были оформлены. Дело близилось к Новому году. А Лиди и Максим решили, что праздник они встретят дома, со своим сыном.

Последний разговор с заведующей был обстоятельным. Сегодня они официально стали родителями Дениса и уже собирались забрать его домой.

— Что ж, думаю вам все ясно,— закончила свою речь заведующая.— Очень надеюсь, что Денису будет у вас хорошо.

Они все встали и супруги пожали ей руку.

— Поздравляю, вы стали мамой,— сказала она Лиде. Максима она тоже поздравила с тем, что он стал папой, но Лиди этого уже практически не слышала. После этой простой фразы про маму у нее зазвенело в ушах. Да, теперь она мама. Приятное тепло разлилось по телу, и она уже думала о том, как сейчас увидит Дениса.

Лиди и Максим забрали Дениса домой, они показали ему его комнату. Помогли разобрать привезенные с собой вещи. Лиди понимала, что впереди еще долгий период привыкания друг к другу. И еще не скоро он будет относиться к ним как к родителям. Но они не собирались его торопить.

— Ты можешь называть нас тетя Лиди и дядя Максим,— сказала она мальчику.— В этом нет ничего страшного.

— Хорошо,— согласился Денис.

Постепенно Денис привыкал своему новому дому и к своим родителям. Так же он узнал, что у него теперь появились бабушки и дедушки, а еще тетя. Он стал больше улыбаться. С радостью ходил с родителями по магазинам, где сначала ему купили новую одежду и другие разные необходимые вещи, а затем они вместе выбирали подарки родным и близким, а потом покупали продукты для праздничного стола.

Новый год они решили встречать дома втроем. Денису нужно было хотя бы с родителями познакомиться ближе, незачем окружать его вниманием сразу со всех сторон. Большое количество родственников и друзей сразу только напугает его и запутает.

Денис с большим удовольствием ставил и украшал с Максимом искусственную елку, развешивал мишуру и гирлянды по всему дому, помогал накрывать на стол...

За окном пошел обильный снег. Денис прилип к окну.

— Красиво! — восхитился он.

Во многих окнах горели гирлянды, у кого-то было видно, как сверкает елка. Настроение все это создавало, что надо.

Телевизор был включен и на фоне всех новогодних приготовлений слышались знакомые реплики из «Иронии судьбы».

Денис смеялся, прыгал по квартире в ковбойской шляпе, которую ему подарили, верхом на венике, заменявшем ему лошадь. Зрелище это было уморительное, так что Максим и Лида тоже не могли сдерживать улыбки...

И вот, когда все уже было готово к волшебному моменту встречи Нового года, они расселись за праздничным столом. Совсем скоро пробьют куранты, и в новый год вступит одна семья, где совсем недавно появилось 4-хлетнее чудо, покоровшее сердца Лиды и Максима. Конечно же, новогодние чудеса случаются! Разве это не одно из них? Вы только посмотрите на счастливую мордашку этого мальчика. Он уплетает оливье, лопочет про санки, на которых ему обещали весело кататься всей семьей с горы. Родители тоже сияют не хуже собственной елки, под которой они, кстати, вскоре обнаружили целый мешок подарков.

— Вот это да! — кажется, Денис был в восторге. Вот и еще одно чудо. Чудо для мальчика, которое он так хотел. А может он говорил не о нем, а об этих двух обнявшихся людях, наблюдавших за ним с широкой улыбкой. Может, именно они — его новогоднее чудо?

Нет, он не стал называть их родителями в эту волшебную ночь. Слишком мало времени прошло. Но с ним сейчас были люди, которые постепенно становились его семьей. И он был счастлив. Денис определил это совершенно точно. У них в детском доме каждый мальчишка и каждая девчонка знали, что такое счастье. Когда у тебя есть семья... Это и есть счастье!..

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

МОЯ ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ. ЭГО-ИСТОРИЯ*

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

Мне без малого восемьдесят. Прожита жизнь. Она началась в прошлом веке и захватила начало нынешнего. Это рассказ о том, как время преломилось в жизни и судьбе одного человека. Этот человек ничем не примечателен, не обременен известностью и званиями. Не участвовал. Не привлекался. Но был свидетелем всего того, что в это непростое время происходило. Возможно, кому-то это будет интересно.

ВОЙНА

Мое детство совпало с войной. Когда она началась, мне было почти четыре года. Родился в декабре, а война началась в июне. Вместе с мамой был эвакуирован в город Сасово. Помню, улица называлась улицей Революции, на окраине города, где жили мамины родственники. Жили большой семьей в одном доме — мамины сестры, жена дяди Яши, их брата, ушедшего на войну, с четырьмя детьми. Войну здесь не было слышно. Только иногда над городом пролетал немецкий самолет. Высоко. Слышали шум мотора. Не бомбил. «Разведчик», — говорили взрослые.

Помню, как в отпуск на три дня приехал дядя Толя, муж маминой сестры Лизы. Приехал ночью. Мы спали. Во дворе дома была большая собака. Не помню, как звали. Овчарка. Злая была собака. Как дядя Толя ее не испугался? Подошел к двери и постучался. Он был морской летчик. Поэтому, наверное, смелый. Потом тетя Лиза говорила, что загнал собаку под дом, и вошел.

Дядя Толя погиб на войне, и тете Лизе прислали его офицерский мундир с орденами и морской кортик. Такой кинжал в красивых черных с золотом ножнах. Он мне очень нравился. Мне позволяли подержать его в руках. Он потом потерялся, не помню как, потому что мы после войны много переезжали с одной квартиры на другую.

Через год нас с мамой и тетей Лизой переселили в комнату в квартире — это называлось подселение эвакуированных. Хозяйка был недовольна, хотя ее дом был

* Термин эго-история узнал из интервью, которое дала известный историк профессор Наталья Басовская «Дилетантам» Юрию Каракурчи и Георгию Артамонову. Она определила его как историю одного человека, рассказанную им самим о своей жизни. Профессор уверена, что из таких эго-историй складывается более детальная картина любого исторического периода.

большой. Было голодно, но не очень. Мама устроилась работать поваром в столовой, хотя в Москве у нее была техническая работа, на станке. Она приносила мне хлеб, иногда конфету. Говорила — «это тебе лисичка прислала».

За окраиной города, где мы жили на квартире, начинались большие поля, засеянные рожью или пшеницей, не знаю. Осенью после уборки на земле оставались колоски. В них было зерно. Вместе с другими соседскими мальчишками я ходил их собирать. Для этого мама сшила мне сумку из материи, я носил ее через плечо. Дома мама доставала из колосьев зерна и молола их на мельнице. Это были два деревянных круга с дыркой в центре. В деревяшки были вбиты кусочки железа. Между деревянными кругами сыпали зерна и за ручку крутили эти деревянные круги. Они терлись друг о друга, и получалась мука. Мама пекла блины или пышки.

Это было не долго. На полях часто появлялся человек на лошади. Их называли «объездчик», потому что они объезжали поля, били плеткой ребят, собиравших колоски, по спине и отбирали сумки вместе с колосками. Когда это со мной случилось, мама перестала меня пускать в поле за колосками и отобрала сумку.

Еще помню, как хозяйка, у которой мы жили на квартире, убивала кроликов. У нее в огороде в сарае жили кролики. Для еды. Один раз я случайно видел, как она взяла кролика за задние лапы, ударила его поленом по голове, и кролик сначала подергался, потом умер. Иногда она угощала нас чем-нибудь из еды. Видела, что у нас мало еды. После того, как я видел, как она их убивает, я всегда отказывался есть кроликов.

Потом война кончилась, и мы уехали в Москву, потому что до войны там жили.

ПОСЕЛОК ТЕКСТИЛЬЩИКИ

В Москве на Донской улице наш дом разбомбили немцы. Тете Лизе, как жене погибшего на фронте ее мужа, дали комнату в коммунальной квартире. В ней жили, кроме нас, еще две семьи. В одной — дядя Саша. Он на войне потерял ногу. Был сапожником. Сильно выпивал, а пьяный бил свою жену Татьяну, очень красивую женщину. У них было трое детей. Лида была красивая девочка моего возраста, двух ее братьев не помню. В другой комнате жили дядя Анатолий, большой сильный мужчина. Он был моряком, воевал на корабле. Его жену не помню.

Вскоре наши соседи поменялись. Дядя Саша умер «от водки», как говорили соседи, и его тетя Таня уехала с детьми на родину в город Кимры. Потом из разговоров соседей я узнал, что Кимры был город сапожников. Там делали хорошую обувь. Вот почему дядя Саша был сапожником.

Потом съехали с квартиры дядя Анатолий и его жена.

Новыми соседями были семья Алима Тухватуллина с женой и двумя дочерьми моего возраста. Одну из них звали Галия. Она мне нравилась, и мы часто играли вместе.

Другая семья была Ивана Михайловича Богданова. Он был инженер, главный электрик на заводе КИМ. Ким означало Коммунистический Интернационал Молодежи. Он выпускал легковые машины «москвич». Его жена Мария Григорьевна была еврейка, а он — украинец. У них было двое детей — Иван, мой ровесник. Семья его звала Вач-Вач — так он себя, Ивана Ивановича, назвал, когда был маленьким. Сестренку звали Анечкой.

Потом я узнал, что Алим Тухватуллин работал в органах. Тоже потом я узнал, что означало — работать в органах. Днем мы его почти не видели. Однажды, когда еще в квартире жили дядя Анатолий с женой, его жена и жена Алима Тухватуллина поспорились, и их разнимал Анатолий. Вечером пришел Алим Тухватуллин, он вы-

звал из комнаты Анатолия. Я видел, как они стояли друг перед другом: Анатолий большой сильный, а Алим маленький, худенький. Мы все боялись, что они подерутся. Но кричал только Алим, Анатолий спокойно слушал. Когда они расходились по своим комнатам, Алим чем-то пригрозил Анатолию. Вскоре Анатолий с семьей съехали с квартиры. Поэтому мы старались не ссориться с семьей Алима.

Война еще не совсем ушла из нашей жизни.

Каждый день мимо наших домов проходила колонна пленных немецких солдат. От их сапог от дороги поднималась пыль. На них были серого цвета шинели. У них были серые от пыли лица. Они шли молча. Вокруг себя не глядели. Мы, мальчишки, непременно бежали рядом с колонной и дразнили их — фрицы, фрицы. Они на нас не оглядывались.

Немцы строили в поселке дома. Трехэтажные, каменные. Все другие дома в поселке были деревянные двухэтажные, отштукатуренные. Помню, однажды, когда пленные немцы расположились на перерыв, я стоял неподалеку, и один поманил меня. Я подошел, он протянул мне руку — в ней был маленький фарфоровый ангелок.

Нередко по нашей улице проходила колонна танков. Однажды легковая машина съехала в овраг неподалеку от нашей улицы. Помню, как приехал танк и вытянул ее на дорогу.

А еще в неглубоких оврагах недалеко от наших домов лежали азростаты — серые, большие, похожие на китов. Их было три штуки. Они служили для противоздушной защиты, чтобы задерживать немецкие самолеты. Они там лежали, и мы ни разу не видели, как они поднимались в небо. Война-то кончилась. Потом их увезли.

Недалеко, в Кузьминках, стояла воинская часть. В поселок приходили солдаты и офицеры. Они приносили консервы с мясом, а мама взамен давала им махорку, которую они курили. Махорку привозила из Сасово другая мамина сестра — тетя Поля. Еще солдаты отдавали нам ненужные гимнастерки или шинели. Мама умела шить. Она из них сшила мне куртку и пальто.

Во дворе мы, мальчишки, играли в войну. Сражались деревянными саблями и строчили из деревянных ружей — та-та-та-та. Были «убитые» и «раненые». Побеждали всегда наши. «Наши» — это ребята с нашей улицы. «Немцы» были с другой улицы. Те, другие, нас звали «немцы».

Поселок Текстильщики был на окраине Москвы. От Люблино нас отделял пруд. Он так и назывался Люблинский. Это уже была Московская область.

Пруд этот был замечательным местом для нас, мальчишек. Летом мы купались, пока не посинеешь, и кожа не станет «гусиной», то есть в пупырышках, и пока зубами не застучишь. Здесь быстро научишься плавать. Не умевшего брали за руки и за ноги, раскачивали и на счет — раз-два-три — бросали в воду с высокого места. Еще с высокого места ныряли или «солдатиком» — ногами вниз, или «ласточкой» — с разбега вниз головой с раскинутыми руками, которые перед самой водой складывали вперед вместе.

Зимой тоже пруд оставался замечательным местом. Если вода замерзала крепким льдом, а снег еще не успел выпадать, во льду можно было найти вмерзшую рыбу. Эту рыбу можно было вырубить изо льда топором. Красивое зрелище. Лед прозрачный. Бежишь по нему, скользишь ногами, и вдруг видишь под ногами рыбу. Кажется, что она сейчас вильнет хвостом и исчезнет в темной воде, а она не двигается.

Еще зимой пруд нас кормил. Пруд был проточный. Где-то в Кузьминках его питал родник. А вытекал он под мосты шоссе, а потом железной дороги. Вытекал, перетекая через невысокую плотину. Даже не плотину, а плотинку маленькую. Вода перед ней не замерзала. Это было очень кстати. Если стоять на краю полыньи, то можно было видеть, как из-под льда выплывали рыбы. Эту рыбу мы, мальчишки,

ловили сачками. Мама сшила из марли мешок, я приделал его к проволочному кругу с палкой, и получилось орудие лова.

Взрослые прорубали во льду лунки и ловили рыбу на крючки. Мы, мальчишки, ловили рыбу сачками. Удавалось наловить иной раз рыбы целый бидон без воды. Довольный, с чувством добытчика, я приносил маме рыбу. Это была плотвичка величиной с карандаш. Варить ее было незачем, считала мама. Она «проворачивала» ее через мясорубку, и делала котлеты. Они даже без масла были вкусные. Без масла, потому что масла в доме не было.

А еще зимой пруд был местом сражений между мальчишками поселка Текстильщики и мальчишками Люблина. Мы у своего берега играли в хоккей, они у своего. Ключки были из толстой железной проволоки, крюк ключки обматывали изоляционной лентой. Шайбой была пустая консервная банка. Почему возникал повод для ссоры с последующей дракой, не помню. Скорее, это дань традиции. В деревнях тоже дрались парни двух рядом расположенных деревень. «Стенка на стенку». «Бились» кулаками, побросав железные ключки на лед. Поэтому не было тяжелых травм. Синяки да шишки.

Между старыми домами, в одном из которых мы с мамой жили, и домами, построенными пленными немцами — трехэтажными, кирпичными, получался просторный двор. Здесь проходила наша мальчишеская общественная жизнь. Порой она была жестокой. Меня за смуглый цвет кожи называли то татарин, то еврей. Но играли мы все вместе. Нередко это были игры на деньги. В расшибалку, в пристенок.

Чертили на земле черту, это был кон. Клали на кон деньги — мелочь: три копейки, пять, десять. Клали столбиком. С расстояния в десять шагов кидали битую — кругляшек из свинца. Чья бита легла ближе всего к деньгам, тот получал право первым разбить кон. А потом бить по рассыпанным монеткам битой. Та, которая от удара переворачивалась, была выигрышем. Это расшибалка.

В пристенок надо было играть у стены. Первый ударял своей монеткой о стенку. Монета отскакивала и падала на землю. Другой делал то же самое своей монеткой. Если расстояние между монетками было таким, что второй игрок мог коснуться их большим пальцем и мизинцем своей руки, он выигрывал — забирал чужую монетку.

Таким манером можно было набрать денег достаточно, чтобы купить мороженое — в бумажных стаканчиках с деревянной палочкой. Или проиграться. Именно в игре возникали ссоры, правота в которых доказывалась порой кулаками. Это было редко. Здесь мы учились соблюдать правила жизни и с достоинством встречать неудачу.

Но были у нас и другие игры. Вернее, одна игра. В нашем доме жил инженер с завода КИМ. Добрый, хороший человек. У него жена была красивая молодая женщина, которая «погуливала». Так говорили взрослые. Но обо всем или почти обо всем, о чем говорят взрослые, узнают и дети. Знали и мы, мальчишки. Он приобщил нас к одной заморской игре. Расчистил площадку, поставил на ней проволочные воротца в определенном порядке, а в центре «мышеловку» — воротца крест-накрест. Деревянным молотком, ударяя по деревянному же шару, надо было прокатить его через все воротца и мышеловку. Этот добрый несчастливый человек терпеливо объяснял и учил, как все это надо делать. Эта игра была английская и называлась крокет. Не надо путать с крикетом, игрой, похожую на нашу русскую лапту.

Здесь же, во дворе, мы учились тому, что в жизни будет всегда тот, кто главнее тебя или сильнее тебя. И надо выбирать — бояться или бунтовать, стоять на своем. Эти первые жизненные уроки выявляли сильные и слабые стороны твоего характера. Слабые стороны есть у всех. Сильные вырабатываются в процессе жизни. Мальчишкой я понял, что смуглый цвет моей кожи создаст много проблем в моей будущей

жизни. Так, впрочем, это и было. Когда меня били, а это иногда случалось, никогда не плакал и не говорил — не надо, больше не буду. Много лет позже прочитал рассказ Джека Лондона «Мексиканец» и вспомнил наши ребяческие разборки. Именно так, как написано в рассказе, я себя всегда вел, когда случалось быть битым — в прямом или переносном смысле.

ШКОЛА

В школу я пошел в первый мирный послевоенный год — 1945-й. Тогда было раздельное обучение. Школа серого цвета была мальчишеской, красного кирпича — девчачьей. Так мы тогда говорили. Обе были далеко от наших домов. Никаких контактов, совместных мероприятий — вечера, праздники не проводились. Каждая школа жила сама по себе.

По-видимому, из-за этого мы тогда не умели обращаться с девочками. Помню, в нашем подъезде жила девочка Марина, ровесница, беленькая, с тонким лицом, она мне нравилась. Но обратить ее внимание к себе я не умел. Кончилась, не успев начаться, дружба тем, что при других мальчишках, не помню за что, бросил в нее яичную скорлупу; она прилипла к ее лбу. Было смешно. Мальчишки смеялись. Она заплакала, и никогда больше не разговаривала со мной и даже избегала.

В школе кормили. Во время перемены нас водили в столовую. Выходили из-за стола полуголодные. Мы всегда были полуголодные. Переиначивали слова известного стихотворения, которое наряду с другими учили наизусть. «Я волком бы выгрыз, да нечего грызть». Переиначивали слова и известных песен на свой лад, не всегда литературный: «Союз нерушимый голодных и вшивых...».

Некоторых учителей помню. Первые четыре класса вела Антонина Николаевна. Неряшливая женщина, больше озабоченная своей семьей, чем учительством. Запомнилась только тем, что дверь в класс нередко открывалась, показывалась голова нетрезвого мужчины. Хриплым голосом звал — Тонька, выйди. Антонина Николаевна покорно выходила.

Больше всех запомнилась учительница русского языка и литературы — Клавдия Николаевна, «Клавдюша». Она была классным руководителем нашего класса. Есть ли в теперешних школа такая должность, не знаю. «Классные» должны были опекать свой класс, следить за успеваемостью и вызывать в школу родителей, если ученик плохо учился или озорничал. Она любила свой предмет, хорошо учила и хорошо относилась к нам. В первый раз в жизни я попал в театр, когда Клавдюша затеяла культпоход для нашего класса. Стоит ли говорить, каким сильным, незабываемым до сих пор это было впечатлением для мальчишки в те годы. А была «Синяя птица». Оказалось, есть совсем другие дома, красиво одетые дети, женщины и мужчины. Они двигаются и говорят совсем не так, как мы в своем дворе. Говорят особенные слова. И музыка, которую тоже еще никогда не слышали.

Мы видели, что за нашей Клавдией Николаевной ухаживал учитель физкультуры. Как звали, в памяти не осталось. Помню, это был грузный крупный мужчина. Уроки он вел плохо. Заставлял бегать вокруг школы. Однажды урок был в физкультурном зале. Надо было делать упражнения на спортивных снарядах. Запомнился эпизод — учитель хотел показать, как надо прыгать через «коня». Разбежался, подбежал к спортивному снаряду и ...обошел его сбоку. Подошел к окну, стал смотреть в него. Мы молчали. В общем, физкультурой мы занимались кое-как.

Нам очень нравилась учительница английского языка. Она была молодая и очень красивая. Видом она была похожа на иностранку. Одевалась не по-нашему. Не так бедно, как другие учительницы. Было очень приятно на нее смотреть. С одним из ее

уроков у меня связано грустной воспоминание. Однажды на ее урок пришел завуч. Пожилой сутулый человек по имени Борис Федорович. Хорошо помню, как его звали. Все учителя у мальчишек имели прозвище. Удобно было. Во-первых, короче, без отчества, а во-вторых, точная, емкая характеристика. Ребятам это дано. Так вот, завуч, он преподавал физику, был строг чрезвычайно, поэтому прозвище его было «Барбос». Пришел на урок, стал проходить в проходе между рядами парт. Подошел к моей парте. Увидев, что записываю не в тетрадь, а на листке бумаги, скомкал ее и комок бросил мне в лицо. Если бы не красивая молодая учительница, я бы, наверное, заплакал... Барбос своим хриплым прокурненным голосом сказал, чтобы я пришел к нему с мамой. Мой однокашник, по фамилии Карпов или прост «Карп», картавый на все буквы, сказал — «мать тебе пиндюлей теперь надает». Никаких «пиндюлей» мама мне надавала. Если я огорчал ее, она не выговаривала мне и не ругала, а могла долго со мной не разговаривать. Это было самое тяжелое для меня наказание. Мы жили вдвоем, без папы. Искать защиту или утешение было не у кого. Молодая учительница проработала в нашей школе недолго. Поэтому как ее звали, не помню.

А вот другую преподавательницу, тоже английского языка, я помню очень хорошо, хотя прошло уже много десятков лет. Звали ее Гертруда Аркадьевна. Она была добрая и хорошо учила нас английскому. Иногда на своем уроке она читала нам книжки английских писателей. Читала с английского текста сразу по-русски. Помню книгу о Шерлоке Холмсе. В классе стояла не привычная для мальчишеской школы тишина, когда она читала.

Клавдия Николаевна, «руссичка», и Гертруда Аркадьевна, «англичанка», наверное, им обязан интересом, пронесенным через всю жизнь, к литературе и иностранному языку.

Этими воспоминаниями о них я хочу отблагодарить их за то, что пробудили этот интерес.

Впрочем, через два десятка лет, как принято в таких случаях говорить — жизнь подарила мне встречу с Гертрудой Аркадьевной, и хоть в малейшей степени ее отблагодарить. Я уже был молодым врачом и помимо основной работы в одном НИИ, о которой позже, подрабатывал дежурствами на «неотложной помощи» во все тех же Текстильщиках. Поступает вызов на головную боль и рвоту. Приезжаю. Звоню в дверь. Мне открывают. На пороге в дверях стоит Гертруда Аркадьевна. Она вспомнила меня через два десятка лет! «Это ты?!» — с удивлением сказала она. Больна была ее мама, очень старая седая женщина. Гипертоник. Сделал необходимые инъекции и подождал, не уходил, пока не снизилось давление. Повспоминали с учительницей школу.

Кроме учителей запомнились несколько однокашников. Наиболее интересным был Сережа Брук. Он знал английский. Был начитан, знал стихи наизусть. Не скажу, что мы дружили, но он был мне интересен. А это важно. Как говорил Маяковский — «делать жизнь с кого?» Не школа, по крайней мере, тогдашняя, давала ориентир в жизни, а вот те, кого встретил в самом начале ее.

Другой был Эдик, по фамилии, если не ошибаюсь, Галущенко. Маленький, шуплый. После травмы, он попал в детстве под машину, у него было повреждение каких-то внутренних органов. Он был инвалид. Был умненький, добрый. У здоровых мальчишек редко бывает чувство жалости или сострадания. Мне было его жаль. Никогда не задирали его. Не знаю, так ли это, но когда я стал врачом, детским, педиатром, способность сочувствовать мне очень пригодилась.

Вячеслав Михайлов

(г. Тула)

АЛКАШ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликованы более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег».

Алексей Клинец прогулялся после ужина и, возвращаясь, присел покурить в скверике рядом со своей многоэтажкой. Сигарета закончилась, а подниматься не хотелось совсем — удерживал приятный летний вечер.

На другой конец скамьи опустился какой-то мужик.

— Бомжа не хватало,— огорчился Алексей, искоса взглянув на подсевшего.

Действительно, у того были очевидные признаки бездомного бродяги: небрит, давно не стриженные, всклокоченные волосы, сильно поношенные, не по сезону, одежда и обувь, измятая физиономия со следами похмелья, возраст не определишь, то ли под шестьдесят лет, то ли под сорок. Недоставало объемистого полиэтиленового пакета с припасами из мусоросборных бачков, да запах тяжелый не доносился. «Ветерок нос бережет»,— подумал Клинец. Он решил уйти, но тут заметил на выгоревшей куртке мужика большие буквы «МЧС».

— Что ж ты, бомжара, серьезную службу позоришь? — возмутился громогласно Клинец, повернувшись к мужику.

Того нисколько не смутило, не встревожило грубое обращение, а заинтересовало, оживило; с озорным любопытством глядел на недовольного Клинцова.

— А что, куртку я честно добыл,— просипел мужик прокуренным голосом.— И не из мусорки, из сумки с тряпьем. Люди приличные нет-нет оставляют у бачков, не смешивают с объедками и прочей бякой. И эмчэсник тот, что барахло оставил, стало быть, нормальный мужик, ясное дело. Помог, спас можно сказать от простуды — служба у него такая, хы-хы.

— Ты балагур подзаборный, остряк, да?

— А что, времени — вагон. Охотников беседовать мало, ясное дело.

— Это точно,— поднялся со скамейки Алексей.

— погоди подполковник, обождет твое МЧС,— тоскливо запросил мужик.

— Откуда взял, что подполковник, и МЧС? — опешил Клинец от удачной догадки бомжа.

— Кого еще эта куртка может задеть. А звание наобум ляпнул. Вообще подумал, не выше майора — лет то тебе немного. Забыл, что все переменялось: министры — молодь сплошь, и генералы, видать, такие есть, не говоря про подполковников. Ясное дело — смута... или революция, или контрреволюция, или реставрация — хрен раз-

берешь. Застой — творенье стариков, а смута — юных мужиков, хы-хы. Повысить тебя в звании решил, и угадал, выходит, ясное дело. Не уходи, алкаш я, не бомж — из запоя только, не очухался еще. Есть у меня крыша над головой.

— И бог с тобой,— миролюбиво сказал в рифму Клинцов, двинувшись потихоньку от скамейки.

— Инженер-механик я по диплому, тридцать лет без малого инженером-конструктором отпахал, пяток изобретений у меня. И для гражданской обороны кое-чего придумал. ГО ж теперь в МЧС,— скороговоркой докладывал алкаш вслед уходящему Клинцову.

— От меня-то чего хочешь? — притормозил Клинцов и развернулся.— Жалости, сочувствия?

— Да нет,— обрадовался мужик.— У меня все в ажуре: неделю бухаю, две перерыв — режим, хы-хы. С печенкой повезло, ясное дело. Как перерыв, работаю, читаю, размышляю за жизнь. Мнение иное любопытно. Не уходи.

Алексей вернулся к скамейке, присел.

— И что ж у тебя за работа? — насмешливо спросил он.

— Зря смеешься! — счастливо засветился мужик.— В нашей конторе конструкторов с матуклоном осталось с гулькин хрен. А заказы кое-какие сохранились. Математика — козырь мой, ясное дело. Ну, директор, нет-нет, подбросит работенку за наличные: рассчитать, проверить там, пересчитать. И в мой режим вписывается, хы-хы. Работа сама ко мне идет — такие пироги.

— Деньги водятся, а по мусоркам шарахаешься.

Мужик заерзал:

— Да не шарахаюсь я. И бачков этих вонючих не касаюсь. Одежку гляну иногда. Срам, ясное дело. Денег не густо, честно говоря. Директор жметя — знает, я и даром возьмусь, лишь бы мозги размять. Жалко мне денег на шмотки, вдруг не хватит на водку и жратву... До пенсии еще два года.

— А домашние расходы, коммунальные?

— Давно из дома ушел. Бабулька знакомая приютила — в баньке у нее живу. Заброшенная была банька. Починил. Когда нужно, подтоплю, дровишки — моя забота... Телик старенький есть. По дому, по двору хозяйке помогаю, если что,— такие пироги. Не лыбься — старенькая она, говорю. А библиотека у нее супер: классики, по истории книг полно, энциклопедии; старик ее важным кадром был в советские времена. Доступ имею, только на трезвую голову — условие поставила. Повезло, ясное дело. Когда в приличных людях ходил, намного меньше читал, хы-хы, по специальности все больше. Теперь в историю, философию ударился, политические описи. Технарям серьезным, физикам неживая материя быстро надоедает, к людским отношениям тянет — известный пируэт. Возьми, хоть Капицу — Петра* конечно... Сикорский**, Никита Моисеев***, Алферов Жорес****. Вот и я, хы-хы. Вполне серьезный технарь, а как же,— ухмыльнулся широко мужик.

— А ты что окончил? — спросил Клинцов.

— Наш политех.

— Механический факультет?

— Ага, тридцать пять годков прошло уже.

— Я на том же факультете отучился, только тринадцать лет назад.

— Да ну!

* Советский и российский физик, инженер, педагог, общественный деятель, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии

** Российский и американский авиаконструктор, общественный деятель

*** Советский и российский математик, философ, академик АН СССР и РАН

**** Советский и российский физик, педагог, общественный и политический деятель, академик АН СССР и РАН, лауреат Нобелевской премии

— Точно. И экономический диплом еще получил — не так давно... Не пригодился он.

— Здорово... Ты вот по-свойски проясни мне картину, хоть в общем и целом. Судя по телику, работы у вашей конторы не убавляется, а наоборот, кажется: аварии, катастрофы, пожары лесные не утихают по полгода. У меня до сих пор из памяти не идет Саяно-Шушенская ГЭС. Бухал как раз, к концу уже шло, а тут станцию эту, красавицу, разворотило — неделю еще не просыхал... И пожар этот в кафе, в Перми, не забыть — жуть: сколько народу веселого в минуты считанные спеклось, задохнулось!

— А что ты хочешь, если барыш как теснил легко безопасность, так и теснит: в энергетике, лесном хозяйстве, общепите, на дорогах, реках — куда не глянь. Зачем по-серьезному на безопасность тратиться, если многие нарушения ее норм и даже преступления можно скрыть, наказания за эти вещи — нечувствительные, и от тех можно при случае ускользнуть или откупиться.

— И как этот расклад исправить? Что нужно-то?

— Известно что: реальные нужны строгость и неотвратимость наказания, если в корень зреть. Иначе говоря, нужна устрашающая комбинация наказания и вероятности его понести. Но откуда этому взяться, когда у нас меру наказания определяют псевдогуманисты, а неотвратимость его в руках псевдоэкономистов. Первые против строгих наказаний — этак, мол, будет не по-доброму, не по-человечески, а вторые экономить обожают на надзорных органах, МВД, Следственном комитете и прочих структурах, которые обеспечивают поимку, избличение и наказание нарушителей, преступников. И получается: жалкие наказания, ослабленное расследование нарушений и преступлений не удерживают от черных дел злоумышленников, гособоротней среди них. Еще и провоцируют на новые «подвиги». Обе ноги хромые: и строгость, и неотвратимость. Самое то для аварий, катастроф, пожаров, коллективных отравлений да прочих бед. МЧС и медикам приходится кашу расхлебывать. Стараемся поспевать... Но не всегда вовремя, не всегда далеко сил хватает, не всегда профессионально, чего греха таить, псевдоэкономисты и по нашей части стараются. В итоге люди регулярно оплачивают здоровьем, жизнями своими кривой гуманизм и экономию бестолковую. Такие наши пироги, господин... как тебя величают? Меня Алексеем зовут.

— Петрович я,— назвалса мужик и согласно закивал лохматой головой.— В принципе, Леша, и вправду спорить особо не о чем: наказания должны быть построже, избежать их должно быть трудно, ясное дело. Если помеха этому неправильные гуманисты и экономисты, что с ними миндальничать? Перевоспитывать поздно, не маленькие. Чего их при власти держать? Заменить на правильных спецов, и вся недолга. Глядишь, пойдет безопасность внутренняя в гору.

— Не меняют и все,— развел руками Клинец.— Почему, как думаешь?

— Выходит, Леша, единомышленники у них имеются на самом верху и покровители... А что, личная и семейная безопасность наверху в ажуре, чего спешить с подъемом безопасности для всех. Можно и погодить — дело недешевое. Без того забот насущных, затратных полно: и оборонку поднимать, и армию, и сельское хозяйство, и авиапром гражданский — столько уронили всего с девяностых, поднимай да поднимай. Еще и соорудить хочется что-нибудь пышное, крупное за счет госказны типа суперстадиона или небоскреба, или горнолыжного комплекса — на память потомкам.

— Петрович, ты голова! Хорош бухать. Помогай порядок наводить.

— А что, я готов,— игриво приосанился и ухмыльнулся Петрович.— Завяжу, перетерплю, раз не справляетесь.

Алексей глянул на часы и поднялся: «Ну, вот и договорились. Пора мне. Продолжим разговор, если свидимся. Пока».

— Пока, и удачи тебе,— попрощался сникший Петрович.— Заглядывай сюда. Я покумекаю, что и как, ясное дело.

Людмила Сенина
(г. Тула)

**Из музыкально-поэтического альбома
«МНЕ ДАНО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ...»**

Родилась 30 сентября 1961 года, город Алексин, Тульская область. Педагог, поэтесса. В 1980 году окончила Тульское педагогическое училище № 1, в 1985 — исторический факультет Тульского государственного педагогического института / в настоящее время — Тульский государственный педагогический университет / имени Л. Н. Толстого. Сейчас работает учителем истории в Центре образования № 42 г. Тулы. Стихи Людмилы Сениной опубликованы в нескольких поэтических и песенных сборниках.

* * *

Мне давно не семнадцать,
И не тридцать уже.
Умудрилась влюбиться —
Не прикажешь душе.
Возраст — он не помеха,
Чтоб всем сердцем любить,
И, хотя бы немного,
Чтоб любимой быть.
Кошки ночью все серы,
Как и жизнь без тебя.
Не хочу годы мерить.
Я хочу жить любя.

ЗВЕЗДОЧКА

Засияла ярко-ярко звездочка
Где-то там, в небесной глубине.
У меня в окне открыта форточка,
«Звездочка! Лети скорей ко мне!»
Я ведь знаю, как одной невесело,
Хоть красива ты и горяча.
Над Землей лучи свои развесила
В поисках надежного плеча.
Мы с тобою скоротаем времечко,
Ночь бессонная быстрее пройдет.
Мысль назойливо сверлит мне темечко:
«Где же он? Когда уже придет?»

Ты мне подскажи, подруга-звездочка,
Ведь тебе все видно с высоты,
Может, и его открыта форточка?
Он не спит, и с ним его мечты...
Ты узнай, о чем он там мечтает,
Может, без меня во тьме грустит?
Может, также, как и я, страдает,
Без меня его душа горит?
Помоги нам, маленькая звездочка,
И навстречу путь друг к другу укажи...
Дунул ветер, и закрылась форточка,
И осталась я одна в тиши.

НЕСЧАСТНАЯ ДУША

Душа наивная моя
Доверилась и распахнулась.
Любовь впорхнула, поманя,
Но вдруг спиною повернулась.
Заплакала душа моя:
За что такая ей немилость?..
Поглубже слезы затая,
Молчи!.. Любовь тебе приснилась.

КОЛЕЧКО

Колечко на пальце
Не просто сияет.
Оно, как звезда,
Мне мой путь озаряет.
Колечко на пальце —
И радость в груди,
Что рядом с тобой
Мне по жизни идти.
И если уедешь,
Быть может, куда,
Колечко на пальце
Со мною всегда.
Колечко на пальце —
Ты рядом со мной,
Мой самый любимый,
Мой самый родной.
Дороже всех в мире
Сокровищ оно —
Колечко мне это
Судьбою дано.

* * *

Говорят, что жизнь, как зебра:
Черный цвет, и белый цвет.

Говорят, не нужно нервы
Тратить — утром и в обед.
Говорят, что если тучи
По небу сейчас плывут,
Значит, будет солнца лучик,
Будет он когда-нибудь.
Только лучика мне мало.
Не хочу когда-нибудь.
Чтобы сердце не страдало,
Будь со мною, милый, будь.

* * *

Если б только знать могли мы,
Что нам встреча суждена,
Ради б этой встречи жили
Ты один и я одна.
Не бродили бы по свету
В поисках большой любви.
Знать бы нам о встрече этой...
В юность снова позови!
Пусть уж нет давно кудряшек,
И морщинок пруд пруди,
Никого нет в свете краше...
Чувства рвутся из груди.
По-мальчишески задорный,
Ты на подвиги готов!
И звучит мотив мажорный,
Ничего, что он без слов!
Нам с тобою слов не надо:
В унисон стучат сердца!
Мы с тобой друг другу рады!
Счастья нам! Да без конца!

* * *

Много разных мужчин на свете:
Высоких, недюжинной силы,
Иной красив на портрете,
Но самый лучший ты, мой милый.
Неважно, какого ты роста.
Неважно мне, есть ли кудряшки.
Тебя я люблю — все просто,
И не гадай на ромашке.
Ты добрый, внимательный, нежный.
С тобой мне легко и спокойно.
Любовь — океан безбрежный!
Любви нашей мы достойны!

* * *

Мне грустно, милый, без тебя,
И грусть не выразить словами.

Лишь мысли, память теребя,
Сияют яркими цветами.
Вот встреча наша, вот он, парк...
И блеск в глазах, и вдохновенье...
Я вспоминаю вновь и вновь
Счастливые для нас мгновенья.
Я представляю образ твой,
Твои глаза, твою улыбку.
И только кажется мне злой
Судьбы нелепая ошибка.
Как поздно нас она свела.
Ну как мы друг без друга жили?..
Сирень из года в год цвела...
Ах! Сколько мы недолюбили.
Нет! Жаловаться просто грех:
Любовь с годами горячее.
И ты, любимый, лучше всех.
Нить между нами все прочнее.

Галина Ульшина
(г. Батайск Ростовской области)

АВИАЦИОННОЕ

Педагог, эссеист, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг прозы и поэзии, изданных в России, Канаде и Германии.

Двадцать ангелов в этой жизни:
спящих, пишущих и хранящих,
успокойся, чего дрожишь ты,
что всего один — настоящий...

Эти ангелы — как самолеты,
все летали бы вокруг подопечных,
не пристали им наши упреки,
что живые сердца не вечны,
что под кожей — узел боли,
и дела неотложны, вАжны...

По твоей, ли, Спаситель, воле,
даже ангелы стали продажны?

Вот — единственный, рукокрылый,
так хотел защитит в паденьи —
сквозь Дебальцево, через взрывы,
он летел за моей тенью,
сбилсЯ с курса, и вот нелепо
вдруг упал самолет с нами,
направлявшимися в Алеппо,
чтоб промолвить свое «Амен!»
миру...
В Черное, ледяное...
Водолаз — это ангел тоже.

А потом их осталось двое.
Нет, и этих не стало.
Боже...

ГЕННАДИЮ МИРУ (МИРОШНИЧЕНКО)

Научное и художественное наследие Геннадия Георгиевича, плоды его трудов на ниве просвещения и духовного развития сохранятся в нынешнем и последующих поколениях. Светлая память об ушедшем друге, коллеге, собрате по перу будет жить в наших сердцах.

Тульское отделение Союза Российских писателей:

Татьяна Леонова (Абинякина), Юрий Алешин, Ирина Гаврилова, Елена Гаденова, Андрей Галкин, Сергей Галкин, Екатерина Гарбузова, Александр Кузнецов-Тулянин, Сергей Овчинников, Владимир Пряхин, Виктор Секачев, Виктория Ткач, Вера Трофимова, Вячеслав Тюняев, Сергей Щеглов.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

МИРУ ГЕННАДИЮ ГЕОРГИЕВИЧУ

Он освещал друзьям дорогу,
Любимым путь он освещал.
Он был посланником от Бога
И Мир в твореньях открывал.

Мудрец, Целитель и Философ,
Ученый, Труженик, Поэт.
Носитель Истин высших в прозе,
В стихах запечатлевший свет.

Он кладезь знаний нам в наследство
Оставил в книгах на Земле.
И до последних стуков сердца
Был верен Богу и себе.

Пройдут года, десятилетия,
Промчатся долгие века,
Но будет жить на свете этом
О Боге и Любви строка.

Татьяна Леонова
(г. Щекино)

**ГЕННАДИЮ МИРУ —
УЧИТЕЛЮ, ДРУГУ, МУЖУ —
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ**

* * *

Я у пропасти на краю —
Камень бросила вниз, стук не слышу.
Я тебя бесконечно люблю,
Ну а ты улетаешь все выше.

Говорить не могу — молчу,
Да и что услышу в ответ?
Я с тобой лишь дышать хочу,
Без тебя не мил белый свет.

Коль уйдешь — умру от тоски,
Без тебя мне не петь, а выть.
Вместе до гробовой доски
Собирались когда-то быть.

Вот бы все повернулось вспять:
Ты в полете — и я с тобой!
Пусть прольется с Небес благодать,
Продлевая наш путь земной!

* * *

Радость моя! Я проснулась с тобой...
Грустно стихов твоих книгу листаю,
Тихо душа твоя рядом витает,
Свет наполняет меня неземной.

Радость моя! Я проснулась с тобой...
Только вчера тебя в Храме отпели,
Ангелы Света в наш Храм прилетели,
Чтобы забрать твою душу с собой.

Радость моя! Я проснулась с тобой...
Больно! Душа твоя с телом рассталась!

Но ведь она в твоих книгах осталась —
Бьется сквозь строчки, как в море прибой.

Радость моя! Я проснулась с тобой...

* * *

Ты не умер, ты просто взлетел,
В осиянные Богом пределы,
Ветер Вечности вдруг налетел
На твое изболевшее тело.
Боже Правый! Спаси, сохрани
И прости покаянную душу —
Он в земные служил тебе дни,
И на Небе Тебе он послужит.

УТИХЛА ПЕРВАЯ МЕТЕЛЬ

Недавно из печати вышел поэтический сборник «Настроение», подготовленный известным тульским поэтом Владимиром Сапожниковым. Музыка к пятнадцати стихотворениям из этого сборника написал Алексей Сенин.

Владимир Григорьевич Сапожников неординарная личность. Профессор. Доктор медицинских наук. Член Союза писателей России. Автор 22 поэтических и прозаических книг, более 400 печатных работ в альманахах, коллективных сборниках, журналах и газетах. Лауреат и дипломант многочисленных литературных премий и конкурсов. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. А еще он поэт. Просто — ПОЭТ. И добавить к этому можно только его стихи.

Он обладает неповторимым авторским голосом. Стихи его похожи на музыку, слова в них емкие, подгоняемые ритмическим камертоном. Они — его лирическая биография: в них память сердца, рассказ о времени и о себе.

Он не только интересный автор, но и, без сомнения, добрый и умный человек, способный больше отдавать, чем брать.

Читателей и слушателей подкупает искренность, доброжелательность, желание поэта поделиться своими мыслями и сомнениями. Слова под его пером приобретают новое звучание и смысл. Они воплощают в себе все многообразие и богатство внутреннего мира автора, его переживаний и раздумий. Он не стремится казаться оригинальным, а просто идет своей дорогой, пишет, как может и как любит, чтобы высказать заветное до конца.

А поэзия для него — это способ жить, она рождается из всего. Ведь одни и те же горести и страсти терзают человеческие сердца из века в век. И так будет всегда!

И. С. Тургенев писал, что поэзия «разлита везде, она вокруг нас. Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотой и жизнью, а где красота и жизнь, там и поэзия». В. Г. Сапожников все это видит и отражает в своем творчестве. Ощущение одушевленности пространства рождает тишину и тайну, исходящую от поэтических строк. Владимир Григорьевич — поэт удивительно светлый и гармоничный. Эмоциональное содержание его поэзии связано с богатством ассоциативных свойств слов, образов и выражений, используемых в стихотворениях. Все спаяно, скручено, пережито. Здесь мастерство и сердечность присутствуют одновременно, а в стихах нет ничего лишнего и случайного, но есть наполнение, содержание, идея.

Многие его тексты радуют душу и питают разум. Они хороши тем, что в них отражен сложный и пестрый поэтический мир, слышится спокойная задушевность, гармония, проступает умная сбалансированность повествовательных линий.

В его стихах отражены настроения и переживания, нашедшие отклик в общественном сознании. Среди них выделяются своей гражданской направленностью стихотворения: «России», «Русский дух», «Смоленщина», «Пробуждение», «Русский — это религия...», «Тула», «Сыну Сереже».

*Какая ты красивая, Россия!
Синеют бесконечные поля,
И горизонт от леса синий — синий,
И не понять, где небо, где земля.*

(В. Сапожников. России)

Он певец России с ее неоглядными далями и славным прошлым. Глубоким чувством патриотизма проникнуто все его творчество. Это делает его стихотворения значительными, одухотворяет поэтические строки.

*Мне не надо заморских причуд,
А приятней — пускай не впервой! —
Посмотреть, как по небу плывут
Стаи птиц над родной стороной.*

(В. Сапожников. Сыну Сереже)

В стихотворении «Смоленщина» он говорит: «Чтоб быть счастливым — много ль нужно нам? Жить на земле, где жили наши деды, любить жену, делить с друзьями беды, растить детей в краю, где вырос сам».

В. Г. Сапожников — поэт высоких чувств, знающий непреодолимую силу любви, воспевающий любовь как огромный дар, данный человеку. Он дарует нам прикосновение к женскому очарованию и прелести. В его стихах образ любимой женщины обретает неповторимые черты. В них много свежести, воздушной красоты, тайны, непосредственности.

*Застыла память, как слеза.
Все в прошлом: счастье и тревога.
Твои печальные глаза
Мне рассказали очень много...*

(В. Сапожников. Сон)

*Всесильно женщины тепло.
Оно спасет того, кто тонет,
Печаль в душе мужчин разгонит,
Развеет лишь одно оно.*

(В. Сапожников. Всесильно женщины тепло)

В стихотворениях «Первая любовь», «Сон», «Думал я...», «Простите женщины меня», «В том городе живет родная женщина», «Хлынуло бабье лето», «Всесильно женщины тепло» с психологической правдой раскрывается история любви, философские взгляды автора на человека, его судьбу. Каждая деталь в стихотворениях и общая лирическая тональность вызывает многообразие ассоциаций.

*Все заполнила в мире любовь,
Две души распахнулись, ликуя...
Пахнут мятой волосы той,
У которой ладони целую.*

(В. Сапожников. Думал я...)

«Любовь — единственная вещь, которой невозможно дать слишком много», - говорил Генри Миллер. И Владимир Григорьевич с ним в этом вопросе полностью солидарен.

*Простите, женщины, меня
За огорченья и разлуки...
За неуверенные руки,
Что обнимали Вас любя...
Теперь другие времена...*

(В. Сапожников. Простите женщины меня)

Точны и тонки его стихотворения о природе. Здесь проявляется чуткость, искренность, лиричность. Красота души человеческой в представлении Владимира Григорьевича всегда так или иначе связана с красотой природы, с ее всепроникающим влиянием.

*В тихом уголке России
Вишня, словно в серебре,
И не видел я красивей
Ничего весной нигде.*

(В. Сапожников. Вишня)

Но весна не только время года, а еще состояние души поэта! Весна — способность светить, чувствовать, любить. И от такой любви никуда не уйти, не скрыться.

Природа изображается в движении, органически связывая лирические переживания поэта с образами природы («Утихла первая метель», «Снег», «Сыплет бисером пурга за окном», «Грустная весна», «Ветер»).

*А на улице дождь. Не вернется былое.
Ты ушла навсегда, эта снежная ночь.
Будто что — то в душе оборвалось такое...
И никто, и ничто мне не в силах помочь.*

(В. Сапожников. Снега, снега хочу)

В них часто стирается грань между изображением природы и переживаниями автора. Природа таким образом очеловечивается и делается отображением души поэта. Каждая стихотворная строка отделана до блеска, а форма безупречна. Он сумел передать все тонкости настроений, ощущений.

*У меня на душе благодать,
Будто заново только родился,
В этом мире весны очутился.
Надо жить, надо верить и ждать.*

(В. Сапожников. У меня на душе благодать)

Эти стихи замечательны глубокой душевностью и отражением всех граней бытия, в них есть элемент равнодушного авторского присутствия, дыхание пульсирующей жизни.

Стиль стихотворений воскрешает запахи, звуки, навевает грусть и пробуждает радость. В них звучит уверенность, что мир все же больше склонен к добру, надежде, любви и вере.

Евгений Трещев, член Союза писателей России, г. Щекино.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

*Беседу с **Владимиром Вольфовичем Жириновским** — Руководителем фракции ЛДПР ГД ФС РФ, членом Государственного Совета, Председателем ЛДПР, доктором философских наук, заслуженным юристом России ведет член Союза писателей России, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, член редколлегии и автор нашего журнала **Людмила Евгеньевна Авдеева**.*

Л. А. Владимир Вольфович, с момента прошлой нашей беседы в стране и в мире произошло немало событий. Состоялись выборы в Государственную Думу, появился новый президент Америки, кандидатуру которого Вы предсказали заранее, отметили 25-летие ГКЧП, действия которой ЛДПР всегда поддерживала, выступая за сохранение великой страны, да и теперь Вы требуете восстановления исторической правды. Мы живем в смутное время вызовов, угроз, санкций, военных конфликтов, которые перекраивают и географическую карту, и общественное сознание.

В. В. Ж. Да, если бы ГКЧП победила, мы бы не потеряли с 1991 года людей больше, чем за Вторую мировую войну. А люди — это основной капитал любой страны. Мы требуем признания вины Горбачева и Ельцина за распад СССР. И сегодня народу необходимо сильное государство, устойчивая власть, сильная армия, патриотическое общество без низкопоклонства перед другими странами, необходимо строгое соблюдение закона, равенство перед ним каждого, национальная безопасность. Надо защищать российскую государственность. Поэтому-то нам и нужна великая, мощная Россия, необходимо стратегическое партнерство со странами Ближнего Востока. Россия бросила вызов США, не дав растоптать древнейшую ближневосточную цивилизацию в Сирии. Мы не имеем права допустить гибели русской цивилизации, а с ней вместе западнохристианской и евразийской. Мы выступает в защиту христиан по всему миру. Атака идет не только на Россию, а на весь славянский мир, который хотят сузить с запада англосаксы, с востока китайцы, турки с юга. И не надо культивировать национальные трения внутри страны. Сильное государство должно иметь сильную экономику и культуру на высоком уровне. Россия — исторический союз многих народов и государственным языком на протяжении всей ее истории был русский при сохранении национальных языков.

Л. А. Безусловно, мирное эффективное сосуществование наций имеет многовековое подтверждение, а необходимый дух единства укрепляется культурой, искусством, литературой, в основе нравственной природы которых православие, первоначально звучавшее как правдославие, религия правды. Название «славяне», определяющее группу народов, объединенных близостью языков, общностью происхождения, встречается уже в текстах 6 века. А во второй половине 7 века о них упоминают зарубежные, в частности, арабские авторы.

В. В. Ж. Культура любого народа неизбежно связана с его историей. Культура славянских народов имеет общие исторические корни.

И исторически сложились три ветви славянской культуры, из которых восточная — русские, украинцы и белорусы восходит к Киевской Руси. Святую Русь тысячи лет пугали, а она достойно принимала вызовы и мужественно защищалась.

Л. А. К слову, Николай Бердяев определил в философских работах славянскую натуру как бескорыстную, жертвенную, исторически совестливую, терпеливую, но в то же время с чувством национальной гордости, непокорную, мятежную, умеющую сострадать и умеющую жить в коллективе, как в лоне матери. В смутные времена все эти чувства обостряются. Население бывших республик столкнулось с серьезными проблемами становления, и на примере Украины мы видим, какой крови это стоит. Но в свое время поэт и дипломат Тютчев писал, что враждебное отношение Европы к России, к Востоку — «величайшая услуга, которая заставит славян осознать себя и свое достоинство».

В. В. Ж. На Украине националисты захотели сблизиться с США и Западом, забыв, что мы рождены одной матерью — Киевской Русью, забыли, что мы один народ — русичи, забыли, что Россия спасла мир от фашизма. Нам не нужны майданы, гражданские войны, цветные революции. А ведь в Крыму зафиксированы теракты, организованные спецслужбами Украины. В Прибалтике аэродромы НАТО. Сформировалась тревожная обстановка.

Л. А. Украинской проблеме Вы посвятили немало выступлений на ТВ, значительное число публикаций. Вы всегда высказывались жестко по вопросам Украины, развенчивали мифы, на которых строятся русофобские концепции. Масштабной получилась книга «Дым над Украиной», в которой рассмотрен роковой сценарий событий, сделаны исторические выводы, раскрыты корни украинской проблемы. По-прежнему актуальны ваши книги «Бросок на юг», «Последний вагон на север», «Иван, запахни душу». Эти книги требуют помнить, что у нас великое отечество.

Но если еще не так давно мы говорили об интернациональных связях, братском содружестве, о многонациональной советской литературе, насчитывавшей более 40 сложившихся национальных литератур, о многомиллионных изданиях книг, то сегодня кто из молодых, да и немолодых, знает творчество украинских классиков прошлого Павла Тычины, Александра Корнейчука, Ивана Франко или белорусских писателей Янко Купало, Якуба Коласа?

В. В. Ж. Писатели того поколения выступали от лица народа. У них была творческая и жизненная позиция, ответственность за судьбу страны, за будущее. Писательство и окружающая жизнь со всеми мировыми проблемами, историческими событиями, бытовыми коллизиями — явление взаимосвязанное. Сегодня происходит искажение исторической правды о взаимоотношениях славянских народов, их историческом и культурном единстве. В школах программы по литературе и истории надо менять. Мы требуем отмены ЕГЭ, выступаем в защиту чистоты русского языка. Литература должна избавиться от серости, графоманов, чернухи, выступать против американизации мышления молодежи. Надо пережить эпоху временщиков, а лживая культура со временем уничтожит сама себя. Исчерпают себя уже надоевшие читателям борзописцы. У славянских стран, как и литературы, свой путь развития. Заканчивается эпоха доминирования Запада.

Л. А. Русское трудное прошлое не выдерживает сравнений с сытым Западом. Как говорил Гоголь, на базар надо ехать в Европу, а за мудростью в Россию. Еще в устном народном творчестве основной темой была борьба за независимость, любовь к родной земле, родному языку. Журнал «Приокские зори» своей задачей ставит восстановление творческих контактов. Так, прочные творческие связи установлены с

Белорусским литературным Союзом «Полоцкая ветвь», членом которого стал главный редактор журнала, известный ученый и романист А. А. Яшин. Белорусским поэтам и писателям уже не раз были предоставлены страницы журнала. В городе Полоцке проходит ежегодный Международный литературный форум «Славянская лира», репортажи с которого публикуются в журнале. Среди участников представители литературной интеллигенции России, Украины, Белоруссии. А на последнем Форуме были авторы из Казахстана, Литвы, Европы. И в этом номере, где планируется наша беседа, белорусские авторы, материалы о союзном государстве займут ведущее место. Я тоже предложила для публикации отрывки из своей поэмы «Синеокая Беларусь».

В. В. Ж. Я высказал свое мнение о Союзном государстве Россия-Беларусь в телепередаче Владимира Соловьева «Поединок». Там мы с Александром Прохановым спорили по белорусским проблемам. Я сказал о своем отношении к политике батьки Лукашенко, к тем проблемам, которые всем видны, высказал свое мнение о долгах по электроэнергии, о кредитах, взятых у Запада, о контрабанде, идущей через белорусскую территорию.

Л. А. Да, я помню этот эмоциональный поединок, Ваши резкие высказывания и победу с большим разрывом в голосах. Но всех этих проблем не было, если бы не уничтожили единую Державу, в которой все мы были единым советским народом.

В. В. Ж. Власть — страшный наркотик. Желание власти привело к Беловежскому сговору. Дружбу не купишь за деньги. Белоруссия — важный экономический партнер. Ей надо осваивать российский продовольственный рынок в интересах белорусских производителей, искать инструменты решения конфликтных ситуаций. Добра соседство государств зависит от взаимопонимания глав правительств. Никто ничего не имеет против беладу.

Л. А. В мае 2016 года в составе делегации Фонда инвалидов войны в Афганистане я была в Витебске на первом Международном фестивале патриотической песни «Солдаты Отечества». Большая культурная программа подтвердила необходимость сотрудничества общественных и государственных органов власти России и Белоруссии по укреплению братских связей наших народов, по патриотическому воспитанию молодежи. В рамках празднования дня белорусской письменности, в преддверии 500-летия белорусского книгопечатанья немало внимания уделяется изданию книг авторов обоих государств. В октябре состоялся съезд Союза писателей Союзного государства, сделавший акцент на возрождение лучших литературных традиций, укрепление государственности и авторитета писателей на международной арене. Затем состоялся и совместный съезд писателей России и Белоруссии, на котором значительное внимание было уделено детской, юношеской, школьной литературе, ее воспитательной, просветительской, познавательной, социальной роли в современных условиях.

В. В. Ж. Культура, искусство, литература всегда были делом общегосударственным, общенациональным. ЛДПР уделяет значительное внимание издательской деятельности. И это не только мои книги, но и многих других авторов, аналитиков. Это большие тиражи брошюр, газет, журналов. Журнал «За русский народ» выходит тиражом в 15 тыс. экз. и мгновенно расходуется, так как интересен читателям дискуссионными материалами, историческими очерками. В нем есть разделы, посвященные отечественной и мировой истории, международным проблемам, экономике, в помощь агитатору, трибуна патриота. Да и художественной литературе в нем находится место. Вы помните, какие там последние литературные публикации?

Л. А. Да, только в последних номерах опубликованы стихи Ильи Аутова «Брестские крепости», отрывки из повести Надежды Серединой «Дорога в Эрусалим», статья Дмитрия Курека «Солнце русской поэзии», посвященная Пушкину. Среди изда-

ний ЛДПР интересные книги члена Союза писателей Ю. Спирина. В 2016 г. вышла тиражом в 30 тыс. экз. книга заведующего отделом прозы Московской городской организации СПР М. А. Замшева «ВВЖ. Жажда правды». Огромная заслуга ЛДПР — издание подарочных изданий произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. Цветаевой, сборников «Афоризмы золотого века», «Афоризмы серебряного века», «Пословицы русского народа», которые украсят любую библиотеку. Да и мне отраднo, что на страницах журнала «За русский народ» увидели свет мои поэмы «Опомнись, Украина», «Кочевник», «В апреле начинается весна», «Дорогой свершений», «В защиту русского языка».

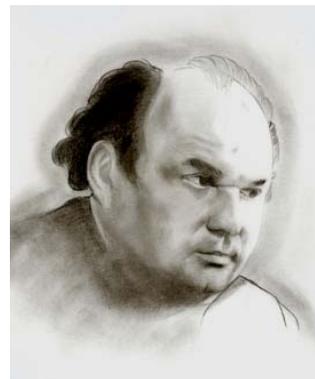
В. В. Ж. Страницы печатных изданий ЛДПР открыты для талантливых авторов, с твердой жизненной, активной гражданской позицией. Писатель, как говорится, материал штучный, требующий уважения, но деятели литературы должны быть ответственной, не повторять ошибок предшественников, сохранять национальную самобытность, национальные традиции, пополнять сокровищницу мировой культуры, чего я и желаю авторам журнала.

Л. А. Спасибо, Владимир Вольфович, за интересную беседу. Разрешите и Вам пожелать успехов и исполнения оптимистических прогнозов.

К 80-ЛЕТИЮ ВАЛЕРИЯ ХОДУЛИНА

Обзор творчества поэта

Есть книги, которые хочется читать и перечитывать, не замечая хода времени, вживаясь в образы, проникаясь чувствами лирического героя, наслаждаясь красотой, вместе с автором вставая на защиту самого дорогого в жизни. К таким книгам относятся сборники известного тульского поэта Валерия Ходулина.

На фоне полной, за редкими исключениями, неразберихи в современной тульской литературе поэт уверенно продолжает традиции русской классической поэзии, основоположниками и созидателями которой являются Александр Пушкин, Николай Некрасов, Федор Тютчев, Афанасий Фет, Александр Блок, Сергей Есенин, Александр Твардовский, Константин Симонов, Василий Федоров и другие русские поэты.

Хорошая поэзия — а она как свеча в окошке и для начинающих, и для умудренных опытом авторов и читателей, — всегда молода. Потому сколько бы ни было лет настоящему поэту, он также всегда молод, молод душой, рождающей такие стихи...

Валерий Ходулин родился 17 августа 1937 года в Туле и был крещен во Всехсвятском соборе. В простой рабочей семье все были металлистами. Его дед и прадед работали на самоварной фабрике купца Баташова.

Поэзия и жизнь неразрывны, как неотделим от жизни и сам поэт. А богатство человека-творца — в его корневой системе: в истоках его души, в его предках, в земле, на которой он родился и вырос, в культуре и традициях народа. «Валерию Ходулину не приходилось специально «изучать жизнь» для того, чтобы писать стихи», ибо древо его поэзии имеет прочные, народные, трудовые корни.

С ранней юности поэт стал трудиться. Окончив восемь классов, в 1952 году, в пятнадцать лет, он пришел на Тульский оружейный завод учеником столяра. Затем, окончив школу оружейного мастерства, получил специальность гравера по украшению охотничьего оружия.

Потому и пишет он о рабочих и их труде, как о сокровенном. «Труд с его насущными заботами, временем ученичества, огорчениями, удачами — вот основа его поэзии...»

И поэт не просто пишет о труде, он его воспевает, видит в нем настоящую поэзию, ибо и здесь движению руки предшествует движение души.

Способность оживить, одухотворить все вокруг себя и выразить это в стихах — это ли не настоящая поэзия?..

Срочную военную службу В. Ходулин в 1956—1958 годах проходил на крейсере «Аврора» (город Ленинград, Кронштадт). И первое его стихотворение было опубликовано в городе на Неве в газете «Ленинские искры». Прошли армейские годы, и, демобилизовавшись, молодой поэт возвращается в Тулу, на свой родной оружейный завод.

Кем бы ни работал Валерий Ходулин — столяром или гравером на Оружейном

заводе,— он на всю жизнь остался оружейником. Но оружейником тоже можно ощущать себя по-разному. Поэт понимает и выражает это так: «Я — оружейник, / Мирный человек...»

Гордость оружейника не ограничивается только им самим. Ведь оружейное дело, достигшее своего апогея в различных современных видах вооружения, начиналось, долгие годы развивалось и крепло стараниями многих людей в Туле — по праву оружейной столице России.

Валерий Ходулин — «первый поэт, в значительной части своего творчества отразивший Тулу оружейную, ее историю, традиции», талант и смекалку оружейных мастеров. Героями его стихотворений являются С. И. Мосин, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, Н. Ф. Макаров, М. Т. Калашников, И. В. Щербино и М. И. Почукаев.

После школы рабочей молодежи, выдержав творческий конкурс, В. Ходулин в 1960 году поступил в Литературный институт имени М. Горького, который окончил. И, когда он был еще студентом пятого курса, в Туле увидела свет его первая книга «Гравюра».

Поэт настолько любит свой город, что после окончания с отличием Литинститута, несмотря на два предложения остаться в столице и работать в «Роман-газете», он отказался, вернулся в Тулу и с 1965 по 1978 год работал старшим редактором Приокского книжного издательства.

В 1972 году, после выхода поэтических книг «Веснушки» (1967) и «Рыжая метель» (1968), Валерий Ходулин был принят в Союз писателей СССР.

Стихи поэта публикуются в московских и тульских журналах и сборниках, на страницах центральных и местных газет. Выходят из печати книги: «Гудки» (1975), «Серебряное эхо» (1976), за которую он был удостоен премии Тульского комсомола, «Золотая пора» (1979), «Монолог брата» (1985), «Кузнецкая слобода» (1987), «Коллекционное вино» (1993), «Цвета победности» (2003), за которую автор стал лауреатом областной литературной премии имени Л.Н. Толстого, «Настраиваю душу на добро» (2016), за которую удостоен второй областной литературной премии имени Л. Н. Толстого.

Книги наполнены любовью к родной земле, из души Валерия Ходулина льется и утверждается им беззаветная любовь к своему краю («Здравствуй, край, молодой и былинный!..», 5, с. 158). Творчество самобытного поэта всецело связано с родным городом, с дорогами его сердцу туляками. В своих стихотворениях он воспевае красоту Тулы — ее улицы, храмы, исторические памятники, — воспевае ее величие, описывае героические страницы ее истории, подвиг туляков во время Великой Отечественной войны. В. Ходулин — автор известных поэтических произведений о Петре I, Демидове, Левше, цикла стихотворений о Льве Толстом: «Награда Льва Толстого» (10, с. 83), «Друг» (10, с. 86), «Монолог брата» (10, с. 92), «Ясная поляна» (5, с. 185), «Шел Лев Толстой» (5, с. 186)...

В его стихах возникает неповторимый, незабываемый облик Тулы, вызывающий у читателя — жителя других мест — любовь к городу, его истории и знаменитым людям. У поэта есть одно стихотворение о Туле, в двадцати четырех строчках которого во всей полноте дан образ города и выражено отношение к нему истинного патриота-туляка.

Тульский кремль... Верный седой свидетель всех дел тульских, всех ратных подвигов, всей истории города и оружейного производства, начиная с основания Оружейного завода, 300-летие которого мы праздновали в этом году («Прошло два века...», 9, с. 105).

Одной из значимых достопримечательностей Тулы — ныне в новом великолепном здании — является музей оружия. И поэт как истинный патриот города и ору-

жейник не может обойти эту тему стороной: «...Здесь работу самой высшей пробы / Встретишь ты на каждом этаже...»

Запоминаются стихотворения В. Ходулина, имеющие большой общественный резонанс: «Памятник», «По Белеву едет Пушкин», «Коллекционное вино», «Кузнецы», «Рисует парень старые дома» («А в тех домах — история сама») и уже упомянутая нами поэма «Тульский кремль».

История города-оружейника неотрывна и от военных баталий, в которых весь Тульский край обрел неувыдаемую славу. Это и Куликовская битва, и события смутного времени, и отражения бесчисленных набегов крымчаков, и баталии 1812-го года, и героическое участие в обороне Москвы в 1941-м. Поэтому защитники Отечества неизменно пользуются уважением и любовью поэта. Будто над каждым воином, сражавшимся на протяжении всей истории на тульских рубежах, восходила будущая золотая звезда города-героя.

Валерий Ходулин, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, был и остается активным членом Тульской писательской организации. Его произведения нашли отклик и у простых туляков, и у писателей. Он четырежды: в 1978—1985 и в 1989—1990 годах заслуженно избирался ответственным секретарем Тульской областной писательской организации Союза писателей России, а в 1992 году стал председателем президиума совета Тульского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. При В. Ходулине туляки с большим желанием и удовольствием ходили на возрожденные им авторские вечера тульских писателей в ДК профсоюзов.

Через все творчество Валерия Ходулина проходит еще одна тема, очень дорогая поэту, определяющая и все другие, рождающая прекрасные чувства у читателя — тема любви к Родине. К сожалению, сейчас приобщение к России происходит не только через положительные, но чаще всего через негативные моменты современной жизни. Поэт как любящий страну и народ человек не может не сказать, и с волнением и сожалением говорит об этом: «Откуда, скажите, откуда...»

Остановиться бы людям, задуматься, соотнести мотивы и цели со своим предназначением... Но нет, спешат жить и брать от жизни все, кто сколько сможет... Болью отзывается большое чуткое сердце Валерия Ходулина на такое положение вещей.

Но более всего его волнуют дети. Ибо от того, кто они сейчас, зависит, какими будут страна и народ, и будут ли вообще.

На стихи В. Ходулина художественным руководителем и главным дирижером Тульского музыкального оркестра народных инструментов «Ясная Поляна» В. Синьковским написаны несколько песен. Воинам нашей Тульской воздушно-десантной дивизии посвящена «Песня о десантниках», а родному городу посвящена песня «Давай пройдем по городу любимому». Поэт является автором текста гимна АК «Туламашзавод». Он — лауреат Всероссийского отраслевого фестиваля авторской песни.

Как поэт Валерий Ходулин очень разнообразен, как разнообразна и сама наша жизнь, его поэзия широка и многогранна: стихи о родном городе и российских просторах, о знаменитых туляках, старинных мастерах, о памятниках истории и культуры, о любви и дружбе, есть даже задорные частушки. Ему принадлежит лучшее стихотворение о тульском прянике.

Во многих стихах поэт размышляет о прошлом, настоящем и будущем родного края и нашей России. В прошлом было много хорошего, и люди среднего и старшего возраста помнят это. Но было и плохое в нашей истории, болью отзывающееся в сердце художника и гражданина: «Вот в этой церкви / Меня крестили, / А после церковь / На слом пустили...»

Будучи разумным оптимистом, Валерий Ходулин знает — идеала невозможно достичь, можно только приближаться к нему. Поэтому, испытывая ностальгию по

прошлому, не принимая плохого в нем и жалея об ушедшем хорошем, он понимает — возврата к прошлому нет, история не делает таких шагов, можно идти только вперед, к лучшему, чем было и есть, но вперед, творя новое.

Люди со слабой укорененностью в жизнь России, в ее традиции, а попросту говоря, мало или вовсе не любящие ее, когда тяжело стране и людям, уезжают в чужие края, надеясь там найти счастье и благополучие. «...А нам в России оставаться: / Ковать, косить, пахать и жать. / А нам с Россией возрождаться, / Поскольку некуда бежать».

Мы всегда были рады разумным заимствованиям извне и иностранным специалистам, приезжающим к нам с открытым сердцем. Но в стране есть абсолютно все необходимое не только для возрождения, но и для подъема на совершенно иной уровень технологий и бытия, как это и всегда было в России — тому множество доказательств в ее истории, считает поэт. Он верит в будущее России и утверждает это своим творчеством.

И еще одно очень важное понимание золотой нитью проходит через произведения поэта — необходимость связи времен. Без этой связи мы будем «Иванами, непомнящими родства», будем постоянно расписываться в своей несостоятельности. Валерий Ходулин знает, как важно возвращение к православным традициям, без которых немыслима великая русская культура, в том числе и литература. Однако всегда исключительно честный и перед собой, и перед людьми, он не похож на тех перевертышей, кто в миг из атеистической партийной или мещанской ипостаси перешел в религиозную, да еще с неопитско-фанатичным уклоном. Поэт идет к Православию, открывает свое сердце Христу, верит, что Господь поможет России, спасет ее, верит, что в Господе спасение и каждого из нас.

Связь времен и патриотизм основаны на памяти, в том числе и на памяти тяжелых годин военного лихолетья — и давних, и тех, что на памяти еще живущих. Характерны строки о герое русско-японской войны, командире крейсера «Варяг» В. Ф. Рудневе — в них живо чувствуется преемственность военных поколений.

Из истории Тулы никогда не исчезнет страница о подвигах воинов рабочего полка, достойно оцененных маршалом Победы Г. К. Жуковым и всей страной. И такой мастер слова, как Валерий Ходулин, не мог не писать об этом. В его стихах мы находим строки и об этом.

Отгремела, отстреляла война. Сколько жизней она унесла с собой! И растут деревья из-под ржавых гусениц некогда подбитых танков и разбитых орудий, из земли, обильно политой кровью и защитников, и врагов. Одну из таких картин увидел поэт, и родился удивительный, неповторимый образ: «И стоит замшелая громада / Словно на коленях перед ней».

Всякий причинявший или причиняющий зло жизни рано или поздно должен встать перед ней, жизнью, на колени. Этому, конечно, должно предшествовать раскаяние. Люди в своей основной массе добры, забывчивы на злое. Помнить — значит прощать, но не забывать причины, приведшие ко злу, не забывать, чтобы не повторилось то плохое, что было.

Но вот, сколько лет уже прошло с той страшной войны, а все эти годы то тут, то там до сих пор ведутся, так называемые, локальные войны. Были и такие, в которых участвовали и наши горожане. Валерий Ходулин не желает повторения этого, не желает прихода груза «N» — цинковых гробов с телами погибших в «мирное время» российских ребят.

В 1995—2000 годах поэт — единственный из тульских писателей — трижды посещал «горячие точки» для встреч с воинами. В 1997 году он ездил в г. Хасавюрт (Дагестан) к воинам Тульской дивизии внутренних войск. В октябре 1999 года выехал в 119-й парашютно-десантный полк 106-й Тульской гвардейской дивизии ВДВ, в зону боевых действий, в Шелковской район Чечни. Дважды посещал флагман Тихо-

океанского флота — гвардейский ракетный крейсер «Варяг». Везде В. Ходулин встречался с людьми, изучал их повседневную суровую военную службу. И в результате рождались стихотворения и очерки. Он имеет благодарность Верховного Главнокомандующего ВС РФ В. В. Путина «За самоотверженность и отвагу, проявленные при защите Отечества», имеет благодарность командования оперативной группой ВДВ в Чечне, награжден медалью «За службу на Северном Кавказе» и другими медалями, является членом Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

Поэт не желает, чтобы великое зло разгорелось из малых очагов, полыхающих в разных местах, как это уже не раз бывало в мировой истории.

И добро, и зло на земле делают люди, ибо они обладают свободой воли. Поэтому и важно — каковы качества людей, творящих историю. А таковыми являются все люди, в том числе и такие, казалось бы, маленькие, как капитан Тушин из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Потому В. Ходулин уделяет человеческим качествам большое внимание в своем творчестве.

Сейчас стало обычным разделение по национальностям, по крови, по религиозным признакам. А ведь все это не столь важно, важно же, каковы души людей. Если у человека душа — русская, значит и человек — русский. Об этом писал Ф. М. Достоевский, говорил генерал Деникин. Об этом же пишет поэт: «Не люблю твое имя нерусское, / Твою русскую душу люблю».

Большое внимание Валерий Ходулин уделяет теме гражданственности. По его мнению, гражданин, исходя из сил, что дает Бог, должен всегда занимать четкую позицию.

Поэт — автор тринадцати книг стихотворений и двух книг популярных очерков о знаменитых туляках. Будучи общественно активным человеком и деятельным пропагандистом русской поэзии, русского слова, он всегда со своими читателями. Еще в студенческие годы поэт выступал перед рабочими, рыбаками, моряками и летчиками на далекой Чукотке и в Магаданской области. Позже в составе писательских делегаций участвовал в выступлениях в Донбассе, в ГДР, в ЧССР и во Франции. Его голос часто звучит по Тульскому радио и в трудовых коллективах, он выступает перед студентами и преподавателями, школьниками и учителями. Когда В. Ходулин вел цикл радиопередач «Незабвенные имена», то люди, чтобы дослушать, даже на работу опаздывали. До сих пор Валерия Ходулина приглашают в школы для выступлений и проведения экскурсий по Туле, он желанный гость в студенческих общежитиях тульских университетов и в Советах ветеранов Великой Отечественной войны. Школьники пишут сочинения по его произведениям, его стихи в авторском исполнении всегда можно услышать на праздниках «День города» и «День славянской письменности».

Поэт достойно представлял и представляет свой родной город во многих регионах России и за ее пределами. Его произведения переведены на языки ближнего и дальнего зарубежья...

Весь XX век показал, что массовое развитие коллективной собственности в мире во всех ее видах не случайность, а тенденция, и что частная собственность все более становится социально-биологическим атавизмом. Поэтому поэта возмущает образ «куркуля», который, к сожалению, так культивируется в наше время.

Валерий Ходулин, будучи очень ответственным человеком, придает этому качеству в людях большое значение. Об этом его стихотворение-обращение, стихотворение-призыв «Давайте думать...». Однако не устает В. Ходулин задавать себе вопрос: «Каким я сейчас получаюсь? / Каким получаюсь? / Каким?»

Поэт в своих стихах дает много штрихов и деталей, но таких и так, что сразу чувствуешь, насколько велика тема, затронутая им.

Как тонкий лирик, Ходулин посвящает стихи любимой природе. Его пейзажная лирика богата и многогранна. Возьмите любой сборник и просто вчитайтесь в строки (как, например, в стихах «Словно мягкие девичьи локоны...» (1, с. 29), «Зима пургой запорошила...» (1, с. 30), о воде (7, с. 50) и в других). И как человек, горячо любящий свою землю, поэт не может молчать о состоянии природы. Его «стихи о природе несут в себе и тревогу, заботу о ее судьбе, как и о мирном будущем всего живого на земле». Он выражает это с помощью интересного приема — обращения к другому поэту, к певцу еще не испорченной русской природы («Скажи, Есенин, мог бы ты воспеть...»). А как хочется, чтобы очистилась наша земля от всякой грязи — химической, изотопной и... моральной!

Литературный портрет Валерия Ходулина будет неполным, если не сказать о его любовной лирике. Она замечательна, своеобразна и глубоко индивидуальна. Но прежде чем перейти к этой теме, необходимо сказать, что любовь к женщине для настоящего поэта немислима без любви к земле, к природе, к корням, к России. И еще, настоящая любовь к женщине немислима без любви к матери. Об этом у Валерия Ходулина написано много хороших стихов. Редко какой поэт так проникновенно может сказать о любимой женщине: «О тебе цветам шептала травушка, / Думала осока у ручья, / Ладонька моя, / Моя Любавушка, / Радость беспокойная моя...».

Замечательный русский поэт Валерий Ходулин по-настоящему верующий человек, так как к Богу можно обращаться только искренне, а в чем еще человек бывает более искренен, чем в любви. Его поэзия многопланова и многомерна, лирична, отточена по форме и глубока по содержанию. Перечитывая его стихи, мы можем увидеть в них творческую изюминку и своеобразие, особенную музыкальность и живописность. Одной, как будто случайной, деталью, он подчеркивает, как величественна наша земля. Поэт заинтересован в отдельном человеке и обществе, природе и мире. Незамысловатые стихи его идут из самого жизненного опыта, наполнены романтикой и правдивы — во всем этом сила и значимость его поэзии.

Валерий Ходулин известен и как краевед и публицист. Он выпустил в свет две небольшие, но очень проникновенные книги очерков — «По призванию — туляки» (2006) и «Идущие сквозь время» (2008), — в которых с чувством, увлекательно и образно рассказал о людях, которыми гордится Тульский край и Тула: о промышленниках, купцах и благотворителях. Валерий Ходулин выступает в них как поэт, прозаик и краевед, созидающий в душах читателей любовь к родной земле, к своему замечательному городу, к России и народу, к нашей истории и ее позитивным творцам.

1. Ходулин В.Г. Гравюра. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1965 г.
2. Ходулин В.Г. Веснушки. — Тула: Приокское книжное изд-во, 1965 г.
3. Ходулин В.Г. Рыжая метель. — Тула: Приок. книжн. изд-во, 1968 г.
4. Ходулин В.Г. Гудки. — Москва: Современник, 1975 г.
5. Ходулин В. Г. Серебряное эхо. — Тула: Приок. книжное изд-во, 1976 г.
6. Ходулин В.Г. Золотая пора. — Москва: Современник, 1979 г.
7. Ходулин В. Г. Монолог брата. — Тула: Приок. книжное изд-во, 1984 г.
8. Ходулин В. Г. Кузнецкая слобода.—Тула: Приок. книжн. изд-во, 1987 г.
9. Ходулин В. Г. Коллекционное вино.—Ленинский филиал ТППО, 1993 г.
10. Ходулин В. Г. Цвета побежалости. — Тула: Александр Невский, 2003 г.
11. Ходулин В. Г. По призванию — туляки. Популярные очерки о тех, кому город обязан своей славой. — Тула: Гриф и К, 2006 г.
12. Ходулин В. Г. Идущие сквозь время. Популярные очерки о людях, оставивших след в истории Тульского края. — Тула: 2008 г. (ОАО «Тип.«Труд»).
13. Валерий Ходулин. Настраиваю душу на добро. Стихи разных лет в 2-х кн.— Тула: «Арктика», 2016; Кн. 1.— 432 с.; Кн. 2.— 464 с.

Яков Шафран, г. Тула.

ЕЙ ДАНО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

30 сентября 2016-го года в Концертном зале Центра образования № 22 — Лицея искусств города Тулы состоялся юбилейный творческий вечер преподавателя и поэтессы Людмилы Ивановны Сениной. Вечер стал концертом-презентацией музыкально-поэтического альбома Людмилы и Сергея Сениных «Мне дано такое счастье...». Сергей Владимирович Сенин, автор музыки —

композитор, педагог, концертмейстер, ответственный секретарь Региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов».

Ольга Андреевна Нацаренус, ведущая вечера, всегда наполненная любовью к людям, сразу же задала душевный тон всему концерту.

Первую песню «Зимушка» на стихи юбиляра исполнила ученица 11 класса лицея Дарья Юркова.

*...И теперь будут ночи длиннее,
И короче наш жизненный путь...
Только будем друг к другу добрее,
В доброте заключается суть (слова из песни «Осень»)*

— как насыщен призыв поэтессы!

Песни «Смотрит с небес луна» и «Глаза прекрасно-голубые» представила обладательница звонкого и одновременно нежного голоса Олеся Курбатова. Словно читаешь «Песнь песней»:

*Глаз не смыкаю я.
Мысли мои о тебе.
Счастье, любовь моя!
Один ты в моей судьбе.*

Стихи «Если рядом любимый», «Порхают, будто мотыльки, снежинки», «Поздняя любовь», «Мне давно не семнадцать...» прочитала обладающая прекрасным голосом, идущим из самой души, О. А. Нацаренус.

*...Не хочу годы мерить.
Я хочу жить любя...*

— для любящего человека само время замедляет свой ход.

Студент колледжа искусств им. А. С. Даргомыжского Сергей Деньков (лирический баритон, педагог Лариса Деева) исполнил романсы: «Я буду ждать вас, журавли!» и — особенно проникновенно — «Добро и зло».

*...Несите радость и тепло,
Любовь дарите и вниманье,
Добром откликнется добро
И состраданьем состраданье*

— какая еще философия жизни нужна?

Лилия Бажанова эмоционально, с чувством, с выражением прочитала стихи: «На перроне», «На проводах повис листок», «Размышление» и «День рождения».

Преподаватель Тульской областной детской музыкальной школы им. Г. З. Райхеля Ольга Яськова прекрасным сопрано спела 2 романса: «Тоска» и «Родной, единственный, любимый». И верно — победить тоску может только любовь, любовь в великом смысле этого слова.

Так, как Ольга Нацаренус, никто, наверное, не смог бы прочитать «Ты в жизнь мою влетел, ворвался...», стихотворение, которое также подтверждает предыдущую мысль.

Студент Московского института свободных искусств и наук Евгений Хвостов (педагог Виктория Шмыкова) глубоким баритоном исполнил 2 песни: «Подарок» и «Куликово поле». Вторая песня была посвящена 625-летию Куликовской битвы. И снова, благодаря автору, мы понимаем, что земля наша русская сильна и непобедима не только мужеством и героизмом ее защитников, но и памятью.

Три песни для детей из вокального цикла «Медовая песенка» спела Маша Сенина (педагог по вокалу Лариса Деева). Непосредственность, душевность, замечательный голос — все это составляющие таланта молодой исполнительницы.

И вот сама Л. Сенина читает стихи: «Доченьке», «Счастье» и «Спешите радоваться жизни».

Песня на основе прибаутки «Лебедушка», написанная в народном стиле, неоднократно исполнялась хореографическим коллективом «Калинка» в постановке преподавателя лица искусств Галины Дроздовой. И сегодня ансамбль «Калинка» — девушки в замечательных народных костюмах — в плавном танце исполняет эту лирическую песню.

Л. Сенина родилась и выросла в живописном уголке Тульского края, в городе Алексине, отсюда, видимо, прекрасная пейзажная лирика. Дм. Минко и Л. Жарикова — учащиеся театрального отделения лица искусств (педагог Алевтина Сбитнева) прочитали стихи о природе: «Осенний пейзаж», «Весенняя зарисовка», «Апрель» и «Роза». Учащиеся того же отделения лица Л. Паламарчук и О. Стрельцова представили вниманию зрителей стихи — «Времена года», «Ромашка», «Я природу люблю», «Родничок». Словно ощущаешь себя в прекрасных уголках Тульской земли.

Член клуба авторской песни «Бригантина», обладатель Гран-при всероссийского фестиваля авторской песни «Куликово поле» Дмитрий Мельников исполнил две песни: «Юность» и «Город близкий, родной». Великолепное владение гитарой, глубоко проникающий в душу баритон и замечательные слова поэта.

Мария Сенина исполнила песню «Моя Тула». Звонкий сердечный голос — как ему соответствует строка из припева: «Тула всех добром встречает...»!

Вот и завершилась этой удивительной песней — визитной карточкой талантливой семьи Сениных — программа вечера. Заключительные слова сказала виновница этого торжества. Она поблагодарила гостей, благодаря которым, как выразилась Людмила Ивановна, и состоялся этот праздник. «Такого дня рождения у меня еще никогда не было!» — сказала она.

Звучат слова поздравления Л. Сениной и благодарности всей талантливой семье от руководства лица. Поздравление от профсоюза Пролетарского района, ключевым в котором стало: семья — достояние города. Учителя Центра образования № 42, где работает Людмила Ивановна, буквально окружили ее цветами.

Яков Шафран, г. Тула

ЧТО ТАКОЕ «ГАММЕРИЗМ»?

«Гаммеризм» получил право на жизнь еще в начале девяностых годов, когда вышла в свет в Тель-Авивском издательстве «Акад» энциклопедия современных израильских художников «Лексикон», где художественный стиль Ефима Гаммера так и обозначен — «гаммеризм».

Вот что пишет о Ефиме Гаммере доктор искусствоведения Григорий Островский, расшифровывая, так сказать, таинственный стиль художника. Откроем «Иерусалимский журнал» № 7: «И в графике, и в поэзии Ефима Гаммера слышится эхо «серебряного века» русского искусства, в изысканную метафоричность властно вторгаются космизм Велемира Хлебникова и хаотичные ритмы дадаизма. Общим остаются универсальные качества искусства Гаммера: профессионализм в работе с материалом, графическая культура, опосредованная, а нередко зашифрованная ассоциативность образных структур, развитая фантазия, густо настоящая не столько на букве иудаизма, сколько на мистике каббалы».

Исчерпывающе, не правда ли? Ну, а если нет, то чего проще: сходите на выставку в Дом Художников Иерусалима и убедитесь своими глазами, прав ли Ефим Гаммер, утверждающий, что создаваемые им графические работы — это его визуальная поэзия. Во всяком случае, такого мнения придерживаются и французские специалисты по изобразительному искусству. Много лет подряд они экспонируют работы Ефима Гаммера на международных выставках-конкурсах, проводимых французским центром искусств «Артс-Интер», который возглавляет академик Французской и Итальянской академий литературы и искусства мадам Фужиро. Последний сезон выставок завершился недавно и принес Ефиму Гаммеру «Премьер-Приз» в Арле и Золотую медаль в Лионе. Приятно сознавать, что израильский художник, создавший в обстреливаемом террористами Гило серию графических картин «Гаммеризм — Песни жизни», получил столь высокую оценку международного жюри, вступив в творческое состязание с более чем 150 художниками из Франции, Англии, США, Канады, Японии, Испании, Италии и многих других стран.

Его стиль, завоевывающий свое место под солнцем, получил международное признание и был отмечен лауреатскими дипломами на международных выставках в США, Европе, Австралии — в Нью-Йорке, Ницце, Арле, Лионе, Нью-Мехико и других городах.

Первая персональная выставка Ефима Гаммера состоялась в январе 1988 года. Она прошла в престижной галерее Иерусалима «Нора». Вторая в 1992 году в Латвийском обществе еврейской культуры города Риги. Третья в 2001 в муниципалитете Иерусалима, четвертая под названием «Гаммеризм» в Доме художников Иерусалима в 2002. На его счету участие в более чем ста международных выставках в Израиле, США, Франции, Германии, Австралии, России и других стран, на которых он был удостоен восьми гран-при и тринадцати золотых медалей.

«Иерусалимский журнал» № 7

Григорий Островский, доктор искусствоведения

ГАММЕРИЗМ ЕФИМА ГАММЕРА

Как человек становится художником, этого не знает никто: говорят, на роду написано, а кто и зачем написал, неизвестно. Но почему он именно такой, а не иной, можно понять, хотя и не всегда; к тому же умозаключения остаются на уровне догадок. Признаюсь, меня Ефим Гаммер своей непредсказуемостью нередко ставит в ту-

пик. Его путь в искусстве неординарен и парадоксален, но, по-видимому, так и положено поэту — выламываться из общего ряда тогда, когда этого никто не ожидает.

Похоже, что и сам Гаммер был удивлен, ощутив, что он — художник. Поэт, прозаик, журналист, автор нескольких книг, боксер (чемпион Израиля, а ранее — Латвии)...

Все это так, но вдруг стать художником?

По его словам, озарение пришло свыше: «Сижу дома, пишу стихи. В час ночи распахнулась дверь и вошел великий художник — имя его не назову. Сказал: «Ты должен рисовать» — и исчез. С тех пор и рисую». Так ли это было или не совсем так — какая разница, если правда художника неотделима от его воображения, а фантазия — от реальности. Куда важнее результат: Ефим Гаммер,— а было ему тогда сорок лет,— взял в руки карандаш и начал рисовать.

Удивительно то, что Ефим как бы перемахнул через ученичество и сразу стал работать профессионально: может, и впрямь чудесным образом раскрылось нечто заложенное свыше и лишь ожидавшее своего часа. Только за последние десять лет его произведения экспонировались более чем на сорока выставках — в Иерусалиме и Нью-Йорке, Токио и Париже, в Лондоне и Ницце, в родной Риге и на экзотическом острове Тасмания...

О картинах и рисунках Ефима Гаммера следует говорить как о самоценных и самодостаточных произведениях. Однако, мне кажется, еще полнее художник раскрывается в сопряжении с Гаммером — писателем и поэтом. Потому что искусство — это личность автора плюс все остальное: стиль, темы, образная система, материал и выразительные средства, техника и т.д. Но личность-то одна — неповторна и неразъемна.

Сам художник определяет свои произведения просто, непонятно и иронично: гаммеризм. Ничего этот термин не проясняет, но в нем содержится точное и важное указание на сугубо личностный, очень субъективный и индивидуальный характер творческого акта.

Привычные мерки и стандарты здесь не срабатывают, и, наверное, уж лучше таинственный «гаммеризм», чем очевидные неточность и приближительность других определений. Тем не менее, гармония, как известно, поверяется алгеброй, и рациональный подход к рисункам и картинам Гаммера без особого труда вызовет воспоминания о причудливых гротесках Франсиско Гойи и аналитическом методе Павла Филонова, сюрреалистических фантазмагориях Сальвадора Дали и «сатанинском символизме» Бориса Анисфельда.

И в графике, и в поэзии Ефима Гаммера слышится эхо «серебряного века» русского искусства, в изысканную метафоричность властно вторгаются космизм Велемира Хлебникова и хаотичные ритмы дадаизма. Общим остаются универсальные качества искусства Гаммера: профессионализм в работе с материалом, графическая культура, опосредованная, а нередко зашифрованная ассоциативность образных структур, развитая фантазия, густо настоящая не столько на букве иудаизма, сколько на мистике каббалы.

Эклектичность такого рода сегодня воспринимается как один из формообразующих признаков эстетики постмодернизма. В случае Гаммера следует говорить не об эклектике, а скорее о средостенье разнородных импульсов и впечатлений — как жизненно укорененных, так и собственно художественных, органическом синтезе всего, что может и что становится жизнестроительным материалом его искусства.

Традиция прорастает в современность, в дне сегодняшнем живится память о миновавшем, а провидческий дар художника отверзает день — или ночь — час грядущий, и все это перекрывается единой и неразъемной личностью автора, духовная структура которой и определяет эстетический код его искусства — вербального и визуального.

И еще ироничность — скрытая или явная, лукавство — добродушное или саркастическое, игровое начало творчества, в котором «понарошку» неотделимо от «взаправду». Подозреваю автора в склонности к мистификациям, но рискую при этом сам оказаться их жертвой...

P.S. В энциклопедии современных израильских художников его художественный стиль так и назван «гаммеризм». См. «Лексикон», Тель-Авив, изд-во «Акад», 1994 (на иврите).

Газета «Джерузалем пост», 1988
Меир Роннен

Поэт, автор и радиоведущий Ефим Гаммер (родился в России, в 1945 г.), вырос в Латвии и работал журналистом в Сибири до приезда в Израиль в 1978 году. В его рисунках пером сочетаются сатирический и фантастический реализм, сатира и поэзия, плотность деталей в фантазмогории композиций. Некоторые решения Гаммера очень эффективны.

Еженедельник «Еврейский камертон», 25 апреля 2002 года.
Израиль
Владимир Ханан

«Когда говорят пушки, музы молчат» — кто не знает это крылатое выражение. «Прекрасные слова, — сказал бы один из мудрых героев Фазиля Искандера, — но не для наших условий». И впрямь: если бы израильские Музы молчали всякий раз, когда говорят пушки, они молчали бы слишком часто, если бы вообще начали говорить. Поэтому израильские Музы не молчат — они говорят, и их голоса иногда перекрывают громкие, агрессивные голоса пушек.

27 апреля в 12 часов дня в иерусалимском Доме художников открылась персональная выставка Ефима Гаммера — человека, которого не нужно представлять израильской публике. Я сознательно не написал «художника Ефима Гаммера», ибо «хозяин» этой выставки является также известным — и весьма плодовитым — литератором и журналистом, знакомым русскоязычным читателям как своими книгами, так и многочисленными газетными публикациями.

Но сейчас — о художнике Гаммере.

На последней выставке международного центра искусств «Артс-Интер», проходившей в южнофранцузском, воспетом Ван-Гогом, городе Арле, работы Ефима Гаммера были удостоены высшей награды — «Премьер-приза». Следует заметить, что это не единственная высшая международная награда нашего земляка. В феврале 2002 года золотой медали были удостоены рисунки Ефима Гаммера, названные им «Песнями жизни». Название, — добавим мы, — символизирующее оптимизм и жизненную стойкость как самого художника, так и нашего народа.

Опубликовано в информационно-аналитическом издании Еврейской Конфедерации Украины «Еврейский обозреватель»

«ХЕТ-ТРИК» ЕФИМА ГАММЕРА

Французский международный центр искусств «Артс-Интер», возглавляемый академиком Французской и Итальянской академий литературы и искусства мадам Фу-жиро, открыл осенне-зимний сезон выставкой в городе Вердене. В ее экспозиции

свыше 360 картин и скульптур из разных стран Франции и США, Италии и Испании, Бельгии и Финляндии, Швейцарии и Португалии.

На выставке в Вердене графические работы Гаммера из цикла «Гаммеризм — песни жизни», выполненные пером и тушью, удостоены медали наивысшей пробы и «Премьер-приза» в номинациях «Графика» и «Рисунок». Накануне Нового года Ефим Гаммер получил свои награды из Франции.

Тем самым, применительно к ситуации, можно утверждать, что в 2006-й он вступил, установив своеобразный «хет-трик». Художник Гаммер занял первое место на международном конкурсе во Франции. Писатель Гаммер 21 октября 2005 года был удостоен в Москве литературной премии России «Золотое перо Руси» в номинации «проза».

А 29 ноября прошлого года писатель и художник Ефим Гаммер вспомнил еще о том, что он старейший в мире действующий боксер и тринадцатый (!) раз подряд стал чемпионом открытого первенства Иерусалима. И это в год своего 60-летия!

Марк Бенарон, г. Иерусалим, Израиль

Валентин Огнев

(г. Щекино)

КНЯЗЬ И КРЕСТЬЯНКА

Повествование о князе А. П. Голицыне и его жене
Елене Ивановне

Родился в 1956 году д. Вишневая Становлянского района Липецкой области. По образованию юрист, полковник милиции в запасе. Награжден правительственными и ведомственными медалями. Женат, имеет двоих детей, внучку. Находясь на пенсии, занимается изучением истории населенных пунктов Становлянского района Липецкой области и Ефремовского района Тульской области. Проводит генеалогические исследования своего рода. Автор 12 публикаций по краеведческой тематике в СМИ Тульской и Липецкой областях. Участник IV Областной генеалогической выставки «Тульские родословия. История и современность» по теме «Родословная Огневых».

Автор четырех книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское» (2010 г.), «Край родной дикого поля» (2011 г.), «Край родной. Великая Отечественная война» (2015 г.), «Край родной. От смутного времени» (2016 г.).

Один из авторов проекта «Синодики Тульской губернии». В сборниках № 2 — 2014 года, №№ 3, 4 — 2015 года «Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской Духовной семинарии» опубликованы работы В. М. Огнева на православную тематику.

Участник Международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященного 70-летию Великой Победы и 50-летию учреждения почетного звания «город-герой». В книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», вышедшей в 2015 году, напечатана работа В. М. Огнева «Увековечим память». В 2016 году вышла из печати книга «Край родной. От Смутного времени...».

Голицыны — один из древнейших и многочисленных княжеских родов в России, ведущий свою родословную от сына великого князя Литовского Гедимина, Наримунда, который княжил в Новгороде XV века и при крещении получил имя Глеб. Род князей Голицыных внесен в V часть родословной книги Санкт-Петербургской, Московской, Тверской, Курской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Черниговской губерний Российской империи. Свое повествование хочется посвятить князю Голицыну Александру Петровичу, последнему помещику села Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии (ныне Липецкая область Становлянский район). Князь Александр Петрович, как и все Голицыны, вошел в историю как государственный и общественный деятель. Но отдельный интерес вызывает его женитьба на крестьянке, так и другие отдельные факты из его жизни. В последние годы все публикации о князе пишутся на основе «воспоминаний старожилов». Но очевидцев жизни князя уже давно нет в живых, а их воспоминания «старожилами» рассказываются на свой лад, что-то упуская, что-то рассказывая по своему восприятию. Многие воспоминания не подтверждаются, а встречается просто вымы-

сел. Поэтому данное повествование основывается на архивных документах, а воспоминания — это отдельный рассказ. Всю родословную князя описывать не будем, а свое описание начнем от его деда Петра Алексеевича Голицына.

Дед князя — герой войны 1812 года, гвардейский ротмистр князь Петр Алексеевич Голицын (1792—†1842), владелец обширного имения и усадьбы Столбово в Гжатском уезде Смоленской губернии. Петр Алексеевич был женат на красавице-полячке Елизавете Антоновне Злотницкой. Голицын с женой лето проводили в своей усадьбе, а на зиму выезжали за границу или в Петербург. В 1837 г. они с детьми (трое сыновей и две дочери) переехали на постоянное жительство за границу, продав свое имение Столбово брату жены Злотницкому. Под Парижем князь купил парк, землю Фретольи, а в Париже отель на улице Барбе. Под влиянием жены он принял католичество, католиками стали и их дети. В связи с долгами, затратами на сыновей и дочерей Голицыны продали дом и землю Фретольи. 16 октября 1842 года князь Петр Алексеевич умер.

После смерти отца сын Антон приехал в Россию, выкупил имение Столбово, записал его на свое имя и вступил во владение им. Здесь и начались ссоры между родственниками. Его брат Августин, зятья и сестры подали на высочайшее имя жалобу о том, что имение должно принадлежать всему семейству. Рассмотрение жалобы прошло в нескольких инстанциях. Имение было разделено между наследниками — вдовой и детьми. Получил свою долю и один из сыновей князь Петр Петрович — сельцо Самково с деревнями, 2 дворовых и 77 душ мужского пола. После раздела имения враждующие стороны продолжали жить в основном за границей, уже не общаясь между собой.

Отставной поручик кабардинского полка князь Петр Петрович Голицын родился 25 июня 1827 года в селе Столбово в Гжатском уезде Смоленской губернии. 30 апреля 1850 года князь в Санкт-Петербурге зарегистрировал брак с Юлией Александровной Чертковой, рожденной 12 января 1827 года. Юлия Александровна являлась дочерью помещика штабс-капитана Александра Дмитриевича Черткова, владельца имения в селе Ламское с деревней Товарковой Ефремовского уезда Тульской губернии. В 1851 году по дарственной записи Александр Дмитриевич Чертков передает свое имение дочери, которая уже является поручицей и княгиней, женой поручика князя Петра Петровича Голицына. Сведений о том, что семья Голицыных после свадьбы или же после получения имения переехала проживать в имение села Ламское, нет. Все обстоятельства указывают на то, что в селе Ламское они длительное время не проживали или приезжали на очень короткий срок. Это подтверждается следующими обстоятельствами. 16 июня 1852 года у Голицыных родился первый сын Александр Петрович. В современных родословных, в формулярных списках о службе и других документах его место рождения не указано. И только в книжном издании 1892 года Голицына Николая Николаевича «Род князей Голицыных. Материалы родословные» указано место рождения Александра Петровича — «род. 16 июня 1852 года, в Сокольниках, под Москвою». В Сокольниках Дмитриевского уезда Московской губернии находилось имение Голицыной (Апраксиной) Натальи Степановны (1794—†1890). Указом Правительствующего Сената от 7 февраля 1853 года за № 2996 Александр Петрович внесен в родословную книгу дворян Смоленской губернии.

Также и дочь, и второй сын Петра Петровича не были уроженцами села Ламское. Дочь Софья Петровна Голицына (Муромцева) родилась 26 марта 1855 в г. Москве, а Дмитрий Петрович Голицын родился 6 декабря 1860 года в Висбадене, Германия. В 1912 году Дмитрию Петровичу, вместе с нисходящим потомством, было разрешено именоваться князем Голицыным-Муравлиным. Жена Петра Петровича Юлия Александровна умерла в 1864 году в Париже и похоронена на кладбище Montmartre. Вто-

рая жена, Наталья Александровна Казакова (брак зарегистрирован 21 июля 1871 года в г. Москве), умерла в 1975 году в Москве, похоронена на кладбище Алексеевского монастыря. Все эти факты говорят о том, что Петр Петрович Голицын с семьей постоянно не проживали в имении села Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии. В родословной книге также не говорится о вероисповедании Петра Петровича. В книге на других лиц указывалось другое вероисповедание, отличное от православного.

Старший сын Петра Петровича Голицына Александр Петрович в 1872 году окончил Императорский Александровский лицей и 16 декабря 1872 года с Высочайшего соизволения определен на службу в Государственную Канцелярию с чином коллежского секретаря и зачислен сверхштатным чиновником с жалованием 200 рублей в год. За выслугу лет с 16 декабря 1875 года Александр Петрович повышен в чине — в титулярные советники со старшинством. Данное повышение произведено на основании определения Департамента Герольдии Правительствующего Сената.

Князь Александр Петрович служил в Государственной Канцелярии до 30 июня 1881 года. На основании приказа № 18, исправлявшего должность Государственного секретаря, по прошению князя, он уволен со службы по болезни. При выходе в отставку определением Департамента Герольдии Правительствующего Сената 18 августа 1881 года Александр Петрович повышен в чине, произведен в Коллежские асессоры. Послужной список указывается в аттестате, выданном князю при выходе в отставку на основании формулярного списка о его службе. Во время службы князю предоставлялись отпуска, которые он проводил за границей. Но Александр Петрович посещал и имение в селе Ламское Ефремовского уезда. Известно, что он был воспитанником при крещении сына священника Казанской церкви с. Ламское Ефремовского уезда Павла Геролева. Крещение происходило в Казанской церкви с. Ламское 6 июня 1879 года.

В аттестате князя также указывается, что он «вероисповедания православного, происходит из князей Российской империи. Имение за ним значится родовое в Тульской губернии Ефремовского уезда с. Ламское, при коем состоит за наделом крестьян 2100 десятин земли и каменный дом в Москве». Здесь мы видим, что Александр Петрович православного вероисповедания. Когда было вновь принято семьей князя православное вероисповедание, на настоящий момент не установлено, документы о данном факте не выявлены. Землей князь Александр Петрович владел совместно с сестрой и братом.

Исходя из вышеуказанных сведений, после ухода в отставку начинается государственная и общественная деятельность князя в Ефремовском уезде Тульской губернии, происходят изменения в его личной жизни.

Александр Петрович Голицын, проживая в Ефремовском уезде, село Ламское, Ефремовским уездным земским собранием 30 сентября 1884 года избирается, а Указом Сената 30 ноября 1884 года № 4624 утверждается в должности почетного мирового судьи Ефремовского округа. Почетный мировой судья не имел камеры, не принимал, в виде общего правила, участия в судебном разбирательстве в суде первой инстанции, и служебные обязанности его начинались лишь с момента пребывания в избравшем его округе, т. е. он не обязан был постоянно проживать в округе. В судебном разбирательстве почетный мировой судья участвовал в тех случаях, когда стороны сами обращались к его посредничеству. Они были прикреплены к мировому округу, совпадавшему с уездом. Почетный судья имел право занимать всякую должность по государственной и общественной службе, за исключением должностей прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции, а также должности волостного старшины и обязанности церковнослужителя. Почетный мировой судья не получал за свой труд вознаграждения.

Имея имение в Тульской губернии, проживая в нем, Александр Петрович числился в Смоленской Дворянской родословной книге. Дворяне, владевшие в губернии недвижимым имуществом, подлежали записи в родословные книги этой губернии, которые осуществлялись лишь по ходатайствам этих дворян. Каждый дворянин, в особенности не служащий, должен был записываться в родословную книгу той губернии, где он имел постоянное место жительства. Поэтому князь Александр Петрович 31 августа 1885 года в Тульское Дворянское Депутатское собрание обращается с прошением о внесении его «в Тульскую Дворянскую родословную книгу под именной указ». В своем прошении он указывает, что владеет недвижимым имуществом, общее с братом, в количестве 1972 десятин земли в Ефремовском уезде при селе Ламское и имеет постоянное местожительство при этом селе. Коллежского асессора князя Александра Петровича Голицына вносят в Тульскую Дворянскую родословную книгу в пятую часть.

По окончании срока службы в должности почетного мирового судьи Ефремовского округа, 8 октября 1887 года Александр Петрович был избран на второе трехлетие Ефремовским уездным земским собранием на ту же должность. Указом Сената № 59 в этой должности он утвержден 22 января 1888 года. Но 17 марта 1888 года князь назначается на должность исполняющего делами мирового судьи 3-го участка Ефремовского округа, а 1 сентября 1890 года распоряжением господина Министра Внутренних дел утвержден начальником 3-го участка Ефремовского уезда.

Среди дворянства Ефремовского уезда князь Александр Петрович Голицын пользуется авторитетом, несмотря на бракосочетание с крестьянкой. О данной истории будет описано ниже. На чрезвычайном Ефремовском уездном Дворянском собрании 19 сентября 1892 года князь Голицын Александр Петрович избирается на должность Ефремовского уездного предводителя дворянства, а в этой должности утверждается 9 октября 1892 года. В этой должности он переизбирался и состоял до декабря 1902 года. За государственную службу и общественно-полезную деятельность князь Александр Петрович 30 августа 1893 года награжден Орденом Св. Станислава 2-й степени. Также 14 мая 1896 года ему пожалован Орден Св. Анны 2-й степени.

В формулярном списке о службе Голицына Александра Петровича указывается, что он в 1896 году избирался почетным мировым судьей Ефремовским уездным земским собранием, а Указом Правительственного Сената № 12199 от 19.09.1896 года утвержден в должности.

Князь Голицын Александр Петрович имел непосредственное отношение к коронации Николая II. Коронация состоялась в мае 1896 года. На Чрезвычайном Тульском Губернском Дворянском собрании князь Александр Петрович Голицын был избран ассистентом при Тульском Губернском Предводителе дворянства для поздравления и поднесения хлеба соли их императорскому Величеству по случаю Священного Коронования. На основании этого решения князь принимал участие в Священной коронации Николая II. В память Священного Коронования он награжден Большой серебряной медалью и серебряной медалью на Андреевской ленте.

В России первая перепись населения проходила в 1897 году. Лица обоего пола безвозмездно выполнявшие работы при проведении первой всеобщей переписи населения в 1897 году награждались медалями «За труды по первой всеобщей переписи населения». Данной медалью был награжден и Александр Петрович Голицын.

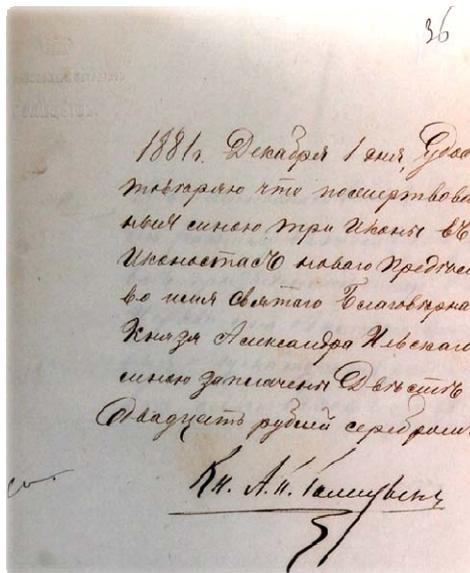
В 90-х годах 19 века и в начале 20 века князь Голицын Александр Петрович имел повышения в чине. Указом Правительствующего Сената от 2 декабря 1893 года за № 147 произведен за выслугу лет, как бывший мировой судья, в Надворные советники со старшинством, а Указом от 25 февраля 1895 года — в Коллежские советники со

старшинством. Старшим советником князь становится на основании Высочайшего приказа № 33 от 26 апреля 1897 года. 16 декабря 1902 года князя Александра Петровича Голицына назначают вице-губернатором Калужской губернии. В данной должности он состоял до 17 декабря 1905 года. И в 1905 году он произведен в действительные статские советники.

Александр Петрович осуществлял благотворительные пожертвования для Казанской церкви села Ламское. В 1881 году он выделял 1000 рублей на строительство придела, а по окончании строительства подарил три иконы для иконостаса. В 1890 году князь строит сторожку для церкви, которая использовалась для школы грамоты. С двух сторон церкви отсутствовала ограда и в 1891 году Александр Петрович строит каменную ограду. Церковным старостой Казанской церкви Александра Петровича избрали в 1890 году. Обязанности старосты он исполнял по 1894 год.

Голицын Константин Александрович обучался в Калужской гимназии, в Александровском Красносельском лицее. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся, служил в 18-м гусарском полку. Участник Первой Мировой войны. С 1918 года воевал в Добровольческой армии. Летом 1920 года попал в плен под Одессой, отправлен в Киев и заключен в тюрьму. Вскоре освобожден и отправлен на польский фронт в составе дивизии Красной Армии. После демобилизации вернулся в Киев, работал юрисконсультом киевского филиала «Главпроекта». 15 декабря 1930 года Константина арестовали в Киеве как «участника контрреволюционной монархической организации», 20 апреля 1931 мая приговорили к ВМН и 9 мая расстреляли. Князь Константин Александрович Голицын является, по мнению исследователей, наиболее вероятным историческим прототипом героя романа «Поручик Голицын». Поручик Константин Голицын служил вместе с корнетом Оболенским, ведал вопросами вооружения и боепитания. И вот слова из песни — «Раздайте патроны, поручик Голицын, Корнет Оболенский, налейте вина!»

А теперь — несколько слов о семейной жизни князя Голицына Александра Петровича, она связана с редким случаем в жизни дворян. После окончания службы в Государственной Канцелярии Александр Голицын приезжает в свое имение села Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии. В имении он знакомится со своей будущей женой крестьянкой Еленой Ивановной. В современных родословных Елена Ивановна записана как Кирюхина (Кириякина), 1864 года рождения. Ее место рождения в известных документах не указано. Крепостные крестьяне села Ламское в ревизской сказке 1857 года записаны пофамильно, а до данного документа крестьяне пофамильно не указывались, не имели фамилий. Фамилию Кирюхины получили несколько семейств, данная фамилия в селе существует и в настоящее время. Фамилия Кириякины в селе не существовала. Елена Ивановна значитесь Кирюхиной по первому браку. Мужа направили на службу в армию. Находясь в браке, Елена Ивановна стала сожительствовать с князем Александром Петровичем. 15 августа 1883 года у

них в Москве рождается первый ребенок — дочь Софья, а 11 декабря 1884 года второй ребенок — сын Александр. Третий ребенок — дочь Вера родилась в с. Ламское 22 июля 1887 года. Дети считались незаконнорожденными, т. к. родились вне их официального брака.

В 1889 году князь Александр Петрович Голицын и Елена Ивановна регистрируют брак. В метрической книге о бракосочетавшихся Казанской церкви с. Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии за 1889 год значится запись № 11: июля второго числа села Ламского помещик Коллежский Ассессор Князь Александр Петрович Голицын 36 лет, православный, повенчан первым браком с Ефремовскою временной купчихой Еленой Ивановной Першенковой 27 лет, православного, вторым браком по расторжению первого брака законным порядком. Венчание было проведено священником Павлом Геролевым с причтом. Поручителями по жениху были Коллежский Ассессор Аркадий Аркадьевич Коптев и Ефремовский земской врач Бутырского медицинского участка Григорий Васильевич Александровский, а по линии невесты — Кандидат права Московского университета Аркадий Николаевич Широких и дворянин Сергей Павлович Батулин. В приведенном документе не указано место рождения Елены Ивановны, а указывается ее возраст — 27 лет, т. е. 1862 года рождения. Так же Елена Ивановна значится уже под фамилией Першенкова. Возможно, это ее девичья фамилия, но не установлены ее документы о рождении. Уже в современных публикациях искажают и данную фамилию, печатают фамилию как Першинкова. Звание временной купчихи Елена Ивановна, видимо, получила для того, чтобы показать, что князь женится не на простой крестьянке. Но в родословной Голицыных, составленной князем Н. Н. Голицыным и изданной в 1892 году, данные о жене Александра Петровича не указаны. Сделана следующая запись: «с 1888 женат на №№ (2 детей)». Родственники князя были недовольны его браком на крестьянке и, видимо, поэтому сделана такая некорректная запись. О том, что князь женат на Елене Ивановне Першенковой, сделана запись в его формулярном списке о службе за 1893 год. Также в т. 3 (12): Родословец, ч. 5: Материалы (1), составленным сост. В. И. Чернопятовым и изданном в 1909 году, указано, что у князя Александра Петровича Голицына жена с 1889 года Елена Ивановна Першенкова.

После свадьбы Александр Петрович начинает решать вопросы о признании законнорожденными детей Софью, Александра, Веру, рожденными вне брака с Еленой Ивановной и о сопричислении их и жены к роду Князей Голицыных. 22 декабря 1892 года Тульский Окружной суд по гражданским делам рассматривал дело по прошению Коллежского асессора князя Александра Петровича и его жены княгини Елены Ивановны Голицыных об узаконии незаконнорожденных детей их Софьи, Александра и Веры. В своей резолюции суд определил, что «детей Коллежского асессора князя Голицына и жены его княгини Елены Ивановны Голицыной Софью, Александра и Веру, рожденными до их брака, последовавшего 2 июня 1889 года, узаконить к Голицыным со всеми правами законных детей со дня вступления родителей в брак». В резолюции также указано, что Духовной консистории необходимо выдать на детей новые узаконенные свидетельства о рождении по установленной форме.

В 1893 году решился вопрос о сопричислении к Роду Князей Голицыных детей и Елены Ивановны. Первоначально по данному факту 30 октября 1893 года было принято постановление Тульского Дворянского Депутатского собрания, а 10 декабря 1893 года вышел Указ его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената № 6216 об утверждении постановления Тульского Дворянского Депутатского собрания «о сопричислении жены Коллежского асессора Князя А. П. Голицына Елены Ивановой и детей их Софьи, Александра и Веры к роду Голицыных, признанному определением Правительствующего Сената 27 января 1853

года в княжеском достоинстве со внесением в пятую часть дворянской родословной книги». Этим же Указом в дворянскую родословную книгу были внесены сыновья Николай и Петр. В последующие годы после рождения каждого ребенка в семье Голицыных, они вносились в дворянскую родословную книгу.

Всего в семье Голицыных было 10 детей: дочь Софья (1883—†1965), была замужем с 1912 года за Чахотиным Н. С. (1885—†1973); сын Александр (1884—†1921); дочь Вера (1887—†1959), была замужем с 1906 года за Буше Д. Н. (1884—†1929); сын Николай (1889—†1965), был женат с 1911 года на Рычковой М. В. (1890—†1964); сын Петр (1891—†1899); сын Константин (1893—†1931), был женат на Свечиной Л. А. (1897—†1984), после расстрела отца дети взяли фамилию Свечиных; сын Сергей (1894—†1967), первая жена с 1915 года (разведен 1937г.) Гажицкая Е. А. (1896—†1992), вторая жена с 1938 года Барбара Роза Ламберт (1899—†1974); сын Дмитрий (1896—†1938), был женат с 1931 года на Беклемишевой О. В. (1899—†?); сын Петр (1900—†1966), был женат с 1932 года на Челищевой А. В. (1904—†1994); сын Владимир (1903—†1923). Судьба отдельных детей князя Голицына А. П. сложилась следующим образом.

Голицын Александр Александрович в 1921 году арестован в Симферополе и заключен в тюрьму, где и скончался.

Дмитрий Александрович Голицын получил высшее образование. Участник Первой мировой войны, после 1918 года работал прорабом. В 1924 году арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1928 году, благодаря ходатайству юридического отдела Помполита, досрочно освобожден с высылкой в Казахстан на 3 года. Проживал в Балхаше Карагандинской области, работал прорабом геодезического бюро. 19 декабря 1937 года арестован как «участник контрреволюционной террористической организации», 27 декабря приговорен к ВМН и 7 января 1938 года расстрелян. 21 апреля 1989 года реабилитирован.

Княгиня Елена Ивановна умерла 4 января 1909 года и была захоронена 6 января на приходском кладбище. Об этом имеется запись № 1 в общей метрической книге Казанской церкви с. Ламское Ефремовского уезда Тульской губернии за 1909 год. Князь Александр Петрович построил часовню-усыпальницу. Часовня сохранилась до наших времен. В усыпальнице часовни прах княгини отсутствует. Известно, что после революционных событий 1917 года группа крестьян проникли в усыпальницу, вынесла гроб с прахом княгини и около часовни растоптали прах ногами. Но по данному факту документальные подтверждения не установлены.

Здание и усыпальница часовни длительное время использовалась под хозяйственные нужды. В 2009 году часовня была отремонтирована, на ней воздвигнут крест. 1 мая 2010 года рядом с часовней было выбрано место под строительство будущего храма, вместо разрушенного. Часовня стала являться пристройкой вновь воздвигнутой Казанской церкви. Через нее осуществляется главный вход в церковь.

Вторая жена Голицына А. П. с 1911 года Шастова Надежда Николаевна (?—†1933), умерла в Венгрии). Детей у них не было.

Повествование будет не полным, если не расскажем о судьбе усадьбы Голицыных. Недалеко от Казанской церкви с. Ламское стоит одноэтажное строение. Со стороны улицы вход с колоннами. Аналогичные колонны и вход с другой стороны дома. Это дом Голицыных, оставшийся от усадьбы.

Уничтожение усадьбы началось в ходе революционных событий 1917 года. В летний период, а в особенности в осенний произошли погромы недвижимости дворян, помещиков. Не обошли они и усадьбы Голицыных, расположенные в с. Ламское и на хуторе Муравлин Ефремовского уезда Тульской губернии. После событий 1917 года семья Голицыных покинула село Ламское. А 8 октября 1918 года комисариат

земледелия Березовской волости Ефремовского уезда проводит опись объектов недвижимости помещика А. П. Голицына при селе Ламское.

Опись недвижимого имущества заканчивается кратким описанием: «Имение приспособлено было к землепользованию в широком масштабе; постройки причинно расположены на 12 десятинах, стоит на реке «Семенек». Имеется фруктовый сад из 8 десятин. Прудов нет. Колодец имеется, но попорчен. От погрома пострадало незначительно (в смысле разрушения построек)». Описывалась и усадьба на хуторе Муравлин.

Описание по данной усадьбе делается следующее: «Хутор приспособлен для молотбы хлеба, хранения картофеля, а также для обработки поля, далеко отстоящего от Кличину. Постройки расположены на 5 десятинах. Сада нет, имеется два пруда и два небольших березово-дубовых леса. Колодца не имеется. От погрома пострадали постройки незначительно. 11 октября 1918 года».

Недвижимое имущество Голицыных побывало в распоряжении различных организаций и учреждений. Оно постепенно по частям распродалось, расхищалось. Так, в сентябре 1919 года комендант войсковых зданий Ефремовского Уездвоенкома передает по описи недвижимое имущество Голицыных в с. Ламское в Уземотдел. В описи уже указывается большое количество разрушений в зданиях, отсутствие рам на окнах, дверей и т. д. В феврале 1921 года на базе усадьбы в с. Ламское создается агропункт № 7 по производству сельхозпродукции. Агропункту выделяется 24 десятины земли — пашни, сада и огорода, ранее принадлежавших Голицыным, мельница. Руководству агропункта разрешался слом неиспользованных помещений, материалы которых разрешили продавать. Так, в декабре 1921 года осмотрен и был описан для продажи так называемый «Красный двор», осмотрены остатки материала, оставшиеся от разрушенного помещения для коров, и части верхнего конного двора. В марте 1922 года устанавливается цена на листы железа, снятые с помещений усадьбы, по 5 фунтов ржи за лист. Продавались каменные стены «Красного двора». Каждый погонный сажень стены был оценен в 15 фунтов ржи или 45 фунтов картофеля, а мусор оценивался в 6 фунтов ржи или 15 фунтов картофеля.

Вследствие этих действий и последующих усадьбы Голицыных были уничтожены. В настоящее время мы видим, что хутор Муравлин не существует, а от усадьбы Голицыных в с. Ламское осталось одно здание. Оно уже несколько лет пустует, здание разрушается.

Князь Александр Петрович Голицын был последним из дореволюционных владельцев имения в селе Ламское и первым из князей Голицыных, женившийся на крестьянке. О князе Голицыне с Орловщины, также связавшем свою семейную жизнь с крестьянкой, это уже другая история.

На фото: Документ из архива ГУ ГАТО, подтверждающий покупку трех икон.

Валерий Маслов
(г. Тула)

ИВАН БУНИН И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ

* * *

*— И цветы, и шмели, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»*

Эти строки величайший русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Алексеевич Бунин напишет на склоне лет в эмиграции, на французской земле. И навеяны такие строки были у него тоской воспоминаний и ностальгией по русской земле, красотам тульского края, с которым у поэта было связано много самых лучших и теплых воспоминаний.

Тульская земля всегда привлекала к себе творческие личности. Отсюда вышли многие выдающиеся деятели культуры, писатели, художники, композиторы. В наш край приезжали, здесь жили и творили люди, прославившие Россию на весь мир.

Одним из них был классик отечественной литературы Иван Алексеевич Бунин. Он неоднократно бывал в городе Туле, в Ефремове и его окрестностях. Здесь жили его мать и сестра. Особенно полюбилось писателю имение его брата Евгения Алексеевича — Огневка, расположенное в Ефремовском уезде Тульской губернии. Именно здесь он черпал вдохновение, когда писал одно из своих лучших произведений — повесть «Деревня». Да и многие его другие стихи, повести, рассказы и переводы (в их числе рассказ «Антоновские яблоки») Иван Бунин написал под впечатлением от красот здешнего края.

*«И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав».*

Ефремовский край по праву называют «тульской Венецией». Великолепная русская река «Красивая меча», живописные берега, холмы, заливные луга, неповторимые красоты бескрайних просторов среднерусской возвышенности — все это не могло оставить равнодушным такого впечатлительного человека, как Иван Бунин. Недаром в письме к своему другу А. М. Федорову 1 августа 1900 года он сообщает: «Много пишу, читаю, словом, живу порядочной жизнью, а это... кажется, только и можно делать, что в Огневке».

Именно здесь поэт написал такие вдохновенные лирические стихотворения, как

«Все лес и лес. А день темнеет», «Дымится поле, рассвет белеет», «Как светла, как нарядна весна» и многие другие.

А вот его строки письма из Ефремова, адресованного Ю. А. Бунину (28 мая 1901 года): «Я как в тумане от работы и сиденья, хотя благодаря жаре... и пыли дело плохо идет, и потому пишу тебе мертво. Положение дел таково: мать все время в Ефремове... Тружусь упорно...»

В это время здесь у него рождаются стихотворения, продолжающие классические традиции русской поэтической лирики. В стихотворном сборнике «Листопад» (1901 год) А. И. Бунин показал не только красоты родной природы, но и оскудение дворянских усадеб, гибельное забвение нравственных основ жизни. Ностальгическая поэтичность — так можно охарактеризовать лирику и художественный строй произведений этой книги.

Поэзия Бунина в тульский период его жизни отличалась преданностью классической традиции, и эта черта в дальнейшем пронижет все поэтическое творчество классика русской литературы. Конечно, литература, принесшая ему известность, сложилась под влиянием Пушкина, Фета, Тютчева. Но она обладает только ему присущими качествами. Иван Бунин тяготеет к чувственно-конкретному образу. Картина природы в бунинской поэзии складывается из запахов, остро воспринимаемых красок и звуков. Особую роль в его поэзии играет эпитет, используемый Буниным как бы подчеркнуто субъективно, произвольно, но одновременно наделенный убедительностью чувственного опыта.

Как настоящий писатель, как поэт с острым восприятием жизни, как человек, который наблюдает и замечает все вокруг, он добавляет в том же письме брату: «В Ефремове — страшная нищета». Поэтому многое из увиденного и пережитого писателем в Огневке, Ефремове и описанного им в его «Деревне», других прозаических и стихотворных произведениях, изображено так поразительно правдиво и интересно. Как пишет исследователь писателя А. Бабореко, автор интересной книги о Бунине, прототипом Горизонтова из рассказа «Чаша жизни» (1913 год) «отчасти послужил, по устному свидетельству писателя С. И. Малашкина, преподаватель духовного училища в гор. Ефремове. Подобно герою рассказа, он обычно ходил с парусиновым зонтом и в калошах, купался летом и зимой в Красивой Мечи и продал свой скелет для анатомических целей».

Характерно, что поэт и писатель, уроженец деревни Хомяково Ефремовского уезда Сергей Иванович Малашкин, который неоднократно встречался с Буниным в Ефремове, оставил много воспоминаний об Иване Алексеевиче. И это еще раз свидетельствует о том, что Бунин и Тульский край неразрывно связаны.

Картины окрестностей Ефремова, природа и красоты родного края воссозданы им во многих стихотворных и прозаических произведениях. Бунин считал, что именно в Средней России, к которой относились Тульская губерния и Ефремовский уезд, зародился и постоянно обогащался прекрасный русский язык. Это особенно зримо отразилось в его литературном труде «Жизнь Арсеньева». Герой этого произведения попадает в Кропотово (у Бунина — Кроптовка), родовое имение отца М. Ю. Лермонтова. «Перед нами был выгон, за выгоном — давно необитаемая мелкопоместная усадьба, которую красил немного только сад, неподвижно поднимавший в бледно-голубом небосклоне, за небольшим домом, свои черные верхушки. Я сидел и, как всегда, попадая в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели это правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец? ...Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств».

Писателю были интересны не только быт, жизнь и нравы обитателей тульского

края. Он изучал и описывал деятельность других творческих личностей, связанных с Тулой и областью. Так, в наброске «К будущей биографии Н. В. Успенского», относящемся к 1890 году, И. Бунин рассказывает о некоторых фактах жизни этого писателя-демократа, уроженца Тульского края. В девятом томе собрания сочинений писателя (Москва, издательство «Художественная литература», 1966 год, стр. 494—501) описывается, что И. Бунин собрал эти сведения в Ефремове и Огневке.

Иван Алексеевич Бунин закончил свой путь на далекой чужбине. Его тело похоронено на русском кладбище в Сен-Женьев де Буа во Франции. Однако он, будучи в Ефремове, неоднократно восхищался красотами этой «тульской Швейцарии» и мечтал быть похороненным именно здесь. Мечта великого русского писателя, к сожалению, не сбылась. Но он оставил тулякам право гордиться, что с его именем теперь навечно связан наш край, что он прославил и нашу тульскую землю.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

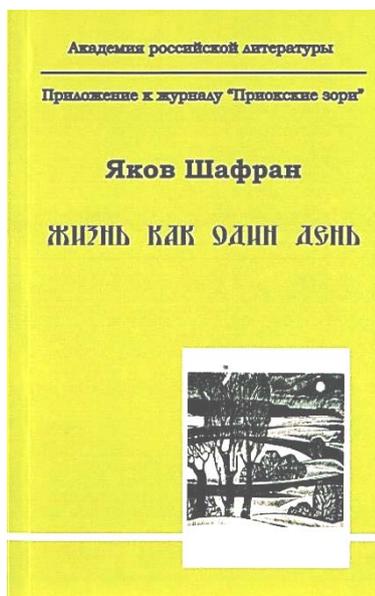
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляры в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2016.— № 1—6.
2. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2016.— № 1—4.
3. *Общеписательская* литературная газета.— 2016.— №№ 1—12. (В сентябрьском номере газеты помещены три материала, связанные с тульскими писателями и журналом «Приокские зори»).
4. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2016.— №№ 3—6. (В журнале опубликованы рассказы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
5. *Лукьянов И. В.* Вечная быль.— Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2016.— 144 с.
6. *Надежда Осьминина*. Вербная Русь: Стихотворения. Поэма.— М.: Изд-во «Образ», 2016.— 145 с. (Серия «Поэзия XXI века»); книга получена редакцией по приоритетной рассылке из-ва «Образ».
7. *Алексей Яшин*. Лето юности минувшей: повесть / Предисл. Т. Б. Пегановой и С. В. Крелиной.— Сарапул (Удмуртия): Изд-во МУП «Сарапульская типография», 2016.— 64 с., ил. (Серия «Память Сарапула: культурный проект»).
8. *Моя Тула*. Песни о городе-герое Туле: сборник мелодий и текстов песен. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016.— 140 с.
9. *Тульская осень*: Музыкально-поэтический альбом. Стихи тульских поэтов. Музыка Сергея Сенина. Фото Алексея Сенина.— Тула: «Полиграфинвест», 2016.— 40 с., илл.
10. *Л. П. Кузнецова, В. А. Кузнецова*. Дорога к храму. Путеводитель по православным храмам Тулы.— Тула, 2016.— 141 с., илл.
11. *Норильский С. Л.* (Щеглов). Во взыскании вечных истин. Литературовед и критик Игорь Золотусский при свете эпохи.— М.: Вече, 2016.— 144 с., ил., в пер. (Главы книги ранее печатались в «Приокских зорях»).
12. *Анатолий Житухин*. Геннадий Зюганов. 2-е изд.— М.: Молодая гвардия, 2014.— 348 с. (ЖЗЛ: Биография продолжается...; биогр.; вып. 26).— (Книга прислана в редакцию «ПЗ» из ГД ФС РФ).
13. *Пантюхин О. В., Сенин С. В.* Не теряйте любимых...: Музыкально-поэтический сб.— Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2016.— 47 с.
14. *Владимир Федоров*. Небесные тетради: Стихи.— М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016.— 2016 с.
15. *Сорокажердьев В. В.* Морские тайны и трагедии Севера. 1939—1945.— Мурманск: Онимах, 2015.— 256 с., ил.
16. *Сапожников В. Г. Сенин С. В.* Настроение: Музыкально-поэтический альбом.— Тула: «Полиграфинвест», 2017.— 80 с., ил.
17. *Заря победы*. Сб. произв. тульских писателей / Предисл. Т. В. Рыбкиной.— Тула: Аквариус, 2016.— 420 с. (Издана при поддержке Мин-ва культуры Тульской обл.).
18. *Подвиг на тульской земле* (автор-составитель В. И. Ксенофонтов; сост. хронографа И. А. Антонова.— Тула: Неография, 2016.— 224 с., ил. (Примечание: видео CD).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яшин А. А.* Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Представлена на Бунинскую премию 2016.
2. *Ковчег*. Литературно-музыкальный альманах ордена Г. Р. Державина литера-

турно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей, песни. Вып. 6.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 325 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Шафран Я. Н.* Человек человеку: Сб. рассказов / Предисл. А. Яшина и И. Карлова.— Тула: Изд-во «Папирус», 2016.— 216 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Яшин А. А.* Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова.— Тула: Аквариус, 2017.— 340 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори») — В печати.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — Приложение к журналу «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Николай Макаров.* Медики земли тульской: Книга первая.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 240 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

2. *Николай Макаров.* Десантники земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 256 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

3. *Николай Макаров.* Моряки земли Тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 144 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

4. *Николай Макаров.* Интернационалисты земли Тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 143 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

5. *Татьяна Шелепина.* Что сердцу дорого: Стихотворения.— Тула: ТППО, 2016.— 200 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

6. *Николай Макаров.* Медики земли тульской: Книга третья.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 250 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

7. *Николай Макаров.* Танкисты земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 153 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

8. *Николай Макаров.* Саперы земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 164 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

9. *Николай Макаров.* Военные связисты земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 135 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

10. *Николай Макаров.* Медики земли тульской. Книга вторая.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 278 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

11. *Николай Макаров.* Трудовая доблесть и слава земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 275 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

12. *Николай Макаров.* Войсковая разведка земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 181 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

13. *Николай Макаров.* Железнодорожники земли тульской.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.— 91 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2016-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2017-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ОПРЕДЕЛИЛО ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ Л. Н. ТОЛСТОГО

Премия ежегодно присуждается с 1999 года. В 2015 году постановлением правительства Тульской области присудили литературную премию имени Л. Н. Толстого:

— в номинации «Проза»: Яшину Алексею Афанасьевичу за роман «Видение на Патмосе» (Алексей Яшин стал дважды лауреатом данной премии);

— в номинации «Поэзия»: Гусакову Алексею Владимировичу за поэтический сборник стихов «Война»;

— в номинации «Литературная критика, публицистика»: Макарову Николаю Алексеевичу за книги «Знаменитые туляки», «Афганцы Тулы», «Суворовцы Тулы», «Артиллеристы — туляки».

*Документ подписан председателем
правительства Тульской области
Юрием Андриановым 11 декабря 2015 года.*

Одновременно поздравляем Алексея Яшина с присуждением ему международной литературной премии им. Симеона Полоцкого (Белоруссия).

ПОДДЕРЖИМ ДОБРОЕ ДЕЛО!

Издательство «Образ» (Москва) выступило с инициативой в литературном и книгоиздательском процессе: печать небольшим презентационным тиражом книг пока еще не очень известных, преимущественно молодых литераторов. Большая часть тиражей рассылается по редакциям литературных журналов и газет с предложением ознакомиться с творчеством представленных авторов, связаться с ними на предмет возможной публикации в журнале или газете.

«Приокские зори» включены в список презентационной рассылки. В наступившем году редакция получила уже книги Алены Алещенковой «Ясенька» и Александра Чаева «Однажды», Надежды Осьминой «Вербная Русь».

Мы непременно свяжемся с авторами названных книг и предложим им публиковаться в «Приокских зорях», а издательству «Образ» выразим благодарность за начатое доброе дело, которое мы всячески поддержим во благо дальнейшего развития литературного процесса в нашей стране.

НОВОСТИ ПРЕМИИ «ЛЕВША»

Наградная символика всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации текущего года в журнале «Приокские зори» расширилась: теперь лауреату вместе с дипломом вручается лауреатская медаль и удостоверение к ней.

16 ЯНВАРЯ 2017 ИСПОЛНИЛОСЬ 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ ВИКЕНТИЯ ВИКЕНТЬЕВИЧА ВЕРЕСАЕВА

Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович) — писатель, переводчик, пушкинист, общественный деятель и врач родился в Туле, в семье врача. Отец его, Викентий Игнатьевич Смидович, был основателем Тульской городской больницы, а также санитарной комиссии. Совместно с коллегами стал создателем Общества тульских врачей. Мать, Елизавета Павловна, организовала первый в Туле детский сад в своем доме. Будучи современником Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького и И. Бунина, В. В. Вересаев более 60 лет своей жизни служил литературе и людям, ради изменения человеческой судьбы, отражая на страницах своих произведений состояние эпохи и человеческих нравов, отличаясь своим, особым подходом к людям. Он вел большую редакторскую работу, внес много нового в литературные жанры, развивал далее науку о творчестве А. С. Пушкина.

Вересаев и как врач приобрел большую известность. Хотя, когда поступил на медицинский факультет Дерптского университета, честно написал в автобиографии: «Моей мечтой было стать писателем; а для этого представлялось необходимым знание биологической стороны человека, его физиологии и патологии». Вскоре после окончания университета Викентий Викентьевич уехал в г. Юзовку, где тогда свирепствовала холера. Сохранился отзыв одного из владельцев местного рудника: «Благодаря стараниям доктора Смидовича эпидемия холеры пошла на спад». С началом Русско-японской войны Вересаев попал в Тамбовский госпиталь, а потом на передовую в качестве доктора. Был награжден орденом Св. Анны и орденом Св. Станислава II степени. В Первую мировую он был врачом дезинфекционного госпиталя в Коломне.

Вересаев и как врач приобрел большую известность. Хотя, когда поступил на медицинский факультет Дерптского университета, честно написал в автобиографии: «Моей мечтой было стать писателем; а для этого представлялось необходимым знание биологической стороны человека, его физиологии и патологии». Вскоре после окончания университета Викентий Викентьевич уехал в г. Юзовку, где тогда свирепствовала холера. Сохранился отзыв одного из владельцев местного рудника: «Благодаря стараниям доктора Смидовича эпидемия холеры пошла на спад». С началом Русско-японской войны Вересаев попал в Тамбовский госпиталь, а потом на передовую в качестве доктора. Был награжден орденом Св. Анны и орденом Св. Станислава II степени. В Первую мировую он был врачом дезинфекционного госпиталя в Коломне.

Известны взаимодействия В. В. Вересаева с А. П. Чеховым — тот советовался с Вересаевым относительно своего здоровья, и с Булгаковым — дважды оказывал автору «Белой гвардии» денежную помощь.

Вересаев считается автором сразу двух литературных жанров — невыдуманных рассказов и романа-хроники. В последнем он опубликовал два больших исследования — «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни», основанных только на воспоминаниях современников. Его считали психологом пушкинского творчества.

«Записки врача», опубликованные в 1901 году и осуждающие эксперименты на людях, вызвали огромный резонанс в обществе. «Врач — если он врач, а не чиновник врачебного дела — должен, прежде всего, бороться за устранение тех условий, которые делают его деятельность бессмысленной и бесплодной, он должен быть общественным деятелем в самом широком смысле слова», писал В. В. Вересаев.

Недаром Сталинскую премию первой степени за многолетние выдающиеся достижения писатель получил в 1943 году во время борьбы с нацистскими античеловеческими экспериментами. Он был награжден Пушкинской премией Академии наук (1919) — за переводы древнегреческой поэзии, орденом Трудового Красного Знамени (1939) и медалью «За оборону Кавказа» (1945). Именем писателя названы: село в Сакском районе Крыма (1948), улица в Туле (1989), улица в Москве на территории района «Можайский» Западного административного округа, улицы в Ростове-на-Дону, в Новосибирске, в Богородицке, в Петровском районе Донецка, в Запорожье, Феодосии и Коктебеле.

ЮБИЛЕЙ ДОМА-МУЗЕЯ ВЕРЕСАЕВА

Дом-музей В. В. Вересаева (заведующая — поэтесса, член Союза российских писателей Виктория Юрьевна Ткач), открывшийся 15 января 1992 года, отметил 25-летие со дня основания. Это единственный в России музей, посвященный жизни и творчеству В. В. Вересаева и единственный в Туле литературный музей. На протяжении многих лет здесь не только изучается жизнь и пропагандируется творчество писателя, но и проводится большая работа над сохранением литературного наследия Тулы и тульского края. Музей является единственной сохранившейся в Туле, принадлежавшей родителям писателя — Викентию Игнатьевичу и Елизавете Павловне Смидовичам, усадьбой городского типа с неповторимой атмосферой дворянского дома и сада в центре города.

При доме-музее также работает литературная гостиная, где проводятся встречи и творческие — литературные и музыкальные — вечера с современными российскими писателями, ведется работа со школьниками и семейной аудиторией, действует областное музейно-литературное объединение «Муза» (руководитель — В. Ю. Ткач). На базе музея разработан и успешно действует ряд инновационных

программ в области музейной педагогики для дошкольников, учащихся средних и старших классов г. Тулы.

В мероприятии, посвященном юбилею музея, приняли участие сотрудники библиотеки им. В. В. Вересаева (Ясногорск, Тульская область) и Библиотеки им. А. Грина (Москва), музея «Спасское», участники подросткового семейного клуба TulaTeens, члены Тульского отделения Союза российских писателей и московского литературного клуба «Стихотворный бегемот» при библиотеке им. Н. Телешева, доцент кафедры физиологии человека с курсом истории медицины Медицинского института Тульского государственного университета Терешкина О. В. и преподаватели Международного факультета ТГПУ им. Л. Н. Толстого.

**28 ЯНВАРЯ 2017 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 80 ЛЕТ
СУБЕТТО АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ**

— известному ученому с мировым именем, мыслителю, президенту Ноосферной общественной академии наук, вице-президенту Петровской академии наук и искусств, вице-президенту Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, академику Российской академии естественных наук, академику Европейской академии естественных наук, академику Международной академии психологических наук, академику Академии философии хозяйства, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, лауреату Премии Правительства Российской Федерации, доктору философских наук, доктору экономических наук, кандидату технических наук, профессору, Гранд-доктору философии (Оксфорд), Полному профессору (Оксфорд), профессору Международного Высшего Ученого Совета, Лауреату премии и серебряной медали Н. Д. Кондратьева, Лауреату премии П. А. Сорокина за выдающийся вклад в развитие социологии, лауреату **всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2013 год в жанре «Публицистика»**, а также отмеченному многими другими общественными наградами.

Профессор *Субетто Александр Иванович* является автором и соавтором более 2100 научных работ, из них более 350 книг, научных монографий, брошюр, профессор *Субетто Александр Иванович* — создатель и лидер многих научных школ и научных направлений.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляет юбиляра!

**ИЗДАНИЯ, РАЗМЕСТИВШИЕ ИНФОРМАЦИЮ О ЛАУРЕАТАХ
«ЛЕВШИ» ЗА 2016 ГОД**

Международный сайт "Западная Русь" (Рубеж Святой Руси в прошлом, настоящем и будущем)

Научный и просветительский проект

<http://zapadrus.su/rusziizn/1562-ob-yavleny-laureaty-vserossijskoj-literaturnoj-premii-im-nikolaya-leskova-levsha-za-2016-god.html>

Сайт Владимира Федорова

<http://vfedorov.yakutia1.ru/>

Сайт Международного сообщества писательских союзов

<http://www.m-s-p-s.ru/site/41>

Сайт журнала "Огни над Бией"

<http://ogni-nad-biyei.netdo.ru/news>

Сайт журнала «Северо-Муйские огни»

http://smogni2008.ru/58/issue_58.html

Решением редколлегии всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» и правления Академии российской литературы, а также по итогам открытого, интернетовского опроса читателей, названы имена лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в «Приокских зорях» за 2016-й год:

— в жанре прозы, включая драматургию: Владимир Федоров (Москва) и Леонид Иванов (Тюмень);

— в жанре поэзии: Анатолий Аврутин (Минск, Белоруссия) и Валерий Савостьянов (Тула);

— в жанре литературной публицистики: Тимур Зульфикаров (Москва).

*Главный редактор,
профессор, член Академии российской литературы
Алексей Яшин*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
ИМ. ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО**
Журнал «Новая Немига литературная» (г. Минск, Белоруссия)
Представительство русских писателей Белоруссии в Санкт-Петербурге

За книги и публикации последних лет, весомый личный вклад в современную словесность литературной премией им. Вениамина Блаженного награждены Яшин Алексей Афанасьевич и Шафран Яков Наумович.

Вениамин Михайлович Блаженный родился в 1921 г. в местечке Копысь Витебской области. Инвалид. Окончил один курс учительского института, в годы войны работал в Горьковской области школьным учителем истории, позднее, вернувшись в Минск, чертежником, переплетчиком, художником-оформителем в инвалидной артели.

Бывал у Б. Пастернака, который и открыл его как поэта в конце сороковых годов, состоял в переписке с ним, со В. Шкловским, А. Тарковским, Ю. Олешей, А. Межировым, Н. Панченко, И. Лиснянской, Т. Бек, другими известными русскими поэтами, высоко ценившими его творчество. Однако, две основных темы творчества поэта — Бог и Смерть, находившиеся тогда под официальным запретом, превращали творчество В. Блаженного в своего рода достояние для избранных, передававших его творения из рук в руки. Публиковаться начал поздно — в 1982 г. В Союз белорусских писателей принят в семидесятилетнем возрасте при разнице голосов десять — «за», десять — «против»... Жил в Минске. Умер в социальном отделении одной из городских клиник в ночь с 30 на 31 июля 1999 г.

Вениамин Блаженный

ЮРОДИВЫЙ

Не обижайте бедного Иванушку,
Ему сама судьба согнула плечи
И сам Господь пролил слезу на ранушку...
(От этого Иванушке не легче.)

И сам Господь глядел в стыдливом трепете,
Как шествует он по миру с клюкою...
А в небе стаяй пролетали лебеди
И окликали странника с тоскою.

И говорили лебеди приветливо,
Купая крылья в милосердной сини:
— Иванушка, смени обличье ветхое,
Ты всех нас и отважней, и красивей...

Вернись в родную стаю лебединую,
Царевич наш, вожатый наш, наш лебедь,—
И пролетим мы вечностью старинною,
Восплачем и возрадуемся в небе...

МНЕ НЕДОСТУПНЫ ВАШИ РЕЧИ

Мне недоступны ваши речи
На людных сборищах столиц.
Я изъяснялся, сумасшедший,
На языке зверей и птиц.

Я изъяснялся диким слогом,
Но лишь на этом языке
Я говорил однажды с Богом —
И припадал к его руке.

Господь в великом безразличье
Простил, что я его назвал
На языке своем по-птичьи,
А позже волком завывал.

И за безгрешное раденье
Души, скиталицы в веках,
Я получил благословенье
И сан святого дурака.

ЖУРНАЛЬНЫЙ МИР

Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов

Дорогие авторы и читатели! Теперь Вы можете найти номера нашего журнала в «Журнальном мире», созданном журналом «Сибирские огни» по ссылке: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/zhurnaly/priokskie-zori>

О НАС ПИШУТ

№ 9 (82) 2016 стр. 11

http://www.m-s-p-s.ru/data/2016/10-2016/09-2016/11_OLG_982.pdf

Опубликована работа Бориса Рябухина «Триединство советского инженера»

О книге Алексея Яшина «Зато мы делаем ракеты: воспоминание о будущем»

№ 9 (82) 2016 стр. 18

http://www.m-s-p-s.ru/data/2016/10-2016/09-2016/18_OLG_982.pdf

Опубликована работа Алексея Яшина «Актуальный разговор редактора с авторами и читателями»

Работа размещена также на сайте газеты:

<http://olg-msps.ru/articles/171>

12 января в 20:15

<https://www.facebook.com/groups/1669434796653420/>

Евгений Скоблов с Ольгой Карагодиной.
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Уважаемые друзья, коллеги! Предлагаем вашему вниманию № 4/2016 литературно-художественного и публицистического журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» (г. Тула), главный редактор — Алексей ЯШИН.

Правление Академии поздравляет коллектив журнала и авторов с новым изданием и желает дальнейших творческих успехов!

Организационный отдел Академии выражает признательность Якову ШАФРАНУ за представленные материалы.

Ежемесячные встречи членов ЛИТО «Вдохновение» с жителями Центрального округа Москвы уже стали традиционными. За двенадцать лет работы литературного салона издано 19 коллективных сборников. Кроме литературно-музыкальных программ проходят презентации книг, обсуждения новых библиотечных поступлений, обзоры прессы.

На этот раз в большом актовом зале КЦСО «Басманный» собрались желающие принять участие в обсуждении материалов журнала «Приокские зори» (№ 3) и альманаха «Ковчег» за 2016 г.

В Центр пришли постоянные посетители, студийцы нескольких московских литературных объединений, работающих при библиотеках им. Некрасова, Тургенева, Достоевского, подмосковного ЛИТО «Русич», гости — литераторы из Смоленска, Туркменистана и Казахстана.

Ведущая, член Союза писателей России, руководитель ЛИТО Людмила Евгеньевна Авдеева довольно подробно познакомила собравшихся с рубриками журнала и альманаха, рассказала о ярком многожанровом творчестве главного редактора «Приокских зорь» А. А. Яшина, напомнив суть его основных романов, ранее обсуждавшихся на заседаниях. Она посоветовала тем, кто заинтересовался опубликованными в номере главами «Глобалиссимо» из романа «Историк и его История» обратиться на сайт журнала и прочитать роман полностью. Собравшимся была представлена повесть Натальи Квасниковой «От сатира и слышу», в которой автор уделила пристальное внимание такой ипостаси творчества А. Яшина, как сатирическая составляющая его книг, в которых всегда остро раскрываются проблемы современности, состояние экономики, культуры, образования.

Во вступительном слове Л. Авдеева так же уделила значительное внимание жизненному и творческому пути главного редактора «Ковчега», прозаика и поэта Я. Н. Шафрана и дала высокую оценку циклу его рассказов «Из жизни города Энска», написанных с иронией, сарказмом, узнаваемыми для литераторов характерами персонажей и знакомыми ситуациями. После чего началось обсуждение изданий.

Первым на сцену вышел общественный деятель из Туркменистана Бегенч Назаров, издатель, пропагандист культур бывших союзных республик, зять известного туркменского композитора О. М. Курбан-Ниязова, памяти которого прошли концерты, приуроченные к 150-летию Московской Консерватории. Он отметил высокий профессиональный уровень большинства авторов «Приокских зорь» и «Ковчега», широкой диапазон тематики, подчеркнув, что особый интерес у него вызвал заменивший в этот раз колонку главного редактора очерк Дмитрия Мережковского «Грядущий хам», написанный более чем век назад, но по-прежнему актуальный, вызывающий массу параллелей, требующий серьезных раздумий. Из прозаических произведений он выделил рассказ Л. Авдеевой «История исчезнувшего государства», отметив «злободневность, остроту, саркастическую интонацию, с какой разоблачаются антинародные абсурдные реформы, коррупция, стяжательство, крах просвещения, равнодушие и предательство власти». «И не важно, — сказал выступающий, — к какому жанру относится это произведение — притча, сказание, рассказ, важно, что оно написано автором, у которого болит душа за сегодняшний день России». При этом он

добавил, что рассматриваемые издания сумели объединить поэтов, прозаиков, публицистов, которых можно по праву назвать яркими, активными, общественными личностями».

Те же мысли об общественной активности авторов прозвучали в выступлениях членов Союза писателей — поэта А. Марковича и прозаика Н. Кругликовой, отметивших, что социальная, патриотическая, гражданская, военная тема близка авторам наряду с лирической, бытовой, что обогащает публикации. Среди поэтических произведений была выделена подборка стихов талантливого поэта Валерия Савостоянова, творчество бийских поэтов, которыми руководит поэт-лирик Д. Шарабарин. Член ЛИТО «Вдохновение» В. Медведев отметил рассказ Е. Гаммера «Две войны — одна винтовка» и отдал предпочтение «Вьетнамским будням» Н. Макарова, автора ранее публиковавшихся очерков «Наши в Африке» об участниках боевых действий в Сомали и Эфиопии. Выступающий подчеркнул, что повествование с конкретными, реальными персонажами и героями всегда воспринимается более остро, чем вымысел. «Подобные публикации могли бы войти в отдельную книгу воспоминаний участников событий в разных горячих точках, такую, как издающаяся уже долгие годы серия «От солдата до генерала» Академии исторических наук, в которой немало воспоминаний ветеранов, прошедших горячие точки во Вьетнаме, Корее, Сирии, Афганистане, Чечне, в том числе жителей района. Неоднократно в этом издании были циклы документальных рассказов члена Российского Союза Афганистана, руководителя студии Л. Авдеевой, ветерана-интернационалиста, члена СП РФ Д. Попова и других. Издание подобного сборника в серии книг «Приокских зорь» было бы, на мой взгляд, — сказал выступавший, — полезно для патриотического воспитания молодых. Казахский поэт Сеид Каиров, заострив внимание на международном, интернациональном характере «Приокских зорь», на наличии авторов из разных городов в «Ковчеге», отметил широкий тематический спектр поэзии в обоих журналах, посоветовал привлекать к публикациям авторов из бывших советских республик и прочитал свои стихи «Россия и Казахстан».

Очень заинтересованно прошло обсуждение статьи «Не вини коня — вини дорогу» главного редактора «Тульской правды» В. Еремина. В унисон с автором материала о закулисной жизни творческих союзов, об изданиях, готовых «за деньги» публиковать «любую бездарность», о многочисленных надуманных «наградах», премиях, о всеядности издателей и редакторов и многом другом наболевшем, сказали свое слово практически все присутствовавшие литераторы, придя к единому мнению, что литература должна быть общегосударственным делом. Член Академии поэзии, смоленский поэт В. М. Леонов отметил, что «неравнодушие к происходящему в стране, в мире всегда отличало творческих людей. И это обсуждение показало, насколько беспокоит пишущих состояние культурной жизни в стране, роль творческих союзов, издательств, качество публикуемых текстов»... Филолог, член СП РФ И. Антонова, поддержав коллег, дала положительную оценку «Детской» страничке альманаха «Ковчег», подчеркнув, что литературе для детей и о детях необходимо уделять больше внимания. Музыковед, преподаватель Г. Назарова обратила внимание на «Музыкальные страницы» «Ковчег», которых, по ее мнению, в литературно-музыкальном издании могло быть больше, так как «талантливых поэтов-песенников, создающих не только добротные, но и талантливые стихи и профессиональную полифоническую музыку, немало, и они бы могли найти достойное место под обложкой «Ковчег».

Как бы в подтверждение ее слов во второй части встречи звучали песни поэтов-бардов. Свое поэтическое творчество представили на суд присутствующих О. Астафьева, Н. Пунина, Л. Авдеева, В. Леонов, И. Антонова, Т. Штатных, Т. Емельянова и др.

Подводя итоги интересной встрече, Л. Е. Авдеева еще раз подчеркнула, что ли-

258

тературно-художественный, публицистический журнал «Приокские зори» держит высокую планку великой русской литературы, и литературно-музыкальный альманах «Ковчег» не отстает от своего литературного родителя, а здоровая критика, морально-нравственные оценки произведений только укрепляют писательские позиции. И, конечно, общим было мнение, что прошедшее обсуждение прибавило каждому изданию новых друзей-читателей.

*Людмила Авдеева,
член Союза писателей России,
Международной федерации журналистов,
руководитель ЛИТО «Вдохновение»*

НАМ ПИШУТ

Алексей Афанасьевич, добрый вечер!

Прежде всего — огромная признательность Вам лично и всей редколлегии журнала за присвоение мне премии «Левша»! Очень тронут, счастлив и благодарю от всей души!

Информацию об этом я буквально вчера поставил на свой сайт. Вот ссылка на него <http://vfedorov.yakutia1.ru/> Материал стоит на главной странице. На сайт МСПС и сайт нашей газеты поставим в понедельник. В ноябрьский номер ОЛГ это тоже пойдет, там же будет напечатан репортаж со съемок «Созвездие Марии» — он тоже стоит на моем сайте — на главной странице, рядом с «Левшой».

Всего Вам самого доброго!

С уважением, Владимир Федоров

Добрый день, Алексей Афанасьевич! Спасибо за информацию. Сообщаю, что 26.10.2016. мы с Людмилой Алтуниной участвовали на встрече с читателями в библиотеке № 3 города Тулы. Встреча прошла на достойном уровне. А двумя неделями ранее в школе № 2 города Донского проходила встреча заместителя председателя регионального общества русской словесности О. М. Сенина с учащимися. На этой встрече я тоже присутствовала и читала стихи на духовную тему. Так что работаем.

Галина Лялина

Добрый вечер, уважаемый Алексей Афанасьевич! Циркуляр получил, сейчас разошлю нашим писателям — потенциальным авторам журнала. Я некоторое время назад делал заказ, теперь его продублировать на новый адрес?

Всего Вам самого доброго и светлого!

Кстати, я в свое время служил в Видяево. Точнее — в Ара-губе, что в нескольких километрах за сопками. Там тогда начинали строить убежища для лодок, чем наша часть и занималась. Мне, правда, не довелось бурить и взрывать: поскольку до армии уже два года проработал в газете, мой опыт использовали по идеологической части. А мой дядя всю взрослую жизнь после Ленинградской мореходки служил в Полярном. В отставку ушел каперангом с должности начальника КЭЧ. Одну главу в романе «Люди добрые» я написал в память о нем и его удивительной судьбе. В войну имел орден Боевого Красного знамени, с другом на торпедном катере из Полярного рванули по девочкам в Мурманск (понравилась одна певица из хора), в Кильдино перехватили, разжаловали, лишили наград, отправили в штрафбат. И потом снова получил три ордена, дослужился до каперанга. Были отчаянные люди!

С наилучшими пожеланиями Леонид Иванов

Здравствуйте, Алексей Афанасьевич!

Позвольте поздравить Вас с наступающим 2017-м годом! Пожелать здоровья, настроения, и чтобы журнал "Приокские зори" продолжал выходить не только в электронном виде, но и на бумажном носителе.

Хочу поделиться радостью: за книгу «Кубинский привет» мне присудили международную премию им. Эрнеста М. Хемингуэя.

Дело в том, что свою вещь «Старик и море» он писал на Кубе.

Было 18 номинантов, но премию вручили только одну, выбрав мою книгу. Посылаю Вам копию диплома лауреата. Было бы хорошо, если бы в первом номере за 2017 г. было опубликовано поздравление в мой адрес. Это еще больше способствовало бы повышению авторитета журнала «Приокские зори». Тем более, что я, как член редколлегии, содействую увеличению этого авторитета своим творчеством.

***Дружески жму руку,
всегда Ваш Игорь Маврович Нехамес***

Добрый вечер, Алексей Афанасьевич!

Поздравляю лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова за лучшие публикации в «Приокских зорях» за 2016-й год. Достойные кандидаты (теперь уже лауреаты). С некоторыми из них знакома лично, хорошо знаю их творчество. Успехов авторам и Вашему журналу! А также хороших авторов!

С уважением, Ольга Борисова

Здравствуйте, глубокоуважаемый Алексей Афанасьевич!

Пишу, чтобы выразить Вам — как главному редактору Всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», а также всей редколлегии журнала и Правлению Академии российской литературы свою искреннюю благодарность по поводу присуждения мне за 2016 год в номинации «Поэзия» высокой награды журнала: Всероссийской литературной премии «Левша» имени Николая Семеновича Лескова.

Думаю, что быть лауреатом этой премии — честь для любого литератора нашей страны и зарубежья, но особенная честь для писателя-туляка — волею судьбы земляка знаменитого тульского оружейника Алексея Сурнина, ставшего для Николая Семеновича Лескова прообразом мастера Левши в его одноименном сказе. Поэтому и мое такое вот особенное — тульское — спасибо за эту высокую честь и тем самым оценку моей сегодняшней работы в поэтическом жанре!

Буду стараться и в дальнейшем соответствовать этому престижному званию лауреата премии «Левша» — и в будущем стремиться к еще большему совершенству и мастерству, издревле отличавших вдохновенный труд моих талантливых земляков.

Желаю процветания любимому журналу «Приокские зори», к появлению и становлению которого я тоже когда-то приложил свои руку и сердце!

Здоровья, вдохновения, творческих успехов и высот — всему глубокоуважаемому Жюри Премии!

С поклоном! Признательный Вам Валерий Савостьянов

Фотографии от Олеси Янгол, г. Юрмала, Латвия

Дорогой Алексей Афанасьевич!

С Новым Годом! Самые теплые и сердечные пожелания успехов во всем Вам и замечательному журналу ПЗ!

Р. Артамонов

Петр Савельев

Спасибо, Алексей Афанасьевич, за информацию. С наступающим Новым годом и Рождеством Вас и весь коллектив редакции «Приокские зори». Счастья, здоровья, любви, благополучия, творческих взлетов и находок. Всего самого наилучшего! С уважением –

Галина Лялина

Поздравляю редакцию «Приокских зорь» с Новым Годом. Желаю в новом году больше подписчиков — хороших и разных.

Юрий Клеванец

Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас с наступающим Новым годом с пожеланием здоровья и

*Пусть Ока не мелеет,
Будет свет в каждом взоре
И все так же алеют
Нам Приокские зори!*

С уважением, Валерий Акимов

С Новым годом, дорогой Алексей Афанасьевич! Здоровья и удачи Вам в жизни и творчестве, и вашему прекрасному детищу — «Приокские зори». И семь футов под килем!

Ваш Сергей Прохоров

Алексей Афанасьевич и Яков Наумович, с наступающим Новым годом поздравляю вас! Бодрости, здоровья, радости и веселого настроения в наступающем году!

*Петухи кричат, петухи...
Новый год зовут, новый год...
Отпоют они нам грехи,
Приглашают новых забот.*

*Есть еще петухи в селе,
Нам их в этом году не есть,
И поют они веселей,
Кукарекают свою весть.*

*Петухи поют, петухи...
Новый год зовут, новый год...
Вот и лезут про них стихи,
Получились такие вот.*

Ваш С. Лебедев

Дорогие коллеги, друзья

Сердечно поздравляю вас с Новым годом, Рождеством Христовым! И желаю вам счастья и благополучия в грядущем Лете! Пусть удача и успех никогда не покидают Вас!

С уважением, Виктор Буланичев

Дорогой Алексей Афанасьевич! С наступающим Новым годом ! Здоровья, вдохновения, благополучия в семье! Пусть все складывается так, как вам мечтается! Надеюсь, наши дружба и сотрудничество будут только крепнуть!

С теплом, Анатолий Аврутин

Дорогой Алексей Афанасьевич!

С наступающим Новым годом и Рождеством! Пусть полуночные куранты известят, что все невзгоды и неприятности остались в прошлом. Пусть сопутствуют Вам добро, удача, любовь, и пусть всегда будут рядом родные люди!

А негативная энергия недругов, завистников и злопыхателей пусть уносится в черную дыру Вселенной, не нанося вреда Вашей чистой ауре!

Ваш Леонид Иванов

Уважаемый Алексей Афанасьевич, поздравляю с Новым годом! Счастья, здоровья, удачи, творческих успехов, исполнения желаний! Приятного праздника! Сердечно — ваш автор

Анна Барсова

С Новым, 2017 годом, друзья!

Друзья, издательство «Образ» сердечно поздравляет всех вас с Новым годом! Прежде всего, я хочу обратиться к тем, кто в уходящем году доверил выход своего первого сборника нашему издательству: спасибо вам за то, что выбрали нас! Мы очень старались не просто выпустить «еще одну» книгу, а... (извините за невольный пафос) ...сотворить маленькое книжное чудо. Каждый раз — новое. Отдельная благодарность тем, кто из года в год сохраняет верность «Образу», по праву считая его своим главным издательством! Мы сделаем все, чтобы не разочаровать вас! С Новым годом, с новыми книгами! Будьте в «Образе»!

***Ваш Эд Побужанский, поэт,
главный редактор издательства «Образ»***

Желаю коллегам и читателям сайта «Вместе с Россией» в будущем году здоровья, удачи, счастья и внимания близких, благополучия в семье и финансовых вопросах, мирного неба над головой. Поменьше расстраиваться и переживать, почаще улыбаться и быть в приподнятом настроении. Дружить друг с другом и стараться не только слушать, но и слышать окружающих, чужие мнения и точки зрения. Учиться понимать друг друга и находить компромиссы. Ибо худой мир лучше доброй ссоры. Верить в себя и свои силы, стараться увидеть в людях их хорошие, положительные стороны. Не терять веры в человечество и веры вообще. Желаю всем, чтобы в будущий Год Огненного Петуха он не «клевал» и не «топтал» и их самих, и их планы, мечты, желания, начинания. С Новым Годом и Рождеством Христовым вас, дорогие друзья!!!

**Председатель Белорусского литературного союза
«Полоцкая ветвь», писатель, литературный критик
и публицист Олег Зайцев**

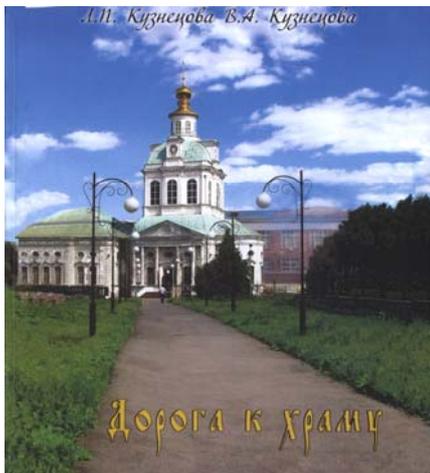
Уважаемый Алексей, доброе новогоднее утро!

Поздравляю Вас с наступившим Новым годом! Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия и неиссякаемого вдохновения! Всех благ земных! Хорошо, сейчас отправляю! Спасибо!

С наилучшими пожеланиями, Нина Гаврикова!

Доброго времени суток, уважаемый Алексей Афанасьевич. С некоторым запозданием — грешен, и тем не менее,— поздравляю Вас и весь коллектив «Приокских зорь» с январскими праздниками: наступившим Новым годом и грядущим Рождеством Христовым! Любви и тепла, вдохновения и удачи, благополучия и процветания! Новых свершений в Новом году! А главное — творческого настроения. Надеюсь на продолжение нашего сотрудничества.

Постоянный автор Федор Ошевнев (Ростов-на-Дону).

«ДОРОГА К ХРАМУ»

В Туле по благословию митрополита Тульского и Ефремовского вышел в свет путеводитель по православным храмам города. Авторы — Л. П. Кузнецова (текст) и В. А. Кузнецова (фотографии). В книге, посвященной 100-летию со дня рождения почетного гражданина г. Тулы протоиерея Ростислава Романовича Лозинского, размещены все действующие, строящиеся православные храмы Тулы, а также существующие здания, в которых ранее находились церкви. Все храмы представлены на цветных фотографиях. Каждому храму посвящена одна фотография и одна страница описания, чтобы читатель видел иллюстрацию и текст.

Вышел в свет № 1 писательской газеты «Тула литературная» К читателям

Вы держите первый номер литературной газеты, учредителем и издателем которой является Тульское региональное отделение Литературного фонда России. Газета редактируется и издается на общественных началах. Главным редактором газеты является член Союза писателей России, заслуженный работник РФ, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени Валерий Маслов, ответственным секретарем — член Союза писателей России, директор Издательства ТулГУ Олег Пантюхин. Важную работу по верстке и оформлению газеты осуществляет заместитель директора Издательства Антон Калинин.

Газета «Тула литературная» является периодическим изданием и будет выходить тиражом до одной тысячи экземпляров. Условия опубликования материалов литераторов в газете даны на последней странице.

Уважаемые литераторы!

Для рассмотрения ваших произведений с целью публикации в газете «Тула литературная» просим присылать их в электронном виде на почту Главного редактора газеты Валерия Маслова: writer_maslov@mail.ru, или приносить в Тульское отделение Литературного фонда России по адресу г. Тула, ул. Болдина, 147-а.

Редколлегия

В номере много рубрик: «К читателям», «Литературные среды», «Хроника литературной жизни», «Стихи и проза», в которой напечатаны произведения членов

редколлегии «Приокских зорь»: О. Пантюхина, В. Сапожникова, Г. Маркина и статья В. Маслова «Оружейная столица России».

Вышел в свет № 2 писательской газеты «Тула литературная»

Читателям, кроме «Хроники литературной жизни» и «Стихов и прозы», будут интересны новые рубрики: «Литературная критика» (интервью прозаика Г. Маркина с поэтом А. Гусаковым) и «Рецензия» (статья В. Пряхина на книгу В. Маслова «Праздник детской жизни» о Тульском театре юного зрителя, который отметил свой 85-летний юбилей).

«МОЯ ТУЛА»

119 песен о любимом городе в нотном сборнике

В рамках масштабного музыкального проекта «Моя Тула», посвященного 870-летию города оружейников, Региональной общественной организацией, «Объединением тульских композиторов» при поддержке администрации города Тулы был издан нотный сборник: Моя Тула. Песни о городе-герое Туле: сборник мелодий и текстов песен. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. 140 с.

В сборник вошло 119 песен о старинном городе мастеров. Среди авторов члены редколлегии журнала «Приокские зори»: Владимир Сапожников («Тульская осень», муз. Изольды Агибаловой) и Яков Шафран («Тула» и «Песня негромкая и соловей», муз. Владимира Пашутина).

29 ноября 2016 года в Концертном зале Детской школы искусств № 4 города Тулы состоялась презентация сборника «Моя Тула».

Член Объединения тульских композиторов Тамара Крючкова и члены организационного комитета музыкального проекта «Моя Тула» Сергей Уткин (справа) и Александр Белоусов (слева).

Учащаяся центра образования № 42 города Тулы Мария Сенина исполняет песню С. Сенина на слова Л. Сениной «Моя Тула».

Анна Ковалева исполняет «Песню тулянок о тульских мастерах» С. Уткина на слова В. Наймана.

Ирина Мацнева исполняет песню Е. Карамушко на слова Т. Медведевой «А по Туле тишина идет». Партию баяна исполняет автор — Евгений Карамушко.

Владимир Смирнов исполняет свою песню «Тула». А Галина Шейбух — «Вальс в парке».

Владимир Папутин исполняет свою песню «Музей Белобородова».

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО АЛЬБОМА «ТУЛЬСКАЯ ОСЕНЬ»

<http://tbclib.ru/event/4816.html>

25 ноября 2016 г.

Мероприятие проводилось Центральной городской библиотекой им. Л. Н. Толстого совместно с РОО «Объединение тульских композиторов» и Центром образования № 42. Прозвучали стихи и песни тульских поэтов В. Сапожникова, О. Пантюхина, Я. Шафрана, О. Нацаренус, В. Алтунина, Л. Сениной. Композитор С. Сенин.

Ощущение тепла и уюта чувствовалось на протяжении всего мероприятия, посвященного выходу в свет нового музыкально-поэтического альбома «Тульская осень» С. В. Сенина. Очень символично, что презентация сборника состоялась именно в день рождения композитора. Все песни этого альбома о нашем родном крае, на-

писаны они на стихи тульских поэтов В. Сапожникова, О. Пантюхина, Я. Шафрана, О. Нацаренус, В. Алтунина, Л. Сениной. Лирическую окраску придают альбому фотографии А. Сенина. Композитора пришли поздравить поэты В. Сапожников, О. Пантюхин, О. Нацаренус. Они говорили о дружбе, сотрудничестве, благодарили за музыку, которая всех объединила, читали свои стихи о природе, осени, любви.

Несколько песен альбома «Тульская осень» посвящены нашему парку. Парк был всегда источником вдохновения для творчества. Песни «Тульская осень», «Осень в парке» и другие прозвучали в исполнении преподавателя вокала областной музыкальной школы им. Г. З. Райхеля О. Яськовой. Удивительно проникновенно звучал голос Е. Хвостова, студента Московского института свободных искусств и наук. Аккомпанировал сам композитор С. Сенин. Ведущая вечера, поэтесса, учитель лицея № 42 Л. Сенина читала свои стихи «Золотая осень», «Осенний пейзаж», «Рябиновый букет». Главными ценителями своего творчества для нее всегда являются ее ученики. Они пришли поддержать своего педагога. Ученица 9 класса лицея № 42 М. Сенина исполнила песню «Осень». Сочетание прекрасной поэзии и красивой музыки создали атмосферу праздника песни. К мероприятию сотрудниками сектора музыкального абонемента была подготовлена библиотечная выставка «Родного края разноцветье».

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ПОЭТЕССЫ ОЛЬГИ АНДРЕЕВНЫ НАЦАРЕНУС

26 ноября 2016 г. в помещении лицея искусств г. Тулы состоялся музыкально-поэтический праздник педагога лицея, поэтессы и литератора Ольги Андреевны Нацаренус. Биография ее проста: школа, Тульский педагогический институт имени Толстого, преподавательская работа в лицее, в которую вкладывает всю душу.

Творческий дуэт поэтессы Ольги Нацаренус и композитора Сергея Сенина порадовал своих коллег новым музыкально-поэтическим альбомом: Нацаренус О. А. Искренне скажу...: Музыкально-поэтический альбом.— Тула, Полиграфинвест, 2016.— 53 с. В альбоме представлены как новые,

так и ранее опубликованные стихи, романсы и песни поэтессы. Автор музыки — Сергей Сенин, член РОО «Объединение тульских композиторов». Им написаны вокальные циклы на стихи тульских поэтов Ю. Щелокова, В. Сапронова, Н. Акулиничева, О. Пантюхина, Л. Сениной, В. Сапожникова, готовится цикл на стихи Я. Шафрана, созданы сочинения для различных музыкальных инструментов, издано 14 нотных сборников.

Сборник «Искренне скажу...» адресован педагогам и учащимся музыкальных учебных заведений, общеобразовательных школ, участникам художественной самодеятельности, а также всем любителям поэзии и музыки.

НОВОСТИ ПОЛОЦКОЙ ВЕТВИ

Уважаемые коллеги-ветвевцы, вместо прекратившей выход из-за отставания по оперативности подачи информации газеты «Слово писателя» у нашего союза стартовал новый, гораздо более функциональный и интересный сайт, а также соцстраница, привязанная к нему:

<https://polotskajavetv.wordpress.com/>

<https://www.facebook.com/polotskajavetv/>

Далеко не все рубрики и разделы сайт заполнены, этот процесс продолжается. Поэтому прошу отнестись к объему имеющейся на нем на данный момент информации с пониманием.

Кроме того, Совет РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь» в целях возрождения литературно-публицистического журнала «Западная Двина» обращается ко всем, кто желает стать волонтером и на общественных началах осуществлять верстку, вычитку-корректуру данного издания, отозваться. Только от нас с вами зависит, когда возобновит и возобновит ли вообще выпуск данный журнал. Хотя бы, для начала, в электронной версии.

*С уважением, Зайцев Олег Николаевич,
председатель Республиканского общественного
объединения «Белорусский литературный союз "Полоцкая ветвь"»*

ЕФИМ ГАММЕР — ХУДОЖНИК

Ефим Гаммер — родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, автор 15 книг, участник ста международных выставок, обладатель восьми гранд-при и 13 золотых и серебряных медалей международных конкурсов художников во Франции, США, Австралии. Среди литературных премий — Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», золотой знак; Москва, 2005 и золотая медаль на постаменте с надписью «Лучшему автору нового тысячелетия», 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков.

Персональные выставки:

2002 — Дом художников Иерусалима.

2001 — Муниципалитет Иерусалима.

1992 — Латвийское общество еврейской культуры, Рига.

1988 — галерея «Нора», Иерусалим.

Ефим Гаммер участвовал в 100 международных выставках по всему миру: в Израиле, России, Франции, Германии, США, Канаде, Японии, Болгарии, Австралии и др.

Избранные групповые выставки:

- 2012—2003 — «Арт-Интер» Гран-при Интернэшнл. Лион — Арль — Верден — Дижон — Виши. Франция.
- 2005 — Международная выставка графики. Шпалтенштайн. Германия.
- 2004 — Международная Биеннале графики «Белые интер-ночи». Санкт-Петербург. Россия.
- 2002 — «Арт-Интер» Гран-при Интернэшнл. Лион. Франция.
- 2001 — «Арт-Интер» Гран-при Интернэшнл. Арль. Франция.
- 2000 — «Арт-Интер» Гран-при Интернэшнл. Арль, Лион, Дижон, Ривьера. Франция.
- 1999 — «Арт-Интер» Гран-при Интернэшнл. Виши. Арль. Франция.
- 1994—1998 — Австралийский международный конкурс-выставка миниатюр. Австралия.
- 1991—1993 — Гран-при Интернэшнл изобразительных искусств. Ницца. Франция
- 1993 — Выставка живописи Австралийского общества миниатюр. Тасмания
- 1992 — Восемнадцатый ежегодный национальный показ миниатюр. Галерея Ла-Луз. Нью-Мехико. США.
- 1992 — «Множество миниатюр». Международная выставка. Австралия.
- 1991 — Международная Биеннале юмора и сатиры в искусстве. Габрово. Болгария.
- 1988—1991 — Ежегодная международная выставка миниатюрного искусства. Торонто. Канада.
- 1990 — Международная выставка графики. Шомон — Париж. Франция.
- 1989 — «Страх других». Международная выставка. Ванкувер. Канада.
- 1989 — Международный фестиваль. Израиль.
- 1989 — Муниципалитет Тель-Авива. Израиль.
- 1988 — «Ведущий Международный конкурс искусств». Галерея № 54. Нью-Йорк. США
- 1988 — Сорок лет искусства Израиля. Токио. Япония.
- 1988 — коллективная выставка в Доме художников Иерусалима. Израиль.
- 1987 — Коллективная выставка в Кнессете (парламент Израйля). Иерусалим.

Ефим Гаммер и Белла Верникова на открытии персональной выставки «Гаммеризм» в муниципалитете Иерусалима.

Ефим Гаммер на открытии своей персональной выставки «Гаммеризм» в Доме художников Иерусалима

Открытие выставки «Гаммеризм» в Доме художников Иерусалима

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

18+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 18 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.03.2017
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес Издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издаётся он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете по-настоящему помочь редакции, — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка, у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cyr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала. Все материалы представляются в редакцию по «бумажной» почте: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А. По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову.

Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С признательностью — редколлегия журнала.

ПРЕМИЯ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА — СЕЗОН 2016-ГО ГОДА

Член редколлегии «Приокских зорь» профессор Владимир Сапожников вручает знаки лауреата премии «Левша» им. Н. С. Лескова главному редактору «Общеписательской литературной газеты» Владимиру Федорову (02.12.2016 г. «Дом Ростовых», ул. Поварская, Москва)

**НАГРАЖДЕНИЕ ПОЧЕТНЫМ ЗНАКОМ ЧЛЕНА РОССИЙСКОГО
СОЮЗА ВЕТЕРАНОВ АФГАНИСТАНА, ЧЛЕНА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА МАКАРОВА**

23 ноября 2016 года на очередном заседании Тульской городской думы глава муниципального образования город Тула Ю. И. Цкипури на основании решения Тульской городской думы от 26.10.2016 за № 30/769 вручил Почетный знак муниципального образования город Тулы «За вклад в развитие города Тулы» члену Российского союза ветеранов Афганистана, члену Союза писателей России Николаю Алексеевичу Макарову (на фото справа)

**ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В
ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2016 ГОД**

Леонид Кириллович Иванов — в жанре прозы. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 4, 2016 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в Тюмени. Член Союза писателей России, главный редактор альманаха «Врата Сибири», председатель Тюменской региональной организации СПР.

Владимир Николаевич Федоров — в жанре драматургии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 2, 2016 «ПЗ» исторической драмы «Созвездие Марии» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в Москве. Член Союза писателей России и Академии российской литературы, главный редактор «Общеписательской литературной газеты».

Тимур Касымович Зульфикаров — в жанре художественной публицистики. Удостоен звания лауреата за публикацию в 2015—2016 гг. в «ПЗ» цикла притч «Апокалипсис XXI века». Живет и работает в Москве. Член Союза писателей России, лауреат многочисленных литературных премий СССР, России, Англии, США (Голливуд), кинофестивалей в Москве, Дели, Дамаске.

Анатолий Юрьевич Аврутин — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 2, 2016 «ПЗ» цикла стихов «Вдали от России» и за активное участие в белорусском и российском литературных процессах. Живет и работает в Минске. Почетный член Союза писателей Белоруссии и Союза русскоязычных писателей Болгарии, главный редактор журнала «Новая Немига литературная» (Минск).

Валерий Николаевич Савостьянов — в жанре поэзии. Удостоен звания лауреата за публикацию в № 3, 2016 «ПЗ» цикла стихов «Personalia» и за активное участие во всероссийском литературном процессе. Живет и работает в Туле. Член Союза писателей России и Международной Гильдии писателей лауреат множества литературных премий и наград.

